

В. С. СЕРГЕЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

ЧАСТЬ

I

Допущено в качестве учебного пособия для исторических факультетов Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР

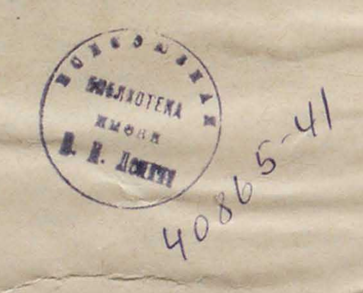

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1938

В работе В. С. Сергеева «Очерки по истории древнего Рима» дается систематическое изложение истории Рима от основания города до падения Римской империи. Большая часть работы написана на основании изучения источников.

Книга является пособием к университетскому курсу.

Справочный материал и карты к обеим частям помещены в конце II части

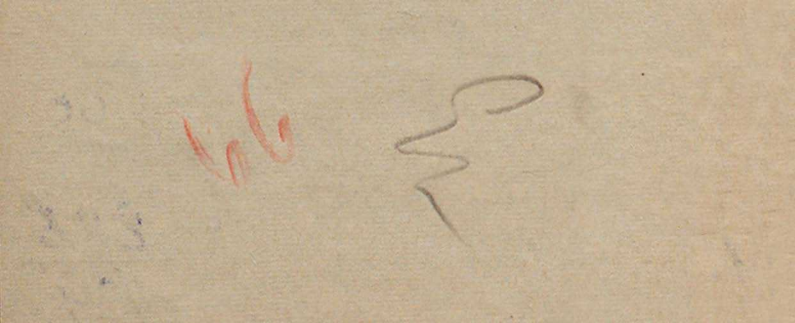
ВВЕДЕНИЕ

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г. 60
24.		ч. 1.						298 / 134.

16/1—100000

Настоящая работа ставит своей целью исследовать причины, приведшие к объединению стран Средиземноморья, а также к образованию и распаду Римской империи. Историко-культурное значение Рима заключается в его посреднической роли между античным и современным миром, в передаче новым народам культурных ценностей и политического опыта, накопленных древним миром. С точки зрения современного момента история Рима имеет первостепенное политическое значение. Знакомство с римской историей выбивает оружие из рук наших врагов, фашистских историков, фальсифицирующих науку. В свете истории представляются совершенно абсурдными мечты Муссолини о возрождении Римской империи и его утверждение о расовой преемственности и исторической миссии италиков. Между Римом Муссолини и действительным Римом античности не имеется никаких точек соприкосновения. Римская империя образовалась в результате своеобразных неповторимых условий античного мира, принципиально отличных от современных. В частности, Римская империя не была созданием одних только италиков, но в значительной степени также и других народов — греков, испанцев, кельтов, народов Африки и Малой Азии, и потому на богатое культурное наследие античности могут претендовать все европейские и внеевропейские народы. Кроме того, следует напомнить, что в последний период античной истории культурно-политические центры находились уже не в западной, а в восточной половине империи, населенной самыми различными народностями, в том числе и славянами, нашими предками. По этой причине о какой-либо расовой преемственности и исключительной одаренности италиков, что так пропагандирует фашистская наука, не может быть, конечно, и речи. Это мы и стараемся показать во всем последующем изложении конкретной истории древнего Рима.

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ИТАЛИИ

История Рима и Италии составляет часть средиземноморской истории. Средиземноморье представляет большой амфитеатр, образуемый прилегающими к Средиземному морю странами, различными в отношении рельефа, почвы, климата, флоры и фауны. Сюда входят африканское плоскогорье, речная

долина Нила, приморская Финикия и Греция, гористая Македония, Испания и целый мир островов, связанных Средиземным морем. Античный мир — средиземноморский мир.

Центральное положение среди этого мира занимала *Италия* с прилегающими к ней мелкими и крупными островами, из которых наибольшее значение имела *Сицилия*. Через Сицилию, составляющую как бы естественное продолжение Апеннинского полуострова, шел путь к северным берегам Африки, где до середины II века находилась морская торговая республика Карфаген, самый серьезный соперник Рима в борьбе за морскую гегемонию. Сицилийский пролив (fretum Siculum), отделяющий Италию от Сицилии, связывал Адриатическое море и Ионическое море с Тирренским, восточную и западную часть Италии. Через Апеннинский полуостров шел путь к северу, к альпийским и заальпийским странам.

Италия имела ту счастливую особенность, что, будучи с трех сторон окружена морями, связывавшими ее со всем тогдашним миром, она соединяла в себе качества континентальной и морской страны. По своему строению восточный берег резко отличается от западного. Восточный берег от Анконы до Брундизия скалист, мало изрезан и пустынен. Полную противоположность представляет западный берег, имеющий изрезанную береговую линию, много удобных бухт и мелких островов. В этом причина раннего и быстрого развития западного побережья и обилия городов, находившихся в постоянной борьбе друг с другом.

Апеннинский хребет не так скалист и дик, как Балканский. Проходя через весь полуостров, он разветвляется на несколько горных цепей, между которыми находятся долины, покрытые густой травой, еще до сих пор служащие прекрасным пастбищем для скота всех пород. По горным склонам возможно разведение винограда, маслин и садовых растений.

В отношении плодородия почва Италии выгодно отличалась от почвы Греции. При сравнительно умеренной затрате труда, естественном или искусственном орошении земля давала богатые урожаи и обильно вознаграждала работу земледельца.

Наибольшим плодородием славилась западная часть полуострова, имеющая вулканическую почву геологически недавнего образования. Вулканическая зола, перемешанная с перегноем, образовавшимся из остатков массивных лесов, некогда густо покрывавших Италию, была очень плодородна и давала большой урожай. Кроме того, обилие лесов всевозможных пород предохраняло древнюю Италию от засухи, которой подвержена современная Италия. Феофраст называет Лаций страной строевого леса.

Основу италийской экономики на протяжении всей истории древнего Рима составляло сельское хозяйство. Даже в периоды наибольшего развития римской торговли и ремесла Италия оставалась аграрной страной, что наложило свой отпечаток на весь уклад италийской жизни, ее историю и характер народа.

По своим географическим и историческим особенностям Италию принято делить на три части: северную, среднюю и южную.

Северная Италия, орошаемая рекой По, в древности Падус (Padus), со многими притоками, заключена между двумя горными массивами — Альпами и Апеннинами. Важнейшие притоки По: слева — Большая и Малая Дурия (Duria maior, Duria minor), Тицин (Ticinus), Олонна (Olonna), Аддуа (Addua), Оллий (Ollius); справа — Танар (Tanarus), Требия (Trebia), Тар (Tarus), Парма (Parma), Рен (Renus).

В состав Северной Италии входили три области:

1. *Лигурия* (Liguria) с городами Таврасией (Taurasia), позднее переименованной в Augusta Taurinorum (ныне Турин), Генуей (Genua), Вадой Сабатией (Vada Sabatia) и Никеей (Nicaea), б. греческой колонией.

2. *Цизальпинская Галлия* (Gallia Cisalpina), распадавшаяся на Галлию Транспаданскую (Gallia Transpadana) и Галлию Циспаданскую (Gallia Cispadana). Из городов Северной Италии, возникших в разное время, наибольшее значение имели: Медиолан (Mediolanium), нынешний Милан, Плацентия (Placentia), Кремона (Cremona), Бонония (Bononia), Верона (Verona) и Равенна (Ravenna).

3. С востока примыкала *Венеция* (Venetia) с городами Аквилеей (Aquileia), Патавием (Patavium) и древнегреческой колонией Атрией (Atria) в устье По.

Средняя Италия — между реками Макрой (Macra) и Рубиконом (Rubico) на севере, Силаром (Silaris) и Фертуром (Fertur), или Френто (Frento), на юге — состоит из шести областей:

1. Этрурия (Etruria), 2. Лаций (Latium), 3. Кампания (Campania) — на Тирренском море (mare Tyrrhenum, или Inferum), 4. Умбрия (Umbria), 5. Пицен (Picenum), 6. Самний (Samnium) — на Адриатическом море.

1. *Города Этрурии*: Арретий (Arretium), Перузия (Perusia), Вольсинии (Volsinii), Вейи (Veii), Пизы (Pisae) и Флоренция (Florentia) на р. Арне (Arnus).

2. *Города Лация*: на левом берегу Тибра Рим (Roma) на семи холмах — Капитолийском (Capitolinus), Палатинском (Palatinus), Авентинском (Aventinus), Целийском (Caelius), Эсквилинском (Esquilinus), Виминальском (Viminalis), Квиринальском (Quirinalis); Остия (Ostia) — порт Рима, Ардея (Ardea), Альба-Лонга (Alba Longa), Анций (Antium), Тибур (Tibur), Таррацина (Tarracina) и др.

3. Города *Кампании:* Киме (Kyme), или Кумы (Cumae), и Неаполь (Neapolis)—древнегреческие колонии; Капуя (Capua), Путеолы (Puteoli) и др.

4. Города *Умбрии:* Аримин (Ariminum), Сена Галльская (Sena Gallica).

5. Города *Пицена:* Аскул (Asculum), Адрия (Hadria) и древнегреческая колония Анкона (Ancona).

6. Города *Самния:* Корфиний (Corfinium), Бовиан (Bovianum), Беневент (Beneventum).

Южная Италия распадается на четыре области: 1. Апулию (Apulia), 2. Калабрию (Calabria) — на востоке, 3. Луканию (Lucania) и 4. Бруттий (Bruttium) — на западе.

Главные города Южной Италии:

1. *В Апулии* — Люцерия (Luceria), Аускул (Ausculum), Арпы (Arpi) и др.

2. *В Калабрии* — Брундизий (Brundisium) и древнегреческая колония Тарент (Tarentum).

3. *В Лукании* — греческие колонии Гераклея (Heraclea), Метапонт (Metapontum), Посидония (Posidonia), она же позднее римская колония Пест (Paestum), и Буксент (Buxentum) — также римская колония.

4. *В Бруттии* — греческие колонии Фурии (Thurii), на месте разрушенного Сибариса, Кротон (Croton) и Регий (Rhegium).

При общем сходстве каждая из областей Италии имела свои индивидуальные отличия, сохранявшиеся в течение всей истории. Это особенно относится к Северной Италии, имеющей умеренный климат, окруженной горами, дольше всего удержавшей свою самостоятельность. Само название *Италия* греческого происхождения и вначале прилагалось только к южной части Апеннинского полуострова и лишь позже распространилось на всю Италию. Италия — страна телят (Viteliu) и страна вина (Oenotria).

2. ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

История Италии составляет часть общей истории Средиземноморья. Связь между западной и восточной частями Средиземноморского бассейна существовала в течение всей истории античного мира. Центрами древнейшей средиземноморской культуры являлись острова Эгейского моря — Крит и Кипр, и южная часть Балканского полуострова — города Микены, Тиринф, Орхомен.

Уже за три или за две тысячи лет до нашей эры установились связи крито-микенских обществ с Сицилией и крайним Западом — Испанией, славившейся своим плодородием и руд-

ными богатствами. Через южноиспанский город *Тартесс* (Тарсис) проходили пути от Средиземного моря к Атлантическому океану. В поисках янтаря и олова средиземноморские народы достигали каботажным плаванием северных морей, берегов Британии, Ирландии, Шотландии, Дании и Швеции.

Апеннинский полуостров и Сицилия, где развернулась римско-италийская история и сложилась римская культура, занимали среднее положение между крайним Западом и «атлантической культурой», с одной стороны, и крайним Востоком и «передневосточной культурой» — с другой.

Расцвет «древнеатлантической культуры» совпадает с двенадцатой династией в Египте, царством Хаммурапи в Вавилонии, вторым городом Трои и относится к несколько более раннему времени, чем второй Кносский дворец на Крите.

Вторым этапом в развитии отношений западной половины Средиземного моря с восточной является IX век, время *финикийского преобладания.* Финикийская колонизация мощной волной разлилась по всему средиземноморскому бассейну. Главные финикийские фактории — Гадес и Ликс — находились на южноиспанском и мавританском берегах и на западном и северо-западном побережье Сицилии — Панорм, Солунт, Мотиэ, Лилибей. Испания давала финикийским колонистам, как прежде крито-микенским, олово, серебро, медь и служила транзитным пунктом по торговле янтарем, слоновой костью и пурпуром. На северном берегу Африки финикийцами были основаны в IX в. города Утика, севернее устья реки Баграды, в плодородной местности, и Карфаген, будущая столица Карфагенской республики. Трудно установить, были ли основаны финикийские колонии на Апеннинском полуострове, но влияние финикийцев на развитие Италии несомненно.

За финикийской последовала *греческая колонизация*, захватившая южные и западные берега Италии и южные и восточные — Сицилии. Первой греческой колонией в Италии был город *Киме* в Кампании; в VIII в. появились Сиракузы, Гела и Акрагант в Сицилии; Локры, Сибарис, Тарент и Кротон — в Южной Италии.

Экономическую основу греческих колоний, как и предшествовавших им финикийских факторий, составляли посредническая торговля и земледелие. Греческие колонии связывали восточную часть Италии с западной, Ионическое море с Тирренским, северные части Италии с южными. Плодородная же почва юга Апеннинского полуострова, богатая пастбищами, давала возможность жителям заниматься земледелием и скотоводством.

Греческое влияние на туземные италийские племена с самого начала было очень сильно. Туземное население южной и средней частей Апеннинского полуострова, соприкасавшееся с греками,

поддавалось их влиянию, усваивало их культуру, обычаи, нравы и религию и в меньшей степени язык.

3. ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ИТАЛИИ

По господствующему в науке мнению, италики не были первоначальными обитателями Апеннинского полуострова. Остатки материальной культуры и сохранившиеся предания говорят о древнейших поселенцах Апеннинского полуострова — *лигурах*, или *пеласгах*, впоследствии вытесненных или растворившихся в италийских народностях. Весьма возможно, что лигурами называли не одно какое-либо определенное племя, а все племена, жившие на Апеннинском полуострове в доиталийский период.

Следы древнейших обитателей находят в самых различных частях современной Италии. На основании этнологических материалов, подкрепляемых данными антропологии и лингвистики, можно установить, конечно, весьма приблизительно, последовательные фазы в истории Апеннинского полуострова и неотделимой от него Сицилии.

Древнейшие памятники материальной культуры Италии относятся к *древнекаменному (палеолитическому)* веку. Сюда относятся остатки первобытного человека, жившего в пещерах, занимавшегося охотой, рыболовством и собиранием плодов и еще не знакомого с керамикой. Палеолитическая культура сменилась *неолитической*. К эпохе неолита относятся овальной формы жилища, появление оружия и орудий из полированного камня, костей и рога, грубой глиняной посуды и начало приручения животных.

С конца третьего тысячелетия появляются металлы, сначала привозные с севера, из-за Альп, а затем местного происхождения из рудников Этрурии, Умбрии, Сардинии и о. Ильвы. В неолитическую эпоху перехода от камня к бронзе появляются земледелие в виде взращивания злаков и приготовление хлеба.

В первой половине второго тысячелетия до нашей эры в северной части Италии, в долине реки По, появляются *свайные постройки* (палафиты), относящиеся к бронзовому веку. Остатки этих свайных построек на воде и суше, воздвигавшихся для защиты от зверей и врагов, на местном диалекте пармских крестьян носят название террамар (от terra mara или marna), означающее черная, удобренная земля. На материале раскопок можно установить, что жители террамар селились в небольших деревнях, укрепляемых валом и рвом. Сравнительно с предшествующим кочевым состоянием обитатели свайных построек сделали уже шаг вперед по пути культурного развития, занимаясь, как показывает археология, наряду с присваивающим хозяйством земледелием, разведением винограда и оливы. За-

мечаются также перемены и в ритуальной области. Зарывание трупов в землю заменяется трупосожжением, прах умерших сохраняется в особых сосудах (оссуариях). Найденные в местах стоянок бронзовые топоры, деревянные плуги, глиняная посуда, предметы из глины, бронзы и железа, гребенки, булавки, бритвы и пр. указывают на существование ремесленной техники и обмена. Из керамических изделий этого времени большой интерес представляют кувшины с лунообразной ручкой (ansa lunata).

За бронзовым веком как его продолжение следует *железный век*, известный в науке под именем эпохи или *культуры Виллановы* [1] (1000—700 гг.) по месту археологических находок в местечке Вилланова (Villanova) в Северной Италии, около города Болоньи. Могильники Виллановы полны бронзовых и железных предметов, указывающих на культурный уровень и значительную диференциацию населения по сравнению с предшествующей стадией террамар. Отличительными признаками культуры Виллановы служат могилы-колодцы, в которых хранились оссуарии, литая и кованая бронза, изделия из железа, геометрический орнамент, керамические изделия и начатки письменности.

В эпоху Виллановы в Италии появляются *города*, сначала укрепленные родовые поселки (oppida — городища), из которых впоследствии развились города в собственном смысле. Древнее предание, отожествляющее виллановов с умбрами, приписывает им основание 300 городов в Этрурии. Плавка железной руды и появление городов, обнесенных стенами и башнями, характеризуют высшую ступень варварства в развитии человеческого общества.

«Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»[2].

Обитателей свайных построек, собственно, и принимают за предков исторических италиков, расселявшихся по Апеннинскому полуострову, в южном направлении от Альп.

За периодом Виллановы идет *этрусский период*, представленный археологическими памятниками, открытыми главным образом в Этрурии, в области Средней Италии. Вопрос об этрусках принадлежит к числу наиболее сложных и спорных вопросов античной истории, антропологии и лингвистики и остается ввиду противоречивости и скудости материала открытым еще и в настоящее время. Этрусская проблема состоит из трех вопросов: 1) о происхождении этрусков, 2) о времени их появления в Италии и 3) об этрусском языке.

---

[1] *Helbig*, Die Italiker in der Poebene; *Модестов*, Введение в римскую историю.

[2] *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 165.

Этруски — народ неизвестного происхождения. В то время как одна группа ученых считает этрусков народом италийского или европейского происхождения, пришельцами из-за Альп (кельтами), другие выводят этрусков из Малой Азии.

В последнее время за италийское, или европейское, происхождение этрусков высказываются многие авторитетные этрускологи, в особенности итальянцы и французы. С некоторыми изменениями теорию италийского происхождения этрусков принимают, например, де Санктис[1], один из видных итальянских историков, Парето, Паис, Белох и другие. Одни считают этрусков прямыми потомками местных италийских племен неолитического периода, растворивших в себе позднейших пришельцев. Другие (де Санктис) сближают этрусков с виллановами, а через них с обитателями свайных построек бронзового века. Из античных историков за туземное происхождение этрусков стоял Дионисий Галикарнасский.

«Тиррены,—пишет Дионисий,—ниоткуда не приходили, но являлись народом местного происхождения, и потому неправильно отожествлять этрусков с пеласгами или лидийцами. Этрусками римляне называли разенов, живущих в Этрурии. Было время, когда латинов, умбров, авзонов и многие другие народности греки называли этрусками»[2].

По мнению других ученых, этруски являются выходцами из Малой Азии, Ликии или Киликии[3]. Перенаселенные берега Малой Азии постоянно выбрасывали колонистов и пиратов, расселявшихся по берегам и островам Средиземного моря. К числу пиратов принадлежали и поселившиеся в северо-западной части Италии — Этрурии — этруски. Этрурия постоянно пополнялась новыми группами малоазиатских колонистов и никогда не порывала связи с метрополией. В подтверждение своих взглядов названная группа ученых приводит свидетельства античных историков и писателей — Геродота, Плиния Старшего, Варрона и др.[4].

Плиний древнейшими обитателями Этрурии считает умбров, которых из Этрурии изгнали пеласги (лигуры), а этих последних оттеснили лидийцы, называвшие себя *тирренами*. Тиррены — греческое название, соответствовавшее латинскому обозначению туски (tusci), или этруски (etrusci), сами же себя этруски называли разена (rasena), что, по мнению некоторых ученых, созвучно с названием альпийской области Реция.

При настоящем состоянии этрускологии этрусская проблема в полном виде не может считаться решенной, но все же больше оснований имеет за собой гипотеза об автохтонности

---

[1] *De Sanctis*, Storia dei Romani, 117.
[2] *Dion. Halic.*, Antiq. Rom., I, 26—31.
[3] *G. Meyer*, Geschichte des Altertums, II, 497.
[4] *Herod.*, I, 94.

этрусков. Вполне правдоподобно, что ядро этрусков составляли древнейшие обитатели Апеннинского полуострова — лигуры, или пеласги, родственные крито-микенцам, или эгейцам[1]. К этому первоначальному ядру присоединились пришельцы из других мест, в том числе из Реции (разены, или туски) и из Малой Азии (лидийцы, или тиррены). Названные народности впоследствии и получили название этрусков.

К сожалению, на основании имеющегося материала трудно, а иногда и совсем невозможно, установить периоды этрусской истории. Именно отсутствием исторической перспективы страдает большая часть очерков и обзоров этрусской истории, сдвигающих в одну плоскость явления, иногда отстающие друг от друга на целые столетия.

Кроме того, большую часть памятников материальной культуры Этрурии составляют памятники искусства, с большим трудом поддающиеся точной датировке. О каждом памятнике имеются десятки различных гипотез. По этой причине социальную историю Этрурии при современном уровне этрускологии можно представить только лишь в основных контурах.

История застает этрусков уже на относительно высокой стадии развития, связанной с появлением городов в Северной и Средней Италии. В период своего расцвета Этрурия состояла из ряда городских территорий. В то время как города Виллановы представляли собою не что иное как родовые поселки (городища), обнесенные рвом и валом, этрусские города, в особенности более позднего времени, расположенные на возвышенных, укрепленных природой местах, скалах, утесах и каменистых плато, приближаются к типу городов классической античности. Природа Этрурии, изобилующая породами каменного туфа, предрасполагала к каменным постройкам, крепостям, стенам с башнями (turris), замкам и пр. и способствовала развитию городского строя.

На связь этрусских городов с родовым строем указывают названия многих городов Этрурии, происходящие от имени влиятельных родов (эпонимов). Так, например, город Тарквинии (Tarquinii) ведет свое происхождение от рода Тарквиниев, по-этрусски Тархна (Tarchna), Мантуя сближается с именем Mantual, Рим с Ромулом (Romulus) и т. д. Наглядное представление о типе этрусского города позднего времени (V—IV вв.) дают развалины этрусского города в местечке *Марцаботто* (Marzabotto), в болонских Апеннинах. Для этрусской истории Марцаботто имеет такое значение, как Помпеи для римской: Марцаботто — этрусские Помпеи.

---

[1] *Б. Л. Богаевский*, Этруски в работах Н. Я. Марра. В этой работе Б. Л. Богаевский подробно освещает вопрос о происхождении этрусков.

Основание города сопровождалось религиозными церемониями, которые потом были заимствованы римлянами. В центре города отводилось четырехугольное пространство, называвшееся храмом (templum), отделявшееся от соседнего поля (ager) бороздой. Вспашка борозды производилась деревянным плугом, запряженным быком и коровой — символ мощи и плодородия. По краям священной борозды ставили в два ряда пограничные камни (cippi). Часть земли, примыкавшей к храму, оставалась невозделанной и носила название померия (pomoerium).

Помимо храмов в этрусских городах имелись красивые частные здания, замки лукумонов (аристократов), полные слуг и рабов.

Социальный строй у этрусков, как и у италиков, развивался от рода в направлении государственности. С разделением труда, появлением обмена и рабов родовая демократия разлагалась, и из массы населения выделилась военно-жреческая знать — *лукумоны* (lauchme, lucumones). Социальную основу господства лукумонов составляли земля и зависевшие от них люди — рабы и клиенты.

Помимо других доказательств, на существование рабов у этрусков указывают гладиаторские бои, устраиваемые при погребении знатных лиц — лукумонов и царей.

Наряду с рабами-военнопленными у этрусков широкое распространение получило *клиентство*. Клиентами, или «послушными», назывались свободные люди данного рода или других родов, находившиеся в зависимости от сильных и богатых членов рода.

Из зависимых людей — клиентов и рабов — составлялись *дружины* лукумонов, с которыми они совершали набеги на соседние замки, занимались пиратством, посреднической торговлей и пировали в своих обнесенных толстыми стенами замках.

На основании изображений на саркофагах и археологических данных можно заключить о широкой жизни, роскоши и изнеженности этрусской аристократии. Этрусские лукумоны более позднего времени изображаются возлежащими на подушках, усыпанных цветами, и окруженными множеством одетых в дорогие платья слуг. Замки богатых лукумонов были полны всякого рода дорогих вещей, оружия и украшений. По своему влиянию, количеству клиентов, слуг и рабов среди лукумонов выделялся выбираемый из их среды царь (zilath). Знаками царского достоинства служили пурпуровая мантия, кресло из слоновой кости, пурпуровая тога и сопровождавшие царя слуги, или ликторы, носившие топоры и прутья как символ верховной власти.

Впоследствии те же самые знаки царской власти встречаем и у римлян.

Главным занятием этрусков было *земледелие*, и большая часть клиентов и рабов работала на полях царей и лукумонов, отдавая им часть производимого продукта. Занятие земледелием в Этрурии в силу почвенных условий связано с оросительными работами. Почва Этрурии покрыта туфом и различными вулканическими образованиями, лежащими на каменистых породах, не пропускающих влаги. Использование болот возможно только при наличии дренажных сооружений, всякого рода водоотводных каналов и «клоак», предполагающих использование массового труда и соответствующую его организацию. Этим объясняются гигантские сооружения и высокая строительная техника этрусков, сближающие их с египтянами и вавилонянами.

«В колоссальном масштабе значение простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.»[1]. Организаторами этих работ были жрецы.

Этрурия в течение всей своей истории оставалась земледельческой страной, но наряду с земледелием в Этрурии существовали также торговля и ремесла, в особенности в западных приморских городах. Этруски славились как торговцы-пираты, в своих экспедициях доходившие до берегов Черного моря [2].

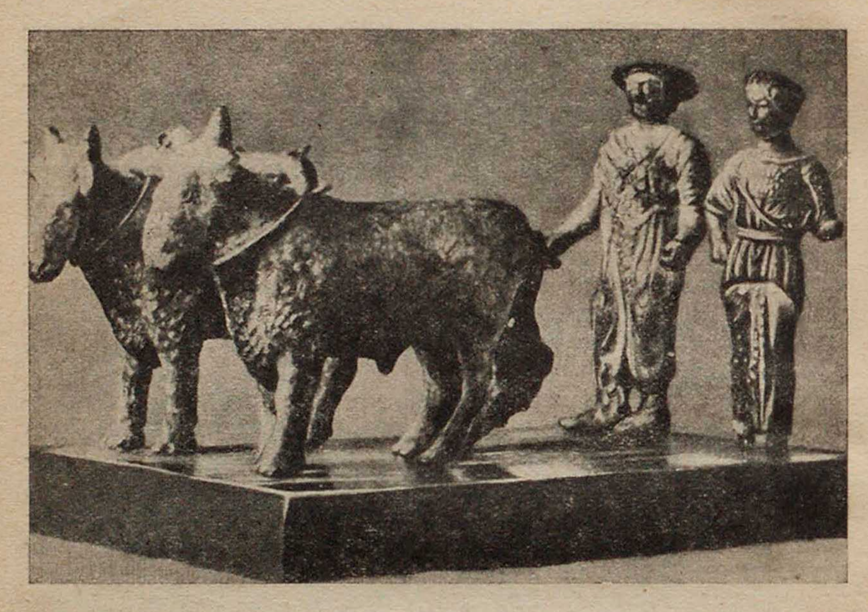
Культурный подъем Этрурии относится к VI веку до н. э. и, очевидно, стоит в прямой связи с общим оживлением торгово-экономической жизни западной части Средиземного моря. Этруски являлись посредниками в торговле с италийскими греками, карфагенянами и северо-италийскими народностями. Археологические памятники многих городов Этрурии и Лация, которыми полны современные итальянские музеи, говорят о высоком художественном вкусе, сложных религиозных представлениях и письменности. Недавние раскопки на римском форуме, в городах Лация и Этрурии обогатили науку многочисленными памятниками этрусской ремесленной техники, архитектуры и изобразительных искусств.

В течение всей античности этруски славились совершенством обработки металлов, приготовлением расписной глиняной посуды, добыванием красок, выделкой зеркал, ваз, кувшинов, терракотовых статуэток, черепиц, фибул, ящиков с подставками, изделий из золота, слоновой кости и пр. Орнаментика этрусской посуды значительно многообразнее, изящнее и сложнее геометрического орнамента предшествующей эпохи *Виллановы*. Одновременно с этим совершенствовалась военная и произ-

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, Гиз, 1930 г., стр. 250.

[2] *Н. Марр*, Яфетическая теория, 1927 г.

Этрусский крестьянин за пахотой

Танцующие
Стенная живопись в этрусской гробнице в Тарквиниях

водственная техника; в ремесле стали применять плавильные печи, а в земледелии — бронзовые и железные плуги.

По искусству Этрурии наши сведения всего полнее и разнообразнее. На основании сохранившихся фрагментов зданий, терракотовых облицовок, фресок и стенной живописи можно заключить о большой художественной ценности этрусских памятников искусства.

Из памятников изобразительного искусства высокую художественную ценность представляют расписные *саркофаги* этрус-

Этрусская супружеская пара.
Крышка терракотового саркофага из Черветри

ских лукумонов с вырезанными на камне и мраморе человеческими фигурами, найденные во многих городах Этрурии,— в городе Цере даже открыт родовой склеп римской династии Тарквиниев. В начертанной на гробнице надписи можно разобрать: «Гней Тарквиний Римский» (Kneve Tarchunies Rumach).

Для понимания стиля этрусского искусства большую ценность представляет мраморный саркофаг *Волумниев* (Sepolchro dei Volumni) в Перуджио. На саркофаге имеется надпись: «Здесь покоится Публий Волумний Неукротимый, сын *Кафатин*» (Volumnius violens Cafatin natus).

На потолке гробницы изображены голова Медузы, два крылатых гения смерти, головы со змеями, барельефы на сар-

кофагах увенчаны изваяниями покойников. На барельефах лукумонов изображены целые сцены из мифологии, из троянской войны, мифы о Геркулесе (Геркулес, похищающий лань), отчет-

Римская волчица

ливо видны рисунки, цветы, мальчик и воин со щитом, флейтист, урны с гирляндами винограда и т. д. Замечательны также терракотовые статуи на саркофагах и статуя Аполлона из Вей. По чистоте отделки замечательны бронзовые статуи этрусского воина и римской волчицы.

Большая часть мифологических сюжетов и художественных мотивов произведений этрусского искусства обнаруживает их восточное и греческое происхождение. Сами же этрусские мастера, повидимому, немного внесли оригинальных и свежих черт[1]. Греческое влияние отразилось также и на *этрусской религии* в направлении усложнения и облагораживания религиозных представлений.

Собственно этрусская религия крайне примитивна, груба и мрачна. В ней совершенно отсутствуют светлые черты греческой

[1] *P. Ducati*, Storia dell'arte etrusca, 1927.

религии с ее художественными образами и мифотворчеством. Этруски—пираты и разбойники, обитавшие в мрачных, окруженных циклопическими стенами, замках,—представляли себе мир наполненным жестокими и мрачными злыми духами, демонами, которых только можно задобрить и умиротворить, но не сделать добрыми. Большая часть религиозных представлений этрусков связана с культом мертвых, верой в подземных духов и страшный суд. По этрусским поверьям, душа человека после смерти попадает в подземный мир, наполненный черными демонами, оспаривающими ее у белых (добрых) демонов. В подземный мир людей доставляет страшный перевозчик Харон, раздробляющий свои жертвы тяжелым каменным молотом.

Из этрусских богов известны: *Нортия*, богиня судьбы, *Сефлаус* — бог огня и кузнецов, *Фуфлиус* — бог вина, и т. д. Позже появляется этрусская троица: *Тиния* (Tinias), *Уни* (Uni) и *Менерва* (Menerva), впоследствии превратившаяся в римскую троицу: Юпитера, Юнону и Минерву.

Для умиротворения богов и угадывания их воли существовал сложный культ с человеческими жертвоприношеньями. Этрусские жрецы (гаруспики — haruspices) узнавали волю богов по полету птиц, клеву священных кур, внутренностям жертвенных животных и т. д.

В период могущества «этрусской державы» владения этрусков распространились на север до реки По, на юг — до Кампании включительно. Лаций тоже находился в сфере влияния Этрурии, а в Риме в VI веке утвердилась этрусская династия Тарквиниев. «Еще до основания римского могущества этруски утвердили свое господство далеко на суше и на море. Даже наименование обоих морей, Верхнее и Нижнее, опоясывающих Италию подобно острову, свидетельствует о могуществе этого народа».

«Одно из этих морей италики называли Этрусским морем по имени всего народа, другое — *Адриатическим морем* по имени Гадрии (Hadria), этрусской колонии. Греки же переименовали Этрусское море в Тирренское, а название Адриатического моря сохранилось»[1].

На севере центром этрусской культуры был город *Фельзина* (Felsina), позднейшая *Бонония*, на юге этрусским центром являлась *Капуя*, главный город *Кампании*. Далее, в источниках упоминается федерация двенадцати этрусских городов во главе с городом Вейи. Важнейшие вопросы союза решались на общесоюзном собрании в святилище богини Волтумны на Вадимонском озере. Союзным собранием, сопровождавшимся жертвоприношениями и играми, руководил *верховный жрец* (zilath

---

[1] *Liv.*, I, 34; II, 13.

mex1), один из этрусских царей, он же и верховный руководитель федерации.

«Известно, что во всей Этрурии было двенадцать лукумонов, во главе их всех стоял один главный лукумон»[1]. С конца VI века начинается ослабление, а затем и распад этрусской федерации, обусловленный рядом причин внутреннего и внешнего порядка. Между этрусскими городами происходила постоянная борьба на почве торгового соперничества и захвата земель. При наличии клиентства, рабства и большой эксплоатации не могло быть спокойствия также и внутри самих этрусских городов.

К внутренним причинам присоединились внешние: общий упадок Средиземноморья в связи с греко-персидскими войнами, усиление греков, разгромивших в восточной части Средиземного моря персов в битве при о. Саламине и почти одновременно в западной части Средиземного моря, при Гимере, одержавших победу над союзниками этрусков — карфагенянами. В конце VI в. этрусская династия Тарквиниев была изгнана из Рима, а вскоре, после того как карфагеняне потерпели жестокое поражение при Гимере, сами этруски были разгромлены при Кумах в Кампании. Одновременно с этим на севере пришли в движение кельты (галлы), опустошавшие и захватывавшие северные части Этрурии. Под тяжестью этих ударов города беднели и этрусская федерация расстраивалась. Этрурия сокращалась в своих пределах, постепенно поглощаемая соседними государствами. С V в. руководящая роль в Северной Италии начинала переходить к латинской федерации во главе с городом Римом[2].

При настоящем состоянии этрускологии не представляется возможным установить связь этрусской федерации и этрусской культуры с последующей римско-италийской федерацией и культурой. Несомненно только одно, что последующая римско-италийская история развертывалась на почве, подготовленной этрусками, и во многом восприняла влияние более высокой этрусской культуры. С течением времени под воздействием общего роста производительных сил и техники этрусское влияние стало слабеть и стираться, и сами этруски постепенно растворялись в римско-италийском массиве, а этрусский язык, по своему строению близкий древнеиталийским диалектам[3], вытеснился классическим латинским языком. Латинский язык классического периода, соответствующий более высокому культурному уровню общества, по сравнению с этрусским языком отличается большей гибкостью и более богат по своему лексическому и грамматическому содержанию.

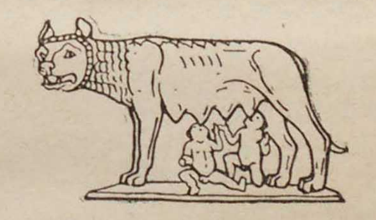
[1] *Serv.*, Aen., X. 202.
[2] «Cambridge Ancient History», IV, Cambridge, 1926.
[3] *L. Martha*, La langue étrusque, Paris 1913.

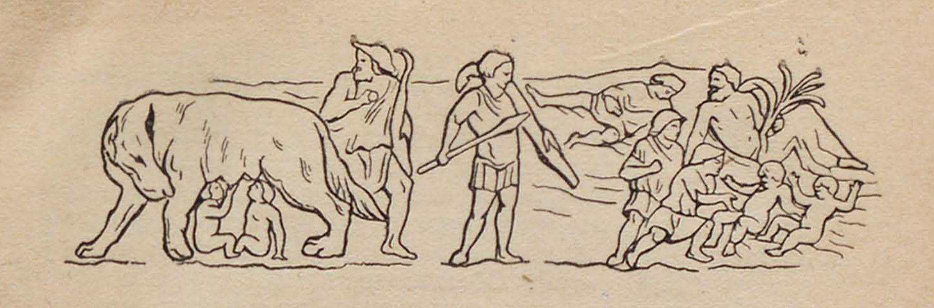
Одно время этрусскому влиянию на римский строй и римскую культуру придавали исключительное определяющее значение, в настоящее время в этом отношении наблюдается несомненная реакция. Преувеличенная оценка этрусского влияния на Рим дана, например, в работе Куно «Предистория Рима»[1] и в книге Вильгельма Шульца «К истории латинских собственных имен»[2]. Против преувеличения этрусского влияния на римский строй и растворения италийской культуры в этрусской прежде всего протестует археология, раскопки на римском форуме.

[1] *I. G. Cuno*, Vorgeschichte Roms, I, 1873, II, 1888.
[2] *W. Schulz*, Zur Geschichte lateinischer Eigennamen, 1904.

РИМ В ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

Глава I

ВОЗВЫШЕНИЕ ГОРОДА РИМА И РИМСКИЕ ЦАРИ (753—509)

1. ДОРИМСКИЙ ЛАЦИЙ

Параллельно с образованием «этрусской державы» и под ее влиянием происходило объединение племен Северной, Средней и Южной Италии [1]. Север Апеннинского полуострова — долину реки По и берег Адриатического моря до Анконы — занимали галлы. Область современной Венеции занимали венеты, народ иллирийского племени. Отроги Альп до Средиземного моря населяли лигуры, Тоскану и западную часть Умбрии — этруски.

По склонам Апеннин, в горах и долинах кочевали собственно италийские племена (италиоты), делившиеся на две основные ветви: *умбро-сабеллов* и *латинов*. Умбры жили в Умбрии, сабеллы — к югу от умбров. К сабеллам принадлежало множество крупных и мелких племен — сабины, вестины, марруцины, френтаны, пицены, марсы около Фуцинского озера, пелигны, самниты, самое многочисленное из италийских племен, луканы и бруттии. К латинской группе кроме самих латинов принадлежали, по всей вероятности, фалиски, эквы, герники и вольски.

В Бруттии жили италы, по имени которых были названы все племена Апеннинского полуострова. Греки называли южноиталийские племена общим именем опиков, или *осков*, или «земледельцев», *сикулов* — «жнецов». Главным местом поселения сикулов была Сицилия, «страна сикулов». К латинским племенам относят также живших в Кампании аврунков, или *авзонов*, впоследствии поглощенных греками.

Наконец, крайний юго-восток полуострова, позднейшую Калабрию, занимали япиги и мессапы, народы иллирийского

---

[1] *Conway*, Italy in the Etruscan age, «Cambridge ancient history», t. IV.

происхождения, язык которых сохранился в так называемых *мессапийских надписях*.

Этническая карта Италии в этрусский и следовавший за ним римский период до конца IV в. напоминала современный Балканский полуостров или Кавказ. Каждое племя говорило на собственном диалекте. Современная лингвистика объединяет все италийские диалекты в три лингвистические группы: *умбрскую*, *осскую* и *латинскую*[1]. Объединение племен долгое время было чисто внешним, по сути дела каждое племя жило своей собственной жизнью, крепко держась за свои обычаи, нравы и верования.

Соприкасавшиеся друг с другом италики находились в постоянном движении. Естественный прирост при низкой производственной технике создавал перенаселение и служил причиной постоянных эмиграций. Как сообщают античные писатели, среди италийских племен долгое время сохранялся обычай *«священной весны»* (ver sacrum), состоявший в том, что после совершения молений, жертвоприношений и празднеств в честь богов часть взрослой молодежи снималась с мест, отправляясь в поиски новых, менее заселенных и истощенных земель. Каждое племя имело свой тотем, который и являлся символическим вождем данного племени. Это нашло отражение в преданиях о переселениях: в страну пиценов переселенцы пришли по указанию дятла (picus, отсюда — Picenum), в Беневент переселенцев привел козел (hircus), Бовианум находится в связи со словом бык (bos) и т. д. Сабинян вывел сам бог Марс, их прародитель.

Первоначальной формой латинских и умбро-сабелльских, как и вообще италийских, поселений была *деревня* (pagus). «Было время, когда люди обрабатывали поля (cum rura colerent), не имели городов (neque urbem haberent) и жили в простых избах (in casis et tuguriis habitabant), не знали ни стен, ни ворот»[2]. Из деревень вырастали *города* (oppida, vici) — огороженные и укрепленные места, служившие убежищем для жителей соседних деревень во время войн и нападений врагов, местом сбора ополчений, сходов (comitia), базаров и ярмарок. Первоначально города почти не отличались от деревень. Это были не что иное, как расширенные поселки, населенные членами одного или нескольких родов. Отделение города от деревни произошло на более высоком социально-экономическом уровне.

Не во всех частях Италии городской строй развивался с одинаковой быстротой. Восточная часть полуострова сильно отличалась от западной. У умбро-сабелльских племен городской строй развивался слабо, здесь в течение всей истории преобладали де-

[1] *Th. Mommsen*, Die unteritalischen Dialekte, 1850; *R. Conway*, The italic dialects, Cambridge 1897.

[2] *Varro*, De re rust., III, 1.

ревни или города старого типа. Совсем иную картину представлял западный латинский берег, усеянный городами, многие из которых восходят к глубокой древности.

Господствующей народностью римского государства были *латины*, закрепившиеся по берегу Тирренского моря, по холмам и равнинам Лация. Умбро-сабелльские народности (сабины и самниты) в истории римского государства играли второстепенную роль.

Небольшая, примыкающая к морю, плодородная при условии дренажных работ, территория Лация издавна была населена различными племенами, постоянно соприкасавшимися друг с другом. Густота населения, меновые и религиозные связи и необходимость охраны своих владений были причиной раннего развития городского строя в западной части Италии. Древнейшим центром латинских поселений были *Альбанские горы*, расположенные в плодородной и в климатическом отношении здоровой местности с чистым воздухом и свежей водой.

Подобно этрусским городам латинские города объединялись в *городские союзы*, или федерации. История сохранила память об одной из таких федераций — *федерации тридцати латинских городов*, во главе которой стояла Альба-Лонга, самый значительный город латинов, расположенный у Альбанских гор. Древнеиталийские города, в том числе и Альба-Лонга, представляли собой больше деревни, нежели города в собственном смысле. Из других городов-деревень доримского Лация следует упомянуть Тускул, Ланувий, Лаврент, Ариций, Тибур, Пренесте и, наконец, Рим. Города располагались по рекам (Тибур на Анио), озерам (Альба-Лонга на Альбанском озере), долинам (Ланувий, Ардея), горным проходам (Тускул, Пренесте) и другим географическим пунктам.

На Альбанской горе совершались общие жертвоприношения и религиозные празднества в честь бога-покровителя Лация — Юпитера Лациарского (Juppiter Latiaris). Обряд жертвоприношения и сопровождавший его общелатинский праздник—*латинские ферии* (feriae latinae) — сохранились и в историческое время до последних времен Римской империи. Глава союза, альбанский царь, он же и верховный жрец, закалывал белого быка и приносил его в жертву за весь латинский народ, жир и кости сжигал, а мясо, разрезав на 30 частей, раздавал представителям 30 союзных городов. Впоследствии функции альбанского царя-жреца перешли к римскому царю, а после уничтожения царской власти — к консулу.

Во время feriae latinae между входившими в федерацию городами провозглашалось священное перемирие (induciae). Для обсуждения общих дел представители городов сходились на *общие собрания* (concilium populorum Latinorum) у рощи близ Фе-

рентинского источника (ad lucum Ferentinae), о которых упоминают Ливий[1] и Дионисий[2]. У входивших в Альбанскую федерацию городов существовала общность не только военных, но также и коммерческих интересов, обеспечивавшаяся правом каждого гражданина иметь на территории союзного города недвижимость и вступать в брак с гражданкой другого города (jus commercii et jus connubii).

Предание рассказывает, что первым царем латинов был *Ян* (Janus), вторым *Сатурн* (Saturnus), третьим *Пикус*, (Picus), четвертым *Фавн* (Faunus). От Фавна и его жены Фавны родился *Латин* (Latinus). Названные цари в то же самое время почитались как главные латинские боги: Ян — бог света, Сатурн — бог земли, Пикус — бог леса и бог лесных птиц, Фавн и Фавна олицетворяли четвероногих животных. Большая часть известных нам имен латинских царей принадлежит к области мифологии и может быть использована лишь для установления общей линии развития. Латин же был человек, предок и покровитель латинского племени. Впоследствии на этой основе создалась легенда об основании Альбы-Лонги и происхождении Рима. Основателем Альбы-Лонги почитался Асканий, сын троянца Энея, поселившегося в Лации после разрушения Трои.

2. ВОЗВЫШЕНИЕ ГОРОДА РИМА

Из всех латинских городов самую блестящую судьбу имел город *Рим* (Roma) на реке Тибре, объединивший вокруг себя сначала одну только область — Лаций, затем весь Апеннинский полуостров и, наконец, все Средиземноморье с прилегающими к нему странами. Древнейшая история Рима, как и вообще всех латинских городов, покрыта неизвестностью. Но значение Рима для последующей истории было слишком велико, чтобы вопрос о его происхождении, его основателях и отношении к другим городам и странам не возбудил любопытства в умах последующих поколений. Поэтому совершенно понятно, что вокруг Рима сложился ряд легенд, пытавшихся объяснить время и причины его возникновения и восстановить имя его основателя.

«Кто и почему дал городу Риму его славное и всем известное имя, об этом писатели говорят различно. Одни рассказывают, что пеласги, скитаясь по большей части известных земель и покорив почти все из них, поселились на том месте и назвали город «Ромой» (рома — по-гречески сила, крепость), намекая на успехи своего оружия. Другие полагают, что после взятия Трои кучка

---

[1] *Liv.*, I, 50; VI, 10; VII, 26.
[2] *Dion. Halic.*, III, 14

спасшихся троянцев села на корабли. Буря пригнала их к берегам Этрурии, и они кинули якорь при устье Тибра. Их жен плавание по морю утомило до того, что они не могли более выносить его, поэтому одна из них, самая знатная и умная, Рома, сожгла корабли. Мужья сперва сердились на ее поступок, но потом покорились необходимости и поселились в окрестностях Паллантия...»[1].

Не существует также единого мнения, продолжает Плутарх, и среди тех, кто с полным основанием связывает историю Рима с Ромулом. По мнению одних, Ромул был сыном Энея и Декситеи, дочери Форбанта, и ребенком приведен в Италию вместе со своим братом Ремом. Во время наводнения Тибра все лодки кроме одной потонули. Не потонула та лодка, в которой находились дети. Она тихо пристала к отлогому берегу, и дети сверх ожидания были спасены. Место, где остановилась лодка, стало называться Римом. Другие говорят, что дочь названной троянки Латина была матерью Ромула и что она родила его от Марса... Есть и еще более невероятные рассказы о латинских царях Альбы-Лонги Нумиторе и Амулии, сыновьях тринадцатого латинского царя, потомка троянца Энея.

Содержание этой легенды таково. У царя Альбы-Лонги Прока было два сына — Нумитор и Амулий. Младший брат, Амулий, сверг с престола своего старшего брата, Нумитора, сделавшегося царем после смерти отца. Из боязни, что сын свергнутого царя станет оспаривать престол отца, Амулий приказал его убить, а дочь Нумитора Рею Сильвию посвятить в весталки, чтобы она не могла иметь детей. Рея Сильвия, однако, обета не выполнила и родила двух близнецов — Ромула и Рема.

Казнив мать, Амулий приказал потопить ее детей в Тибре. Но это не удалось Амулию. Дети были выброшены водой на берег и вскормлены волчицей, а впоследствии подобраны царским пастухом Фаустулом и им воспитаны. Достигнув зрелого возраста, Ромул и Рем лишили Амулия царства, разрушили Альба-Лонгу и основали новый город — Рим. В происшедшем при этом споре о наименовании нового города Ромул убил Рема и назвал город собственным именем — Roma[2].

Легенды об основании Рима имели целью доказать происхождение римлян от греков или троянцев, установить связь римской истории с греческой и объяснить возвышение Рима среди латинских городов. Благодаря археологическим изысканиям в самом Риме, его окрестностях и ближайших к Риму городах в настоящее время мы знаем о древнейшем Риме и Лации гораздо больше, чем знали, например, в конце прошлого, XIX, столетия,

---

[1] *Plut.*, Romulus, I, II.
[2] Ibid., III, 19.

но все же и этих знаний недостаточно для полного представления о древнейшем периоде истории Лация и Рима.

Первые поселения на территории будущего Рима, основанные альбанскими пастухами, состояли из семи деревень, расположенных по соседним холмам. Раньше всего поселения возникли на Палатинском и Квиринальском холмах, между которыми находился горный обрыв *Капитолий* (capite tollium), впоследствии превратившийся в римский кремль. К Палатинскому и Квиринальскому холмам примыкали другие, позже заселенные холмы— Эсквилинский, Авентинский (mons Aventinus), Виминальский и Целийский и т. д. Семь деревень, расположенных на Палатине, объединились в федерацию семи городских поселков (septimontium), это и было началом будущего Рима.

За первым синойкизмом (объединением) последовал второй синойкизм, за вторым — третий и т. д., пока семь римских холмов не объединились в один город, центром которого был Капитолий, место пребывания верховного жреца и царя. Своим возвышением среди остальных городов Латинской федерации Рим обязан ряду благоприятных факторов. Рим был расположен на реке Тибре, связывающей центральную часть Италии с морем. Отсюда расходились во все стороны пути в соседние культурные страны — Этрурию, *Великую Грецию*, отсюда было удобно сообщаться с Карфагеном. Кроме того, через Рим проходила «Соляная дорога» (via Salaria), связывавшая сабинское плоскогорье с устьем Тибра, где добывалась соль. Имело значение и то, что Рим, расположенный на высоких холмах, находился в благоприятных климатических условиях и представлял природную крепость, служа в первое время убежищем для пастухов и разбойников.

Годом основания Рима считают 753 (по *Варрону*) или 751 г. (по *Катону*). Летосчисление в римской истории производится двояким образом: в нисходящем порядке — от основания города к началу христианской эры и в восходящем порядке — от основания города (ab urbe condita).

В последующем изложении хронология дается в нисходящем порядке по варронову варианту. Летосчисление от основания города не составляет особенности одних только римлян, оно было принято и у других народов античности, в частности у этрусков. По этрусскому поверью, первый век оканчивается со смертью последнего человека, жившего при основании города. Подобно этрускам, италики на закладку города смотрели, как на мистический акт, сопровождавшийся религиозными обрядами. Проведенная плугом борозда (pomoerium) считалась священной чертой города. Вход в город допускался только через оставляемую незапаханной полосу померия — городские ворота (portae), территория за померием уже не считалась городом. Это было пригородное поле, или посад (ager).

3. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ОБЩИНЫ

Римскую историю принято делить на несколько периодов: 1) *царский период* (VIII—VI вв.), 2) *республиканский* (VI—I вв.) и 3) *императорский период* (I—V вв. нашей эры).

Наши сведения о древнейшем периоде римской истории— о царском и раннереспубликанском периоде — весьма скудны, не всегда надежны и частью противоречивы. В дошедших до нас рассказах о римской старине переплелись самые разнообразные вариации латинского, этрусского и греческого происхождения. Впоследствии, начиная с конца III века, когда Рим стоял уже во главе Италии, развивается историческая публицистика, обрабатывавшая и приспособлявшая к своим целям исторические легенды и предания. Первым историком Рима считается *Фабий Пиктор* (200 г. до н. э.), которым пользовались римские и греческие историки более позднего времени — *Диодор*, *Ливий*, *Дионисий*, *Плутарх* и др. Наряду с Фабием Пиктором названные историки основывали свои рассказы и делали умозаключения на основании историков-публицистов I в. до н. э. — Валерия Анциата, писателя аристократического, и Лициния Марка, писателя демократического направления.

В специальной литературе в отношении дошедших до нас литературных памятников, трактующих о первоначальной истории Рима, еще и до сих пор высказываются самые противоположные суждения. В конце XIX и в начале XX в. господствовало гиперкритическое отношение как к греческой, так и к римской традиции. Настолько скудны и спутаны казались сообщения древних писателей — римлян и греков, что многие современные историки пришли к полному скептицизму, отказывались сообщить что-либо достоверное о римской старине царского и раннереспубликанского периода.

Наибольшим скептицизмом в этом отношении отличаются работы итальянского ученого *Этторе Паиса*, который доходил даже до отрицания историчности законодательства XII таблиц. Герои древнеримской истории представляются Паису божествами, превратившимися в людей, а одинаковые имена героев — сознательными выдумками, переводом с греческого и т. п.

В последнее время в этом отношении замечается, однако, определенный сдвиг в сторону признания большей реальности римской и греческой старины. Замечается сдвиг даже и во взглядах самого Этторе Паиса, автора двух капитальных работ— «Storia di Roma», 1899, и «Storia critica di Roma durante i primi cinque secoli», 1925. Во второй из называемых работ Паис отказывается от многих своих прежних взглядов и вообще более

осторожно относится к традиции. Сказанное приложимо ко многим историкам и других стран.

В результате большинства критических работ, посвященных римской старине, выяснилось, что древнейшая история Рима царского и раннереспубликанского периодов носит на себе следы влияния исторической публицистики эпохи гражданской войны конца Республики и что в публицистических целях многие события выдвинуты на передний план, заострены или, наоборот, сознательно затушеваны или отодвинуты на второй план. Многие имена, даты и события искажены, переставлены и даже вымышлены. Сказанное относится, главным образом, к двум основным источникам по древнеримской истории — Титу Ливию и Дионисию Галикарнасскому, жившим в период острой классовой борьбы конца Республики и писавшим свои произведения на основании исторической публицистики. К «царскому периоду» относили происхождение всех социально-политических институтов и законов, которым не могли подыскать необходимого объяснения, и все старинные учреждения, складывавшиеся в течение веков, приписывали какому-либо царю[1].

При вышеописанном состоянии литературы по древнейшему периоду римской истории тем большее значение получают вспомогательные дисциплины — археология, лингвистика и антропология. Без привлечения этих дисциплин первый (царский) период совершенно выпал бы из поля зрения историка. В последнее время замечается даже преувеличение значения названных дисциплин, в особенности антропологии, от которой ожидают разрешения самых трудных и сложных проблем[2].

Раскопки на Палатине, Квиринале, Эсквилине и «Священной дороге» (sacra via), обнаружившие следы материальной культуры, относящейся к IX—VIII вв., указывают на низкий культурный уровень старинных обитателей Лация. Найденные при раскопках предметы (железные копья, посуда, пряжки, изделия из янтаря и пр.) относятся к железному веку; следов палеолита и неолита в некрополях Рима почти не сохранилось. Деревянные, обмазанные глиной, низкие хижины (tuguria) соответствовали скудному быту предков Юлия Цезаря и Цицерона[3].

Археология показывает, что периоду оседлого земледелия предшествовал период *пастушества* и *кочевого земледелия*, о котором сохранились сведения также и у римских писателей —

---

[1] Систематический обзор теорий и взглядов по вопросу о происхождении Рима и критика источников даны в книге *Г. Барбагалло,* Il problema delle origine di Roma da Vico a noi, Milano 1926.

[2] *A. Rosenberg,* Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte, 1921.

[3] *G. Pinza,* Monumenti primitivi di Roma e del Lazio antico, XV, 1905, p. 519—705.

Ливия[1], Варрона[2], Плиния[3]. Археологические материалы, относящиеся к первоначальной истории Рима, публикуются в специальных, главным образом итальянских, журналах[4].

Древнейшей социальной ячейкой как у всех италиков, так и у римлян был *род* (gens) и *курия* (curia). Курии были древнейшими родовыми или даже дородовыми организациями не только римскими, но и общеиталийскими. Некоторые ученые сравнивают римские курии с «мужскими домами» или «домами молодежи», встречающимися у некоторых современных, находящихся на низком культурном уровне народов. Объединяющим центром курий был жертвенный алтарь или храм (curia) с прилегающей к нему священной территорией. Входившие в состав курий взрослые мужчины смежных поселений собирались в курии для празднеств, принесения жертв и обсуждения общих вопросов.

Общее число курий в древнеримской общине, по преданию, равнялось 30. Местом общих собраний всех 30 курий служил Палатинский холм. На *куриатных собраниях* (comitia curiata) голоса подавались по куриям. Совокупность всех голосующих членов курий составляла «римский народ квиритов», т. е. находящихся под покровительством Квирина — бога войны (populus Romanus Quiritium). Куриатные комиции были военно-религиозными собраниями, которые созывал и которыми руководил верховный жрец — курион (curio). Сам жрец, он же и царь (rex), выбирался на куриатных собраниях, здесь же решались вопросы войны и мира. Ополчение строилось по куриям, члены одной курии стояли рядом друг с другом.

Каждая курия выставляла определенное количество вооруженных людей — «сотню» (centuria) пехотинцев и десяток всадников. Согласно традиции, общая численность римского ополчения при первом римском царе Ромуле равнялась 3 000 человек пехоты и 300 человек кавалерии.

Наряду с куриями — собраниями «молодежи» — у всех италийских народов существовал еще *совет стариков*, или сенат.

Родовой строй и родовые отношения нашли свое отражение также и в *римской религии*, явившейся первой организованной формой римской идеологии. Под религией (religio от глагола religare — привязывать, связывать) римляне понимали внешнюю и внутреннюю, находящуюся внутри человека, силу

---

[1] *Liv.*, I, 4, 8.
[2] *Varro*, De re rust., 11, 1, 9.
[3] *Plin.*, Nat. Hist., XVIII.
[4] «Bulletino della Commissione archeologica communale di Roma»; «Bulletino dell Instituto di correspondenza archeologica», Roma.

(numina), действующую на человека и связывающую его волю. Таковая сила присуща явлениям природы, некоторым местам (religiosa loca), временам года, дням (religiosi dies), людям и т. д. Первым предписанием религии было запрещение (табу) совершения некоторых действий и поступков, могущих вызвать недовольство сверхъестественных сил. Отсюда выражения: повиноваться религии (religioni parere), следовать предписаниям религии (parendum religioni), быть связанным религией (religione vinciri, teneri, obligari), отожествление religio с nefas, т. е. беззаконием, запретом и пр. Из этого отрицательного момента религии вытекало предписание противоположных положительных действий, направленных на умилостивление и привлечение к себе божества. Таким путем было положено начало религиозному *культу* или *ритуалу*, как совокупности сакральных предписаний и норм, требуемых религией для умилостивления божества. «Религиозные обряды и благочестие (religiones et castus),— замечает Цицерон, — вырывают нас из опасности» (ex periculo eripiunt nostro)[1].

Олицетворением силы солнечного света, молнии, грома и бури являлся бог Солнца — *Диеспитер*, или *Юпитер*,— обитавший на высоких (Альбанских) горах. Впоследствии из бога солнечной энергии Юпитер превратился в главное божество пантеона — «преблагого и превеликого Юпитера» (Jupiter Optimus Maximus). Богиней луны почиталась *Диана*, дочь Юпитера. Привратником неба и небесного свода был Ян, или *Янус* (двуликий), — страж входа и выхода, начала и конца всякого дела, мира и войны. Янусу был посвящен месяц январь, первый месяц зимнего солнцеворота, смены времен года. На одной из площадей Рима, с которой отправлялось в поход войско, стояла арка Януса, ворота которой при начале военных действий открывались, а по окончании закрывались. Кроме Януса, богом войны, игравшим очень большую роль в социальном строе древнего Рима, был *Марс* (Mars, Mavors), первоначально бог производительных и растительных сил, мужской мощи (mas), затем бог весны, рождения и, с другой стороны, как антитеза рождения, бог смерти. Каждое божество имело свой тотем, посвященное ему животное или птицу. Тотемами Марса были волк и дятел. За выполнением положенного Марсу ритуала наблюдала особая жреческая коллегия салиев (salii — прыгуны), состоявшая из представителей двенадцати знатнейших римских граждан. Во время праздника в честь Марса в первые дни марта салии устраивали торжественное шествие по улицам, прыгали и кричали, ударяя в круглый щит и призывая в старинных выражениях бога Марса на защиту и охрану населения.

[1] *Cicer.*, De divin., II, 7.

К числу древнейших божеств Рима принадлежала богиня огня и домашнего очага Веста (Vesta). В храме Весты горел неугасаемый священный огонь, поддерживаемый «чистыми и целомудренными» весталками, всю жизнь остававшимися девами. Весталки были дочерьми знатнейших римских фамилий в возрасте от 6 до 10 лет, похищавшимися верховным жрецом (pontifex maximus), жившим в «царском доме» (regia), в котором жили также и весталки.

Чисто родовыми божествами были лары, маны или пенаты, олицетворявшие родовой гений (genius generis), покровительствовавшие данному роду и охранявшие его членов. В каждом доме имелась особая божница ларов (laurarium), в которой хранились деревянные, глиняные или бронзовые изображения пенатов.

Из других старинных божеств, олицетворявших какие-либо силы природы, влиявшие на волю людей, вредившие или помогавшие человеку, почитались *Флора* — богиня расцвета, *Ферония* — плодородия, *Церера* — жатвы, *Сатурн* — бог посева, *Опс* (Ops) — полевой работы, *Термин* — бог границ, *Фас* (Fas) — богиня права, *Ювентус* — бог юности, *Фавн* — бог лесов и скота и т. д.

Каждому из названных божеств были посвящены особые дни, в которых происходили жертвоприношения, устраивались празднества и игры. В середине февраля справлялся в честь Фавна «волчий праздник» — луперкалии (lupercalia), во время которого одетые в волчьи шкуры жрецы (luperci) бегали по городу и ударяли кнутом из шкур жертвенных животных встречавшихся им людей. Встреча с луперком рассматривалась как благоприятное предзнаменование, обещавшее счастливую жизнь, счастливый брак, деторождение и т. д. В марте справлялся праздник *амбарвалии* (ambarvalia), праздник весны, посвященный Церере и Марсу, во время которого пели гимны в честь празднуемых божеств: «отец Марс, молюсь тебе и прошу быть добрым и милостивым ко мне, ко всему моему дому и хозяйству».

В апреле справлялся праздник плодородия Цереры, считавшейся покровительницей плебеев, с пением, танцами, играми (ludi Cereales) и конными состязаниями. Особой торжественностью отличался первомайский праздник в честь производящей силы природы (Dea Dia, Ops). Двенадцать *арвальских братьев* (fratres arvales), древнейшая жреческая коллегия, украшенные венками из колосьев, обходили городское поле Рима с пением старинных народных песен: «Нам, лары, помогите». «Отстрани, Марс, смерть и гибель от многих из нас» (Enes, Lares, iuvate! Neve rue, Marmar sins incurere in pleores) и т. д. На летние месяцы приходились праздники огня (Vestalia), подземных сил (Volcanalia), воды (Neptunalia); зимой, 15 декабря,

справлялись сатурналии (saturnalia), вначале сопровождавшиеся человеческими жертвоприношениями.

Римская религия не имела такой сложной и развитой мифологии, какую имела религия греков. В Риме с древнейших времен религия сделалась достоянием различных жреческих коллегий, требовавших строгого мелочного выполнения предписаний религиозного ритуала и культа.

Ни одно государственное и частное дело не начиналось и не заканчивалось без предварительного вопрошения воли богов и их умилостивления. Только надлежащее выполнение предписанных культом правил и произнесение сакральных формул гарантировали счастливый исход начатого дела. Нарушитель религиозных обрядов получал возмездие не только на земле, но также и после смерти, попадая во власть злых духов, наполняющих мир и вредящих человеку, мервов, или лемуров[1]. Влияние религии на все государство и частный быт в римском обществе было очень велико и сохранилось в течение всей истории.

4. СЕМЬ РИМСКИХ ЦАРЕЙ

К числу древнейших социальных институтов римской общины принадлежит институт царской власти. Царская власть в Риме, так же как и в Греции, развилась из родового строя и сохраняла черты патриархальности. Разница состояла в том, что в Риме царская власть держалась дольше и была значительно сильнее[2].

По преданию, первым римским царем был *Ромул* (Romulus), с которым связаны основание Рима и первые войны с соседними племенами — сабинянами (легенда о похищении сабинянок) — и этрусскими городами — Фиденами и Вейями. Ему же приписывают разделение жителей на три трибы (племени) — тициев, рамнов и луцеров. При втором царе, *Нуме Помпилии* (Numa Pompilius), в Риме появляются ремесленные союзы и жреческие коллегии *салиев*, *фециалов* и *понтификов*, при третьем царе, *Тулле Гостилии* (Tullus Hostilius), Рим ведет успешную войну с городом Альба-Лонгой; при его преемнике *Анке Марции* (Ancus Martius) на Авентинском холме, по преданию, появляются плебеи, начинающие с этого времени играть большую роль в истории римской общины.

В истории Лация и Рима решающую роль сыграло *этрусское завоевание*, отразившееся также и на царской власти в смысле ее усиления. Согласно преданию, в середине VII века Рим был завоеван царями-лукумонами из города Тарквиний, в течение 150 лет господствовавшими в Риме и Лации. Самый факт утвер-

[1] *W. Towlker*, Roman festivals, London 1899.

[2] *Энгельс*, Происхождение семьи..., 1932 г., стр. 129.

ждения Тарквиниев и завоевания надо представлять как разбойничий налет вооруженной группы людей, дружины, возглавляемой этрусским кондотьери. Для этрусских царей обладание Римом как передаточным пунктом между югом и севером имело большое экономическое и военное значение. Но и для самого Рима включение его в этрусскую федерацию имело не меньшее значение. Самое название Рим (Roma, или Ruma), возможно, этрусского происхождения. Собственно, история Римского государства и города Рима в том виде, как ее сохранила литературная традиция, начинается со времени этрусской гегемонии, т. е. со второй половины VII в. При Тарквиниях и произошло *превращение римской родовой* общины в *Римское государство*, городского поселка (oppidum) на холмах Палатине и Квиринале — в город в собственном смысле (urbs).

Какое значение в истории имело появление государства как нового фактора, видно из нижеприводимого места у Энгельса.

«Итак, мы видим в греческом общественном устройстве героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны племени против племени в систематическое разбойничество на суше и на море с целью захвата скота, рабов и сокровищ, превращение войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств.

Нехватало лишь одного — учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только освящало бы прежде столь мало ценную частную собственность и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а следовательно и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; нехватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплоатацию неимущих и господство первого над последним»[1].

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи..., М. Партиздат, 1932 г., стр. 107—108.

При этрусской династии Рим ведет энергичную наступательную политику в отношении своих соседей — латинов, сабинян и этрусков, захватывая одну территорию за другой. При первом Тарквинии (Приске) Рим, по словам Тита Ливия, распространил свою гегемонию на все города Лация (omne Latium domuit). Часть покоренных латинских городов была разрушена, а их жители проданы в рабство или переселены в Рим.

При Тарквиниях Рим становится одним из главных портов Тирренского моря по сбыту леса, скота, хлеба и рабов, направлявшихся в греческие республики Южной Италии и Сицилии и в Карфаген. Хозяйственная жизнь развивается, увеличивается количество культивируемых хлебных злаков, улучшается сельскохозяйственная техника, растут стада, появляются ремесла и расширяется применение рабского труда.

По традиции, уже при Нуме Помпилии в Риме существовали ремесленные союзы (collegia) — коллегии медников, плотников, сукновалов, литейников, башмачников, горшечников, золотых дел мастеров, музыкантов и некоторых других видов ремесел и профессий [1]. Каждый девятый день (nundinae) сельские жители приходили в город одновременно на базар, религиозные празднества и общие сходы. Об экономическом развитии Рима и соседних с ним городов Лация в VII—VI вв. свидетельствуют остатки оросительных каналов, туннелей (cuniculi), дренажей, погребальных склепов, дорог, зданий и пр., высвобожденных из-под земли археологами. Сохранившиеся части зданий в Риме, Пренесте, Палестрии, Серветрии и т. д. говорят о большом количестве, величине и художественной ценности построек царского Рима.

К числу монументальных памятников тарквиниевой династии принадлежит знаменитая *клоака ма́ксима* (cloaca maxima) (в ее древнейших частях), огромный подземный коридор со сводчатым потолком из трех рядов больших камней, находящийся на глубине 47 футов.

При помощи этой клоаки все подпочвенные воды Рима собирались в один канал и отводились в Тибр. Постройка клоаки, стоившая огромных средств, предполагает высокий уровень строительной техники, наличие рабского или иной какой-либо формы подневольного труда. Тому же самому пятому царю Рима, *Тарквинию Приску*, при котором построена клоака ма́ксима, приписывают сооружение *форума* (Forum), базарной площади (macellum) и *цирка* (circus maximus), в котором устраивались конные и пешие состязания. Оживление строительной деятельности привлекало в Рим этрусских и греческих мастеров и художников, строивших эти здания. При *Тарквинии Гордом* на Палатине по-

---

[1] *Plut.*, Numa, XVII.

строен храм *Юпитера Капитолийского* (Juppiter Optimus Maximus).

Найденные при раскопках предметы греческого и восточного производства (вазы, золотые и серебряные украшения) указывают на торговые связи Рима с южноиталийской Грецией, Этрурией и Карфагеном. Предметами торговли были хлеб, скот, рыба, предметы роскоши и оружие.

К VI в. относится первый торговый договор между Римом и Карфагеном, текст которого приводит Полибий. Содержание этого первого договора Рима с Карфагеном в передаче Полибия таково: 1) если карфагеняне возьмут какой-либо латинский город, то они могут воспользоваться захваченным добром, но территорию должны отдать римлянам, 2) римляне могут свободно торговать в Сицилии и даже в Африке, но только не в самом Карфагене.

Далее, к концу VI в. римские историки и археологи относят появление первого сборника сакральных формул, так называемых «царских законов» (leges regiae), составленного юристом Папирием (ius Papirianum), жившим при Тарквинии Гордом.

Площадь города Рима в конце царского периода равнялась 700 кв. акрам. При Тарквиниях, говорит Цицерон, Рим был не малонаселенным местечком, а местом пребывания наук и искусств (non tennis vivulus, sed abundantissimus omnium doctrinarum atque artium).

Социальное развитие Рима при Тарквиниях совершалось в том же направлении, как и в предшествующие века, с той только разницей, что социальная диференциация пошла быстрее и глубже. Расслоение римской общины началось еще задолго до Тарквиниев. По преданию, уже при Ромуле римская община распадалась на три неравные группы — *патрициев*, *клиентов* и *плебеев*.

Древнейшая община на Палатине, основавшая «квадратный Рим» (Roma quadrata), из которого впоследствии вышел исторический семихолмный Рим, делилась на *патрициев* и *клиентов*, благородных (patricius — сын знатного отца) и «послушных» (cliens — от глагола cluere — быть послушным, зависимым). Разделение на патрициев и клиентов происходило по мере разложения патриархальной общины, разделения труда, усиления имущественного неравенства и появления рабов-военнопленных.

Кроме обедневших членов патрицианских родов, клиентами становились вольноотпущенные, т. е. получившие свободу рабы, и целые завоеванные племена, отдававшиеся на волю покорившего их рода или государства (clientes — qui sese in fidem patrociniumque nostrum dediderunt) [1]. Понятие «клиент» близко к понятию бедный, зависимый от своего покровителя — *патрона*

[1] *Aul. Gell.*, V, 13.

(patronus) человек. В таком смысле клиентство сохранялось в течение всей римской истории. Отличие клиентства более позднего времени от клиентства раннего периода заключалось в том, что в царский и в раннереспубликанский период клиенты принадлежали не отдельному лицу или отдельной семье, а целому роду.

Отношения между патроном и клиентом регулировались родовыми обычаями, связывавшими как клиента, так и патрона. «Патрон, причинивший обиду клиенту, да будет проклят» (Patrones, si clienti fraudem fecerit, sacer esto)[1], — гласит одна из XII таблиц. Клиент проживал на территории данного рода, имел земельный участок (pars) и пользовался покровительством рода. Римские археологи пытались даже слово patricii — отцы — связать со словом pars (часть), имея в виду участок, даваемый патроном клиенту. Те назывались «патрициями» потому, что они часть своих земель (agrorum partes) отдавали малоимущим (tenuioribus)[2]. Обязанности клиентов в отношении их патронов выражались общим термином почтение (obsequium), включавшим разные виды помощи и почтения во время войны и мира[3].

С течением времени богатые патрицианские роды, число которых вообще было невелико, подобно этрусским лукумонам, обособились в замкнутую *военно-жреческую аристократию*. Патрицианские роды представляли самостоятельные социальные единицы, жившие на территории данного рода (pagus), имевшие родовые святилища и культы (sacra gentilicia), родовые кладбища и родовую собственность на землю, орудия труда, рабочую силу и т. д. Обработка земли производилась собственными силами рода с помощью клиентов и рабов.

Положение рабов в царском Риме немногим отличалось от положения клиентов. Подобно клиенту, раб носил nomen gentilicium, участвовал в домашнем культе (sacrarium), жил под одной крышей со своими господами, членами рода, и вместе с ними погребался в одной общей могиле[4].

Число членов родов бывало различно, иногда весьма значительно. *Род Фабиев*[5], например, состоял из 300 членов, род Потитиев имел 30 семей и т. д. Упомянутый Дионисием[6] Аппий Гердоний, пытавшийся в 460 г. захватить Капитолий и произвести государственный переворот, имел друзей, рабов и клиентов в общей сумме более 4 000 человек. Род Клавдиев имел 5 000 клиентов.

---

[1] Leges XII tab., VIII, 21.
[2] *Fest.*, I, 246.
[3] *Dion. Halic.*, Rom. Antiquit., II, 10.
[4] *Plin.*, Hist. Nat., XXXIII, 26; *Plut.*, Cato maior, 20.
[5] *Dion.*, V, 40; *Liv.*, II, 16.
[6] *Dion.*, X, 14.

Патрицианские роды делились на патриархальные (большие) *семьи* (familiae), или дома (domus), возглавляемые *отцами семей* (patres familias). Римская фамилия представляла своего рода производственный коллектив, в который входили не только члены данной семьи — свободные, но и рабы[1].

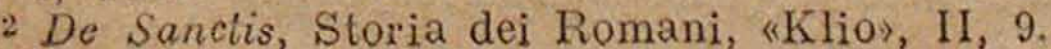
Наряду с общим родовым именем (nomen gentilicium) каждый род имел еще собственное имя или прозвище (cognomen). Так, например, род Клавдиев (gens Claudia) делился на несколько ветвей, или домов (Claudius Pulcher, Claudius Centho, Claudius Nero). К роду Корнелиев (gens Cornelia) принадлежали Корнелий Сципион (Cornelius Scipio), Корнелий Сулла (Cornelius Sulla) и т. д.

Во главе всего рода стоял *родовой старшина* — «вождь рода» (princeps или dux generis), — бывший одновременно военным вождем, жрецом и судьей. В важных случаях родовой старшина совещался с *советом* отцов семей, или с *сенатом* (senex — старик; senatus — совет старейшин), и собранием всех полноправных родичей.

На крепкой родовой организации, постепенно затмившей более старинную организацию по куриям и оттеснившей царскую власть, покоилось могущество римского патрициата, в течение нескольких столетий стоявшего во главе римской общины[2].

К двум названным категориям зависимых людей, рабам и клиентам, с течением времени присоединилась еще третья категория зависимых людей — *плебеев* (plebs, или plebes). Первоначальное ядро плебса составляли завоеванные патрициями народности, по преимуществу латины, и добровольные переселенцы (incolae), оседавшие в плодородной долине между холмами Авентином и Велабром. Большая часть плебеев (plebs — масса, народ, от глагола plere — наполнять, заполнять) составляла независимую общину, будучи земледельцами, меньшая занималась торговлей и ремеслами. Плебеи появились еще в доэтрусский период, но быстрый рост плебса начинается со времени Тарквиниев и находится в связи с осушением болотистых малярийных стран в окрестностях Рима, завоеванием новых территорий и переселением жителей завоеванных местностей на территорию Рима.

Согласно преданию, плебейские общины с самого начала находились в зависимости от патрицианской общины, плебеи не имели политических прав и территориально были отделены от патрициев. Палатинский и Квиринальский холмы, где жили патриции, возвышаясь, как бы господствовали над равниной, где жили плебеи.

[1] *Moritz Wlassak*, Studium zum altrömischen Erb- und Vermächtnisrecht, I, 1931.

[2] *De Sanctis*, Storia dei Romani, «Klio», II, 9.

Не имея политических прав в господствующей общине, плебеи в пределах данной общины могли иметь собственность, занимались земледелием, торговлей и ремеслами, другими словами, были полноправны в частно-правовом отношении (ius commercii) и неполноправны в государственно-правовом отношении (ius honorum). Зависимость плебса в отношении патрицианской общины выражалась в несении некоторых обязанностей, самой существенной из которых была служба во вспомогательных отрядах. Положение плебеев, относительно сносное вначале, ухудшалось по мере расслоения римской общины вследствие недостатка земель и численного роста населения. Часть плебса утрачивала экономическую самостоятельность, попадая в долговую кабалу к богатым патрициям (nexum inibat). И в силу своей экономической маломощности и задолженности плебеи постепенно опускались до положения клиентов, и слово «плебей» становилось синонимом слову бедный, малоимущий и бесправный человек. Римские писатели (Ливий, Дионисий, Цицерон, Тацит) безоговорочно отожествляют плебеев с клиентами. Самое же разделение римского населения на патрициев и плебеев античные историки приписывали мифическому основателю города Рима — Ромулу.

«Ромул, — читаем в «Истории римских древностей» («Археологии») Дионисия Галикарнасского, — передал плебеев патрициям в качестве заложников (клиентов), предоставив каждому плебею право выбирать себе патрона из патрициев. Это дело Ромул украсил благородным названием патроната, что значит заступничество за бедных и простых людей»[1]. «Патроцинии появляются с того времени, — говорится в другом источнике [2], — когда плебс был распределен между патрициями (cum plebs distributa inter patres)». Аналогичные суждения о плебеях и клиентах имеются также и у Цицерона [3]. Вопрос о плебеях принадлежит к числу наиболее сложных и спорных вопросов. Классической работой по истории плебса и римского рода является «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Работы академика Н. Я. Марра [4] решают вопросы ранней римской истории в свете яфетической теории.

Теории по вопросу о происхождении плебса изложены в работах Биндера [5], Эдуарда Мейера [6], Оберцинера [7] и др.

---

[1] *Dion. Halic.,* Rom. Antiquit., II, 9.

[2] *Festus.*

[3] *Cic.*, De Rep., II, 9, 16.

[4] *Н. Марр*, Карфаген и Рим; Сена, Саона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пеласги, 1922 г.

[5] *J. Binder*, Die Plebs, 1911.

[6] *Ed. Meyer*, Der Ursprung des Tribunats, «Hermes», XXV, 1898.

[7] *Oberziner*, Patriziato e plebs nello svolgimento delle origine romane, Milano 1912.

Социальное содержание термина «плебс» не оставалось неизменным. В царский и раннереспубликанский период под плебеями понимали пеструю массу людей, не входивших в патрициат и не бывших рабами. Во вторую половину Республики понятие «плебс» равносильно понятию свободных мелких землевладельцев и ремесленников, в поздней Империи плебеев отожествляли с крепостными колонами и вообще с низшими слоями города и деревни.

Изменялось также и содержание слова «патриций».

Борьба патрициев с плебеями составляет движущую силу римской истории раннего периода. В центре этой борьбы стояла *борьба за землю* и неотделимая от нее борьба за политические права, за включение плебеев в патрицианскую общину. Уравнение плебеев с патрициями в государственно-правовом отношении совершалось по мере социально-экономического роста римской общины, учащения походов, расширения рабства.

5. РЕФОРМА СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ

В борьбе патрициев с плебеями первостепенное значение имеет государственная реформа шестого римского царя — *Сервия Туллия* (VI в. до н. э.).

По рассказам древних писателей, Сервий Туллий был сыном рабыни (serva) Окризии, служанки жены Тарквиния Приска Танаквиль. Отличавшийся недюжинными способностями и находившийся под особым покровительством богов, Сервий Туллий вырос в царской семье, участвовал вместе с царем в походах и приобрел славу храброго воина. После смерти Тарквиния Сервий Туллий при поддержке Танаквиль был избран римским царем и «незаконность своего воцарения сумел искупить мудростью своих реформ».

Конституция Сервия Туллия в том виде, как она дошла до нас в передаче античных историков, содержит много анахронизмов и принадлежит гораздо более позднему времени, вернее всего IV—III вв., эпохе самнитских и пунических войн. И тем не менее, несмотря на все анахронизмы и легендарность личности самого реформатора, социально-политический остов сервиевой конституции не подлежит сомнению.

Со времени Сервия Туллия свободное население (populus Romanus), как патриции, так и плебеи, разбивалось на пять разрядов, или классов (classes), по имуществу и соседству. Вместо прежнего деления по родам вводилось новое деление — *по имущественно-территориальному принципу*, сосуществовавшему с прежним родовым делением. Основой территориального деления становилась территориальная триба (tribus), которую не надо

смешивать со старым термином триба — племя или народность.

К первому классу или разряду принадлежали граждане с имущественным цензом в 100 тысяч медных ассов, или, в переводе на земельный ценз, с полным земельным наделом; ко второму — с цензом в 70 тысяч ассов, или с тремя четвертями земельного надела; к третьему—с 50-тысячным цензом, или с половинным наделом; к четвертому — с 25-тысячным цензом, или с четвертью надела; к пятому—с 12½-тысячным цензом, или с восьмой надела. Денежный ценз выражался в древнейшей чеканной монете асс (as), делившейся на 12 частей — унций (unciae).

Каждый класс выставлял определенное число военных единиц — центурий (centuria). Больше всего центурий выставлял первый класс — всего 98 центурий, из них 80 пеших (гоплитов) и 18 конных (equites). Шесть всаднических центурий вербовались из патрициев, двенадцать из плебеев. Второй, третий и четвертый классы выставляли по 20, пятый — 30 центурий.

Каждому классу присваивалось определенное вооружение. От граждан первого класса требовалось полное (тяжелое) вооружение, состоявшее из шлема (galea), панцыря (lorica), поножей (ocreae), круглого щита (clipeus), меча (gladius) и копья (hasta). Легионы второго класса не имели тяжелых лат (ocreae) и вместо clipeus имели четырехугольный щит (scutum). Вооружение каждого из остальных классов было еще проще и дешевле. Воины пятого класса служили большей частью пращниками (funditores), имели пращу (funda) и метательные камни (lapides).

Все остальные граждане были поставлены вне классового деления (infra classem) и в общей сложности выставляли только одну центурию.

Граждане шестого класса последней центурии были освобождены от податей и военной службы, но зато они и не были гражданами в собственном смысле, так как не участвовали в комициях. Если же в случае крайней опасности их также зачисляли в ополчения, то тогда они получали оружие и содержались за счет государства. Граждане шестого класса назывались proletarii или capite censi. Кроме того, были образованы две центурии ремесленников, обслуживавших техническую часть ополчения (fabri qui machinas in bello ferrent), и две центурии музыкантов (cornicinum et tubicinum).

Включение в состав гражданства плебеев и образование единого плебейско-патрицианского ополчения влекли за собой изменения также и в политическом устройстве Рима. С включением в ополчение плебеев куриатные комиции утратили свой смысл, уступив первое место новым *центуриатным комициям* (comitia centuriata), представлявшим вооруженный народ римской общины, разделенной на сотни (centuriae). В центуриатных коми-

циях голосование происходило не по родам, а по центуриям, притом каждая центурия имела только один голос. Больше всего центурий имел первый класс, состоявший из более состоятельных граждан, патрициев, плебеев и их клиентов. Первому классу принадлежало решающее слово на центуриатных собраниях и тем самым, следовательно, направление внешней и внутренней политики Рима. «Чтобы голосование покоилось не на перевесе большинства (массы, multitudo), а на богатстве (potestas locupletium)»,— так характеризует центуриатные комиции Цицерон [1].

Право голоса (suffragium) дано было не всем без разбора с одинаковой юридической силой, как это было при первых царях начиная с Ромула. Были установлены разряды (gradus facti). Никто не был лишен права участия в голосовании, но «вся сила общины была сосредоточена в руках первого класса» (vis omnis penes primores civitatis esset) [2].

Схематически сервиева конституция может быть представлена в таком виде:

Класс	Число центурий	Имущество в ассах	Вооружения	Оружие
	18 всаднических центурий (equites cum equo publico)			
1	80	100 000	galea, clipeus, ocreae, lorica,	gladius, hasta (1–3)
2	20	75 000	galea, scutum ocreae,	
3	20	50 000	galea, scutum	
4	20	25 000	scutum	
5	30	11 000		fundae

Сюда надо еще прибавить две центурии мастеров, две центурии музыкантов и одну центурию пролетариев.

В общей сложности было 193 центурии, в которых числилось 19 300 человек.

Кроме имущественного ценза, сервиевой конституцией устанавливался еще *возрастной ценз*. В каждом легионе существовали центурии молодежи (centuriae iuniorum) от 17 до 46 лет, несшие полевую службу, и центурии стариков (centuriae seniorum), несшие гарнизонную службу. Предводительство армией, состоявшей из четырех легионов (legiones), принадлежало выборному царю, по важнейшим делам войны и мира совещавшемуся с советом родовых старейшин — сенатом (senatus).

[1] *Cicero*, De re publica, II, 22, 39.
[2] *Liv.*, I, XLIII.

По своему историко-социологическому смыслу сервиева реформа напоминает тимократию Солона и территориальные филы Клисфена в Афинах. Подобно солоновой и клисфеновой конституциям, историческое значение конституции Сервия Туллия состоит в ее принципиальном отрицании родового строя и замене его государственным принципом. Это была первая брешь, пробитая в патрицианско-родовом строе.

«Так, — говорит Энгельс, — был разрушен и в Риме, еще до отмены так называемой царской власти, древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него учреждено новое государственное устройство, в основу которого были положены территориальное деление и имущественные различия. Общественная власть сосредоточивалась здесь в руках граждан, обязанных отбывать военную службу, и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, не допущенных к военной службе и лишенных вооружения»[1].

Ближайшей причиной вышеописанных перемен в римском общественном строе послужили соображения военного порядка — недостаточность патрицианского ополчения и его техническое несовершенство. Участившиеся походы и столкновения с соседями требовали увеличения конного и пешего ополчения и усовершенствования его боевых качеств, что и было осуществлено реформой Сервия Туллия.

Сервиева конституция оформила римскую гражданскую милицию, комплектуемую из граждан-собственников, с перевесом первого класса, поставлявшего пехоту и кавалерию. В условиях Италии конница играла гораздо большую роль, чем в условиях гористой Греции.

Первостепенное значение военно-технической реформы Сервия Туллия станет понятно, если иметь ввиду, что в истории Рима как в царский, так и в последующий, республиканский, период война являлась источником обогащения, захвата территории и рабочей силы (рабов).

Укрепление военной мощи обеспечило главенство Рима в Латинском союзе, находившемся накануне распада. В знак скрепления союза на Авентинском холме был построен храм богини Дианы (commune Latinorum Dianae templum), долженствовавший затмить старый религиозный центр Латинского союза — храм Юпитера Лациарского на Альбанской горе.

Вместе с латинами гегемонию Рима должны были признать также сабинские и этрусские города — Цере, Тарквинии и др.

Вследствие завоеваний территория римской общины увеличилась и, по преданию, была разделена на 30 *территориальных*

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи..., 1932 г., стр. 131.

округов (триб), из которых 4 трибы приходились на город (tribus urbanae), а остальные 26 — на внегородскую сельскую территорию (tribus rusticae). Каждые пять лет по трибам происходила перепись населения, устанавливались имущественные разряды, взимался налог (tributum) и производился набор ополченцев в легионы. В связи с производством переписи, сбором трибута и ополченцев расширялись государственные функции, улучшался административный аппарат и усиливалась власть царя.

«Сервий Туллий первый разделил римский народ на классы, курии и коллегии и установил совершенный государственный порядок на основе имущественного ценза... Обширная община управлялась с такой же заботливостью, как управляется небольшой дом»[1].

Местопребыванием царя был город Рим. У ворот Рима, на Марсовом поле, происходили центуриатные комиции, в городе находились главные святилища, совершались очистительные обряды и празднества. В городе проживали аристократия, наиболее состоятельные из римских граждан и чужестранцы. Все это возвышало город над остальной территорией, что нашло свое внешнее выражение в построенной Сервием Туллием каменной «сервиевой» стене, руины которой сохранились до наших дней.

Тимократическая конституция Сервия Туллия закрепляла главные права в Римском государстве за первым классом состоятельных граждан, большинство которых составляли патриции. И все-таки родовая знать враждебно приняла сервиеву реформу, рассматривая ее как усиление царской власти и ограничение своих привилегий.

Несогласия между царем и аристократией усилились при преемнике Сервия Туллия *Тарквинии Гордом* (Tarquinius Superbus), последнем, седьмом, римском царе. Древние историки изображают Тарквиния честолюбивым тираном, высокомерно обращавшимся с аристократией, не созывавшим сената, обременявшим народ повинностями и налогами. В конце концов выведенные из терпения граждане возмутились, подняли восстание и изгнали ненавистного царя. Поводом к восстанию послужило оскорбление, нанесенное сыном Тарквиния *Секстом Лукреции*, жене знатного римлянина Тарквиния Коллатина. Благородными мстителями за поруганную честь женщины явились Юний Брут и Валерий Попликола, «друг народа», основоположники Римской республики.

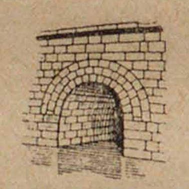
Изгнание Тарквиния Гордого и отмену царской власти в Риме античные историографы относят к 509 г. до н. э., т. е. за 110 лет

---

[1] *Flor.*, I, VI.

до другого крупного события римской истории — сожжения Рима галлами (390 г.).

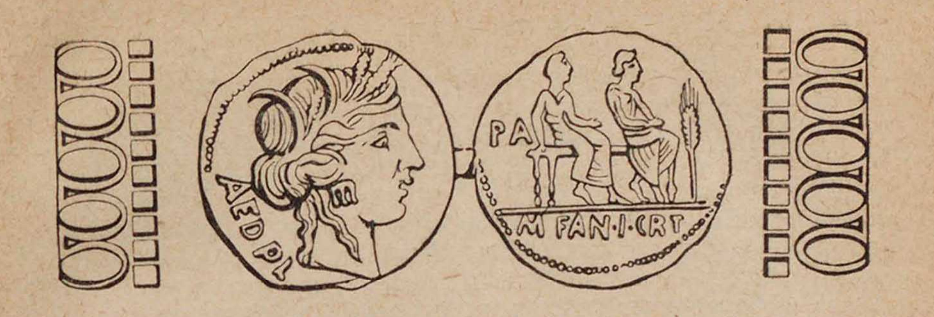
После изгнания Тарквиниев царская власть в Риме перестала существовать. Римская община превратилась в аристократическую (олигархическую) республику. Верховное руководство перешло к влиятельным патрицианским родам, изгнавшим Тарквиниев, многие учреждения «царского периода» были отменены, и вновь возродились родовые порядки. Положение плебеев ухудшилось, поскольку Рим выпал из этрусской федерации и потерял значение посреднического центра между севером и югом. Военная сила римской общины также ослабела, следствием чего было прекращение захвата добычи и вывода колоний в завоеванных областях (coloniae regiae). Внутренние противоречия усилились, вылившись в борьбу патрициев и плебеев, развернувшуюся в первые столетия Римской республики.

РЕСПУБЛИКА

Глава II

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА VI—IV вв.

1. БОРЬБА ПАТРИЦИЕВ С ПЛЕБЕЯМИ

Изгнание Тарквиниев образует грань между царским и республиканским периодами. Республиканские должности и учреждения входили в жизнь медленно, приспособляясь к конкретным условиям и видоизменяясь. Принципиальное отличие республиканской конституции от царской состояло в *коллегиальности*, *краткосрочности* и *выборности* правителей (магистратов). Из опасения сосредоточения власти в руках одного человека управление вверялось коллегии магистратов, избираемых центуриатными комициями и ограниченных годичным сроком.

Функции царской власти дробились между двумя советниками — *консулами* (consules), сначала называвшимися преторами (praetores), и судьями (iudices). Полнота власти выражалась понятием imperium. Консулы командовали ополчением, совершали священные обряды (auspicia publica), созывали сенат и комиции, производили суд. Внешним отличием консульского звания служили: должностное кресло (sella curulis), тога, обшитая пурпурной каймой (toga praetexta), 12 ликторов с прутьями (fasces) и во время похода с топорами (secures). За городской чертой консул имел неограниченные полномочия, между тем как в городе права консулов ограничивались определенными нормами. Консулы назначали себе помощников — *квесторов* (quaestores), которые производили суд по некоторым делам и ведали финансами (aerarium).

В экстраординарных случаях — во время войны или внутренних волнений — вся полнота власти (imperium) вручалась экстраординарному магистрату — *диктатору* (dictator), полно-

мочия которого строго ограничивались шестимесячным сроком. Помощником диктатора был *командир конницы* (magister equitum).

Высшим государственным органом Римской Республики были *центуриатные комиции* (см. реформу Сервия Туллия). Перевес в центуриатных комициях в первый период Республики имели патриции и богатые плебеи, сраставшиеся с патрициями в один привилегированный слой. Представители этого аристократического слоя становились членами сената и занимали высшие должности в Республике. Консулы избирались в центуриатных комициях, но из кандидатов, рекомендуемых сенатом. Без санкции сената (senatus auctoritas) магистрат не принимал ни одного сколько-нибудь серьезного решения.

Религиозные функции, некогда выполнявшиеся царями, с отменой царской власти перешли к *жреческим коллегиям*. Из жреческих коллегий, возникших еще при царях, наибольшее значение имели три: 1) *понтифики* (pontifices), 2) *авгуры* (augures), и 3) *фециалы* (fetiales). Понтифики имели надзор за культом, являлись хранителями права (ius divinum), составляли календарь праздничных и будних дней, вели хронику событий (летописи), заведывали государственными постройками. Специальными функциями авгуров являлись толкование знамений, посылаемых богами, и вопрошение воли богов. В ведении фециалов находились международные дела: заключение договоров, объявление войны и заключение мира. В отличие от всех остальных магистратур, ограниченных годовым сроком, новые члены жреческой коллегии не выбирались, а пополнялись (кооптировались) самими жрецами. В первые столетия Республики римское государство было во всех отношениях аристократическим. Управление находилось в руках влиятельных патрицианских родов, социальный вес которых в результате переворота 509 г. значительно повысился. Масса же народа, сельского и городского плебса фактически была лишена политических прав.

«В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса»[1].

Аристократизация римского общества в первом столетии Республики объясняется повышением материального положения патрициев и обеднением плебса. Разорение плебеев, начавшееся еще в царский период, продолжалось также и в первый век Республики. Ослабляемые постоянными войнами, не имевшие достаточных земельных наделов и рабочей силы, плебеи попадали в долговую кабалу (nexum) к патрициям. Долговое же право в V в., как показывают законы XII таблиц, было чрезвычайно сурово и всецело защищало интересы кредитора. С юридической точки

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи..., 1932 г., стр. 171.

зрения личная кабала (mancipium) отличалась от рабства, хотя практически кабальный мог находиться даже в худших условиях, чем раб. Кабала занимала середину между рабством и свободой.

В отличие от совершенно бесправного раба, рассматриваемого как вещь (res), кабальный сохранял свободу и гражданские права. В имущественном же отношении он, подобно рабу, всецело зависел от своего господина (dominus), который мог передать как его имущество, так и его самого в другие руки (mancipatio) и принудить к каким угодно работам. Освобождение кабального от кабалы совершалось теми же способами, как и отпуск рабов: через разного рода формально обставленные «отпуска», или манумиссии (manumissiones).

Однако, несмотря на разорение значительной части плебса, все же плебс в целом в V в. представлял крупную социальную силу, с которой патриции не могли не считаться серьезно.

«Благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались силой, угрожающей старому populus, теперь прочно оградившему себя от всякого прироста извне. Вдобавок к этому земля была, повидимому, почти равномерно распределена между populus и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, принадлежало преимущественно плебсу»[1].

Внутренняя история трех первых столетий Римской республики есть история классовой борьбы между плебеями и патрициями, в конце концов окончившаяся победой плебса.

Выступавшие против патрицианской олигархии плебеи требовали: 1) уничтожения долговой кабалы, 2) увеличения земельных наделов и 3) признания за плебеями политических прав. Борьба плебеев с патрициями велась в течение двух столетий и отличалась большим напряжением. Победа плебса исторически была необходима как победа экономически прогрессивного класса. Разложение родового строя у плебеев началось раньше и пошло значительно дальше, чем у патрициев, у них сильнее развилась частная собственность на землю и раньше образовалось экономическое неравенство. Из массы плебса выделилась зажиточная верхушка, плебейская плутократия, стремившаяся к государственным должностям и просачивавшаяся в сенат.

Решающую роль в победе плебса сыграла *военная сила* плебеев. Не выходившая из состояния войны Римская республика не могла обходиться силами одного патрициата и его клиентеллы. Патрициев было мало, а, кроме того, во время войн и переворотов патрицианские фамилии редели, походы же участились и усложнились. Следствием этого явилась знакомая нам военная реформа

---

[1] *Энгельс*, Происхождение семьи..., 1932 г., стр. 129, 130.

Сервия Туллия, не один раз подтверждавшаяся и видоизменявшаяся в течение первых веков Республики. Чем больше демократизировались римские легионы, тем требовательнее звучали голоса плебеев, грозивших отказом от военной службы.

Под угрозой военной забастовки и ухода из города (secessio) патрицианская олигархия в конце концов вынуждена была пойти на уступки требованиям плебса: расширить политические права плебса и изыскать меры к удовлетворению его основных требований —увеличению земельных наделов и уменьшению долгов. При тогдашних социально-экономических условиях и при низком уровне производительных сил единственным выходом из критического положения являлся захват территории соседей. Это был путь, на который уже вступили римские цари, в особенности Тарквинии.

Покушения же на соседние территории неизбежно приводили к столкновениям с соседними племенами, в свою очередь претендовавшими на плодородную долину Лация и его морской солончаковый берег. Римские анналисты совершенно правильно изображают конец царского периода и первые века Республики как сплошные столкновения италийских племен с Римом и между собой. Из мелких стычек, похожих на разбойничьи налеты, развивались и настоящие войны. Таковыми, как увидим из дальнейшего изложения, были, например, самнитские и латинские войны IV—III вв.[1].

В роли плебейских вождей выступали влиятельные патриции и богатые плебеи, стремившиеся к восстановлению царской власти. После изгнания царей не один раз делались попытки захватить власть и установить единоличное управление по образцу греческих тираний VII—VI вв. Так, под 486 г. упоминается консул *Спурий Кассий* (Spurius Cassius), предложивший наделение малоземельных плебеев землей из общественного фонда, под 439 г. — богатый плебей *Спурий Мелий* (Spurius Maelius), привлекавший к себе народ раздачей хлеба и стремившийся к «царской власти».

Однако все попытки утвердить в Риме тиранию не увенчались успехом. Некоторое сходство с тиранией в Риме имел плебейский, или *народный, трибунат* (tribuni plebis), исторические корни которого не совсем ясны. Вероятнее всего, что народные трибуны были представителями триб, по которым производился сбор ополчений и налогов, установленных сервиевой конституцией. Возможно даже, что сами трибуны и командовали этими ополчениями или по крайней мере частью их [2].

---

[1] *Liv.*, II—IV; *Flor.*, 1, 5, 11; *E. Pais*, Storia critica di Roma durante i primi cinque seculi, 1920, I, 677.

[2] *Varro*, De lingua Latina, V, 181.

Ливий относит появление трибуната к 494 г., Диодор— к 471 г. Последнюю дату принимает большинство современных историков: Эдуард Мейер, Паис, Бертолини и др.

Ливий связывает появление народных трибунов с первой *сецессией* (выселением) плебеев (secessio plebis in Montem Sacrum). Во время войны с эквами, рассказывает Ливий, плебеи, недовольные своим положением, отказались выступить в поход и вооруженные ушли из Рима на Священную гору, за рекой Анио, в трех милях от города. Теснимые врагами, патриции признали права и неприкосновенность народных трибунов.

Трибуны избирались на особых плебейских собраниях по трибам (concilia plebis tributa). Трибутные комиции (comitia tributa) с середины V в. начинают играть большую роль в политической жизни Рима.

Отличительной чертой трибуната являлся его священный, магический характер. Народные трибуны находились под особым покровительством и защитой подземных тектонических божеств. Не только личность, но даже одежда и жилище народного трибуна считались неприкосновенными и священными. Человек, покушавшийся на трибуна, объявлялся проклятым (sacer esto). Патриции, долгое время не мирившиеся с трибунатом, в конце концов были вынуждены признать трибунат как одну из основ римской конституции.

Первоначально трибунам, число которых в разное время было неодинаково (по одной версии 2, 5, 10, а по другой — 4, 8, 10)[1], принадлежало *право ходатайства* за отдельных плебеев, обиженных патрицианскими магистратами, право помощи (ius auxilii). Впоследствии из этого развилось *право запрещения* и приостановки отдельных распоряжений магистратов (veto, ius intercedendi), право ареста нарушителей трибунских распоряжений (ius prehensionis) и, наконец, право совещания с плебейскими собраниями (ius agendi cum plebe).

Вокруг трибуната разыгралась настоящая война, отзвуки которой еще чувствуются в легенде о патриции *Гнее Марции Кориолане* (Cn. Marcius Coriolanus), осадившем с помощью иноземных войск Рим в надежде голодом вынудить плебеев отказаться от ненавистного патрициям народного трибуната. Из других уступок в пользу плебеев, относящихся к V в., следует отметить закон *Тарпея-Атерния* (lex Tarpeia Aternia), ограничивший права консулов в наложении штрафов за уголовные преступления. По этому закону, консулы могли налагать штраф в размере не более 2 быков и 30 овец. К тем же годам относится закон трибуна *Ицилия* (lex Icilia de Aventino publicando) о наделении плебеев землей на Авентине. Социально-политическое значение трибу-

[1] *Ed. Meyer*, Kleine Schriften.

ната и роль народных трибунов в конституции Римской республики повышались с каждым столетием.

Одним из главных преимуществ трибунской власти было право законодательной инициативы без предварительного одобрения сената. По сравнению с другими магистратурами народный трибунат менее зависел от сената; все вопросы трибуны решали в трибутных комициях; они могли наложить свое veto на любой закон и предать народному суду любое должностное лицо. Выбирались трибуны на один год, и по окончании срока своих полномочий они, подобно другим магистратам, становились членами сената, а во время пребывания в должности могли участвовать на всех его заседаниях.

2. ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ

Следующим после введения народного трибуната этапом на пути политического оформления римского плебса были *законы XII таблиц* (leges duodecim tabularum) — первая запись римского гражданского права. Потребность в кодификации гражданского права, ограничивавшего произвол патрицианских магистратов, чувствовалась уже давно, и народные трибуны не раз делали предложения о кодификации законов, точно определявших право магистратов, в особенности консулов, больше всего злоупотреблявших своей властью. В 462 г. народный трибун *Терентилий Арса* (Terentilius Arsa) выступил в собрании плебеев (concilium plebis) с предложением образовать комиссию из 5 человек и поручить ей в письменной форме более точно установить права консулов. Наконец, в 451 г. сенат согласился выбрать специальную комиссию из 10 человек, облеченных неограниченными полномочиями, для записи существующих обычаев и кодификации гражданского права (decemviri consulari imperio legibus scribundis). В состав комиссии вошли видные патриции — Аппий Клавдий, Постумий Альба, Сульпиций Камерин, Манлий и др.

В своей законодательной деятельности децемвиры пользовались образцами греческих южноиталийских законодательных сборников, а также афинскими законами Солона, с которыми они предварительно ознакомились на месте или через посредство италийских греков. Возможно даже, что и главная редакционная работа была выполнена греком Гермодором, сопровождавшим римлян во время их пребывания в Греции.

Законодательство XII таблиц отражает момент формирования частной собственности и образования классового государства, социальной основой которого были патриархальная семья и семейная собственность. Во главе семьи стоял «отец семейства» (pater familias), личная неприкосновенность которого охраня-

лась законом. «Если сын ударит отца и тот заплачет, то сын пусть будет проклят». («Si parentem puer verberit, ast olle prorassat puer Divis parentum sacer esto»). Материальной основой семьи являлась земельная собственность, которая не должна была выходить за пределы данной фамилии: «Morte patris continuatus dominium»—гласит одна из статей XII таблиц[1]. Принцип государственности выражался в замене родового обычая (mores maiorum) законом (lex), распространявшимся одинаково на патрициев и плебеев, в замене кровной мести (parricidium) денежным штрафом, вмешательстве закона в отношения между отцом и сыном, мужем и женою, патроном и его клиентом и, наконец, в признании права обращения к народу (provocatio ad populum), т. е. к центуриатным комициям как высшему государственному органу.

Законодательство XII таблиц сохраняет разделение на патрициев и плебеев, не допуская браков между патрициями и плебеями. Однако весь внутренний смысл законодательства уничтожает сословное деление, заменяя его имущественным. Теперь уже противополагаются не столько патриций и плебей, родовитый и неродовитый, сколько состоятельный (assiduus) и несостоятельный (proletarius). За нанесение имущественных ущербов налагаются суровые кары: штрафы, телесные наказания, общественный позор и смертная казнь.

Больше всего статей относится к нарушению земельной собственности: кража плодов, потрава, хищение леса и т. п. Если кто пускал ночью скот на чужое поле или снимал чужую жатву, то он платил убыток в двойном размере, подвергался сечению или даже смертной казни. За сруб чужого дерева полагался штраф в 25 ассов. Любопытно, что закон оправдывает убийство вора, пойманного на месте преступления: «Если кто ночью похитит чужую собственность и если будет убит за это, то пусть это убийство считается законным» (si nox furtum facit, sivim occisit, iure caesus esto)[2]. Налагавшиеся на виновных в нарушении законов штрафы устанавливались в *медных деньгах*, ассах. В V в. асс, по вычислению Моммзена, равнялся одному фунту меди (libra), делившемуся на 12 унций. Процентной нормой признавалось 10% годовых. Долговое право, установленное законами XII таблиц, поражает своей суровостью, не уступающей драконовым законам. Должника лишали свободы, заковывали в кандалы, продавали в рабство или же рассекали на части: «На третьи нундины пусть рассекут его на части (in partes secanto); если кто отсечет больше или меньше, да не будет поставлено ему в вину». С точки зрения гражданского права, особенно важно было упро-

---

[1] *Dig.*, 38, 16, 14; *Gaius*, op. cit., 3, 7.
[2] *Tab.*, VIII, 12.

щение передачи собственности из одних рук в другие. При родовом строе передача собственности была сильно затруднена. При передаче, например, собственности по завещанию требовались санкция народного собрания (comitia collata) и наличие многих свидетелей. Желавший купить раба являлся к продавцу с 5 свидетелями-поручителями. Покупатель ударял куском меди по весам и говорил: «Я утверждаю, что этот человек принадлежит мне, и он куплен мною за эту медь при посредстве весов» (is qui mihi emptus est hoc aeneaque libra). Земля совсем не отчуждалась, считаясь вещью, не подлежащей продаже (res nec mancipi). По закону XII таблиц, субъектом имущественных прав является семья, но в отдельных случаях закон делает некоторую уступку также и индивиду, начинающему выступать из тесных рамок родового и семейного круга. Сюда относятся признание завещаний на движимое имущество, новые формы брака (usus trinoctis) и некоторая эмансипация взрослых сыновей и жены.

Проводя различие между патрициями и плебсом, законы XII таблиц подчеркивают также правовое различие между свободными и рабами. В статьях, касающихся рабов, это различие выражается в величине штрафов, уплачиваемых за нанесение вреда тому и другому: раб расценивается в полцены сравнительно со свободным. За членовредительство свободного человека взимался штраф в 300 ассов, раба — 150[1].

По истечении года, когда уже была выполнена большая часть работы, некоторые члены комиссии во главе с Аппием Клавдием настояли на продолжении кодификационной работы и сохранении диктаторских полномочий за комиссией десяти. Стараясь ослабить результаты работы комиссии предшествующего года, Аппий Клавдий действовал в интересах патрициев. Поведение Аппия Клавдия и его коллег, выступавших в сопровождении 12 ликторов, выносивших смертные приговоры и конфисковавших имущество, раздражало плебеев. Угроза тирании Аппия Клавдия была настолько сильна, что она вызвала большие волнения среди плебеев, окончившиеся их выселением на Авентин (449 г., вторая сецессия). Тит Ливий эту сецессию связывает с убийством знатного плебея Луция Сикция (L. Siccius) и оскорблением Аппием Клавдием дочери другого знатного плебея — Вергиния. Следствием сецессии были роспуск комиссии децемвиров и восстановление прежнего положения.

Результаты деятельности кодификационной комиссии были записаны на XII досках, утверждены центуриатными и куриатными комициями и выставлены на Форуме, где они стояли еще в III столетии. До нас эти таблицы не дошли; с их содержанием мы знакомимся только по цитатам позднейших писателей, глав-

[1] *Tab.*, VIII, 2.

ным образом по сочинениям римского юриста Гая (II в. н. э.). Сами по себе законы XII таблиц не создавали никаких новых социально-экономических отношений: в них были только записаны господствовавшие в то время обычаи. Законодательство XII таблиц утверждает частную семейную и индивидуальную собственность и устанавливает форму судебного процесса (legis actiones), который до записи законов допускал больше всего злоупотреблений со стороны магистратов.

С технической стороны законы XII таблиц крайне несовершенны. Это не есть в собственном смысле кодекс законов, аналогичный римским сборникам законов более позднего времени, расположенных в известной системе и разбитых на параграфы. Leges XII tabularum представляют запись обычаев, выраженных в виде афоризмов, пословиц, моральных сентенций, поговорок и подобных им несовершенных формулировок[1].

В законах XII таблиц несовершенство законодательных формулировок сочетается с требованием абсолютной точности в соблюдении мельчайших деталей судебного процесса. Согласно legis actiones, каждый должен был обвинять и защищать по строго установленной форме, произнося одни и те же слова и совершая одни и те же обряды, действия и молитвы, которые предписывались обычаем и законом. Малейшее отступление от формы влекло за собой прекращение судебного процесса и потерю иска. Для человека, не искушенного в юридических вопросах, ведение судебного процесса оказывалось совершенно невозможным. Вследствие этого приходилось обращаться к знатокам судебных обычаев и законов, каковыми тогда были жрецы (понтифики), большей частью истолковывавшие «священные слова» (verba sacra) закона в интересах патрициев. Отсюда развился обычай истолкования законов профессиональными юристами (interpretatio prudentium), впоследствии приведший к созданию знаменитых комментариев римского гражданского права.

В 445 г., по предложению народного трибуна *Канулея* (lex Canuleia de connubio), была признана юридическая сила за браком между патрициями и плебеями. Этим заканчивается первый этап борьбы плебеев с патрициями.

3. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ ПОД ГЕГЕМОНИЕЙ РИМА

После изгнания царей подчиненные Риму латинские города отложились и вступили в союз с этрусским царем — лукумоном из города Клузия—*Порсеной* (Porsena). Опираясь на поддержку *латинов*, Порсена захватил Рим, разграбил его, разрушил сер-

---

[1] *E. Täubler*, Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirats, 1921; *E. Pais*, Ricerche sulla storia e sul diritto publico di Roma, 1915.

виеву стену и многих жителей увел в рабство. Это был момент, когда римская федерация находилась накануне полного распада, и только поражение латинов при *Регильском озере* (496 г.), нанесенное диктатором Авлом Постумием, спасло положение.

Три года спустя после регильской битвы, в 493 г., между римлянами и латинами был заключен союз, известный под именем союза *Спурия Кассия*. В союз вошли почти все города Лация— Тускул, Ариция, Ланувий, Кора, Тибур и др. Все члены союза, согласно договору, должны были пользоваться равными правами (foedus aequum), имели одинаковые права на военную добычу и рабов, клятвенно обязуясь никогда не нарушать договора. Текст спуриева договора, в передаче Дионисия Галикарнасского, гласил: «Между римлянами и всеми соединенными латинскими городами пусть будет вечный мир, пока останутся несокрушимыми небо и земля. И пусть они не воюют между собой и не накликают войны извне и не дают свободного прохода врагам той или другой страны. А если кто подвергнется нападению, то пусть они помогают одни другим всеми силами, а за это пусть имеют право на равную часть всей движимой добычи. Частные споры пусть улаживаются в течение 10 дней в той общине, в которой они возникнут. К этому договору нельзя ничего прибавить ни убавить в нем, иначе как только с общего согласия римлян и всех соединенных латинских городов»[1].

Договор был вырезан на бронзовой доске и выставлен ко всеобщему сведению на Площади комиций, где он сохранялся еще во времена Цицерона[2]. Торжественное провозглашение равенства всех членов союза на практике оказалось, однако, неосуществимым. Формально равноправный союз римлян с латинами с течением времени выродился в односторонний союз Рима с латинскими городами.

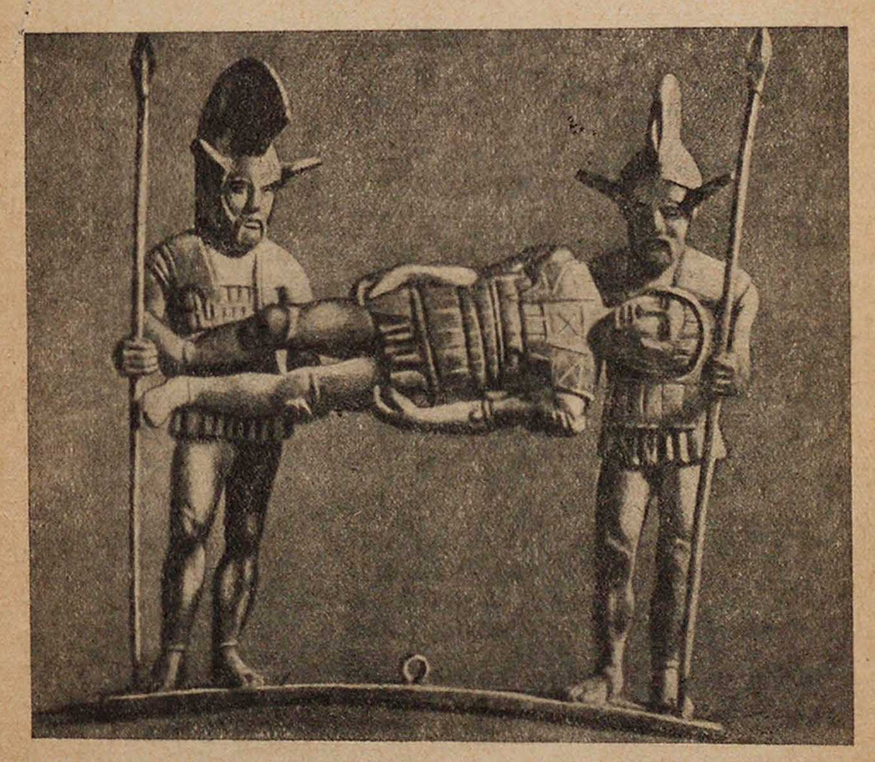
Причина возвышения Рима среди латинских городов заключалась в его географическом и экономическом превосходстве и в наличии глубоких противоречий между латинскими городами, входившими в союз. Общие собрания союза происходили на берегу Ферентинского озера (ad caput Ferentinae), недалеко от г. Ариции (отсюда и название союза — *Арицинская федерация*). Образование Арицинской федерации, явившейся продолжением старого (доримского) Латинского союза 30 городов, образует первый этап в процессе объединения Италии под гегемонией города Рима.

Самым значительным событием этого периода была *война с Вейями*, столицей Этрурии, и союзными с ними Фиденами. Согласно преданию, вражда Вей с Римом восходит еще ко вре-

---

[1] *Dion. Halic.*, op. cit., VI, 95.
[2] *Cic.*, Pro Balbo.

мени Ромула. Причиной вейентской войны послужило стремление названных городов, отрезанных от моря, закрепить за собою нижнее течение Тибра. В IV в., когда война с Вейями снова вспыхнула, после десятилетней осады римскому консулу Марку Фурию Камиллу удалось подвести подкоп. Столица Этрурии

Два латинских воина, несущих павшего в бою товарища

была взята приступом, постройки разрушены и сожжены, жители превращены в рабов, а Вейентская область включена в римскую территорию (396 г.).

Завоевание Этрурии пошло бы и дальше, если бы внимание Рима не отвлекли северные народы — *галлы-сеноны* (senones), составлявшие передовой отряд кельтов, живших на территории между Балканским полуостровом и Альпами. Воспользовавшись вейентской войной, галлы продвинулись на Апеннинский полуостров, проникли в Этрурию, захватили несколько этрусских городов и прорвались в Лаций. Под угрозой общей опасности этруски объединились с римлянами и соединенными силами встретили галлов при речке *Аллии* (Allia), притоке Тибра. Произо-

шло жестокое сражение, в котором римляне и их союзники потерпели полное поражение. Поражение при Аллии и вскоре затем последовавший захват и пожар Рима (390 г.) оставили глубокий след в памяти римского народа — «день при Аллии!» (dies Alliensis). Осада затянулась на семь месяцев, а тем временем разбитые при Аллии римские дружины получили возможность собраться и оправиться. Во главе римских ополчений стал испытанный вождь Камилл, вызванный из ссылки[1]. Камилл вступил в переговоры с главным вождем галлов Бренном (Brennus), согласившимся очистить Рим за выкуп. Получив 1 000 фунтов золота, галлы, не искушенные в осаде городов и страдавшие от голода, покинули Рим.

Вокруг вейентской и галльской войн сложилось много всякого рода легенд и рассказов, к числу которых принадлежит известный рассказ о священных гусях Юноны, своим криком разбудивших стражу и спасших Капитолий, повесть о трех Фабиях, римских послах, отправленных в осажденный галлами город Клузий, повести о доблестях Камилла и его знаменитая фраза «Vae victis!» (горе побежденным), произнесенная им при отвешивании золота галлам, и т. д.

После присоединения Вейентской области, почти в два раза увеличившей римскую территорию, Рим сделался первым городом Центральной Италии, фактическим гегемоном Латинской федерации. И уже тогда наметились методы римской политики, приведшие к объединению Италии под властью Рима. Построенная на принципе «разделяй и властвуй» (divide et impera), политика римлян состояла в поселении колонистов-римлян на территории завоеванных городов и заключении сепаратных договоров с различными городами Италии. Особенно важно было заключение сепаратного договора с Тускулом (381 г.), который должен был отказаться от политической независимости и превратиться в общину, подчиненную Риму, — это был первый муниципий Италии. К середине IV в. маленькая (10 *км*²) римская община на среднем Тибре превратилась в федерацию, которая занимала более 100 *км*².

В своем продвижении на юг, в направлении Кампании и Южной Италии, римско-латинская федерация встретилась с другой, не менее сильной *федерацией самнитских племен*. Самниты жили к северо-востоку от Кампании, между Адриатическим и Тирренским морями, и делились на много племен. Самний — горная крестьянско-пастушеская страна, покрытая горами, оврагами и ущельями, с небольшим числом городских поселений. В своих постоянных передвижениях самниты доходили до Апулии и Кампании, нападая на пограничные области. На этом про-

---

[1] *Dion. Halic.*, op. cit., III, 50.

движение самнитских племен на запад не остановилось. За первой волной переселенцев последовала вторая. Тогда теснимые горными самнитами мелкие кампанские племена, авзоны и сидицины, обратились к кампанцам за помощью. А эти последние, не чувствуя за собой достаточной мощи, отдались под покровительство Рима как самого сильного государства Центральной Италии.

Вмешательство Рима в дела Кампании знаменовало первый этап в истории объединения Италии, период пятидесятилетней борьбы с сабелльскими племенами, осложнившейся восстанием латинских и этрусских городов. Разрыву с самнитами предшествовали страстные дебаты в римском сенате, в драматической форме переданные в VII книге «Истории» Тита Ливия. Страсти разгорелись в связи с прибытием в Рим кампанской делегации, просившей римлян взять их под свою защиту. Кампанцы нарисовали блестящую перспективу союза Рима с Капуей, столицей Кампании, богатейшей житницей Италии.

«После того как депутаты удалились, спрошено было мнение сената... Большая часть сената полагала, что величайший и богатейший город Италии, плодороднейшие и близкие к морю поля будут житницей римского народа на случай колебания цен на продовольствие»[1].

Велико было желание приобрести Капую, но велик был также и риск потерпеть поражение. Самнитское войско считалось лучшим войском Италии, римская же федерация тогда была неустойчива и мало надежна. После расправы с Вейями и *Фиденами* латинские и этрусские города готовы были к отпадению при первом же представившемся к тому случае. С другой стороны, римлян страшила перспектива господства самнитов в Кампании как вечная угроза Риму. Сперва взяло верх мнение умеренного большинства сената, не отказывавшегося от протектората над кампанцами, но и не желавшего открытого разрыва с самнитами. «Благоразумие и верность союзу восторжествовали над такой великой выгодой, и консул, согласно решению сената, дал такой ответ: «Сенат считает вас, кампанцы, достойными помощи, но установить с вами дружбу справедливо лишь при условии ненарушения более старинной дружбы и союза с самнитами. Самниты связаны с нами союзным договором. На этом основании в вооруженной помощи против самнитов, которая более оскорбит богов, чем людей, мы вам отказываем, но, согласно международному праву и законам религии, мы станем просить союзников и друзей не причинять вам никакого насилия»[2].

---

[1] *Liv.*, VII, 31.
[2] Ibidem.

При такой нерешительности собрания кампанцам пришлось пустить в ход всю силу своего красноречия, обещаний и угроз. Глава кампанской делегации рисовал помощь римлян кампанцам как дело высокого нравственного долга перед людьми и перед богами. «Согласно данному ему дома полномочию, он сказал: «Так как вы не хотите законно защищать нашего достояния силою против насилия и обиды, то свое достояние вы во всяком случае будете защищать: мы сдаем в вашу власть, сенаторы, и во власть римского народа кампанский народ, город Капую, поля, холмы богов и все, что принадлежит богам и людям. Что бы затем ни случилось с нами, будет означать, что это случилось с вашими подданными». При этих словах все они, стоя в преддверии курии, пали на колени, простирая руки к консулам и проливая слезы»[1].

Аргументация кампанцев произвела впечатление на сенат и дала перевес сторонникам войны. Сенат высказался за активное вмешательство в дела Кампании.

«Сенаторы были взволнованы такой превратностью человеческой судьбы, видя, что этот могущественный народ, известный своею роскошью и высокомерием, народ, у которого еще недавно соседи просили помощи, до того пал духом, что передает себя и все свое достояние в чужую власть. При таких условиях уже казалось, что справедливость требует не выдавать союзников: высказывали мнение, что самнитский народ поступит противозаконно, если станет осаждать территорию и город, ставший под власть римского народа. Ввиду этого решено было немедленно отправить к самнитам посольство, которому поручено было сообщить им о просьбе кампанцев, об ответе сената, согласном с дружественными отношениями к самнитам, о последовавшей затем сдаче, и приказано было затем просить именем союза и дружбы пощадить римских подданных и не итти с оружием на ту область, которая стала собственностью римского народа; если же кроткая речь не будет иметь успеха, то послы должны были возвестить самнитянам от лица римского народа и сената, чтобы они не касались города Капуи и Кампанской области»[2].

Решение сената тем более понятно, что на помощь Рима более всего рассчитывала капуанская олигархия, так называемые всадники (equites), находившиеся в жестокой вражде с капуанским плебсом. Для римских патрициев война таким образом приобретала двойной смысл: 1) захват плодородной и богатой страны и 2) подавление мятежных элементов. В качестве идеологического оправдания был выдвинут высокий нравственный мотив (honor) — необходимость оказывать помощь тем, кто, ища защи-

---

[1] *Liv.*, VII, 31, 4.
[2] Ibid., 7, 31, 4.

ты, добровольно становится под покровительство римских законов.

Захватом Кампании окончилась так называемая *первая самнитская война* (343—341 гг.). Опираясь на поддержку кампанских всадников, римляне без труда захватили *Капую* и закрепили за собой *Кампанию*. Разрозненные и плохо вооруженные самниты вынуждены были согласиться на мир и признать факт господства *Рима* в *Кампании*. На этом дело, однако, не остановилось. Неожиданный захват римлянами *Кампании* вызвал протест не только со стороны самнитов, но и вообще со стороны всех италиков — *латинов*, *этрусков* и *герников*, входивших в Арицинскую федерацию. Закрепление *Рима* в *Кампании* давало ему опасный для равноправия союзников перевес в *Арицинской федерации*. Вследствие этого союзники, воспользовавшись затруднительным положением *римлян*, потребовали подтверждения равноправия всех членов союза, выбора одного консула и половины сената из *латинов*. Отказ *Рима* удовлетворить просьбу союзников повел к *римско-латинской войне* (340—338 гг.), окончившейся поражением союзников подле *Трифана*, между *Синуэссой* и *Минтурнами*, и распадом *Арицинской федерации*.

Место старой, *Латинской федерации* отныне заняла новая, *Римско-италийская федерация*, построенная уже на иных, более сложных началах с преобладанием города *Рима*.

Война с *самнитами* продолжалась и после уничтожения Арицинской федерации. В 327 г. началась *вторая самнитская война* (327—304 гг.), и как ее продолжение *третья самнитская война* (298—290 г.) Поводом к этой великой самнитской войне послужил захват первым римским проконсулом *Публилием Филоном* греческой колонии *Неаполя* (Neapolis). Как и в первой войне за Капую, римлян поддерживали неаполитанские олигархи-всадники, *самнитам* же сочувствовали плебеи. Трудность войны с самнитами заключалась в топографических условиях *Самния*, горной страны с массой мелких хребтов и ущелий, совершенно лишенной дорог. Римская военная единица (легион) в таких условиях оказывалась малопригодной. Вследствие этого пришлось на ходу сформировать новую боевую единицу, более мелкую и подвижную, — манипул. Самой же главной опасностью для римской армии была ненадежность тыла, скрытая и открытая вражда латинских и этрусских городов, тяготившихся союзом с *Римом*.

Вторая самнитская война открылась тяжелым поражением римлян, пытавшихся из *Кампании* проникнуть в *Самний*. В 321 г. римляне попали в засаду в *Кавдинском ущелье* (furcula Caudinae) и вынуждены были принять позорные условия, продиктованные неприятелем. Римское войско прошло под ярмом, что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Крепости *Люцерия* и *Фрегеллы* перешли на сторону *самнитов*.

В 20-х годах IV в. положение Рима было в высшей степени трудным, почти что катастрофическим. Самнитская война превращалась в войну за италийскую независимость. Составилась внушительная антиримская коалиция, к которой присоединились также и галлы. Крайне пестрая по своему составу, коалиция нанесла тяжкие поражения римской армии, но затем стала разлагаться в силу внутренних противоречий, с одной стороны, материального и военно-технического превосходства *Рима* — с другой. Независимость италийских народов была погребена в победах, одержанных римскими легионами и всадниками: при *Вадимонском* озере (310 г.) и *Сентине* в *Умбрии* (295 г.).

В изложении римских анналистов победа *римлян* над *латинами* и *самнитами* приписывается высоким качествам, героизму и патриотизму отдельных личностей, героев римских армий — Луцию Папирию Курсору, Марку Курию Дентату, Публию Децию Мусу и в особенности *Луцию Корнелию Сципиону Бородатому* (L. Cornelius Scipio Barbatus). Саркофаг Сципиона Бородатого находится в Ватиканском музее, и на нем имеется архаическая латинская надпись, представляющая памятник древнейшей латинской письменности. Надпись гласит:

Cornelius Lucius Scipio Barbatus,
Gnaivod patre prognatus, fortis vir sapiensque,
Quoius forma virtutei parisuma fuit,
Consol, censor, aedilis quei fuit apud vos,
Taurasia Cisauna Samnio cepit
Subigit omne Loucanam opsidesque abdoucit.
(Корнелий Луций Сципион Бородатый,
Сын Гнея, сильный и мудрый,
Его красота равнялась его доблести.
Он был консулом, цензором, эдилом,
Взял Таврасию и Цизауну в Самнии,
Подчинил всю Луканию и увел заложников).

После разгрома *самнитов* наступила очередь италийских *греческих полисов*. Борьба с греческими городами составляет третий этап в истории объединения и унификации Италии. Со времени образования сицилийской державы Дионисиев (конец V и IV вв.) греческие полисы Южной Италии переживали внутренний кризис. С одной стороны их теснили сицилийцы, а с другой стороны на них надвигались италийские племена: бруттии, луканы, самниты и т. д. Не будучи в состоянии справиться с врагами собственными силами, греческие полисы обратились за помощью к Риму.

В 284 г. греческий город Фурии, соперник Тарента, просил помощи Рима против луканов. Посланный римлянами гарнизон освободил Фурии и присоединил их к римскому союзу. Примеру Фурий последовали другие города: Кротон, Локры и Регий, принятые в римский союз при условии пребывания в каждом из

этих городов римского гарнизона. Из всех городов Южной *Греции* дольше всего сохранил свою независимость *Тарент.*

Тарент славился удобством и красотой своего географического положения как один из главных входов в *Адриатическое море*, имел прекрасную бухту и был обнесен крепкими стенами. Из Тарентской гавани суда шли во всех направлениях — в Истрию, Иллирию, Эпир, Ахайю, Африку и Сицилию.

Поводом к войне Рима с Тарентом послужил следующий инцидент с римской эскадрой. Зашедшая в Тарентскую гавань римская эскадра подверглась оскорблению со стороны тарентской публики, собравшейся в городском театре на представление. «Кто такие эти римляне? Откуда они взялись?» — кричала высыпавшая в гавань публика. Отправленное для выяснения инцидента римское посольство подверглось в свою очередь насмешкам и оскорблениям. «Смейтесь и насмехайтесь,— сказал в ответ на язвительные насмешки греков, издевавшихся над плохим греческим произношением римлян, римский посол,— скоро у вас будет основание плакать и раскаяться в совершенном... Пятна на моей тоге вы смоете вашей кровью».

Для Рима война с Тарентом представлялась чрезвычайно опасной, так как это была война не только с одним греческим городом, но с целой коалицией южноиталийских городов и племен. Таренту оказывали прямую поддержку или сочувствовали *Кампания*, *Апулия*, *Лукания* и греки *Балканского полуострова*, по преимуществу демократы.

«Так началась тарентинская война (bellum Tarentinum), по названию война с одним городом, в действительности же война со многими народами. Подобно лавине, война вовлекла кампанцев, апулийцев, лукан — словом, всю Италию,— а вместе с ними царя Пирра, блестящего греческого полководца»[1].

В 280 г. на италийской почве появился *Пирр* (Pyrrhus), царь Эпира. Пирр принадлежал к числу эллинистических царей-авантюристов, жаждавших славы и деятельности. Вышедший из школы знаменитого эллинского полководца *Деметрия Полиоркета*, Пирр после изгнания из *Македонии* утвердился в *Эпире* и, считая себя вторым Александром Македонским, мечтал о создании мировой державы на Западе, в которую должны были войти Великая Греция, и Сицилия. В своих замыслах Пирр выступал продолжателем дела сицилийского тирана Агафокла. На приглашение Тарента Пирр посмотрел как на благоприятный случай овладеть Великой Грецией, охотно принял предложение тарентинцев и переправился в Италию с 25-тысячной армией и 20 боевыми слонами. Высадка эпирского царя на италийской почве послужила началом военных действий.

---

[1] *Flor.*, I, XVIII.

Первое крупное сражение между римлянами и Пирром произошло близ *Гераклеи*, где Пирр, показав искусство великого полководца, организатора и стратега, одержал блестящую победу над римским консулом Публием Валерием Левином. В следующем (279) году произошло второе сражение между римлянами и эпирским царем при *Аускуле* в Апулии, также окончившееся разгромом римского войска. Но эта вторая пиррова победа куплена была дорогой ценой и не закончила войны. Численное превосходство оставалось на стороне римлян, к тому же научившихся с помощью боевых колесниц с жаровнями и железными крюками бороться с «луканскими быками», как тогда называли слонов. К тому же союзная коалиция оказалась непрочной и стала распадаться. Недовольный тарентинцами, Пирр из Италии переправился в Сицилию, где он, вступив в права наследника Агафокла, подчинил себе греческие города и открыл войну против Карфагена, претендовавшего на Сицилию.

Первое время дела Пирра в Сицилии пошли успешно. Ему удалось, прорвавшись через карфагенскую эскадру, блокировавшую город с моря, освободить Сиракузы. Под напором войск Пирра карфагеняне (пунийцы) очистили большую часть острова, отодвинувшись к городу Лилибею. Под Лилибеем произошло генеральное сражение, в котором царь потерпел поражение. Поражение Пирра повлекло за собой отпадение греческих городов и распад коалиции. Потерпевший поражение в Сицилии и в спешном порядке переправившийся в Италию, Пирр встретился с римским консулом Марком Курием Дентатом при *Беневенте* в Самнии и, потерпев поражение (275 г.), бежал в Эпир, где он вскоре и погиб.

После ухода Пирра в Таренте взяла верх мирная партия, начавшая переговоры с римлянами. Обессиленные тарентинцы сдались на милость победителя, очистили акрополь, выдали оружие, срыли стены и приняли римский гарнизон.

После падения Тарента последовало покорение италийских народностей — *луканов*, *бруттиев*, *кампанцев*, *самнитов* и др. Последним городом, покоренным римлянами, был город Вольсинии в Этрурии, куда римляне были призваны городской аристократией, не могшей собственными силами справиться с вольноотпущенниками и рабами, восставшими против их господ[1]. Для закрепления завоеванных областей были выведены новые колонии — Беневент, Эзерния, Пест, Аримин, Коза, и др. Аппиева дорога, соединявшая центр с югом Италии, была продолжена до Тарента.

Тарентинская война заканчивает объединение Италии и открывает новую эру римской истории — эру мирового господства Рима в средиземноморском бассейне. По сравнению с предше-

[1] *Flor.*, I, XXI.

ствующими войнами тарентинская война была войной крупного масштаба, давшая победителю массу добычи, рабов и сделавшая его наследником греческой торговли.

«Никогда в стенах города не было столь блестящего и великолепного триумфа. Что римляне видели до того времени? Скот вольсков, стада сабинян, телеги галлов, сломанное оружие самнитов. Тогда же появились закованные фессалийцы, молоссы, воины Македонии, Бруттия, Апулии и Лукании. Пурпур, золото, картины, статуи, весь блеск и роскошь Тарента украшали триумфальное шествие. Скоро покорена была вся Италия. Это был счастливый век, юность римского народа!» (haec est secunda aetas populi Romani et quasi adolescentia).

«Рим находился тогда в силе и расцвете, бурлил и кипел, в то же время сохраняя еще известную пастушескую грубость своих предков. Римский народ дышал неукротимой гордостью»[1].

4. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Война с Пирром и последовавшие затем столкновения с южноиталийскими племенами закончили процесс объединения Центральной, Южной и частично Северной Италии. Под эгидой Рима оказались сотни самых разнообразных народностей, говоривших по крайней мере на 12 различных языках: лигурском, этрусском, венетском, мессапийском, греческом, кельтском, латинском, оскском и т. д. Объединение Италии представляется делом тем более удивительным, что по своим природным данным Италия менее всего предрасположена к унификации и централизации. В многолетней упорной борьбе различных италийских федераций за гегемонию в Италии победа оказалась на стороне Рима. Причина этого заключалась, помимо внутренней противоречивости антиримских коалиций, в экономическом превосходстве Рима, большей гибкости его конституции и в новом типе федерации, созданной Римом.

Ко времени сложения Италийской федерации под гегемонией Рима римско-италийские ремесла, торговля и банковое дело сделали значительный шаг вперед. Из торгово-ремесленных городов в IV—III вв. в Италии первое место занимали Рим, Капуя, Пренесте и этрусские города, центры металлического, керамического, строительного и шерстяного производств. В торговле целый переворот произвело введение серебряной монеты. От медного весового асса (aes rude), некогда заменившего первоначальную денежную единицу — голову скота, по имени которого получили и самое название деньги (pecunia

[1] *Flor.*, I, XVIII—XXII.

от pecus — скот), перешли к *серебряному денарию* (denarius), приравненному к 10 ассам (около 273 граммов). Денарий делился на квинтарии, а квинтарии на сестерции (sestertius). Первая монетная мастерская помещалась на Капитолии рядом с храмом богини Юноны Монеты (Iuno Moneta), откуда происходит и самое название «монета» (moneta). Введение серебряного денария оживило и ускорило товарное обращение, расширив круг покупателей и продавцов. Не меньшее значение для торговли сыграла также и прокладка новых дорог. Со времени самнитских войн в Италии прокладываются *шоссейные дороги*, из которых первой по времени была *Аппиева дорога* (via Appia), «царица римских дорог». В условиях античного мира прокладка шоссейных дорог имела такое же значение, как постройка железных дорог в новой Европе.

В IV и III вв. были заключены новые договоры с Карфагеном. В ремесле и сельском хозяйстве повысилось значение рабского труда и увеличилось число вольноотпущенников. Интеллигентские профессии в этот период большей частью также находились в руках рабов или вольноотпущенников. Богатые и интеллигентные вольноотпущенники достигали высоких общественных должностей и даже в виде исключения попадали в сенат.

Первое место в государстве оставалось попрежнему за патрициатом, но решающее слово в важнейших вопросах внутренней и внешней политики теперь принадлежало уже не центуриатным, а трибутным комициям, большинство которых составлял сельский плебс. Демократизация римской конституции и политическое оформление плебса продолжались.

Расширение экономической базы плебса явилось в результате классовой борьбы плебеев с патрициями и повышения материального и культурного уровня сельского и городского плебса. С наибольшей силой классовая борьба разгоралась в периоды тяжелых военных поражений, каковы разгром при Аллии или Кавдинском ущелье. На эти годы приходятся и все крупные социально-политические реформы.

Как и прежде, во главе недовольных плебеев, разоряемых военной службой, набегами врагов и обремененных долгами, становились демократически настроенные и честолюбивые люди из патрициев или плебеев. Большей частью это были консулы и диктаторы, отличавшиеся в походах и пользовавшиеся расположением войска.

Таков, например, был герой галльских войн *Марк Манлий Капитолин* (Marcus Manlius Capitolinus), спасший Капитолий от захвата галлами. Манлий освободил сидевших на его землях клиентов, привлек на свою сторону обедневших плебеев и вместе с народными трибунами агитировал за реформу долгового права и раздел общественной земли между малоземельными

плебеями. Попытка Манлия захватить власть не удалась. Обвиненный патрициями в стремлении к тирании, Манлий был осужден и сброшен с Тарпейской скалы (384 г.).

Через несколько лет предложение Манлия о разделе общественных земель было возобновлено народными трибунами *Лицинием Столоном* (C. Licinius Stolo) и *Секстием Латераном* (L. Sextius Lateranus) и после десятилетней борьбы, в 367 г., было принято комициями в форме «комплексного» тройного закона (lex per saturam), рассчитанного одновременно на богатых и бедных плебеев.

Первый закон гласил, что из двух консулов один непременно должен быть плебеем (utique alter ex plebe crearetur).

Второй закон ограничивал норму оккупаций общественного поля 500 югеров и устанавливал плату за его пользование в размере $^1/_{10}$ с хлебных полей и $^1/_5$ с виноградных и масличных плантаций (ne quis plus quingenta iugera agri possideret).

Право же пользования общественными землями предоставлялось одинаково как патрициям, так и плебеям. Кроме того, землевладельцам и скотоводам вменялось в обязанность наряду с рабами иметь определенное количество свободных рабочих.

Установление земельного минимума в период начинавшегося роста торгово-ростовщического капитала и земельной концентрации вполне допустимо, но устанавливаемая законом норма в 500 югеров вызывает целый ряд вопросов и вряд ли соответствует действительности. Для IV в. эта норма слишком велика. Установление нормы заимок, или оккупации (occupatio), на общественном поле (ager publicus) в первую очередь было направлено против патрициев-скотоводов, захватывавших общественные угодья под пастбища.

Третий закон Лициния — Секстия касался долгов, тяготевших на плебеях. Согласно этому закону, уплаченные проценты вычитались из ссудного капитала, погашавшегося в три равных срока (ut deducto eo de capite quod usuris pernumeratum esset, id quod superesset triennio aequis portionibus persolveretur)[1]. Ссудный процент был снижен, а в 326 г. законом *Петелия Папирия* (lex Poetelia Papiria) уничтожалась отдача в кабалу за долги.

Среди политических деятелей Рима конца IV в. выделялся патриций *Аппий Клавдий*, цензор 312 года, потомок древних Клавдиев. С Аппием Клавдием связана целая эпоха в истории экономического, политического и культурного роста Рима: постройка первой монументальной Аппиевой дороги, соединявшей Рим с южными частями Италии, постройка и украшение храмов (храм Беллоны), замена этрусского алфавита греко-латинским, введение солнечных часов и многое другое.

---

[1] *Liv.*, VI, 35.

Дошедшая до нас редакция сервиевой конституции, заменившая первоначальный земельный ценз денежным, повидимому, тоже принадлежит Аппию Клавдию. Замена земельного ценза денежным соответствовала интересам демократических групп, связанных с торговлей, ремеслами и вообще с товарно-денежным хозяйством.

Не менее характерно также и другое мероприятие Аппия Клавдия — расширение прав вольноотпущенников (libertini, liberti), распределение их по всем трибам и допущение сыновей богатых вольноотпущенников в сенат. Из этого можно сделать вывод, что уже в IV в. рабы и вольноотпущенники играли немалую роль в римском обществе и римском хозяйстве. Аристократия поддерживала вольноотпущенников главным образом потому, что большая часть их состояла в клиентеле у своих бывших господ и на выборах отдавала им свои голоса. Сельский плебс не всегда находился в достаточном количестве в городе, и потому нередко вопросы решались только голосами горожан, вольноотпущенники же в качестве ремесленников, лавочников, писарей, счетчиков, управляющих и т. д. обычно проживали в городе и находились на откупе у их прежних господ.

Одновременно с этим Аппий Клавдий повел энергичную борьбу с жречеством, составлявшим идеологическую опору патрицианской олигархии. Так, по его инициативе родовой культ Геркулеса был превращен в общегосударственный, собраны изречения пифагорейских мудрецов, легализированы орфические культы, запрещенные официальной религией, и т. д. В 300 г. закон братьев *Огульниев* (lex Ogulnia), этрусков по происхождению, открывал плебеям доступ к высшим жреческим должностям и увеличивал до девяти число членов коллегии понтификов и авгуров[1]. Впрочем, полного уравнения плебеев с патрициями в этой области никогда не было. Многие жреческие должности всегда оставались монополией патрициев. Таковы, например, были жреческие коллегии салиев, фламинов (flamines maiores) и должность «царя жрецов» (rex sacrorum)[2].

Еще дальше по пути демократизации римского строя пошел вольноотпущенник, клиент Клавдиева дома, курульный эдил *Гней Флавий* (Gneius Flavius), с именем которого связано введение нового, «флавианского права» (ius civile Flavianum), дополнившего законы XII таблиц и упростившего гражданский процесс (legis actiones). Вместе с тем Флавий обнародовал календарь, знание и составление которого до тех пор составляли монополию понтификов, объявлявших по своему усмотрению присутственные и неприсутственные дни (dies fasti et nefasti), назначавших

---

[1] *Liv.*, X, 6—9.
[2] *E. Pais*, op. cit., 1, 2, 157.

и отменявших дни собраний и судебных процессов. Тот же самый Гней Флавий переработал в демократическом направлении консульские фасты, внеся в число древнейших консулов и трибунов плебейские фамилии Марциев, Брутов и др. Далее, Флавию приписывали издание аннал, летописных записей римской истории.

Заключительным звеном в длинной цепи борьбы патрициев с плебеями был закон (287 г.) диктатора *Гортензия* (lex Hortensia). Поводом к изданию этого закона послужило восстание плебеев, окончившееся их выселением на Яникульский холм. Закон Гортензия, формально повторяющий древний закон Валерия и Горация (относящийся к 449 г.), принадлежит к разряду основных, или «священных», законов (leges sacratae) Римской республики. По этому закону, решения плебейских *трибутных комиций* (plebiscita) признавались общегосударственными законами, обязательными для плебеев и патрициев:

«Все, что решит плебс по трибам, имеет силу общенародного закона» (ut quod tributum plebs iussisset populum teneret).

Всесословные трибутные комиции собирались на Форуме, подача голосов на них происходила не по центуриям, а поголовно (viritim), чем обеспечивалось преобладание плебса и в частности сельского плебса. Одновременно подтверждалась неприкосновенность (sacrosanctitas) народных трибунов. Виновному в нарушении этого закона грозили проклятие и конфискация имущества. Ко времени же самнитских войн или войны с Пирром относится закон об *обращении к народу* (provocatio ad populum), устанавливавший право апелляции на действия высших магистратов к народному собранию.

Согласно традиции, инициатива этого закона принадлежала «другу народа», первому консулу Римской республики Валерию Попликоле (lex Valeria de provocatione). Неограниченные полномочия консулов сохраняли свою силу лишь за пределами городской черты (pomoerium); внутри померия консул подчинялся общегражданским законам.

В связи с социально-экономическим ростом плебса и повышением его политического веса в течение IV и III вв. происходит ряд изменений в государственном строе Рима: с одной стороны, появляется ряд новых магистратур, с другой — происходит демократизация существующих учреждений: плебеи получают доступ ко всем должностям. В 356 г., во время одной из войн с этрусками, плебей был назначен диктатором. Одновременно с законами Лициния — Секстия появляется вначале доступная только патрициям должность претора (praetor). Он считался младшим коллегой (collega minor) консулов, и ему, подобно консулам, принадлежал imperium. Главной функцией претора был суд. Плебеи получают доступ к претуре в 337 г. С 242 г. вместо одного претора появляются

два — один городской претор (praetor urbanus) для разбора судебных казусов, возникавших между гражданами, жившими на территории города, и другой (praetor peregrinus), разбиравший дела союзников и провинциалов. Одной из важнейших республиканских магистратур была цензура (censura), введенная в 443 г., а с 351 г. ставшая доступной плебсу. Полномочия цензоров не ограничивались их прямой функцией — производством имущественного ценза, т. е. выявлением имущественного положения граждан, и в соответствии с этим распределением их по гражданским разрядам (descriptio classum et equitum). В круг цензорских полномочий входили также введение в сенат новых членов и исключение старых (lectio senatus), высший надзор за государственным хозяйством, наблюдение за общественной нравственностью (regimen morum) и многие другие. Два цензора избирались раз в 5 лет сроком на полтора года. За состоянием города, чистотой улиц, исправностью дороги, мостов, за правильностью мер и весов, состоянием общественных зданий и т. д. наблюдали *эдилы* (aediles). На их же обязанности лежало выполнение полицейских функций, функций базарной полиции, гигиенического надзора, наложение и взимание штрафов (multa) за нарушение общественного порядка. Далее, в круг деятельности эдилов входило устройство игр (ludi), зрелищ и празднеств. В отличие от остальных магистратур эдилы первоначально выбирались не из патрициев, а из плебеев (aediles plebei) и находились при храме Цереры (aedes — храм), древнейшей организации плебеев[1]. В IV в. по примеру плебейских эдилов появляются *патрициальные*, или *курульные*, *эдилы* (aediles curules), впоследствии слившиеся с плебейскими эдилами. Квесторы, вначале назначавшиеся консулами, с 447 г. стали избираться. Плебеи в первый раз были избраны квесторами в 409 г. Квесторы ведали государственными финансами: им было поручено хранение казны (aerarium), находившейся в храме Сатурна, к ним поступали взносы с ager publicus, они продавали в рабство пленников. Во время походов квесторам поручалось заведывание интендантской частью. Первоначально квесторов было четыре, с расширением же территории Рима число их увеличивается (с 267 г. избирается восемь квесторов).

Консулы, преторы и цензоры избирались центуриатными комициями, эдилы и квесторы — трибутными. Диктатор избирался сенатом, формально же назначение его исходило от одного из консулов.

Демократизация коснулась также и *армии*. В IV в. римская армия все еще продолжала оставаться гражданской милицией, предводительствуемой полуштатскими полководца-

---

[1] *Zon.*, 7, 15; *Liv.*, III, 53; *Fest.*, 318.

ми — *консулами*, высшими гражданскими чиновниками, и такими же штатскими полковниками — *легатами* и штабо-офицерами — *трибунами*. По большей части это были молодые люди аристократического происхождения с малым боевым опытом. С удлинением войн и усложнением военной техники в период самнитских войн и войн с греками все отчетливее выступали слабые стороны гражданского ополчения, в силу естественного хода вещей перерождавшегося в регулярную армию (пехоту). Параллельно с этим повышалось значение в войске низших офицерских чинов — центурионов (сотников, фельдфебелей), выходивших из легионеров, обладавших большим военным опытом и являвшихся проводниками военной дисциплины.

Основной военно-административной единицей римской армии оставался легион, состоявший из 4 500 человек, из них 3 000 пеших, 300 конных и 1 200 полувооруженных и нестроевых. Нестроевые части вербовались по преимуществу из недавно покоренных областей. Установленное сервиевой конституцией разделение ополченцев по имуществу утрачивало смысл по мере снабжения государством недостаточных ополченцев оружием. Разделение войска по имуществу заменялось разделением по возрасту. Каждый легион делился на 3 возрастные группы: 1) группа младшего возраста в 1 200 человек (hastati — копейщики), 2) 1 200 человек среднего возраста (principes) и 3) 600 человек старшего возраста (triarii). Физически более крепкая и рьяная молодежь принимала на себя всю силу удара в рукопашной схватке, отцы же семей подвергались опасности лишь в крайнем случае. Армия была вооружена щитами, мечами, тяжелыми копьями или метательными дротиками. Одеянием служили панцырь и шлем. Это была тяжелая пехота, напоминавшая греческих гоплитов.

Изменилась и техника боя. В царский период, когда войско состояло из родовых ополчений и патрицианских дружин, бой носил по преимуществу характер единоборства отдельных воинов, как это видно, например, из легенды о *Горациях* и *Куриациях*. Новая же военная техника требовала массовых действий: массового метания дротиков и массового натиска; индивидуальная инициатива отступала на второй план перед дисциплиной. Разделение легионов на манипулы сделало армию подвижной и приспособленной к условиям как равнинного, так и горного боя. Новый строй, кроме того, давал возможность соединять наступательные действия с оборонительными и вводить резервы.

Ядро римского войска составляла пехота легионеров — «железные легионы», при которых конница играла лишь дополнительную роль. На каждый легион полагалось 300 всадников. К четырем собственно римским легионам присоединялись еще четыре союзных легиона с соответственным количеством кавалерии.

5. ИТАЛИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Римско-италийское общество к III в. значительно изменилось по сравнению с тем, что оно собой представляло в предшествующие века. Патрициат вырождался и слабел, а плебс увеличивался количественно и вырастал экономически и культурно. Городской плебс рос вследствие развития экономической жизни, притока в Рим новых элементов и увеличения числа вольноотпущенников, вливавшихся в ряды городского плебса. Увеличение же числа сельских триб расширяло ряды сельского плебса и вместе с тем повышало его социально-политический вес.

Место старой патрицианско-родовой аристократии занимала новая служилая аристократия города, *нобилитет* (nobilitas), пополнявшаяся из патрициев и богатых плебеев, занимавших высшие должности в Республике — консулов, преторов, диктаторов, цензоров, жрецов и т. д. Никаких юридических привилегий нобили не имели, их сила заключалась в политическо-административном опыте, богатстве, влиянии и обширной клиентеле. Единственной привилегией нобилей было право иметь изображения предков (ius imaginum).

В древнем Риме всякий гражданин имел право занимать все магистратуры, но фактически, ввиду безвозмездности государственных должностей и расходов, сопряженных с ними, высшие магистратуры занимали только нобили. По окончании срока службы бо́льшая часть магистратов вступала в сенат, доступ в который формально был открыт лучшим людям из всех сословий (optimus ex omni ordine), сенаторами становились те, кто отбыл одну из курульных (диктатор, консул, цензор, претор, курульный эдил) или некурульных (народный трибун, плебейский эдил и квестор) должностей, в отдельных же случаях сенаторами становились и совсем не проходившие магистратур [1].

В IV—III вв. в сенат сравнительно легко проникали «новые люди» (homines novi). Сенат и нобилитет тогда не были еще замкнутыми олигархическими корпорациями, каковыми они сделались в следующие века. В собственном смысле нобилями называли сенаторов, бывших магистратов, в широком же смысле термин «нобилитет» прилагался вообще ко всему верхнему слою Римской республики, имевшему своих представителей в сенате. Списки кандидатов в сенат составляли сначала консулы, а потом цензоры, заполнявшие свободные вакансии и исключавшие негодных (ignominiosi) членов.

Параллельно с экономическим и политическим ростом плебса происходил *территориальный рост* Римской республики. Римское государство в III в., как уже отмечалось выше, представ-

---

[1] *Th. Mommsen*, Staatsrecht, III, 420.

ляло объединение многочисленных городских и сельских общин, находившихся на неодинаковых культурных ступенях, говоривших на разных языках и имевших неодинаковую историю. Отношения Рима к италикам складывались сами собой в процессе жизни и не были однородны.

С юридической точки зрения население Римской республики делилось на три разряда: 1) римских граждан, 2) союзников, или федератов, 3) подданных. Римские граждане пользовались полными гражданскими правами (optimo iure) вне зависимости от их социального положения. Римский гражданин на всем протяжении Республики мог заниматься коммерцией, приобретать частную собственность, быть арендатором государственных земель, участвовать в светских и религиозных ассоциациях.

Римские граждане проживали в самом городе Риме и были рассыпаны по всему полуострову. Главными поселениями римских граждан вне Рима служили колонии (coloniae civium Romanorum). По праву победителя римляне отбирали у побежденных народов часть их территории, обычно треть, включая ее во владения римского народа. На отведенной под колонии территории колонисты строили новый город, окружали его стеной и жили обособленной жизнью. Поставленные в привилегированное положение в отношении местного населения колонисты считались пожизненно военнообязанными Римской республики. Главную массу колонистов составляли средние и мелкие землевладельцы (plebs rustica).

По своей конституции колонии представляли полную копию метрополии. Так же как и в Риме, в колониях существовали комиции, сенат (decurionum ordo), магистраты (duoviri, aediles), жрецы (flamines) и т. д. «Колонии, — замечает римский писатель *Авл Геллий*,—представляли точную копию и подобие римского народа» (quasi effigies parvae simulacraque)[1].

Первая римская колония была выведена в Остию еще при царе Анке Марции. В V в. упоминаются римские колонии в Анции и Таррацине, в III в. — в *Минтурнах*, *Синуэссе*, *Сене Галльской* и др. Большая же часть известных нам колоний относится ко второй половине III в. и первой половине II в. Во II в. появились колонии в *Путеолах*, *Вольтурне*, *Парме*, *Мутине*, *Луне* и т. д. Колонии составляли одно из мощных средств римской политики. С одной стороны, они избавляли государство от перенаселения, а с другой — служили крепостями и опорными пунктами в завоевательной политике Рима. Политическое значение колоний отчетливо обрисовано в одной из аграрных речей Цицерона. «Наши предки выбирали для устройства своих колоний местности столь удобные и столь приспособленные для защи-

[1] *Aul. Gell.*, Noctes Atticae, XVI, 13, 9.

ты их от всякой опасности, что они, казалось, были не столько италийскими городами, сколько пограничными крепостями нашей державы» (ut esse non oppida sed propugnacula imperii viderentur)[1].

Вновь присоединяемая к Риму область образовывала новую трибу или же включалась в старую. Число триб увеличивалось по мере захвата новых земель и вывода колоний. В III в. общее число триб равнялось 35, из которых 4, как и прежде, приходились на город (tribus urbanae) и 31 на внегородскую территорию (tribus rusticae). Каждый римский гражданин, в том числе и колонист, приписывался к той трибе, где он имел постоянное местожительство, землю, движимое имущество и семью. Трибы составляли основу ценза, военных податей (tributum) и набора (dilectus).

В войне, собраниях и походах жители триб (tribules) держались вместе, как бы образуя род землячества. Более мелкими единицами, на которые распадались трибы, были декурии (decuriae) и кварталы (vici, compita) в городах, поселки (pagi) — вне городов. Назывались трибы или по географическим именам (Suburina, Esquilina, Collina, Palatina) или же по именам патрицианских родов (Aemilia, Camilia, Claudia, Cornelia и т. д.). Последние две трибы — Велина и Квирина — были образованы в 241 г. После этого число триб уже не увеличивалось: вновь аннексированные территории присоединялись к старым трибам.

Неграждане делились на две категории: подданных и союзников. В отношении покоренных общин римляне применяли двоякий метод: *аннексию* и *федерацию*. Аннексия и федерация в свою очередь имели различные степени и правовые оттенки. В случае полной аннексии территория завоеванной общины превращалась в собственность государства (ager publicus), жители переселялись в другие места или же продавались в рабство. Так поступили, например, с городами Политорием, Фиканами, Медулией и прочими, о которых сообщают Ливий и Дионисий [2].

«Общественное поле» использовалось различно. Оставшаяся по выделении участка для римских колонистов земля сдавалась в аренду отдельным гражданам (viritim), компаниям откупщиков или же оставлялась в пользование прежним жителям с уплатой определенного налога (stipendium или vectigal). Города завоеванных областей в отдельных случаях разрушались, чаще же, конечно, при условии подчинения их Риму, сохраняли свою автономию. Такого рода автономные города аннексированных областей назывались *муниципиями* (municipia). Жители муниципий имели гражданские права, но не имели политических прав и, следовательно, не могли участвовать в общесоюзных собраниях и занимать римские магистратуры. Это были граждане

---

[1] *Cic.*, De lege agr., II, 27, 73.

[2] *Liv.*, I, 29—30; *Dion. Halic.*, III, 3; *Cic.*, De republ., II, 18, 33.

второй категории (minuto iure) — общины без права голоса (civitas sine suffragio). В пределах своего муниципия они были совершенно свободны, могли торговать, иметь мастерские, занимать общественные должности и даже чеканить монету.

Отношения муниципий к городу-гегемону, т. е. Риму, выражались в несении общесоюзных обязанностей (munera), поставке военных контингентов, уплате податей (stibuta) и пошлин (portoria). В силу ius commercii и ius connubii муниципалам предоставлялось право вступать в деловые отношения и родственные связи с римскими гражданами. Сбор податей в муниципиях производился по трибам местными выборными сборщиками из граждан второго класса, так называемыми эрарными трибунами (tribuni aerarii).

Вторую категорию составляли *римские союзники* (socii), или федераты, с которыми заключались особые договоры. Федеративные общины (civitates foederatae) пользовались полной автономией, не платили податей, не имели римских гарнизонов и были освобождены от расходов по содержанию разъездных магистратов и от военных постоев. Помимо поставки военных сухопутных и морских контингентов, от федератов требовалось признавать верховенство Рима и «вежливо хранить величие другого народа» (alterius populi maiestas conservari iubetur), по выражению Цицерона[1].

Особое положение среди союзников занимали *латинские города* (socii nominis Latini) или латинские колонии (coloniae latinae), по совокупности своих прав ближе всего стоявшие к римскому гражданству. Получение полного гражданства не было закрыто также и для союзников других категорий. По истечении известного срока и при известных условиях гражданские права получали целые муниципии и федеративные общины, так же как и отдельные лица. Во все подробности организации Италийской федерации вводит книга Э. Тейблера «Римская империя»[2].

Большая часть италийских городов принадлежала к разряду муниципий или союзных общин. Союзными городами считались Калес (334 г.), Фрегеллы (328 г.), Люцерия, Суэсса, Аримин, Беневент, Плацентия, Кремона, Бонония и др. Полные права федератов (foedus aequum) имели сравнительно немногие города, к числу которых принадлежали Неаполь и Пренесте. Большая же часть федеративных городов имела неполные права союзников (foedus iniquum).

Италийская федерация была построена таким образом, что главные выгоды союза выпадали на долю Рима и римских гра-

---

[1] *Cic.*, Pro Balbo, XVI, 36.

[2] *E. Täubler*, Imperium Romanum. Studien zur Entwicklungsgeschichte des römischen Reiches. I. Die Staatsverträge und Vertragsverhältnisse, 1913.

ждан. Муниципии сохраняли свою самостоятельность, могли вести торговые дела и приобретать собственность в Риме, но они не могли вступать в деловые и тем более политические связи друг с другом. Все высшие магистратуры находились в руках римлян или богатых муниципалов, имевших собственность в Риме и натурализовавшихся. Высшее политические руководство, объявление войны, заключение мира и прием посольств составляли монополию города Рима.

Ядро общесоюзной армии составляли римские граждане, союзные же войска рассматривались как вспомогательные (auxilia). Высший командный состав в союзных частях вербовался из римлян (praefecti sociorum), только низшие военные чины предоставлялись самим союзникам.

Положительными сторонами Римско-италийского союза для союзных городов являлись прекращение войн, установление внешнего порядка, прокладка дорог и создание условий для торгово-ремесленной деятельности. Главной опорой Рима в союзных общинах являлись верхние, более состоятельные классы, которым римская гегемония обеспечивала их права в отношении рабов и низших слоев свободного населения.

К концу III в. территория Римской республики равнялась 130 тыс. *км*^{2} — от реки Рубикона на севере до Сицилийского (Мессинского) пролива на юге — и имела 4 млн. населения. Из этих 130 тыс. *км*^{2} 24 тыс. приходилось на собственно Римскую область и 103 тыс. на союзные области, из которых на латинов приходилось 12 тыс. Италики численно значительно превышали римлян. Ко времени войны с Пирром римских граждан призывного возраста было круглым счетом 300 тыс. чел. из общего числа граждан в 900 тыс. Общее же количество жителей Италии, входившей в состав Римского государства, по крайней мере в 2½ или в 2 раза превышало число римских граждан.

Вооруженная сила Рима состояла из римских граждан:

пехоты	299 200
кавалерии . . .	26 100
	325 300 чел.

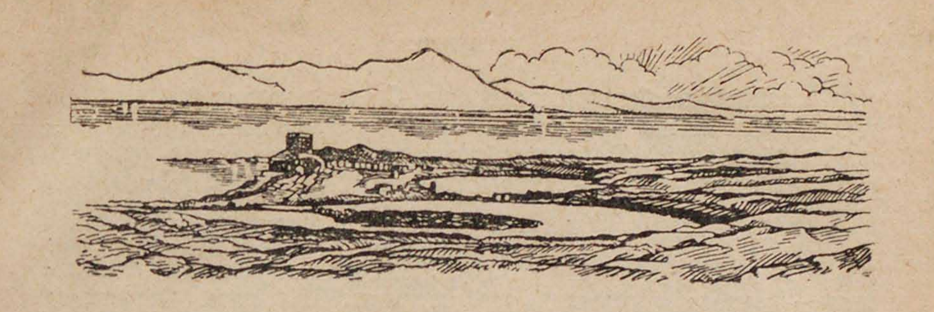
и союзного ополчения:

пехоты	360 000
кавалерии . . .	63 000
	423 000 чел.[1]

В общей сложности со всякого рода дополнительными резервами Рим в начале войны с Карфагеном мог выставить около 800 тыс. человек.

---

[1] *Flor.*, II, 24, *An. Piganiol*, La conquête romaine, Paris, p. 175.

Глава III

РИМ И КАРФАГЕН

1. КАРФАГЕН

К III столетию заканчивается процесс объединения Италии под главенством города Рима и начинается новый процесс выхода Рима в Средиземное море и превращения италийского города-государства (полиса) в мировое средиземноморское государство.

«Италия покорена и подчинена. Римский народ, существовавший уже 500 лет, с гордостью наблюдал рост своего могущества. Блистая своей силой и юностью, он мог отныне уже думать обнять всю вселенную (par orbi terrarum esse coepit). Как бы в силу предопределения Судьбы тот самый народ, который в течение пяти веков вел войны со своими соседями, с большим трудом подчинил себе Италию, в течение не более как двух столетий прошел войной и победами по Африке, Европе, Азии и затем по всему миру» (Africam, Europam, Asiam totum denique orbem terrarum bellis victoriisque peragravit)[1]. Самым крупным событием этого периода было столкновение Рима с Карфагеном в III—II вв. до н. э.

Ранняя история *Карфагена* известна только в самых общих чертах. Карфаген расположен в местности замечательно плодородной, богатой виноградом, маслинами и другими садово-огородными растениями. Климат Тунисского залива, на берегу которого находился древний Карфаген, субтропический, близкий к климату южной части Италии, резко отличающийся от климата всех других частей Африки. Карфаген (по-финикийски Qart Chadascht, что значит «Новгород», по-гречески Кархедон, по-латыни Carthago) был одной из многих финикийских колоний,

[1] *Flor*. II, 1; *Polyb*., I, 1.

разбросанных по берегам и островам Средиземного моря, от Тира и Сидона, главных финикийских городов Малой Азии, до Геркулесовых столпов (Гибралтар), получивших свое имя от двух столбов, стоявших перед храмом финикийского бога Мелькарта (греческого Геркулеса).

Стоянки (фактории) финикийцев имелись: в Сицилии — Панорм (Panormus), Солунт (Solus), Лилибей (Lilybaeum); в Испании — Тартесс (Tartessus), на островах Корсике, Сардинии; в Африке — Утика (Utica), Тапс (Thapsus), Гадрумет (Hadrumetum), Карфаген и др.

По преданию, основательницей Карфагена была сирийская царица Дидона, или Элисса, антропоморфизированная финикийская богиня Астарта. Время основания Карфагена обычно относят к IX в. (814 г.) до н. э.

Все финикийские города, в том числе и Карфаген, первоначально не составляли федерации, но жили обособленно, управляемые царем и городским советом. Отношение финикийских колоний к туземному населению не было одинаковым. Иногда финикийцы подчиняли себе туземцев, иногда же вступали с ними в соглашение, селились на их территории на правах метойков и уплачивали им налог. Главным занятием финикийцев была торговля с туземными племенами, в частности покупка пурпуровых раковин. Из раковин добывали пурпур, на который в античном мире был большой спрос. Сбор пурпура представлял много трудностей, так как из каждой раковины добывалось не больше 2—3 капель пурпура, и потому в поисках за пурпуром, янтарем и другими дорогостоившими предметами роскоши финикийцам приходилось совершать большие рейсы и иметь стоянки в различных пунктах. На втором месте стояло земледелие.

Распыленные финикийские колонии запада в VII в. начинали объединяться под влиянием усиленного напора греческих колонистов на запад. В VIII в. в Сицилии и Южной Италии, связывавших запад с востоком, появляется целый ряд греческих колоний — Сиракузы (Syracusae), Мегара (Megara), Катана (Catana), Занкле (Zancle), позднее Мессана (Messana), Регий (Rhegium), Милы (Mylae). В следующем веке возникают Гимера (Himera), Селинунт (Selinus) и Акрагант (Acragas). Греческие купцы и колонисты, следовавшие по путям, проложенным финикийцами и еще раньше эгейцами, и захватывавшие один пункт за другим, доходили до «серебряной реки» Бетиса (Baetis— Гвадалквивир) в Испании и, может быть, даже выходили в Атлантический океан.

Во главе объединительного движения финикийских городов стоял *Карфаген*. Карфагенская федерация, слабая вначале, постепенно превратилась в мощное Карфагенское государство, возглавляемое городом Карфагеном, а прежние союзники Карфагена

становились карфагенскими подданными. Международная ситуация VII—VI вв. благоприятствовала росту карфагенского могущества. Сам город Карфаген, глава карфагенской державы, сделался мировым портом Средиземного моря, быстро увеличивалось городское население, развивались торговля, ремесла и культура. Вокруг города были расположены зерновые и садово-огородные плантации, обрабатываемые рабами и туземным населением. Туземное население, состоявшее из родственных египтянам ливийцев и близких им народностей — мавританцев, нумидийцев и гетулов (gaetuli), потомками которых являются современные берберы,— было низведено до положения зависимых мелких арендаторов, уплачивавших карфагенским господам часть доходов и обязанных служить в войске. Карфагенские владения в Африке простирались до пояса пустынь на востоке, на западе — до самого Атлантического океана.

Карфаген считается классической страной рабовладения во всем античном мире, выработавшей наиболее совершенные методы эксплоатации. Рабовладельческая система в Карфагене получила очень широкое развитие, послужив образцом для сицилийских греков и римлян. В Карфагене существовала развитая специальная литература по сельскому хозяйству, по организации крупных рабских плантаций с указанием на более рациональные методы использования рабского труда. Таковым, например, был трактат карфагенянина Магона (Mago), переведенный на латинский язык и легший в основу известных нам римских сочинений по агрономии.

Экономическая мощь Карфагена заключалась в его *посреднической* торговле. Карфаген был центром распределения сырых материалов в средиземноморском бассейне. Из центральной Африки к берегам Сирты шла караванная дорога, по которой доставлялись в большом количестве рабы, золото, слоновая кость и шкуры животных. Сардиния поставляла хлеб, серебро и медь. Испания славилась оловом, железом и янтарем, приходившим из северных стран в Гадес. Торговая монополия и пошлины составляли главную статью доходов карфагенян, которые они охраняли всеми находившимися в их распоряжении средствами. Попадавшие в руки карфагенян иностранные суда в западной части Средиземного моря, на пространстве от Сардинии до Испании, захватывались в плен или же прямо пускались ко дну.

О размерах карфагенской *торговли* и карфагенских путешествий свидетельствует одна посвятительная карфагенская надпись середины V в., известная нам в греческой передаче. В надписи рассказывается об экспедиции карфагенского моряка Ганнона (Hanno) по западному берегу Африки в южном направлении до Сенегала. Ганнон на шестидесяти мощных пятидесятивесельных судах вез 30 тыс. колонистов, мужчин и женщин, высажи-

вая их в различных пунктах берега для основания колоний и факторий. Подобные экспедиции Ганнона, повидимому, не один раз предпринимались карфагенянами. В этом отношении карфагеняне, исследовавшие не только береговую полосу, но и внутренние части африканского материка, были настоящими предшественниками португальцев. С характером карфагенской торговли знакомит нас нижеприводимое описание Геродота.

«Есть в Ливии страна и народ по ту сторону Геркулесовых столпов; приходя к ним для торговли, карфагеняне выгружают свои товары из кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои суда и разводят дым. Заметивши дым, туземцы подходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забирают и отплывают, если же недостаточно, то снова всходят на корабли и там выжидают; туземцы опять появляются, прибавляют золота столько, чтобы удовлетворить карфагенян»[1].

Политическая конституция Карфагенской республики имеет сходные черты с конституцией Венецианской республики XV в. Главным политическим органом Карфагена служил государственный большой совет, или *сенат* (венецианский consiglio grande), из 300 человек, орган карфагенского патрициата — крупных землевладельцев, финансистов, купцов и богатых ремесленников-рабовладельцев. Рядом с большим советом стоял *малый совет*, из 30 человек, предварительно обсуждавший дела, поступавшие на рассмотрение большого совета. Кроме того, существовал еще *совет* ста четырех, контрольный орган, по идее напоминавший спартанский эфорат, принимавший отчет отбывших службу чиновников и решавший юридические дела в последней инстанции. Существовало в Карфагене также и *народное собрание*, выбиравшее должностных лиц и формально считавшееся высшим органом Республики.

Фактическое руководство высшей политикой находилось в руках пентархии, *совета пяти*, представлявшего интересы карфагенской плутократии, немногих влиятельных и богатых домов — Баркидов, Ганонидов(Аннонидов) и некоторых других. Интересы карфагенского патрициата, представляемые сенатом, не всегда совпадали с интересами плутократии, олицетворенной в пентархии, что давало повод к частым конфликтам и ослабляло военную мощь Карфагенской республики.

Исполнительная власть в Карфагене принадлежала *двум царям*, или суффетам (schofetim). Наряду с гражданскими властями в Карфагене большую роль играли *военные командиры*,

---

[1] *Herod.*, IV, 196.

принадлежавшие к самым влиятельным карфагенским фамилиям. Ядро карфагенской армии составляли наемники; численность армии неизвестна, но несомненно значительна. Формально военная власть была отделена от государственной, но на практике военные командиры всегда оказывали давление на направление государственной политики. В военной сфере командиры имели неограниченные полномочия, делавшие их настоящими военными диктаторами и предоставлявшие им огромное поле для удовлетворения честолюбия. Влияние командиров всецело зависело от их военных успехов, авторитета среди войска и военной добычи. Все это благоприятствовало появлению таких замечательных полководцев, одновременно героев и авантюристов, как члены влиятельной карфагенской фамилии Барка (молния) — Гамилькар, Ганнибал и Гасдрубал. В техническом отношении карфагенское войско стояло на большой высоте. Арсеналы Карфагена были полны снаряжения, войско снабжено лучшими военными машинами и орудием. Кроме того, в распоряжении карфагенских вождей было 300 боевых слонов, выполнявших в античном мире роль современных танков, и военный флот, состоявший из большого числа крупных пятидесятивесельных судов, снабженных сильными, хорошо обученными гребцами из рабов.

В карфагенских войсках служили самые различные народы: греки, италики, в особенности самниты (марсы), галлы, ливийцы и нумидийцы; свободные, вольноотпущенники и рабы. Сами же карфагеняне, или, как их называли римляне, *пуны* (poeni — финикийцы) — купцы и предприниматели — не отличались военными доблестями и почти не служили в ополчении. Лишь в самых крайних случаях, когда речь шла о защите собственного города, карфагеняне проявляли огромный энтузиазм и бились до последней возможности. Слабыми сторонами карфагенской федерации, с военной точки зрения, являлась разбросанность владений и противоречивость интересов входивших в ее состав городов[1].

В социальном строе и идеологии Карфагена сохранялось много всякого рода пережитков и архаизмов, сближавших его с древней Спартой и Финикией. Население Карфагена разбивалось на массу мелких ассоциаций и братств (circuli et convivia), члены которых сходились для совместных обедов, отдыха и бесед. Больше всего архаических черт сохранялось в карфагенской религии, родственной древнефиникийской (ханаанской) религии. Главным карфагенским божеством считалась Танит, богиня Луны; вечно рождающимся и воскресающим богом был Эшмун. Религиозные воззрения финикиян находились на низкой ступени развития. До самого конца карфагенской истории сохранялись человеческие жертвоприношения. В искусствах и науке карфаге-

---

[1] *O. Meltzer*, Geschichte der Karthager, 2.

няне следовали восточным и греческим образцам, не создав ничего значительного и самобытного. Карфагенский язык мало известен, сохранившиеся карфагенские надписи большей частью очень кратки и мало выразительны [1].

2. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Карфагенские владения распространялись по всей западной части Средиземного моря. Повсюду подымались карфагенские города и крепости. На африканском побережье карфагенянам принадлежали Лептис (Лептида), Гадрумет, Тапс, Гиппон; на атлантическом берегу — Ликс, Тингис и мавританские колонии. В Испании Карфагену принадлежали Гадес, Малака и Абдера. Подчинив своему влиянию острова Сардинского и Тирренского морей, карфагеняне все свое внимание направили на Сицилию. С V в. идут систематические попытки Карфагена закрепиться в Сицилии. Первые попытки, однако, не увенчались успехом: карфагенский полководец Гамилькар, из дома Магона, при Гимере в 480 г. потерпел жестокое поражение и пал в бою. С конца V в. дела карфагенян пошли успешнее, в 405 г. был взят важнейший после Сиракуз город Сицилии Агригент (Акрагант). К началу III в. вся Сицилия, за исключением двух городов — Сиракуз и Мессаны в Сицилийском проливе, — подчинилась карфагенской гегемонии. В Сицилии в то время правил тиран Гиерон II, а Мессана была вольным городом, расположенным на границе карфагенских и римских владений.

Распространение карфагенян в северо-восточном направлении вызывало тревогу в Риме, опасавшемся за свои владения в Южной Италии. Не могло быть никакого сомнения, что в случае захвата карфагенянами Сицилии и падения Мессаны Рим попадал в круг карфагенских владений на побережьях Средиземного моря [2]. Одновременно с этим агрессия происходила и со стороны римлян, после овладения Великой Грецией стремившихся утвердиться в Сицилии и удержать за собой посредническую торговлю между западом и востоком, севером и югом [3].

«Подобно пожару, который опустошил стоявшие на его пути леса и, дойдя до реки, на короткое время затихает, так точно и римский народ, победитель Италии, дойдя до пролива, на момент остановился. Но вскоре он повернул свой взор в сторону Сицилии. Это — богатая добыча, находящаяся под рукой и как бы оторванная от италийского материка (opulentissimam in proximo praedam quodam modo Italiae suae abscisam et quasi revol-

---

[1] *Contenau*, La civilisation phénicienne, 1926; *G. de Sanctis*, Storia dei Romani, t. II—III, 1913.

[2] *Polyb.*, 1.10.

[3] Ibid., 1,11.

sam). Он воспылал страстью вернуть Сицилию континенту. Полагали, что война и оружие сделают то, чего не могли сделать ни мосты, ни дороги»[1].

Неприязнь между Римом и Карфагеном должна была усилиться с того момента, когда Рим после тарентинской войны оказался во главе южноиталийских греческих колоний. Таковы общие причины, обострявшие отношения между двумя крупными средиземноморскими державами, вначале союзниками и друзьями, а потом злейшими врагами [2].

Поводом к первой карфагенской, или пунической, войне послужил *спор из-за Мессаны.* Отряд италийских наемников сабелльского племени мамертинцев, т. е. сынов бога Марса, возвращаясь домой, захватил по пути город Мессану и разграбил его. Против мамертинцев выступил сиракузский тиран Гиерон и осадил Мессану. Испуганные этим, мамертинцы отправили посольство одновременно к Карфагену и Риму с просьбой о помощи и покровительстве.

В Риме предложение «сынов Марса», слывших за разбойников, вызвало колебания и сомнения. Сенат готов был отказать мамертинцам в их просьбе, и лишь благодаря настойчивым требованиям кампанских и самнитских всадников Отацилиев (Otacilii) из Беневента и Аттилиев (Attilii) из Кампании, больше всего заинтересованных в средиземноморской торговле, просьба мамертинцев была уважена.

За агрессивную политику стояла также и римская плутократия (всадники), увлекая за собой римский плебс перспективой захвата плодородного острова, с одной стороны, и запугивая пунийской опасностью — с другой.

Большая же часть римского сената, состоявшая из землевладельцев и мало заинтересованная в средиземноморской торговле, была против войны, и только под давлением комиций сенат согласился на открытие военных действий [3].

Постановлено было отправить в Мессану консула Аппия Клавдия с небольшим войском в два легиона. Аппий Клавдий прибыл в Мессану тогда, когда город уже находился во власти пунийского полководца Ганнона, на сторону которого перешел и сиракузский тиран. Но после того как римлянам удалось выбить Ганнона, Гиерон вновь перешел на сторону римлян из опасения потерять Сиракузы и быть отрешенным от власти. В 262 г., т. е. два года спустя после открытия войны, римляне при поддержке Гиерона приступили к осаде *Агригента* — одного

---

[1] *Flor.*, II, 2.

[2] *O. Meltzer*, Geschichte der Karthager.

[3] Различие аграрных и плутократических интересов в римской политике особенно подчеркивает Эдуард Мейер (*Ed. Meyer*, Kleine Schriften, 2, 376).

из самых крупных городов Сицилии, хорошо укрепленного природой и искусственными сооружениями. Осада Агригента, защищаемого двумя первоклассными карфагенскими полководцами, Ганнибалом (сыном Гисгона) и прибывшим ему на выручку Ганноном, продолжалась более пяти месяцев, стоила римлянам многих жертв и средств, но все-таки в конце концов окончилась успешно для Рима. Агригент был взят и почти разрушен до основания. Долгая осада Агригента и блокада южноиталийских берегов карфагенянами убедили римлян в необходимости увеличения численности их флота и усиления его боеспособности. Это был решительный момент римской истории, от которого зависела вся дальнейшая судьба Римской республики. До сих пор римляне не имели собственного флота, пользуясь судами и экипажем своих союзников, в особенности южных греков. Но и союзнический флот не стоял на должной технической высоте. В то время как в Карфагене строили мощные пятирядные суда (пентеры), флот италийских союзников состоял из четырехрядных судов старой конструкции (триер). При большом напряжении государственных и частных средств римлянам все же удалось с помощью греческих инструкторов построить флотилию из 120 больших судов, приспособив их путем введения абордажных (откидных) мостов с крючьями к условиям сухопутного боя. На судах с абордажными мостами легионеры бились так же, как и на суше, сохраняя все преимущества рукопашного боя.

В 260 г. консул из плебеев *Гай Марк Дуилий* (Gaius Marcus Duilius) при Милах, близ Липарских островов, одержал первую крупную морскую победу над сильным карфагенским флотом. «То было удивительное зрелище видеть, как наши тяжеловесные и неуклюжие корабли останавливали быстроходные, как бы летавшие по волнам, неприятельские суда. Карфагенянам не помогли ни их морская опытность, ни ловкость разрушать неприятельские галеры и издеваться над ними вследствие быстроты своих судов. Тогда на них обрушились железные крючья и ужасные машины (ferrae manus machinaeque validae), над которыми они издевались до знакомства с ними, заставившие их сражаться, как на сухопутье. Неприятельский флот частью пошел ко дну, частью обратился в бегство»[1].

Победа при Милах была не только победой римского флота, но также и победой демократической партии, настаивавшей на более энергичном ведении войны с своим торговым соперником. В честь Дуилия в Риме был дан «морской триумф» (triumphus navalis) и поставлена колонна, украшенная железными носами кораблей (columna rostrata Duilii). В начертанной на этой колонне надписи говорится, что Дуилий в качестве военной добычи

[1] *Flor.*, II, 2.

внес в казну сумму в несколько миллионов медных ассов. В награду за это, было постановлено, чтобы, когда Дуилий будет ночью возвращаться домой с ужина, перед ним шествовали слуга с факелом и музыкант, играющий на флейте.

Под влиянием тех же милитаристически настроенных групп был принят план перенесения театра военных действий на территорию самого Карфагена. В 256 г. консул *Марк Аттилий Регул* (M. Attilius Regulus) с флотом из 330 триер и пентер, с 140-тысячным войском предпринял отважную экспедицию в Африку. Блестящая победа римского флота при *Экноме* (Ecnomus) в юго-западной части Сицилии открыла Регулу путь в Африку. Регул высадился на африканском берегу и в течение одной зимы завоевал свыше 70 городов и местечек, подвластных Карфагену. Пораженные столь неожиданными действиями римлян, карфагеняне готовы были пойти на мир, тем более что Регулу удалось поднять против карфагенских плантаторов ливийские народности. Предложенные Карфагеном условия были отвергнуты Регулом, рассчитывавшим на полное уничтожение врага. На этом, однако, успехи Регула оборвались. С одной стороны, римский сенат, боявшийся усиления влияния командиров войск и не желавший расширения театра военных действий, отозвал большую часть римского войска, а с другой — Карфаген заключил союз с вождем наемных войск спартанцем Ксантиппом, предложившим свои услуги Карфагену. В происшедшей в 255 г. битве римляне были разбиты, и сам Регул попал в плен. Из всей армии Регула спаслось не более 2 000 человек, остальные же пали в бою, были раздавлены слонами или же пропали без вести. В довершение всего этого возвращавшийся в Италию римский флот был разбит бурей.

Разгром Регула отозвался и на положении дел в Сицилии. В течение пяти лет (254—249) в Сицилии велась с переменным успехом борьба между римлянами и карфагенянами. Наконец, в 250 г. консулу *Луцию Цецилию Метеллу* удалось под Панормом разбить карфагенского полководца Гасдрубала и преодолеть напор слонов. И тем не менее, несмотря на частичные успехи, положение римлян в Сицилии с каждым годом ухудшалось, в особенности оно ухудшилось после того, как в Сицилию прибыл знаменитый карфагенский полководец Гамилькар Барка, отец Ганнибала, с сильной армией. Закрепившись в неприступной природной крепости Эрикс (Eryx), в северо-западной Сицилии, Гамилькар с помощью своего флота блокировал и опустошал берега Италии. Положение римлян становилось критическим. Римская армия была истощена до последней степени, страдала от плохого снабжения, болезней и потерь. За двадцать лет войны римляне потеряли около 400 тыс. человек погибшими и взятыми в плен.

Как на одну из особенностей пунических войн и войн следующих столетий, надо указать на *массовый захват военнопленных*. Военнопленные, в особенности ремесленники, превращались в рабов или же за выкуп отпускались на родину. Численность рабов все время возрастала. После битвы под Агригентом в Сицилии (262 г.) римляне продали в рабство 25 тыс. человек, после капитуляции Панорма (250 г.) из 27-тысячного населения города 14 тыс. было продано в рабство.

Положение Рима было критическим, и все-таки демократической партии, стоявшей тогда у власти, удалось изыскать средства, зажечь энтузиазм и произвести денежный заем на постройку флота для продолжения войны. На добытые средства было оснащено 200 пентер с 60 тыс. экипажа. С этим флотом консул *Гай Лутаций Катул* (C. Lutatius Catulus) отплыл в Сицилию и неожиданным набегом без боя захватил главные гавани Карфагена Дрепану и Лилибей (242 г.). А в следующем, 241-м, году римский флот под начальством того же самого Лутация Катула одержал блестящую победу над карфагенской эскадрой при *Эгатских островах*. Нагруженные провиантом, оружием, машинами и людьми, карфагенские суда пошли ко дну или были взяты в плен. Поражение при Эгатских островах предопределило ход войны и судьбу самого Карфагена. «Казалось, что карфагенский флот заключал в себе весь Карфаген. Поражение флота было причиной его гибели» (in ea quasi tota Carthago, quod ipsum exitio fuit)[1]. Отрезанный от Карфагена, Гамилькар голодом был вынужден к сдаче и заключению мира. Текст мирного договора, сохраненного Полибием, гласил:

«На нижеследующих условиях, если они угодны будут народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не ходить войной ни на сиракузян, ни на союзников их, выдать римлянам всех пленных без выкупа и уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести финикийских талантов серебра»[2].

В Риме предложенные Карфагену условия показались слишком умеренными и на этом основании были отвергнуты комициями. Новые условия были значительно тяжелее: срок выплаты сокращался с 20 до 10 лет, а сумма контрибуции повышалась до 3 200 талантов (около 6 млн. руб. золотом). Несмотря на всю тяжесть и унизительность предложенных ему условий, Карфаген не мог отказаться от мира. Карфагенская республика стояла накануне всеобщей революции. Государственная казна была пуста, иссякли главные источники дохода карфагенского казначейства — торговые пошлины. Вследствие этого пришлось

---

[1] *Flor.*, II, 2.

[2] *Polyb.*, Historiae, I, 62, 8—9.

удвоить подать с ливийско-нумидийских арендаторов и прекратить выплату жалованья наемникам.

Вождем восстания ливийско-нумидийских крестьян, пастухов и рабов, поднявшим на борьбу за свободу 70 тыс. человек, был ливиец *Мафон* (Matho). Восстание ливийских крестьян и рабов было тем более грозно, что оно совпало с бунтом наемнической армии, требовавшей выплаты содержания. В 240 г. инсургенты захватили ряд городов и обложили Карфаген. К ним присоединились африканские города Утика и Гиппон, тяготившиеся гегемонией Карфагена. Во главе восставших наемников стоял кампанец, бывший раб *Спендий* (Spendius). Восстание перекинулось на Сардинию, продолжалось около 3 лет и лишь с большим трудом было подавлено вызванным из Сицилии Гамилькаром Барка (молния). В это время произошел один эпизод, еще более ухудшивший положение Карфагена. Карфагенская стража захватила 500 италийских купцов-контрабандистов, снабжавших продовольствием и оружием восставших. Римский сенат потребовал немедленного освобождения пленных, карфагеняне же не посмели отказать, согласившись при этом на еще более тяжелые требования. В число островов, отходивших к Риму согласно договору, включались также Корсика и Сардиния. Сверх того Карфаген обязывался уплатить дополнительную сумму в 200 талантов сверх суммы, установленной договором 241 г. Уступчивость карфагенской плутократии диктовалась грозностью внутреннего положения. После того как у карфагенской плутократии были развязаны руки, все внимание было обращено на подавление восстания. Спендий и Мафон были разбиты, а Гамилькар с остатками своей армии переправился в Испанию.

3. РЕФОРМЫ 40—30-х годов III в.

Относительная солидарность интересов нобилитета и плебса, установившаяся в первой половине III в., была нарушена во второй половине. К началу второй пунической войны в римском обществе произошли существенные перемены: развилась торговля, расширилось производство, улучшилась денежная система, выросло государственное хозяйство, усилилось влияние торговых и денежных верхов (всадничества). Война усилила социально-экономический вес нобилитета и всадничества и подорвала экономическую базу средних а также и мелких землевладельцев. Тяжелые потери людьми и расходы на ведение войны всей тяжестью падали на сельское население. Начинали ощущаться уже и последствия рабовладельческого хозяйства, подрывавшего социально-экономическую основу средних производителей. Колонизационная политика во время пунических войн ослабела, и вследствие этого закрывался главный резервуар, разрежавший

земельную нужду. Снова аграрный вопрос приобретал остроту и становился центром, около которого кипела социальная война в двадцатилетие между первой и второй пуническими войнами.

Инициатором аграрного закона и вождем плебса в 40—30-х годах выступил народный трибун *Гай Фламиний* (Gaius Flaminius), по происхождению богатый плебей. Выступлению Фламиния предшествовала политическая реформа центуриатных комиций. В 241 г., в цензорство Гая Аврелия Котты и Марка Фабия Бутео, был издан закон о *перераспределении центурий* в соответствии с числом триб. Согласно этому закону, каждый разряд, или класс, имел 70 центурий — по 2 на каждую трибу (35×2). Привилегии первого класса уничтожались, а самое число центурий было увеличено со 193 до 373. При таком распределении центурий большинство 187 голосов получалось только при согласии трех первых классов, между тем как раньше исход голосования определялся большинством голосов 18 центурий всадников и одного первого класса, имевшего абсолютное большинство центурий. В целом же римская конституция попрежнему оставалась аристократической.

Наряду с рабами, совершенно отстраненными от участия в общественной жизни и политике, права двух последних классов фактически также были весьма ограничены. При голосовании до них обычно дело не доходило. Больше всего выгод от реформы 241 года получил *третий класс*—средние землевладельцы, экономически тогда еще достаточно крепкие и многочисленные, составлявшие опору римской армии, сокрушившей Пирра и устоявшей против напора карфагенского полководца Ганнибала. Образ римского крестьянина-легионера, прошедшего долгий срок службы и дослужившегося до чина центуриона, дает Тит Ливий в своей «Римской истории» в образе сабинянина *Спурия Лигустина*.

Когда сенат объявил набор прошедших срок службы центурионов, низших командных чинов не старше 50 лет, выступил старый служака Лигустин. В своей речи Лигустин нарисовал образ среднего землевладельца, социальной опоры Римской республики «золотого века». «Когда консул высказал, что хотел, Сп. Лигустин, один из числа центурионов, апеллировавших к народным трибунам, стал просить консула и трибунов позволить ему сказать несколько слов народу. Все согласились, и он, как передают, говорил так:

«Я, квириты, Спурий Лигустин, принадлежу к крустуминской трибе, а родом сабинянин. Отец оставил мне югер земли и маленькую хижину, где я родился, вырос и где живу до сих пор. Когда я достиг совершеннолетия, отец женил меня на дочери своего брата, которая принесла с собой только благородство характера, целомудрие и родила мне столько детей, сколько их было бы достаточно для вполне богатого дома. У нас шесть сыновей и две дочери

обе уже вышедшие замуж. Четыре сына достигли совершеннолетия, двое еще мальчики. Я поступил на военную службу в консульство Публия Сульпиция и Гая Аврелия; два года я служил рядовым в войске, отправленном в Македонию против царя Филиппа; на третий год службы Тит Квинктий Фламинин назначил меня за храбрость центурионом десятой роты воинов, вооруженных копьями. После победы над Филиппом и македонянами нас привезли обратно в Италию и распустили по домам. Немедленно я отправился добровольцем в Испанию вместе с консулом Марком Порцием. Все, кто долго служил с ним и другими полководцами, знают, что из всех теперешних вождей никто лучше его не умел заметить и оценить доблесть. Этот-то главнокомандующий удостоил меня звания центуриона первой роты воинов, вооруженных копьями.

В третий раз, опять добровольцем, я служил в том войске, которое было послано против этолийцев и царя Антиоха. Марк Ацилий назначил меня первым центурионом первой роты «главных».Когда Антиох был изгнан, а этолийцы покорены, мы снова вернулись в Италию. Затем я дважды служил в легионах, остававшихся под знаменем только один год; дважды был в Испании: в первый раз с Квинтом Фульвием Флакком, а во второй—с претором Тиберием Семпронием Гракхом. Флакк вместе с другими воинами и меня, в награду за храбрость, взял из провинции для своего триумфа в Рим. По просьбе Тиберия Гракха я поехал с ним в провинцию.

В течение небольшого числа лет я четыре раза был центурионом первой роты, получил от полководцев 34 награды за храбрость и 6 «гражданских» венков. Я прослужил в войске 22 года и имею более 50 лет от роду. Если срок моей службы еще не окончился, если мои лета не дают мне права не служить, то меня, Публий Лициний, все-таки следовало бы освободить от службы хотя бы потому, что я имею возможность выставить вместо себя 4 воинов. Но, прошу вас, смотрите на все это, как на защиту моего дела; сам же я никогда не стану отказываться от службы, раз тот, кто набирает войска, найдет меня годным. Достойным какого звания признают меня военные трибуны — это их дело, а я постараюсь о том, чтобы никто в войске по своей доблести не стоял выше меня; и мои полководцы и сослуживцы свидетели, что я всегда так поступал. И вам, товарищи, которые в молодости никогда ничего не делали против воли должностных лиц и сената, и теперь, несмотря на ваше право апелляции, следует не выходить из повиновения сенату и консулам и считать почетным всякий пост, на котором вы будете защищать государство»[1].

Опираясь на сельское большинство комиций, *Гай Фламиний* в 232 г. выступил с предложением использовать «галльский

[1] *Liv.*, XLII, 34.

земельный фонд» (ager Gallicus) для поселений римских колонистов. Несмотря на резкую оппозицию сената, Фламиний настоял на своем предложении. В трибутных комициях большинство высказалось за его предложение. По инициативе Фламиния была образована специальная *аграрная комиссия из 3 человек* (triumviri agris dandis assignandis) во главе с самим инициатором закона. Аграрная политика Фламиния повела к войне с галльскими племенами, жившими в Цизальпинской (Предальпийской) Галлии. В 225 г. началась война с галльскими племенами, окончившаяся победой римлян и выводом колоний в Цизальпийскую Галлию, известную плодородием почвы и буковыми лесами, представлявшими обильный корм для свиней. Долина реки По в течение всей римской истории славилась свиноводством и дольше всех других частей Италии оставалась страной средних хозяйств.

Фламиний выступал не только в защиту сельских, но также и в интересах городских торгово-ремесленных групп. В интересах торговли вес асса, денежной единицы Рима, был уменьшен в 12 раз с соответствующим повышением его стоимости. При поддержке Фламиния народный трибун Клавдий провел закон об ограничении торговых операций нобилей. По закону трибуна Клавдия (lex Claudia) 220 года, перевозочные средства нобилей не должны были превышать вместимостью 300 амфор (80 гектолитров).

Ограничивая торговые спекуляции нобилитета, *Клавдиев закон* отвлекал внимание нобилитета от торговли в сторону сельского хозяйства и скотоводства. Торговля же и денежные дела переходили к всадничеству. До тех пор пока экономическая жизнь была проста и хозяйство слабо диференцировано, всадники шли в ногу с нобилями, но около середины III в. всадники ответвляются от нобилитета. Стремление нобилитета превратиться не только в военно-политическую, но также и в экономическую олигархию наталкивалось на соединенную оппозицию всадничества и плебса.

Ненавистный ему закон нобилитет пытался обойти косвенным путем, поручая ведение коммерческих дел своим либертинам. Но и тут Клавдиев закон становился поперек дороги нобилям, сократив политическое влияние вольноотпущенников включением их в 4 городские трибы.

Кроме того, Фламинию приписывают установление земельного *максимума оккупаций* на «общественном поле» и ограничение числа рабов в сельском хозяйстве.

Законопроекты Фламиния непосредственно затрагивали интересы нобилитета и потому встречали резкий отпор в сенате. Во время обсуждения закона об ограничении прав вольноотпущенников страсти разгорелись до такой степени, что отец Фламиния, державший сторону нобилитета, пытался стащить его с кафедры, пустив в ход potestas patria,

Политическая карьера Фламиния окончилась во время второй пунической войны. Проведенный демократической группой в консулы, Фламиний выступил против Ганнибала, был разбит и убит в сражении при Тразименском озере в Этрурии (217 г.).

4. ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

После подавления восстания ливийских крестьян и рабов фактическим главой Карфагена сделался Гамилькар Барка. Сознавая превосходство Рима, Гамилькар отказался от восточно-сицилийской политики, направив все внимание на запад и *Испанию*, где он надеялся создать оперативную базу Карфагена в будущей войне с Римом, в скором наступлении которого он не сомневался. Наряду с военными преимуществами Испания представляла для карфагенян огромные материальные выгоды как одна из богатейших средиземноморских стран. Испания была богата не только плодородными полями, садами и огородами, но также и металлами — серебром, железом и свинцом. Богатейшие серебряные рудники Испании (Сьерра-Морена) дали возможность карфагенянам сравнительно легко уплатить контрибуцию римлянам.

Туземным населением Испании были *лигуры* и *иберы*. Около VI в. с севера началось передвижение кельтских племен, оседавших в западной и центральной частях полуострова и смешивавшихся с иберами (кельтиберы). Поселения лигуров и кельтиберов походили на поселения галлов и древнеиталийских народностей. Это были сельские общины, концентрировавшиеся около небольших городов и укрепленных местечек.

Из городов Испании наибольшей известностью пользовались уже знакомые нам *Тартес* при устье Бетиса (Гвадалквивир), *Гадес* (Gades) и *Малака* (Malaca). Попытка греков из Массилии утвердиться на восточном берегу Испании успеха не имела. Карфагенянам удалось вытеснить греков и подчинить своему влиянию старые финикийские колонии. Главной опорой карфагенян в Испании во все время их гегемонии оставались прибрежные города. Отсюда Гамилькар повел завоевание Южной Испании и в течение нескольких лет оттеснил иберов в горы. После смерти Гамилькара его политику продолжал его зять Гасдрубал.

Центром карфагенян при Гасдрубале сделался *Новый Карфаген* (Carthago Nova), расположенный на восточном берегу Испании, на мысе Лолос. Новый Карфаген — одновременно военный и торговый порт Средиземноморья.

Продвижение карфагенян в глубь полуострова безостановочно продолжалось, продолжался также и прилив в Испанию

кельтских племен. Вырисовывалась грозная для римлян перспектива соединения кельтов и карфагенян.

Учитывая всю серьезность положения, римский сенат отправил в Испанию посольство для выяснения положения дел на месте и прекращения продвижения карфагенян. По договоренности сторон, границей Рима и Карфагена в Испании должна была стать река Ибер (Iberus) — условие скорее выгодное, чем оскорбительное для Карфагена. Согласно этому условию, за Карфагеном оставалась большая часть Испании.

Однако добрососедские отношения между Римом и Карфагеном продолжались недолго. Поводом к новой войне послужил конфликт, разыгравшийся из-за вольного греческого города *Сагунта* (Saguntum). Римляне вмешались по просьбе сагунтинцев во внутренние дела Сагунта, вызвав тем самым протест с карфагенской стороны. Карфагенский вождь *Ганнибал*, сын Гамилькара, сменивший в 221 г. убитого Гасдрубала, настаивал на формальном соблюдении договора, по которому границей карфагенских владений признавалась река Эбро. Считая вмешательство римлян в сагунтинские дела нарушением договора, Ганнибал в 219 г. осадил Сагунт и после восьмимесячной осады взял и разграбил город. Ганнибал не сомневался, что захват Сагунта поведет к войне с Римом. Карфагенский вождь именно этого и добивался. Пошатнувшееся положение фамилии Барка в Карфагене толкало представителей этой фамилии на военную авантюру, так как при создавшихся условиях другого выхода для них не оставалось. В ответ на разгром Сагунта римляне потребовали от карфагенского правительства выдачи Ганнибала и восстановления Сагунта. Когда карфагеняне ответили отказом, началась *вторая пуническая война* (218—201 гг.).

План войны подсказывался объективным положением вещей. Ганнибал имел в виду соединиться с недовольными Римом галльскими племенами и разложить Италийский союз. Напротив, римская военная партия, во главе которой в то время стояла влиятельная фамилия *Сципионов*, намеревалась нанести удар карфагенянам в самом Карфагене, в Африке, повторить план Регула и таким путем предупредить поход Ганнибала на Италию. Исход кампаний зависел исключительно от быстроты выполнения своего плана той и другой стороной. Ганнибал в этом отношении превзошел все ожидания римлян. Движение Ганнибала было настолько быстрым и неожиданным, что Рим не успел выполнить ни одного из своих намерений.

Каждая из вступивших в войну сторон имела свои слабые и сильные стороны. Важным преимуществом Рима было то, что на его стороне в течение всей войны оставалось численное превосходство. Италия представляла неисчерпаемый запас человеческого материала. Ценз 225 г. показал 250 тыс. граждан-

ской пехоты и 23 тыс. кавалерии. Союзные контингенты давали 340 тыс. пехоты и 31 тыс. кавалерии. Уже в первый год войны в распоряжении римского сената находилось 6 легионов, в общей сложности около 70 тыс. человек, между тем как Карфаген всецело зависел от наемнических отрядов, стоивших очень дорого и притом малонадежных. Кроме того, в распоряжении Рима со времени первой пунической войны находился флот, господствовавший в западных водах Средиземного моря.

Летом 218 г. Ганнибал с 35-тысячным войском, пехотой и кавалерией, и боевыми слонами перешел Пиренеи и морским берегом направился в Италию, всюду поднимая знамя восстания против римлян. Быстрота ганнибалова марша заставила римского консула Публия Корнелия Сципиона отказаться от своего намерения высадиться в Испании, а другого консула — Тиберия Семпрония — оставить Сицилию и поспешить на север Италии навстречу переходившему Альпы карфагенскому вождю. Переход Ганнибала через Альпы был совершен с изумительным искусством и быстротой, вызывавшими удивление даже Наполеона. «Как только в недрах Испании поднялась ужасная стихия пунической войны (illa gravis et luctuosa Punici belli vis atque tempestas) и сагунтинским огнем блеснула молния, уже давно предопределенная Риму, тотчас же неожиданным ударом разразилась гроза. Она перерезала снеговые вершины Альп и как бы ниспосланная небом надвинулась на Италию» [1].

Первая серьезная встреча римлян и карфагенян при реке Тицине (Ticinus) окончилась поражением римлян (конец 218 г.). Неудачно для римлян было и второе сражение при Требии (Trebia).

Поражение при Требии вызвало настоящую панику в Риме и обострило борьбу между демократической партией и нобилитетом. Демократическая партия, направляемая представителями торгово-ростовщического капитала, стояла за более энергичное ведение войны и упрекала сенат в слабости военного руководства и пассивности. В результате напряженной борьбы демократической партии удалось наконец провести в консулы своего вождя Гая Фламиния. Но и это не спасло положения. Выступивший против Ганнибала Фламиний попал в засаду при *Тразименском озере* (lacus Trasimenus), потерпел решительное поражение и был убит (217 г.). В Тразименской битве стали уже вполне очевидными тактические приемы Ганнибала — устройство засад, окружение и обход неприятеля.

После тразименской победы Ганнибал взял марш в глубь Италии, надеясь на поддержку италиков. Области, остававшиеся верными Риму, подвергались страшным опустошениям и раз-

[1] *Flor.*, II, 6.

граблению. В самом Риме кипела партийная борьба. Тразименская катастрофа расстроила демократические группы. Неудачи первых встреч с Ганнибалом заставили нового римского полководца *Квинта Фабия Максима*, назначенного диктатором, решительно изменить план действий, перейдя от открытых сражений к обороне и партизанской войне. Однако выжидательная стратегия Фабия, прозванного *Кунктатором* (Cunctator — медлитель), не находила сочувствия у большинства участвовавших в комициях римских граждан, страдавших от войны и военных поборов. В 216 г. верховное командование было поручено двум консулам — демократу *Гаю Теренцию Варрону*, богатому мясоторговцу, и аристократу *Луцию Эмилию Павлу*. Генеральная встреча римских и карфагенских войск произошла в Апулии, при местечке *Каннах* на р. Ауфиде (216 г.). Численно римская армия значительно превосходила армию Ганнибала, но все остальные условия боя были неблагоприятны для римлян. Армия римлян была разбита на две части, поставленные под начальство двух командиров, державшихся различных тактических приемов и враждовавших между собой. Кроме того, местность, открытая равнина, более благоприятствовала коннице, составлявшей ядро ганнибаловой армии, нежели пехоте, главной силе римской армии. Поражение было полное: на поле сражения осталось более 40 тыс. человек, в том числе консул Эмилий Павел, 20 тыс. попали в плен и 20 тыс. спаслись бегством. Другой консул, Варрон, которому приписывали вину поражения, бежал в Венузию. Ганнибал в качестве трофея отправил в Карфаген два модия золотых колец, снятых с убитых римских всадников.

«Четвертую, почти смертельную рану римскому государству нанесли Канны, неизвестная деревушка в Апулии, знаменитая величайшей резней, стоившей жизни 40 тысяч людей. При Каннах, казалось, все способствовало поражению нашей злосчастной армии: вражеский вождь, земля, небо, воздух и вся остальная природа» [1].

Каннское поражение было ужасным, но все же оно не повлекло за собой полного распада всей римской государственности, всего Римско-италийского союза. Римский строй оказался достаточно прочным, чтобы выдержать самый трудный экзамен. При напряжении всех сил и средств была набрана новая армия. Вследствие недостатка граждан, годных к военной службе, в большом количестве привлекали вольноотпущенников и рабов. Расчет Ганнибала на восстание и поддержку рабов не оправдался: составленные из либертинов и рабов полки сражались не на его стороне, а на стороне его врагов — римлян. «К военной присяге были призваны вольноотпущенные и рабы» [2].

---

[1] *Flor.*, II, 6.
[2] Ibid.

Между тем положение карфагенского полководца, не получавшего поддержки из Карфагена и просчитавшегося в своих надеждах на распад Италийского союза и помощь рабов, с каждым годом все более ухудшалось. Не чувствуя себя достаточно сильным для прямого нападения на Рим, защищенный крепкими фортификационными укреплениями, он все свои надежды отныне возлагал на создание *антиримской коалиции* южноиталийских и греческих городов с городом *Капуей*, исконным центром антиримских настроений, во главе. В известной мере план Ганнибала удался. После каннского разгрома несколько городов Южной и Центральной Италии, в том числе прежде всего Капуя, отложились и вошли в состав *антиримской федерации*, образованной карфагенским вождем. Капуанская федерация вступила в жизнь, даже была выпущена особая капуанская монета пунического образца весом в 3 грамма, обязательная для всех членов новой федерации. Однако эта федерация, которая должна была включить в себя Южную Италию и Сицилию, просуществовала недолго.

План Ганнибала разбивало непримиримое соперничество городов Неаполя, Нолы и др., враждовавших с Капуей и в решительный момент соединившихся с Римом. Опираясь на поддержку этих городов, римляне одержали несколько побед над карфагенянами и поколебали веру в непобедимость пунического вождя. В войске римлян и их союзников сражалось много рабов и вольноотпущенников. Рассказывая о сражении под Нолой, историк Флор восклицает: «Победу одержал римский консул Тиберий Гракх, но, увы, стыдно сказать, одержал руками рабов!» (o pudor, manus servis pugnaret) [1].

В 212 г. две римские армии приступили к правильной осаде г. Капуи, где заперся пунийский гарнизон. С целью отвлечения внимания от Капуи Ганнибал предпринял марш на Рим, вызвав тем самым страшную панику среди городского населения: «Ганнибал у ворот Рима!» (Hannibal ante portas). Взять Рим Ганнибалу все же не удалось. Сильно укрепленный город защищался до последней возможности и выдержал осаду.

«И вот вдруг перед ними (осажденными римлянами) предстала огромная военная сила, руководимая полководцем, храбрость которого делала его непобедимым. При таких обстоятельствах все способные носить оружие встали на защиту ворот, старые солдаты (ветераны) поспешили на стены, женщины и дети приносили камни и орудия. Сельские жители торопились в город. Повсюду раздавались смешанные крики, жалобы и молитвы, сменившиеся криками одобрения. Небольшой отряд поспешил к реке Анио и разрушил мост...» [2]. Встретив серьезное сопротив-

---

[1] *Flor.*, II, 6.
[2] *App.*, Bell. Pun., VII, 38—39.

ление, Ганнибал снял осаду Рима и направился в южную часть Италии, в сторону Тарента. Капуя была предоставлена собственной судьбе и в 211 г. пала под ударами трех римских армий, сдавшись на милость победителя.

Главные виновники антиримской кампании, капуанцы понесли тяжелые наказания. Часть капуанцев, среди них много сенаторов и богатых граждан (всадников), лишилась имущества, была выслана или продана в рабство. Напротив, граждане, державшие сторону Рима, утверждены в правах, во владении землей и рабами.

Положение Ганнибала сделалось катастрофическим, после того как против него стала действовать новая римская армия, переброшенная на италийский фронт с сицилийского театра военных действий.

В следующем году пал *Тарент*, державший сторону карфагенской армии. Жители Тарента были проданы в рабство. План Ганнибала соединиться с Гасдрубалом, его братом, уже перевалившим Альпы, тоже не удался. На реке Метавре в Умбрии Гасдрубал натолкнулся на консульские армии, был разбит и убит. После этого началось отпадение от Ганнибала италийских городов и союзников. Сам Ганнибал отодвинулся в Бруттий, ожидаемая помощь из Карфагена, на которую рассчитывал Ганнибал, не приходила.

Военные действия происходили не только в Италии, но и в провинциях. Ближайшим к Италии театром военных действий была *Сицилия*. В Сицилии дела пошли таким образом. После смерти тирана Гиерона II (216 г.) часть сицилийских городов во главе с Сиракузами, колебавшимися до самого последнего момента, перешла на сторону Карфагена, что послужило сигналом к открытию военных действий против Сиракуз со стороны римлян. В 213 г. Марк Клавдий Марцелл обложил Сиракузы и начал осаду. Несмотря на все превосходство сиракузских крепостей и техническое совершенство обороны, руководимой знаменитым *Архимедом*, в 212 г. город был взят и сделался добычей римских солдат. После падения Сиракуз карфагеняне вынуждены были очистить Сицилию.

Еще большее значение, чем Сицилия, для исхода кампании имела *Испания*. Римское командование совершенно правильно считало, что овладение Испанией лишало их противников как военной, так и экономической опоры. Особенно важно было лишить противника карфагенских рудников, составлявших военно-производственную основу Карфагенской республики. В разгар военной кампании в Италии в Испании находился *Гней Корнелий Сципион* (Gnaeus Cornelius Scipio), брат консула Публия Сципиона, действовавший в северной части Пиренейского полуострова, в Тарраконии. В 217 г. в Испанию на помощь Гнею в каче-

стве проконсула отправился Публий Сципион. Сципионам удалось оттеснить карфагенян за р. Ибер и взять Сагунт, но вскоре затем последовала катастрофа. Увлекшись своими успехами, Сципионы слишком далеко продвинулись на юг и, опрометчиво вступив в сражение с Гасдрубалом и Магоном (младшим братом Ганнибала), оставленными в Испании в качестве наместников, были разбиты и убиты.

На смену погибшим полководцам был послан сын павшего в бою Публия Сципиона *Публий Корнелий Сципион*, имевший тогда всего 27 лет и занимавший уже должности военного трибуна и эдила. На кандидатуре молодого Сципиона сошлись самые различные группировки. За Сципиона стояли как сенат, так и главным образом комиции. Помимо численного превосходства римских войск, оперировавших в Испании, успеху Сципиона способствовали недовольство туземцев (иберов) карфагенянами, обширные клиентские связи Сципионов с туземными кельтскими князьками (principes) и, наконец, перемены в строе римского войска, произведенные новым главнокомандующим. Разделение легиона на 30 манипулов сделало римский легион более подвижным и давало возможность использования тактики окружения неприятеля, широко применявшейся Ганнибалом.

В 209 г. Сципион взял с боя Новый Карфаген, главный оплот пунийцев в Испании, захватив при этом огромную добычу, военнопленных и знаменитые карфагенские серебряные рудники с массой рабочих-рабов. Намерение же Сципиона захватить карфагенских вождей Гасдрубала и Магона не удалось. Прорвавшись с половиной армии на север Испании, Гасдрубал повторил поход своего брата в Италию для оказания помощи находившемуся в затруднительном положении Ганнибалу.

После очищения Испании от карфагенян Сципион в 206 г. вернулся в Рим, был избран консулом и получил в управление Сицилию. В эти годы Сципион был самым популярным человеком Римской республики, что начинало страшить нобилей, боявшихся установления военной диктатуры. Вследствие этого сенат, отказав Сципиону в триумфе, под разными предлогами откладывал его отправление в Африку. И тем не менее, несмотря на протест сената, Сципион в 204 г. высадился на африканском берегу около Утики с 30-тысячным на свой счет завербованным войском на 40 судах. В расчете на поддержку своих африканских друзей и вассалов, туземных царей, Сципион надеялся поразить Карфаген в самое его сердце. Больше всего услуг римлянам оказал нумидийский царь *Масинисса*, смертельный враг царя Сифакса, вначале помогавшего римлянам, а затем перешедшего на сторону карфагенян.

Высадка римского десанта на территории Карфагенской республики произвела ошеломляющее впечатление на карфагенян.

Карфагенский сенат выступил с предложением мирных переговоров, послав тем временем приказ Ганнибалу и Магону о немедленном возвращении в Африку. Это предложение как нельзя более совпадало с намерениями самого Ганнибала. Отъезд в Африку был счастливым предлогом ликвидировать тяготившую его кампанию и скрыть свои поражения.

Перед отъездом из Италии Ганнибал собрал военную сходку, на которой он пытался убедить служивших в его войске италиков последовать за ним в Африку. Часть италиков, прельщенная блестящими перспективами и боясь мести со стороны римлян, решила следовать за Ганнибалом, другая же отказалась. Тогда Ганнибал приказал отказавшихся следовать за ним италиков собрать в одно место как бы для выражения благодарности и прощания, оцепил их войсками и объявил военнопленными. Оставшимся же верным ему солдатам разрешил брать себе рабов столько, сколько им пожелается. Часть солдат охотно последовала приказу своего вождя, другая же часть стояла в смущении и колебалась обращать в рабов своих вчерашних друзей и соплеменников.

«После этого, наконец, — заканчивает свой рассказ Аппиан, — Ганнибал посадил свои войска на корабли и переправился в Ливию. Случилось это после того, как он в течение 16 лет опустошал Италию, повергнув ее жителей в неописуемые бедствия, приведя их на край опасности и обращаясь с своими союзниками и подданными как с настоящими врагами. Сначала он по необходимости поддерживал с ними дружеские отношения и начал их презирать с того момента, когда они ему стали ненужными»[1].

В Карфагене внезапное появление Ганнибала, прорвавшегося через римские заставы, подняло дух «партии патриотов», по преимуществу военных и купцов, с негодованием отвергнувшей предложенные Сципионом мирные условия. Обе стороны готовились к последнему, решительному сражению. Весной 202 г. произошла встреча двух армий при местечке *Зама* (Zama), окончившаяся поражением Ганнибала, оставившего на поле сражения всех своих закаленных в боях ветеранов, героев тразименского и каннского боев. Исход боя решил *Масинисса*, оказавший Сципиону неоценимые услуги своей нумидийской кавалерией.

После Замы патриотическая партия Карфагена потеряла свое влияние, и политическое руководство перешло к *партии мира*, по преимуществу землевладельческой, готовой заключить мир на любых условиях.

Мирные условия, предложенные Карфагену Сципионом, были чрезвычайно тяжелы, но все же выполнимы. Карфаген обязывался вернуть военнопленных, выдать перебежчиков, отдать победителю военный флот, за исключением 10 небольших

---

[1] *App.*, Bell. Pun., VII, 60.

судов, отдать слонов, не вести агрессивной политики, взять на себя содержание римской армии, находящейся на территории Африки, платить военную контрибуцию в размере 10 тыс. талантов в течение 50 лет и дать 100 заложников. Ко всему этому надо еще прибавить массу квалифицированных рабов, захваченных римлянами во время второй пунической войны.

Много выгод из союза с Римом извлек Масинисса, получивший почти всю Нумидию за исключением небольшой доли, удержанной за Сифаксом.

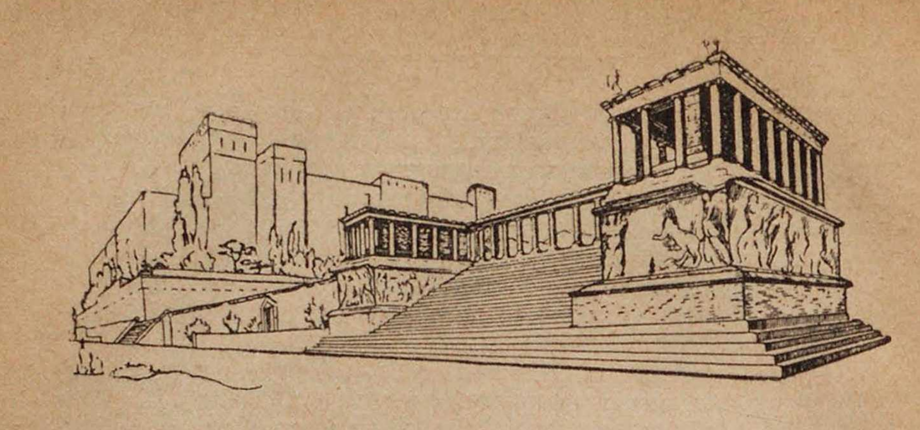
При обсуждении мирных условий в римском сенате выявились две точки зрения на войну и военную политику. Взгляды умеренной группы выражал Сципион, имевший много друзей в Африке и не желавший полного разрушения Карфагена. Сципион предлагал ограничиться ослаблением военного и финансового могущества Карфагена, раздроблением его территории на ряд вассальных княжеств, патронируемых влиятельными римскими родами и прежде всего, конечно, родом Корнелиев Сципионов.

«Мы, — говорил в сенате один из приверженцев Сципиона, — справедливо упрекая карфагенян в жестокости, не должны превосходить их в этом отношении. Если мы проявляем снисходительность и умеренность в мелких делах, то тем более должны проявлять их в делах первостепенного значения. Величие настоящего момента заставляет нас быть особенно осторожными. Весь мир, современники и потомство будут знать, если мы разрушим город, имя которого связано с мировым владычеством, подчинивший своей гегемонии столь много островов, все моря, господствовавший над половиной Ливии и выдержавший столь тяжелые испытания в борьбе с нами» [1].

Более радикальных мер требовала другая группа сенаторов, ближе стоявшая к торгово-ростовщическим кругам.

«На войне, уважаемые сенаторы, — говорил один из представителей этой группы, Публий Лентул, — прежде всего надо блюсти собственную выгоду. Чем могущественнее представляется нам Карфаген даже в настоящий момент, как об этом только что говорил предшествующий оратор, тем более следует быть осторожными в отношении его коварства, соединенного с силой, и мне кажется, почтенные сенаторы, необходимым по крайней мере уничтожить его силу, ибо коварство мы уничтожить не в состоянии... Мне сдается, что даже сами боги поставили Карфаген в такое положение, что стало возможным наложить на него, наконец, справедливую кару за бесчестие, после того как карфагеняне с нами и со многими другими народами заключали договоры в Сицилии, Иберии, Италии и даже в Ливии, но затем, вероломно их нарушив, совершали ужасающие преступления» [2].

[1] *App.*, Bell. Pun., VIII, 57.
[2] Ibid., 62.

Глава IV

ПОКОРЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВОСТОКА

Вторым этапом завоевательной политики Рима было завоевание восточной части Средиземноморья, греко-эллинистического мира, с которым римляне во время карфагенских войн пришли в более тесное соприкосновение. Греко-эллинистический мир в III—II вв. представлял пеструю картину политических обществ и международных отношений. Среди многих греко-эллинистических обществ выделялись три больших государства: *Египетская*, *Сирийская* и *Македонская монархии*. Второе место в системе греко-эллинистических держав занимали: *Родосская республика*, «Венеция античного мира», греческие государства, входившие в *Ахейский* и *Этолийский* союзы, *Спарта*, *Пергамское*, *Вифинское*, *Понтийское*, *Галатское*, *Каппадокийское* и другие царства. Политический строй названных держав не был одинаков, отношения же между ними были сложны и противоречивы.

Для более отчетливого понимания истории Рима III—II вв. необходимо хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с социально-экономическим и политическим строем главных эллинистических держав в момент их соприкосновения с Римом.

1. ГРЕКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК ВО II в. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Первое место среди восточноэллинистических государств занимал *Египет*. Подобно большинству восточноэллинистических стран Египет был типичным военно-бюрократическим государством, управляемым бюрократией с царем во главе, который считался собственником всей земли. Наряду с царским землевладением, землями, переданными в пользование военным и чиновни-

кам, в египетском строе большое место занимало среднее и мелкое землевладение клерухов — военнообязанных колонистов. Египетское войско состояло частью из туземцев, частью же из греческих, македонских, персидских и других наемников. За свою службу солдаты получали земельный надел (клер), переходивший по наследству. Следующую категорию земель составляли храмовые земли. Непосредственными производителями на землях всех категорий оставались мелкие, полусвободные арендаторы («царские земледельцы»), близкие к римским колонам последующих веков, и рабы. Основные хозяйственные отрасли Египта составляли сельское хозяйство, торговля и ремесла.

Дошедшие до нас платежные квитанции говорят о развитой торгово-ремесленной жизни Египта, в особенности в главных городах Египта — Александрии, Мемфисе, Копте и Птолемаиде. При значительном вывозе предметов внутреннего производства (стекло, ткани, папирус) Египет имел монополию внешней торговли с Аравией, Индией и Восточной Африкой. Своего наибольшего расцвета эллинистический Египет достиг в первой половине III в. при Птолемее II Филадельфе и Птолемее III. В это время Египет далеко вышел за пределы своих естественных границ, закрепившись в Сирии, на островах Эгейского моря и даже во Фракии. Расходы на войско, флот, управление и двор предполагали крупные государственные ресурсы, поступавшие в виде дани, торговых пошлин и массы всевозможных налогов, падавших на землю, торговлю и ремесла.

Население Египта, обремененное тяжелыми налогами и податями, ненавидело своих поработителей, к тому же еще чужестранцев, проявляя свое недовольство в частых восстаниях, бунтах и массовом бегстве в заросли Нильской долины. Классовая борьба становилась особенно острой в период военных поражений и междоусобных войн, которыми так богата египетская история. Ослабление Египта начинается со смерти Птолемея IV Филопатора (204 г.), в царствование малолетнего его преемника *Птолемея V Эпифана* (204—181 гг.), от имени которого правили его советники и опекуны — евнухи, враждовавшие друг с другом.

Воспользовавшись политической анархией после смерти Птолемея IV, соседи Египта — Македония (Филипп V) и Сирия (Антиох III) — заключили между собой союз в целях захвата египетских владений в Малой Азии.

Усиление восточных держав существенным образом затрагивало интересы Рима, что и послужило поводом для вмешательства римлян в дела греко-эллинистического мира. Общее состояние греко-эллинистических держав в это время благоприятствовало римлянам. При чрезвычайно сложных и запутанных внешних отношениях греко-эллинистические государства пере-

живали внутренний кризис. В каждом из них существовали романофильские партии, поддерживавшие связь с римлянами и при первом случае готовые перейти на их сторону.

2. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МАКЕДОНСКИЕ ВОЙНЫ

С точки зрения Рима, из всех эллинистических государств наибольшую опасность представляла *Македония*. Македонское царство консолидировалось в конце III в. при Антигоне Гонате (276—240 гг.), собравшем под своей властью самые различные области, в том числе и некоторые греческие города. Политику Антигона Гоната продолжали его преемники Антигониды: Деметрий (239—229 гг.), Антигон Дозон (229—220 гг.), Филипп V (220—178 гг.) и его сын Персей (178—168 гг.). Подобно своим предшественникам, основателям Македонской державы, Филиппу II и Александру, македонские цари считали себя настоящими филэллинами и всеми способами насаждали в подвластных им странах эллинские порядки, строили города, способствовали развитию торговли и ремесел. Больше же всего македонские, как и вообще все эллинистические цари, заботились о создании образцовой армии наемников и великолепии своих дворов. Главными источниками доходов македонских царей служили: дань с покоренных народов, торговые пошлины, налоги на ремесла, эксплоатация государственных доменов—лесов, рудников, земли и пастбищ, сдававшихся в аренду. На эти средства македонские цари могли содержать наемническую армию, оплачивать чиновников, делать им подарки, содержать пышный двор и оплачивать ученых, поэтов и художников, проживавших при македонском дворе. Тон дал сам основатель эллинистической Македонии Антигон Гонат, мечтавший о создании просвещенной монархии как воплощении стоического идеала или платоновской политеи. При македонском дворе побывали все знаменитости того времени: Арат, автор «Времен года» и дидактической поэмы «Феномены», Александр Этолийский, библиотекарь и поэт, и др. В числе «высоких гостей» македонского царя бывал также и странствующий философ-киник Бион Борисфенский. Слава о македонских царях дошла даже до индийского царя Асоки, приславшего свое посольство в столицу Македонии Пеллу.

Самым слабым местом Македонской монархии была входящая в нее Балканская Греция, разделенная на множество мелких племен, общин и союзов. Собственно из-за Греции и началась *первая македонская война* римлян с македонским царем Филиппом V (214—205 гг.). С целью овладения Иллирийским побережьем и восточным берегом Адриатического моря, а косвенно и упрочения своего авторитета в Греции Филипп заключил союз с Ган-

нибалом во время его пребывания в Италии и готовился напасть на Италию с моря. Однако расчеты македонского царя не оправдались. Римляне не только расстроили этот союз, но даже организовали контрсоюз в самой Греции, склонив на свою сторону Этолийский союз, не мирившийся с гегемонией «македонского варвара». К антимакедонской коалиции не замедлил присоединиться и пергамский царь, боявшийся македонской экспансии. При таком повороте дел Филипп был вынужден отказаться от своих притязаний и заключить с Римом в общем довольно выгодный для него мир. Мирные отношения между Римом и Македонией продолжались однако недолго. Поводом к новой, *второй, македонской войне* (200—197 гг.) послужила смерть египетского царя Птолемея IV. Ослаблением Египта воспользовались его соседи — Сирия и Македония, — набросившиеся на фракийские владения Египта и на острова Эгейского моря. Захват же островов самым чувствительным образом задевал интересы Родосской республики, объявившей войну Македонии; покушение Филиппа на малоазиатские берега повлекло за собой войну с Пергамом. Не надеясь на собственные силы, союзники Рима отправили посольство к своему патрону — «римскому народу и сенату».

В своих речах послы в мрачных тонах изложили положение дела на Востоке, указав на те опасности, которые грозят Риму в случае объединения эллинистических стран под каким-либо одним могущественным государством — будь то Македония, Сирия или Египет. Доводы родосских и пергамских послов убедили сенат в необходимости римской интервенции в дела эллинистических государств. Особых экономических интересов на Востоке в то время римляне не имели, но тем важнее казались политические соображения.

Отправленное к Филиппу посольство предложило ему признать автономию греческих городов, отказаться от захваченных им египетских владений и, кроме того, вознаградить Родос и Пергам за причиненный им ущерб. Ни одного из этих условий Филипп не принял. После этого в 200 г. римляне начали наступление на Иллирию, а через Иллирию проникли в Македонию. Одновременно с этим римский флот, подкрепленный родосскими и пергамскими судами, действовал в Эгейском море. Из греческих государств к римлянам присоединились этолийцы, вторгшиеся в Фессалию, где и произошло первое крупное столкновение между македонцами и римлянами, решившее исход всей кампании.

В Фессалии при *Киноскефалах* (Cynoscephalae) среди острых, параллелями тянувшихся холмов, напоминавших собачьи головы, римляне разбили македонцев (197 г.). Победа над македонцами, считавшимися непобедимыми потомками Александра Великого, имела для Рима прежде всего огромное моральное значение. Попытка Филиппа продолжать войну не имела успеха, и гордый

македонский царь вынужден был заключить с Римом мирный договор, отказавшись от всех завоеваний, выдав римлянам свой флот и уплатив контрибуцию в 1 000 талантов.

Самым тяжелым из всех условий, поставленных Филиппу, было требование признания автономии греческих городов. Римляне этому обстоятельству в своих политических соображениях придавали исключительное, в известном смысле мировое, значение, рассматривая это как восстановление древней эллинской свободы, попранной македонцами-поработителями. В 196 г. римский полководец *Тит Квинкций Фламинин* на торжественном собрании в Коринфе при огромном стечении народа провозгласил независимость Греции. Художественное описание этого события дано в биографии Фламинина, составленной Плутархом:

«Начались истмийские игры. Стадион был покрыт массой зрителей, смотревших на гимнастические состязания. Теперь, после долгого времени, по окончании войн, Греция справляла праздник в надежде насладиться благами свободы и прочного мира. Раздался звук трубы, и среди общего молчания глашатай выступил вперед и объявил во всеуслышание, что сенат римский и консул-полководец Тит Квинкций Фламинин, разбив македонского царя Филиппа, дают независимость, освобождают от гарнизонов и податей, с правом автономии коринфян, локров, фокийцев, эвбейцев, ахейцев, беотийцев, магнетов, фессалийцев и перебов.

...Сперва не все ясно слышали слова глашатая — на стадионе было беспокойно и шумно. Все были удивлены, обращались друг к другу с вопросами и требовали, чтобы объявление было повторено. Снова настала тишина. Глашатай, усиливший голос, громче прежнего повторил во всеуслышание свои слова. Их узнали все. Невероятно сильный крик радости донесся до самого царя. Присутствующие поднялись со своих мест. Никто не обращал внимания на участников гимнастических состязаний, все спешили и бежали пожать руку и сказать слово привета спасителю и защитнику Греции» [1].

После этого Фламинин сделался самым популярным человеком в Греции.

«Если бы Тит не удалился после окончания игр, избегая возбуждения народа и уклоняясь от его восторгов, он едва ли бы вышел живым из всюду окружавшей его густой огромной толпы. Присутствовавшие до изнеможения кричали перед его палаткой, пока не наступила ночь. При встрече с друзьями или согражданами они целовались и обнимались с ними и приглашали друг друга на обеды и пиры. Здесь их восторг, конечно, увеличивался. Они начинали рассуждать и разговаривать о делах

---

[1] *Plut.*, Tit. Quinct. Flamininus, X.

Греции. «Сколько войн вела Греция за свою свободу,—говорили они,—но никогда ее счастье не было более прочно и радостно!»[1]

В 195 г. Фламинин, разбив непопулярного среди состоятельных классов населения Спарты тирана Набида, отправился в Аргос, где его назначили распорядителем немейских игр. После празднования игр Фламинин еще раз в торжественной форме провозгласил восстановление эллинской свободы. Объезжая города Греции, Фламинин повсюду восстанавливал старые законы и обычаи, отправлял правосудие, успокаивал волнения, мирил ссорившихся, возвращал эмигрантов — словом, выступал в роли благодетеля и спасителя эллинского народа.

«Ему было одинаково приятно видеть успех своих слов и убеждений для восстановления спокойствия в Греции, как и быть победителем Македонии, так что свобода казалась грекам меньшим из выпавших на их долю благодеянием»[2].

Политическое значение провозглашения свободы Греции было огромно. Римлянам таким путем удалось изолировать Македонию и создать из «свободной» Греции форпост для дальнейших действий на Востоке.

Провозглашение эллинской свободы имело, однако, и другую сторону — усиление вражды между греческими общинами. Еще не успели римские легионы покинуть почву Эллады, как между освобожденными греческими городами начались старые распри. Внутри самых городов до крайней степени обострились классовые противоречия и в невиданном дотоле масштабе выступили наружу все отрицательные стороны рабовладельческих государств — разорение мелких производителей, переполнение больших городов неимущим элементом, нищета, бродяжничество, наемничество и т. п. Эллинистические общества в то время, по верному замечанию Полибия, напоминали волнующееся море, в котором одна волна постоянно сменяла другую. Римляне учитывали внутренние и внешние раздоры эллинских обществ и использовали сложившуюся ситуацию в собственных интересах. Полного подчинения эллинских общин Риму, однако, не наступило. В каждом государстве имелась македонская партия, объединившая вокруг себя антиримские элементы. Не рассчитывая на собственные силы, антиримские элементы Греции и Македонии устремляли свои взоры на сирийского царя Антиоха, готовившего войну Риму.

3. ГОСУДАРСТВО СЕЛЕВКИДОВ

Государство Селевкидов было третьей крупной греко-эллинистической державой, с которой пришлось считаться Риму. Эпоха расцвета монархии Селевкидов относится к первой половине

[1] Ibid., XI.
[2] *Plut.*, op. cit.

III столетия, ко времени Антиоха I и отчасти Антиоха II. Из всех государств диадохов монархия Селевка была самым обширным и многоплеменным государством. На огромном пространстве от Эгейского моря до Инда жила масса племен различных национальностей, говоривших на самых различных языках — греческом, ликийском, арамейском, вавилонском, персидском и т. д. Не меньшим разнообразием отличалась держава Селевкидов и в социально-политическом отношении. Наряду с примитивными пастушеским и земледельческим хозяйствами на территории Селевкидов, в особенности в западных частях, существовали садово-огородные плантации, многочисленные мастерские и развитая торговля.

Эллинизация Азии началась еще задолго до великого македонского похода, являвшегося продолжением греческой колонизации на Восток. Первые Селевкиды (Селевк I, Антиох I, Антиох II) в этом отношении являлись рьяными продолжателями Александра. Эллинизация в руках македонских завоевателей являлась средством укрепления их господства над массой распыленного туземного населения. Одним из важнейших средств закрепления диктатуры эллинистических царей служил *город* как средоточие военных, экономических и культурных сил. Излучая свое влияние во всех направлениях, эллинистический город разрушал старые связи, втягивал туземное население в новые отношения и таким путем подчинял их своему влиянию. Ожило также и малоазиатское побережье, где сложилось независимое от Селевкидов Пергамское царство, одно из самых блестящих эллинистических государств. И тем не менее царство Селевкидов не превратилось в единое устойчивое государство. Центробежные силы, оказавшиеся сильнее центростремительных, в конце концов разорвали Сирийскую монархию на ее составные части.

При существовании развитой внешней (Индия, Китай) и внутренней торговли каждый город, каждая местность жили собственной жизнью. Эллинизация скользнула лишь по поверхности. В течение всей своей истории Сирийская держава Селевкидов представляла пеструю картину всевозможных больших и мелких социально-экономических образований — провинций (сатрапий), городов, храмов, поместий и деревень. Прочных связей между этими социально-экономическими телами не существовало. Каждая область, каждый город, каждый храм и каждое поместье жили своей самостоятельной жизнью. Интересы населения главным образом сосредоточивались около мелких повседневных забот материального порядка. Политическая жизнь была привилегией небольшого круга влиятельных людей — местных крупных землевладельцев, военных чиновников, купцов и богатых ремесленников, причем все эти состояния часто совме-

щались в одном лице. Землевладелец был одновременно воином, купцом и владельцем мастерской.

Большая часть территории находилась в руках аристократов, городов, храмов и царя. Масса населения сидела на этих землях в качестве арендаторов, уплачивавших собственнику земли оброк натурой или деньгами. Каково было соотношение в эти столетия между рабским и другими категориями труда, ответить невозможно. Несомненно одно, что между отдельными странами в этом отношении существовали большие различия. Отношение туземного населения, в особенности низших классов, к македонцам-завоевателям, в руках которых сосредоточивались большая часть земель, торговля и ремесла, составлявшим городское население, было резко отрицательным.

История эллинистических обществ полна всякого рода восстаний, протестов и бунтов, которые в отдельные моменты приобретали своеобразный религиозно-национальный отпечаток.

Нередко эти восстания (особенно в эллинистическом Египте) охватывали целые области.

Во главе этих движений чаще всего стояли храмовые жрецы и туземные князья (династы).

Чем дальше, тем все больше греческий элемент вытеснялся туземным, восточным элементом. После короткого периода эллинизации при ближайших преемниках Александра прилив поселенцев уменьшился, и эллинистический Восток вновь стал возвращаться к догреческим формам жизни.

Ближайшим толчком к распаду государства Селевкидов послужили междоусобные войны между различными претендентами на трон, набеги соседних племен (галатов, скифов, парфян) и неудачные войны с другими эллинистическими государствами. Ослабление Селевкидов вызвало наружу все центробежные силы государства. Поднялись туземные князья, примеру которых последовали поставленные царями наместники (стратеги, сатрапы), храмы (иерусалимский храм, храм Ваала в Эмессе) и города. Раньше других отпали восточные провинции Бактрия (Bactria) и Парфия (Parthia), слабее всего связанные с греко-македонской культурой.

Из выделившихся из государства Селевкидов династов наибольшее значение получили пергамские династы, из династов-вассалов «великого царя» превратившиеся в настоящих самостоятельных царей. При *Аттале I* (241—197 гг.), *Эвмене II* (197—158 гг.) Пергам сделался рассадником эллинской цивилизации, науки и искусства. В отношении красоты и изящества памятники пергамского искусства — храм Афины-Полиас, алтарь Зевса и многие другие — приобрели мировую известность. Всем

известна также и знаменитая пергамская библиотека, организованная по образцу александрийской библиотеки. Примеру Пергама последовали Каппадокия и Вифиния, образовавшие самостоятельные княжества.

Вмешательство римлян в дела греко-эллинистических государств не только не ослабило, но, по крайней мере на первых порах, еще более запутало и обострило социальные противоречия. Согласно своей традиционной политике, римляне всегда держали сторону состоятельных классов, земельной и денежной аристократии. Обратно — к антиримской партии наряду с военными группами и жречеством примыкали также и малосостоятельные элементы и рабы. Все это вело к тому, что в греко-эллинистических государствах завязывался чрезвычайно сложный клубок всевозможных противоречий, которые пришлось разрешить Риму. Недовольство римской политикой как политикой «западных варваров» началось с первого же дня появления римлян на Востоке. Этим воспользовались вожди антиримской партии — македонский царь Филипп V, сирийский царь Антиох III и затем сын Филиппа Персей. С целью увеличения числа своих сторонников они объявили себя борцами за национальную свободу, защитниками угнетенных (мессиями), долженствующими освободить страждущие массы от гнета и страданий.

После сокрушения Филиппа во главе антиримского движения стал сирийский царь *Антиох III Великий* (223—187 гг.). Антиох поставил себе целью восстановление царства Селевкидов во всем его прежнем размере с включением отпавших при его предшественниках частей: Вифинии, Каппадокии, Понта, Пергама и др. Осуществление этой грандиозной цели Антиох ставил в зависимость от очищения греко-эллинистических государств от «западных варваров», т. е. римлян. Таким путем Антиох становился во главе всеобщего антиримского движения. В необходимости сокрушения Рима сирийского царя более всего убеждал Ганнибал, бежавший из Карфагена еще в 195 г. и проживавший в то время в государстве Антиоха. В сознании Ганнибала вырастал фантастический план новой войны с Римом, в которой должны были принять участие все государства средиземноморского мира, и прежде всего, конечно, Карфаген. Собственно сирийские дела мало интересовали неутомимого карфагенского вождя, заклятого врага Рима. План Ганнибала сам по себе был эффектен, но при данных условиях невыполним. Слабую сторону греко-эллинистических держав, как было сказано и как это подтвердили ближайшие события, составляли глубокие внешние и внутренние противоречия, раздиравшие и ослаблявшие эллинистические общества.

4. СИРИЙСКАЯ ВОЙНА

Сирийский царь вмешался в дела Греции, в войну между Ахейским и Этолийским союзом. Встав на сторону Этолийского союза, Антиох тем самым объявлял войну Риму, находившемуся с этолийцами во враждебных отношениях. Недавние друзья Рима этолийцы поссорились с Римом, будучи недовольны незначительностью уступок, сделанных им римлянами после второй македонской войны, и вступили в переговоры с сирийским царем, «действительным филэллином». Переправа Антиоха в Грецию послужила началом *сирийской войны* (192 — 189 гг.).

Первые действия Антиоха в Греции увенчались успехом: он занял Эвбею, завоевал Фессалию и перенес войну в Акарнанию, но на этом, собственно, и окончились успехи сирийского царя. Расчет Ганнибала и Антиоха на всеобщее восстание всех средиземноморских государств против Рима не оправдался, а Македония и Ахейский союз не только не поддержали Антиоха, но даже перешли на сторону Рима. То же самое сделал и пергамский царь Эвмен II, боявшийся великодержавной политики Сирии. Поражение при Фермопилах заставило Антиоха очистить территорию Греции и удалиться назад в Азию. По следам отступавшего Антиоха направились римская армия и флот, подкрепленные судами родосцев, хиосцев, самосцев, лесбосцев, пергамцев и др. Разбитый на море, Антиох с тем большим рвением принялся за организацию сухопутной армии, не сомневаясь в десанте римлян на малоазиатском берегу.

Благодаря исключительной энергии Антиоху удалось собрать из самых различных малоазиатских племен (галатов, пафлагонцев, ликийцев, каппадокийцев и др.) внушительную, но крайне нестройную и малоустойчивую армию. Генеральное сражение произошло при *Магнезии* (Magnesia) в Малой Азии (190 г.). Антиох потерпел полное поражение и был вынужден заключить мир с Римом на тяжелых условиях.

Большая часть Азии (до Тавра) отходила к римлянам, отказавшимся от непосредственной оккупации и распределившим завоеванные земли между своими союзниками. Больше всего получил пергамский царь Эвмен.

К Пергаму отошли бывшие египетские владения на Геллеспонте (Фракийский Херсонес), часть азиатского берега, Лидия, часть Фригии, Кария и Памфилия. Военными операциями римлян в Азии руководил Луций Сципион, при котором находился его брат Публий, оттеснявший своих противников Фламининов, филэллинская политика которых не оправдала возлагавшихся на нее расчетов. Публий Сципион умер в 183 г., в один год с Ганнибалом, покончившим самоубийством в Вифинии.

Победа римлян над Антиохом не внесла успокоения в волновавшееся море греко-эллинистических общин. Борьба выливалась в форму национальных движений. Национальная реакция не только против Рима, но и вообще против всей эллинистической культуры, сильная при Антиохе III, еще более увеличилась при *Антиохе IV Эпифане* (175—164 гг.). Реакция шла с двух сторон: со стороны Востока, где в то время складывалось Парфянское царство, включавшее в себя самые различные области, от границ Селевкии до Индии, и, с другой стороны, с Запада— из Иудеи. При Антиохе III и Антиохе IV в *Иудее* происходили очень сложные события. В период распространения греческой культуры и греческого языка в Иудее появилась группа эллинистов. Более связанные с новыми формами хозяйства и внешней торговлей, эллинисты являлись противниками патриархального уклада и строгой замкнутости иудеев. Между эллинистами и «благочестивыми» (хазидим), приверженцами старины, возгорелась жестокая борьба. На некоторое время верх взяла партия иудейских эллинистов, возглавляемая Иисусом (Язоном).

Во внутреннюю распрю иудеев вмешался Антиох Эпифан, разграбил иерусалимский храм, религиозно-политический оплот «хазидим», и увез захваченные храмовые сокровища в Антиохию. Вмешательство сирийского царя повлекло за собой отчаянную противоэллинистическую реакцию. Во главе иудейского движения стояли иерусалимский жрец (первосвященник) *Маттафия* и его пять сыновей. Наибольшую энергию и страстность в борьбе с эллинизмом развил сын Маттафии *Иуда Маккавей* (молот). Борьба Маккавеев за восстановление старой веры отцов окончилась полной их победой, что чрезвычайно симптоматично для последних столетий эллинизма, отмеченных ростом антиэллинистической реакции. Сирийцы были прогнаны, храм восстановлен, в строжайшей форме восстановлены старые обычаи и религия: «благочестивые» (хазидим) торжествовали победу.

Восстание Маккавеев открывает длинную серию революций в Палестине и вообще на Востоке, с которыми мы познакомимся в последующем изложении. Характерной чертой всех названных движений было переплетение классовых, религиозных, антиримских и антиэллинских мотивов, нашедших свое отражение в апокалипсисах (пророческих откровениях), получивших широкое распространение в последние столетия до нашей эры.

5. ТРЕТЬЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

В то время как Маккавей вел войну с Антиохом за свободу и религию, греко-эллинистический мир в последний раз объединился под главенством Македонии в *третьей македонской войне* (171—168 гг.). Войну начал все тот же неутомимый Филипп Ма-

кедонский, обиженный Римом в своих притязаниях на фракийское побережье. Повсюду возбуждая антиримские настроения, Филипп, между прочим, намеревался бросить на Италию придунайские народности, враждебные Риму.

После смерти Филиппа антиримскую политику продолжал его сын *Персей*. Антиримской политике сочувствовали греки, иллирийцы, эпироты и многие другие народности греко-эллинистического мира, затронутые в своих интересах римской экспансией. Сам Персей представляется незаурядной личностью, хорошим организатором и полководцем. Однако ресурсы Македонии были сильно подорваны беспрерывными войнами и расточительной политикой, армия истощена, союзники малонадежны, внутреннее состояние государства неустойчиво. Все преимущества находились на стороне противников Македонии. К тому же военными операциями против Персея руководил лучший римский стратег — *Луций Эмилий Павел*, сын Эмилия Павла, убитого при Каннах.

После первых успехов, достигнутых Персеем в 168 г., македонцы потерпели решительное поражение при *Пидне* (Pydna). Тяжеловесная македонская фаланга не устояла против более подвижных римских манипулов. Разбитый Персей был захвачен в плен и в качестве военного трофея отправлен в Рим. Победа при Пидне знаменовала крупный перелом во внешней политике Рима. С этого времени римляне отказываются от старой политики невмешательства во внутренние дела эллинистических государств. Римский полис постепенно перерождался в централизованную империю. Финансовая мощь Македонии была ослаблена наложением контрибуции и передачей главных статей дохода в руки римлян. Окончательное завершение греко-македонские дела получили в 40-х годах II в., после восстания псевдо-Филиппа и отложения Ахейского союза.

Глава V

ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ КАРФАГЕНА

Отвлечение внимания римлян на Восток дало возможность побежденному, но не уничтоженному Карфагену вновь оправиться и поднять голову. Пятидесяти лет, протекших от заключения мира до начала новой, *третьей, пунической войны*, было совершенно достаточно для восстановления его экономической мощи. Отказавшись от военных захватов и широкой военной политики, карфагеняне направили всю свою энергию на хозяйственную деятельность, единственно возможную при данных условиях. В период между второй и третьей пуническими войнами в Карфагене, удержавшем значительную часть своей территории, развилась оживленная торговля с туземными племенами, расширилась площадь зерновых и садово-огородных культур, увеличилось число мастерских и торговых помещений, заработали лавки менял и депозитных контор, численность городского населения поднялась до внушительной цифры в 700 тыс. человек. Для римской торговли и промышленности «родина Ганнибала» представляла прямую угрозу. Следствием этого было обострение враждебных отношений римской плутократии и сельских хозяев-плантаторов с возрождающимся соперником.

Настроение руководящих кругов Рима не ускользнуло от внимательного взора нумидийского царя Масиниссы, претендовавшего на пограничные владения и в частности на плодородную полосу земли у Малого Сирта. Во всех конфликтах между карфагенским сенатом и Масиниссой Рим всегда становился на сторону последнего, несмотря на явную несправедливость многих его претензий. Подобного рода агрессивная политика со стороны Рима и его африканского союзника подняла шансы карфагенской военной «партии патриотов», во главе которой до бегства

из Карфагена стоял Ганнибал, а во второй половине II в. этой партией руководил Гасдрубал.

Гасдрубал и Карфалон начали войну с Масиниссой и в 150 г. потерпели решительное поражение. Ставшая после этого у власти партия мира совершенно отказывалась от какой бы то ни было военной политики и всеми способами добивалась союза с Римом.

Однако мирная политика Карфагена не встретила отклика и сочувствия в римском обществе. За возобновление войны с Карфагеном стояла римская плутократия — купцы, ростовщики, оружейники, поставщики на армию, владельцы плантаций, претендовавшие на монополию в средиземноморском бассейне, и, наконец, рабовладельцы всех категорий, заинтересованные в захвате дешевых и квалифицированных рабов. Воинственно была настроена также и городская демократия, plebs urbana, уже достаточно втянутая во внешнюю политику и откупные компании, привыкшая к раздачам, триумфам, праздникам и зрелищам. Для иллюстрации настроения римских империалистов чрезвычайно показательна приписываемая Катону фраза: «Ceterum censeo, Carthaginem delendam esse» («А впрочем, я полагаю, что Карфаген следует разрушить»).

В ответ на мирные предложения карфагенян Рим потребовал беспрекословного удовлетворения всех притязаний «друга римского народа» царя Масиниссы, выплаты 500 талантов контрибуции, очищения «больших полей» на берегах Баграды и, наконец, выдачи Риму значительной части военных запасов и снаряжения, числом около двух миллионов, двух тысяч метательных машин, огромного количества мечей, щитов, шлемов, коней и т. д. Но и это не удовлетворило римлян, потребовавших срытия самого города и очищения площади на 15 километров от моря. Последнее требование — срытие города — вызвало страшное негодование карфагенян, решивших защищаться до последней возможности.

Население лихорадочно вооружалось, вооружались даже рабы, которым была обещана свобода, городские укрепления реставрировались и строились заново. Делами обороны руководил Гасдрубал, вернувшийся из изгнания. Первые попытки римлян взять город приступом в 149 г. окончились неудачей, заставившей отказаться от штурмовых действий и перейти к длительной осаде по всем правилам военного искусства, рассчитывая не столько на храбрость осаждавших, сколько на отсутствие воды и свирепствовавшие в городе голод и эпидемии.

После двухлетней безуспешной осады в 147 г. в Африке высадился только что избранный консул *Публий Корнелий Сципион Эмилиан* (Publius Cornelius Scipio Aemilianus), которому было поручено ведение войны особым плебисцитом.

Сципион Эмилиан, сын Эмилия Павла, победителя при Пидне, был приемным внуком Сципиона Африканского. Как и последний, он занимал особое место среди римской аристократии. Один из самых просвещенных людей Рима, вокруг которого сплотились политики, ученые и писатели, Сципион Эмилиан считался лучшим полководцем своего времени. Не было ни одной значительной кампании, в которой он не принимал бы участия. Вызванный в 149 г. в Африку для раздела наследства умершего тем временем престарелого Масиниссы, Сципион добился посылки нумидийского войска на помощь осаждавшим Карфаген римлянам. Проявленная Сципионом энергия способствовала тому, что он был избран в 147 г. консулом, имея всего 37 лет от роду, вопреки желанию сената. Сенат по формальным соображениям пытался отвести кандидатуру Сципиона, ссылаясь на закон Виллия (lex Villia annalis), устанавливавший для консула возрастную норму в 43 года. Но это не смутило Сципиона, обратившегося за поддержкой к народным трибунам, доставившим ему консульство через комиции.

2. ОСАДА КАРФАГЕНА

Прибывший на театр военных действий новый главнокомандующий поднял дух осаждавших, укрепил военную дисциплину, очистил лагерь от посторонних элементов. После взятия пригородов Карфагена Сципион весной 146 г. приступил к правильной осаде. Гаю Лелию, другу Сципиона, удалось пробить стену и ворваться в город, на улицах которого в течение семи дней кипел отчаянный бой. Наконец, к концу седьмого дня удалось захватить карфагенский кремль (Byrsa) и тем самым положить конец сражению. После захвата римлянами храма Эскулапа, главного карфагенского святилища, 50 тысяч совершенно измученных, голодных и больных карфагенян сдались на милость победителя, умоляя его заменить смерть хотя бы рабством. С военно-технической стороны взятие Карфагена, защищенного циклопическими стенами в 2 метра толщины, обломки которых в недавнее время извлечены археологами, представляло крупную победу Рима.

Полуразрушенный город был сравнен с землей, оставшимся в живых жителям приказано было выселиться с территории Карфагена, объявленной нечистой и проклятой. Все владения Карфагенской республики вошли в состав Рима под именем провинции *Африки* (Africa). Главным городом Африканской провинции стала *Утика* (Utica), во время войны отпавшая от Карфагена и перешедшая на сторону Рима. Утика и некоторые другие карфагенские города — Гадрумет (Hadrumetum) и Тапс (Thapsus) — формально считались автономными городами, находившимися под римским протекторатом.

Остальная часть территории бывшей Карфагенской республики объявлялась доменом римского государства. Часть ее, в особенности земли в окрестностях самого города Карфагена, была сдана в аренду большими участками римским съемщикам (publicani), другая же часть оставлена прежнему населению, сохранявшему свои участки на правах арендаторов и уплачивавшему в римскую кассу определенный налог — стипендиум (stipendium). Отсюда и название этой категории земель — agri stipendiarii. Большая часть африканского стипендиума, взимавшегося натурой в виде зерна, отправлялась в Рим и предназначалась для государственных надобностей, для раздач и содержания ополчения. Наряду с Сицилией Африка считалась «житницей римского народа».

Одновременно с африканской войной продолжались войны и на Востоке. Испытанные римлянами затруднения в Африке подняли дух греко-эллинистических народностей, еще раз попытавшихся отстоять свою независимость. В начале сороковых годов в Македонии некий Андриск, по профессии валяльщик, выдававший себя за сына Персея и сириянки Лаодики, объявил себя Филиппом, царем Македонии, освободителем народа и врагом Рима. В 149 г. Андриск-Филипп, или, как он обычно называется, лже-Филипп, разбил римского претора Публия Ювенция и вторгся в Фессалию, но в следующем, 148-м, году потерпел поражение от консула Квинта Цецилия Метелла. После поражения Андриска все части Македонии вместе с Эпиром, островами Ионического моря, городами Аполлонией и Диррахием вошли в состав римской *провинции Македонии*. Кроме стратегического значения, покорение Македонии имело первостепенное экономическое значение, так как в Македонии имелись богатые серебряные и золотые рудники, перешедшие теперь в ведение Рима и сдававшиеся на откуп римским гражданам. Для закрепления новой провинции была проложена *Эгнациева дорога* (via Egnatia), от Диррахия через Кандарское плоскогорье на Фессалоники и далее на восток.

За покорением Македонии последовало подчинение и всей остальной Греции. Постоянная вражда между греческими общинами облегчила победу Рима. Во время войны Ахейского союза со Спартой римляне стали на сторону последней и потребовали освобождения Спарты от гегемонии союза. Оскорбленные этим, ахейцы, поддержанные другими эллинскими общинами, объявили войну Риму. Все преимущества в этой войне находились на стороне римлян, одержавших несколько побед над Ахейским союзом, самой значительной из которых была победа Луция Муммия на Истмийском перешейке, недалеко от Коринфа. Коринф, главный город Ахейского союза, центр греческой торговли и промышленности, подобно Карфагену, был разрушен консулом Муммием,

Пострадали и другие эллинские города — Фивы, Халкида на Эвбее и др. Область Коринфа становилась собственностью римского народа, а владельцы земли — арендаторами, платившими за право пользования особый налог (vectigal), отсюда и название этих земель — agri vectigales. Ахейский и все другие союзы объявлялись распущенными. Формально автономные, греческие общины были подчинены высшей инстанции — македонскому наместнику, жившему в Фессалониках. Путем установления имущественного ценза управление передавалось состоятельным классам, державшим сторону Рима. В течение более ста лет Греция находилась в состоянии внутреннего раздробления и розни и лишь в 27 г. все общины классической Эллады были объединены в одну римскую провинцию Ахайю.

3. ВОЙНЫ В ИСПАНИИ И МАЛОЙ АЗИИ

Из всех войн II в. наиболее трудной и позорной для римского оружия была *испанская война*. Со времени изгнания Ганнибала войны в Испании, носившие характер партизанских войн (guerilla), почти что не прекращались до самого конца Республики. Трудность и длительность войн в Испании объяснялись природными условиями Пиренейского полуострова, разрезанного на множество горных округов, совершенно лишенного дорог и изобилующего скалами, горными реками и ручьями. Горы и долины Пиренейского полуострова были населены самыми различными племенами, которые занимались пастушеством, земледелием, а племенные князья, кроме того, торговали с проживавшими по восточному берегу карфагенянами и римлянами.

Привыкшие к независимости, полудикие племена Испании, прекрасные наездники и стрелки, врасплох нападали на пограничную стражу, причиняли ей большой урон и скрывались в непроходимых горах и ущельях.

После ухода из Испании карфагенян все перешедшие к римлянам пиренейские владения были организованы в два больших округа или провинции: на юге — *Дальняя Испания* (Hispania Ulterior), охватывавшая современные испанские провинции Андалузию, Мурсию и Валенсию, и на севере — *Ближняя Испания* (Hispania Citerior), в которую входили Каталония и Арагония. Закрепление за собой восточного приморского берега поставило римлян лицом к лицу с воинственными горными племенами Испании, прежде всего с лузитанами, проживавшими в Лузитании, современной Португалии. Несмотря на отчаянное сопротивление лузитан, римляне шаг за шагом пробирались в глубь полуострова, закрепляя свои победы основанием новых городов-крепостей. Покоренные местности из боязни восстаний облагались небольшим налогом. И тем не менее, несмотря на все предосторожности,

принятые римлянами, в 197 г. поднялось восстание, охватившее всю Испанию. Для его подавления была двинута армия под предводительством консула Марка Порция Катона, с трудом подавившего восстание и сурово расправившегося с восставшими. Города были лишены укреплений, обложены данью, а их жители обращены в рабство. После этого на некоторое время удалось водворить в Испании мир и обеспечить за Римом владение испанскими серебряными и медными рудниками.

Для урегулирования дел в Испании в 179 г. туда был отправлен Тиберий Семпроний Гракх, отец братьев Гракхов, знаменитых народных трибунов. Отличавшийся дипломатическим талантом, Гракх умел ладить с туземными князьями, принимая их на римскую службу и в то же время укрепляя границу. Но это была только некоторая передышка. В 154 г. в Испании поднялось новое восстание, охватившее почти всю страну и докатившееся до самых стен Нового Карфагена. Помимо лузитан в этом восстании принимали участие ареваки, кельтиберы, нумантинцы и ряд других, более мелких, племен и народностей.

Около 147 г. у лузитан появляется энергичный вождь — пастух *Вириат* (Viriatus), сумевший организовать своих соплеменников и достичь положения неограниченного властителя. Разбивший несколько римских армий, Вириат был официально признан римским консулом Квинтом Фабием Максимом Сервилианом, окруженным лузитанским отрядом, царем лузитан. Движение лузитан пошло на убыль лишь после того, как Вириат в 139 г. погиб от руки подосланных убийц.

Одновременно с восстанием на юге, на севере происходило другое восстание, центром которого был город *Нуманция* (Numantia), на верхнем Дуэро (Durius), небольшой, но хорошо укрепленный природой город. Начавшееся в 143 г. восстание приняло широкие размеры вследствие слабости римской армии. К этому времени римская армия была совершенно деморализована. От прежних «железных легионов», бившихся с Ганнибалом и Антиохом III, не осталось и помина. Находившиеся за несколько тысяч километров от родины, измученные и ослабевшие легионеры воевали крайне неохотно, массами дезертировали и совершенно не соблюдали дисциплины; таков же был и командный состав, деморализованный до последней степени.

Дело дошло в конце концов до того, что после ряда поражений римский консул Гай *Гостилий Манцин* (C. Hostilius Mancinus) в 137 г. попал в плен и должен был подписать позорный мир, скрепленный квестором Манцина, Тиберием Гракхом, будущим народным трибуном. Возмущенный столь унизительным для римского самолюбия миром, сенат постановил выдать консула врагам. И вот Манцин, лишенный знаков консульской власти, обнаженный, со связанными на спине руками, был отправлен

в неприятельский лагерь. Простояв в таком состоянии перед воротами Нуманции целый день, опозоренный Манцин вернулся в римский лагерь и был помилован.

После того как положение в Испании сделалось катастрофическим, сенат постановил перебросить туда Сципиона Эмилиана, прославленного победами в Африке. В 134 г. Сципион прибыл на театр военных действий с большой армией, подкрепленной отрядом нумидийской кавалерии под командой Югурты, племянника Масиниссы, и отборным отрядом наемников, составлявших его личную гвардию (cohors praetoria). Этим было положено начало знаменитой преторианской гвардии, ближайшей опоры римских полководцев и императоров.

Несмотря на численное и военно-техническое превосходство римской армии, осада Нуманции продолжалась целых 15 месяцев. В конце концов город все же пал и был разграблен войском, взято в плен 50 вождей и много рабов (133 г.).

В том же самом 133 году умер пергамский царь Аттал III (Attalus), завещавший свое царство Риму. Против этого решения царя восстал брат Аттала *Аристоник*, считавший себя законным наследником престола. К Аристонику, поднявшему восстание против непопулярного Аттала, примкнули рабы и свободные, страдавшие от сурового режима Атталидов. Социально-экономические порядки в Пергаме были близки к порядкам птолемеевским.

После разгрома Аристоника большая часть Пергамского царства Атталидов перешла к Риму под именем *провинции Азии* (Asia).

Покорение Испании и Пергама заканчивает эпопею объединения Средиземноморья под гегемонией города Рима и Италии, начавшуюся в 264 г. и в общей сложности продолжавшуюся около 130 лет. Захватывая одну провинцию за другой, Рим из государства-города (полиса) на среднем Тибре превращался в мировую средиземноморскую державу, по греческой терминологии архэ, включавшую в себя массу самых различных стран, народов и культур. Соответственно изменялись и весь внутренний строй и аппарат управления как покоренных областей, так и самого Рима.

Глава VI

КРИЗИС РЕСПУБЛИКИ

1. ПРОВИНЦИИ

Одним из главных следствий завоевания средиземноморского бассейна Римом было образование *провинций* (provinciae). Провинция буквально значит поручение, назначение или командировка, предоставляемые сенатом магистратам. В более широком смысле провинциями называли завоеванные внеиталийские области, управляемые римскими магистратами cum imperio. Магистратами же cum imperio назывались магистраты, наделенные правом издавать постановления и управлять от лица римского народа (диктатор, консулы, преторы).

В отношении внеиталийских областей Рим применял те же самые методы аннексии и федерации, которые применялись и при объединении Италии. Однако по сравнению с италийскими общинами провинции попадали в худшее положение. Провинции находились далеко за пределами Италии и были населены народами неиталийского происхождения, и потому на них смотрели как на подданных Рима (dediticii) и чужаков (peregrini), а на завоеванную территорию провинций, — как на собственность римского государства.

Смотря по обстоятельствам, на практике вышесказанное положение применялось то в большей, то в меньшей степени. Управление провинциями в первое время поручалось полководцам, завоевавшим эти провинции, наместникам, или *преторам*. В отличие от ординарных римских магистратов провинциальные преторы (praetores) обладали всей полнотой власти — военной, гражданской и судебной. Ни провокации, ни трибунской интерцессии, ни коллегиальности в провинциях не существовало. Провинциальные преторы с их неограниченной властью и правом действовать от имени римского народа (cum imperio) были пря-

мыми предшественниками предимператоров I в. (Помпея, Цезаря, Октавиана и др.).

При вступлении в управление провинцией магистрат издавал особый *эдикт* (edictum provinciale), выставлявшийся в центральном городе провинции, с указанием тех норм, которыми намерен был руководствоваться ее новый правитель. Ближайшими помощниками претора были *квесторы* (quaestores), ведавшие финансовыми делами, сбором десятин и пошлин, и назначаемые сенатом *легаты* (legati) с целым штатом технического персонала. Первое время преторами были римские полководцы, завоевавшие эти провинции, впоследствии же в качестве наместников в провинции посылались магистраты по окончании срока своей магистратуры (promagistri), пропреторы и проконсулы.

Провинции представляли собою совокупность общин (civitates) и городов (oppida), каждый из которых находился в особом отношении к Риму. Провинции платили прямые и косвенные налоги, пошлины и всякого рода дополнительные сборы. Провинциальные земли превращались в государственный фонд (ager publicus). Как государственная собственность земля провинций не могла находиться в полном (квиритском) владении. Частные лица и корпорации могли иметь на нее только право владения (possessio) или пользования (usufructus). Прежние же собственники сохраняли свои владения на условиях аренды (agri stipendiarii, agri vectigales). Другая часть провинциального ager publicus сдавалась в аренду римским откупным товариществам или частным лицам, арендовавшим культурные земли, пастбища, рудники (metalla), солончаки и т. д. Прямой налог взимался в виде десятины (decumata) с урожая и доходов с торговли и ремесел. К основному налогу прибавлялись всякого рода дополнительные сборы (accesiones) и повинности.

В Сицилии, например, дополнительные сборы выражались в форме продажи и доставки хлеба в Рим (frumentum emptum), снабжения наместника, содержания войска (frumentum in cellam) и т. п. В фискальных целях наместники старались использовать местные учреждения — городские советы, ассоциации и пр. В основу фискальной организации Сицилии был положен закон сицилийского тирана *Гиерона* (lex Hieronica), представлявший подробный земельный кадастр с указанием различных статей государственных доходов и методов их эксплоатации[1].

Наряду с аннексией применялся также и другой метод — *федерация*. С некоторыми общинами и городами римляне заключали особые союзные договоры. Такие общины носили название *союзных свободных общин*, или городов (civitates foederatae et liberae). Свободными союзными общинами считались, например,

---

[1] *I. Carcopino*, La loi d'Hieron et les Romains, 1919.

греческие общины — Афины, Родос, Массилия и т. д. Вторую категорию составляли *самостоятельные общины* (civitates immunes), более зависимые от Рима. К категории союзных общин принадлежали также и *союзные царства* (reges socii), расположенные на границах. Федеративные общины являлись первым этапом включения их в римское государство и превращения их в вассалов римского народа, а членов этих общин в его подданных.

При взгляде на провинциалов, как на чужаков (перегринов), и неограниченной власти претора провинции превратились в объект эксплоатации со стороны Рима, выражавшейся в ограблении завоеванных областей путем налогов и в эксплоатации доходных статей.

Завоевания римлян, как и вообще всех народов античности, сопровождались захватом массы сокровищ, людей, земель, денег и дорогих вещей. «Истории» Ливия и Полибия пестрят массой цифр богатств и рабов, захваченных римлянами в завоеванных ими странах. Весьма типичен, например, рассказ о захватах, произведенных армией Луция Сципиона Азиатского после битвы при Магнезии (190 г.). В триумфе Сципиона Азиатского несли 224 отнятых у неприятеля знамени, 134 изображения покоренных городов, 1 231 слоновый клык, 234 золотых венка, 137 420 фунтов серебра, 140 тыс. золотых монет, 1 432 фунта серебра в сосудах, золото весом в 1 023 фунта и т. д. Солдаты, участники триумфа, получили по 25 денариев, центурионы по 50, жалованье и продовольствие было выдано в двойном размере[1].

Столь же типична сцена разграбления Эпира Эмилием Павлом (167 г.), изображенная Ливием в 45-й книге его «Римской истории»:

«Утром все золото и серебро было снесено, а в четвертом часу солдатам дан был сигнал грабить город. Добыча была так велика, что на каждого всадника приходилось по 400 денариев, а на каждого пехотинца по 200. Вместе с тем было уведено в рабство 150 тысяч человек; после этого перешли к разрушению стен. Число разрушенных стен доходило до 70. Вся добыча была продана, а вырученные от продажи деньги поделили между войском... Затем Эмилий Павел взял марш в сторону г. Орика. К своему удивлению, римский полководец узнал, что он далеко еще не удовлетворил солдат, негодовавших на него за то, что они слишком мало получили из царской добычи, как будто бы они и вовсе не воевали в Македонии»[2].

Точку зрения римлянина на провинции отчетливее всего выразил Цицерон во второй речи против Верреса. «К тому же обложенные данью земли провинции составляют как бы по-

---

[1] *Liv.*, XXXVII, 59.
[2] Ibid., XLV, 34.

местья римского народа (praedia populi Romani); поэтому как вам всего приятнее ваши ближайшие поместья, так приятна и римскому народу ближайшая к столице провинция»[1].

2. ГОСПОДСТВО НОБИЛИТЕТА

Распределение провинций находилось в монопольном ведении *сената*. За время войны авторитет сената значительно вырос, сенат превратился в главный орган Римской республики. Сила сената как учреждения состояла в постоянстве его личного состава и его организованности. Ядро сената, во II в. превратившегося в замкнутую корпорацию, составляли *нобили*, бывшие и будущие магистраты, представители влиятельных и богатых римских домов — Сципионов, Эмилиев, Клавдиев, Валериев, Семпрониев и некоторых других. Это была в полном смысле правящая олигархия, доступ в которую для «новых людей» был наглухо закрыт. Государственный аппарат сенат использовал прежде всего в интересах нобилитета. Магистратура являлась не более как орудием в руках сената; по сравнению с сенатом магистраты были совершенно бессильны. От сената зависели назначения в провинции, продление срока магистратур (prorogatio imperii), замещение военных должностей, прием послов, введение экстренных налогов, разрешение дополнительного набора, введение и запрещение новых культов, учреждение игр и пр. Кроме того, в ведении сената находились финансы и административно-финансовые органы, все государственные приходы и расходы, земли, рудники, солончаки, торговые пошлины, налоги и пр. — словом, все основные источники государственного казначейства.

«Первой функцией сената является управление государственными финансами. Государственные поступления и расходы находятся в полной его компетенции. Квесторы не могут производить выдачи денег ни на какие нужды без постановления сената, за исключением расходов, требуемых консулами. Да и самый большой расход, превосходящий все прочие, который цензоры через каждые пять лет производят на исправление и сооружение общественных зданий, делается не иначе, как с соизволения сената». Сюда надо еще причислить все крупные общественные постройки, работы, сдачи подрядов и откупов.

«В самом деле, многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, прииски, земли, короче — все, что находится во власти римлян, отдается цензорами на откуп. Цензоры же во всех своих действиях связаны волей сената. Во многих случаях сенат имеет возможность

---

[1] *Cic.*, Contra Verrem, II, III, 7.

причинить вред или же оказать помощь людям, имеющим отношение к общественному достоянию. По всем поименованным делам нужно обращаться к сенату»[1].

Что же касается отношения сената к высшему законодательному органу — римскому народному собранию, то, говорит Полибий, надо признать, что «народ находится в зависимости от сената и обязан сообразоваться с ним как в делах государства, так и частных лиц, тщательно воздерживаясь от возражений против сенатских советов (senatus consultum) и от противодействия сенату»[2]. Опору аристократии в народном собрании составляли их многочисленные клиенты, поддерживавшие их своими голосами на выборах.

Государственный аппарат нужен был нобилям в первую очередь для эксплоатации провинций. Ограбление провинций составляло основной источник доходов сенатской олигархии. Получаемые от захватов и эксплоатации провинций капиталы нобили потребляли на покупку земель, рабов и на предметы роскоши. Отношение нобилей к источникам своих доходов было самое хищническое. Большая часть нобилей были крупными скотоводами, имевшими на заарендованной ими государственной земле (ager publicus) огромные стада крупного и мелкого скота. Экстенсивное, полудикое скотоводство вело к быстрому расхищению государственного земельного фонда, малоземелью и подрыву экономической основы средних и низших классов.

Из всех граждан сенаторы выделялись своим внешним видом, костюмом, обувью, формой экипажа и большим количеством сопровождавших их слуг, рабов, вольноотпущенников и клиентов. Лица сенаторского сословия имели отличия в одежде — белая туника (tunica) с широкой пурпуровой каймой (tunica laticlava), башмаки с застежкой из слоновой кости (lunela) и золотое кольцо на пальце. В городских и сельских домах-виллах нобилей всегда толпилась масса слуг, рабов и клиентов.

Ослабленное в IV—III вв. *клиентство* со II в. вновь возрождается на другой социально-экономической основе, в форме зависимости массы городского и сельского населения, главным образом вольноотпущенников, от богатых аристократических домов. В обращении патронов с клиентами теперь уже не было того примитивного взаимного доверия и простоты (fides), которое отличало клиентство патриархальных времен. Обращение знатных и богатых патронов с их клиентами стало высокомерным и презрительным.

От клиента требовалось исполнение всех капризов патрона, подача за него голоса на выборах, утренние и вечерние поздрав-

---

[1] *Polyb.*, VI, 13, 17.
[2] Ibidem.

ления, участие в его свите, подарки, лесть и пр. В благодарность за оказываемые патрону услуги клиенты аристократических домов получали от них денежные подарки (sportulae), доходные службы, поддержку на суде и т. п. Во II в., как это видно из комедий Плавта, клиентство было уже весьма распространенным явлением римского общества.

«Преглупый обычай — и очень досадный —
Завелся у нас: кто чуть-чуть познатнее,
Чуть кто повиднее, имеет обычай
Клиентов себе заводить, и побольше,
Не спросит сперва, кто хорош и кто плох,
Да выгоды ищут скорее, чем честности, в этих клиентах.
Будь богат, хоть и подл, клиент им хорош,
Кто не чтит ни добро, ни закон никогда.
В заботу вгоняет патрона,
Что взял, отрицает, не брал он.
К тяжбам склонны, хищны эти
Коварные люди,
Обман и ростовщичество —
Нажива для них, вечно в ябедах ум их.
День суда настанет, с ними и патрона привлекут,
Обвинение в преступленье им предъявят, он за них
В ответе народу ль, суду ли, судье ли», —

говорит одно из действующих лиц комедии[1] «Менехмы».

Формально сенат не имел законодательной власти. Высшим законодательным органом Римской республики оставалось народное собрание — центуриатные и трибутные комиции. Комиции являлись высшим законодательным и судебным органом, объявлявшим войну, заключавшим мир и дававшим права гражданства. Но чем больше влияния приобретал сенат, тем сильнее понижалось политическое значение комиций. Снижение же политического авторитета комиций обусловливалось экономическим ослаблением сельского плебса, составлявшего основу римской демократии IV—III вв.

3. ВСАДНИКИ

Параллельно с нобилитетом на основе эксплоатации провинций поднималось новое, «третье сословие» Рима — *всадничество* (equites). Во II в. всадничество было мало похоже на старое всадничество восемнадцати первых центурий сервиевой конституции. Во II в. «всадник» стало почти синонимом богатого человека, неаристократа. История возникновения всадничества, так же как и сенатской олигархии, связана с расширением Римской республики, образованием провинций, ростом финансов, заморской торговли и государственного хозяйства. Главной отраслью эко-

---

[1] *Plaut.*, Menaechmi, 571—582.

номической деятельности всадников было *ростовщичество* (fenеratio) — отдача денег под проценты провинциалам, италикам и римским гражданам.

Выше отмечалось, что сбор наложенной на провинции дани в натуральной или денежной форме производился местными органами, чаще всего городскими советами (булэ), доставлявшими ее по указанию претора в государственные магазины. Сплошь и рядом плательщики по каким-либо причинам не могли уплатить причитающейся с них суммы в установленный срок, и тогда за неимением собственных средств приходилось обращаться за ссудой к римским денежным людям, владельцам меняльных лавок или банкирских контор (argentarii).

Аргентарии всегда располагали наличными средствами, следили за состоянием денежного рынка, производили размен монет, определяли их качество, хранили и переводили денежные суммы со счета одного вкладчика на счет другого и ссужали деньги под проценты. Особенно широка была деятельность римских банкиров в провинциях, всегда нуждавшихся в деньгах и не защищенных против ростовщичества законами, действовавшими в центре. Для прочности операций и для привлечения в свои конторы денег составлялись товарищества, называвшиеся *обществами публиканов* (societates publicanorum).

Во главе товариществ публиканов стояли директора-магистры (magistri), выбираемые на общих собраниях пайщиков (concilia sociorum). Для привлечения пайщиков выпускались дешевые паи (partes, particulae), доступные не только средним, но даже и низшим классам. Римские писатели (Полибий, Плавт) сообщают о массе людей различного общественного положения и состояния, мужчин и женщин, толпящихся на форуме в надежде приобрести пай откупных обществ и зорко следящих за ходом их действия. Главными заправилами societates publicanorum являлись римские всадники, державшие в зависимости от себя все классы римского общества.

Через откупные компании римское гражданство прямо или косвенно втягивалось в политику завоеваний и эксплоатации провинций. Ассоциации (societates) составлялись не только для финансовых, но также и для торговых и предпринимательских операций. Предпринимательские товарищества арендовали различные статьи государственного хозяйства — разработку солончаков, добычу угля, смолы, дегтя, эксплоатацию рудников, поставки па армию и другие крупные статьи государственной экономики. Римское государство в III—II вв. не было еще достаточно мощно, чтобы с помощью собственных (государственных) органов производить сбор налогов и эксплоатацию земель, рудников, лесов, солончаков и многих других видов государственного хозяйства, которые в изучаемый период сдавались на откуп

частным лицам или откупным товариществам. Во главе всех этих операций стояли всадники.

Юридически всадничество тогда еще не было оформлено. Подобно нобилитету, его значение определялось не правом, а фактом имущественного превосходства. Как сословие всадничество (ordo equester) сформировалось не ранее конца II в., при младшем Гракхе. Расцвет же всадничества продолжался приблизительно до Юлия Цезаря, т. е. до конца I в.

Как нобили, так и всадники принадлежали к рабовладельческим верхам римского общества и в одинаковой степени были связаны с эксплоатацией провинций и рабов, но методы их эксплоатации были различны. В то время как нобилитет эксплоатировал провинции политически — через посредство провинциальных наместников и клиентов, — всадники эксплоатировали провинции экономически — через откупные товарищества. В торговых и финансовых спекуляциях косвенным путем принимали участие через своих либертинов также и нобили, но все же это был не прямой, а обходный путь наживы. В основном же сферы деятельности между нобилями и всадниками были поделены: первые были земельной аристократией, вторые — денежной.

Социально нобили и всадники, составлявшие верхний слой рабовладельческого Рима, были солидарны, но расходились политически. Нобили стояли за аристократическую республику, возглавляемую сенатской олигархией, за подчинение провинциальных наместников сенатскому контролю и за очередность отправления провинциальных магистратур. Напротив, всадничество стояло за централизованное государство, за большую роль общегосударственных органов — центуриатных и трибунатных комиций — и за ослабление политического влияния сената. В комициях всадники имели опору в городском плебсе, втянутом в откупные товарищества и прямо или косвенно заинтересованном в военной добыче.

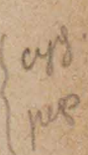
Нобили и всадники не были партиями в нашем смысле этого слова: у них не было ни соответствующих партийных организаций, ни программ, ни вождей. Не образовала партию, в нашем смысле, также и демократия, самая крупная прослойка римского общества. Отношения между названными тремя группами всякий раз определялись конкретными условиями данного момента. Создавались самые разнообразные комбинации, чаще же всего нобили и всадники солидаризировались по вопросам социальным, а демократы и всадники по вопросам политическим. Названные три группы оставались до самого конца Республики. Борьба между ними, с одной стороны, и борьба рабовладельцев всех разрядов против рабов — с другой, составляет движущую силу Римской республики II—I вв. до н. э.

Первое крупное столкновение между нобилями и всадниками произошло по поводу клавдиева закона, ограничивавшего торговые возможности нобилей. Второй раз всадники и нобили столкнулись в 167 г. из-за македонских рудников. После разгрома Персея всадники желали получить в аренду рудники Македонии — чрезвычайно доходную статью. Но сенат по политическим соображениям отклонил требование всадников.

«Прежде всего было решено оставить свободными жителей Македонии и Иллирика: пусть все народы видят, что оружие римского народа приносит не порабощение свободным, а, напротив, свободу порабощенным. Пусть народы, которые пользуются свободою, будут уверены в вечной ее безопасности под покровительством римлян, а народы, живущие под властью царей, пусть знают, что повелители их, из уважения к римскому народу, в настоящее время относятся к ним снисходительнее и справедливее, и если когда-нибудь цари их станут воевать с римлянами, то последствием этой войны будет для римлян победа, а для них — свобода. Решено было уничтожить значительную пошлину с македонских рудников и отдачу на откуп сельских угодий. Нельзя было обойтись без откупщиков, но там, где являются откупщики, или общественное право становится пустым звуком, или же совсем уничтожается свобода союзников»[1].

Против решения сената протестовали всадники.

Еще резче противоположность интересов всадников и нобилей выступила в 40-х годах того же века в связи с введением *постоянных судебных комиссий* (quaestiones perpetuae). По вопросу о составе этих комиссий развернулась ожесточенная борьба между всадниками и нобилями. Опираясь на свою силу, нобилитет захватил судебную власть, раньше принадлежавшую народному собранию. В 149 г. по инициативе народного трибуна Луция Кальпурния Пизона (L. Calpurnius Piso) были учреждены постоянные судебные комиссии по делам провинций и провинциальных наместников. В 145 г. аналогичные комиссии были созданы по уголовным делам об убийствах и отравлениях (quaestio de sicariis et veneficiis), позднее — судебные трибуналы о подкупах, о растратах (quaestio de peculatu) и т. д. Таким образом в руках нобилитета оказалась еще одна важнейшая социальная функция — суд. Передача судебных дел о злоупотреблениях в провинциях в ведение постоянных комиссий, составленных из нобилей и руководимых сенатом, ставила всадников под контроль сената. Отсюда стремление всадничества во что бы то ни стало лишить нобилитет судебной монополии и вообще сократить политические права сената.

[1] *Liv.*, XLV, 18, 3.

4. СЦИПИОН И КАТОН

Кроме всадничества против сенатской олигархии выступали и другие социальные силы. Одной из таких сил были *военные командиры*, облеченные широкими полномочиями, — консулы и провинциальные преторы. Основной принцип римской конституции — одногодичность — во время войны был нарушен. Командиры войск оставались на своих постах по нескольку лет сряду, на свой счет вербовали войска, на свой риск вели кампании, заключали и расторгали договоры, действуя вне контроля сената и народного собрания. Благодаря этому некоторые из них оказывались в исключительном, не предусмотренном конституцией положении. Таким командиром во время второй пунической войны, например, был *Публий Корнелий Сципион.*

Совсем молодым человеком, 27 лет, Сципион в 211 г., при прямом нарушении конституционных традиций, был избран народным собранием проконсулом в Испанию. В Испании Сципион в течение четырех лет (210—206), в силу продолжения власти (prolongatio), оставался на командном посту. В 205 г. он вернулся в Рим, был избран консулом и получил Сицилию. С 204 по 202 г. Сципион вел африканскую кампанию и от имени римского народа вступил в мирные переговоры с карфагенянами и вел себя совершенно независимо в отношении римского сената.

«Во всем поведении Сципиона, — замечает Тит Ливий, — было нечто царственное» (regius mos)[1].

Полибий, горячий почитатель Сципиона, называет его самодержцем (autocrator). Первопредседательствующий сената (princeps senatus), Сципион считался также и первым гражданином Римской республики (princeps rei publicae). Друзья Сципиона, его африканские союзники и вассалы, даже советовали ему открыто объявить себя царем, на что победитель Ганнибала все-таки не решился. Полибий, сторонник умеренной республики, не находит слов для выражения своего удивления и восторга перед «благородством души» победителя Ганнибала, добровольно отклонившего от себя царскую корону:

«Еще больше следует поражаться величию духа этого человека в последний период его жизни. Кроме замирения Иберии, он сокрушил могущество карфагенян, покорив власти родного города наибольшую и самую лучшую часть Ливии, от жертвенника Филена до Геракловых столпов, покорил Азию и царей Сирии, подчинил римлянам благодатнейшую и обширнейшую часть мира, при этом имел случай присвоить себе царскую власть, в какой бы стране ни задумал и ни пожелал».

«Не только человек, но даже само божество, если можно так выразиться, возомнило бы о себе сверх меры в таком счастье.

---

[1] *Liv.*, XXVIII, 46.

Но Публий благородством души настолько превосходил всех людей, что отклонил от себя высшее благо, какое только люди могут просить у богов, именно царскую власть, хотя судьба много раз давала ему благо».

Хотя Сципион не стал «постоянным диктатором», все же характерна самая тенденция перерастания сенатской олигархии в военную диктатуру. То, на что не рискнул Сципион Африканский, осуществили его преемники — Сулла и Юлий Цезарь. Сципиона поддерживали войско, провинциалы и городской плебс, т. е. социальные силы, составлявшие опору Римской империи.

Второй яркой фигурой римского политического мира изучаемого периода, в которой сплелись самые странные противоречия, был *Марк Порций Катон* (M. Porcius Cato), современник Сципиона (234—149 гг.). Катон выступал на словах защитником «золотого века» Римской республики. Он говорил о старом республиканском Риме, еще не разложенном торговым капиталом и рабовладением, не знавшем роскоши, дорогих костюмов, богатых повозок, верившем в старых богов, — словом, жившем в условиях полунатурального быта.

В 195 г. Катон в звании консула выступил в защиту закона Оппия (lex Oppia), ограничивавшего роскошь во всех наиболее кричащих ее проявлениях — способах передвижения, костюме, столе, украшениях, погребениях и т. п. Точно так же Катон выступал и против усиливавшегося влияния женщин.

«Все народы, — говорил Катон, — господствуют над женщинами, мы же, господствуя над всеми народами, являемся рабами женщин»[1].

Строгий к себе и другим, принципиальный защитник республиканского строя, Катон не допускал никаких нарушений республиканской конституции. На этой почве происходили резкие столкновения между ним и Сципионом, первопредседателем сената и первым гражданином Республики. В конце концов Катону и его сторонникам удалось возбудить против Сципиона судебный процесс по обвинению его и его брата в свободном распоряжении общественными средствами и в самовластии.

Несмотря на всю популярность Сципиона, поддерживаемого массой родственников, друзей и клиентов, Катону и Гракху все-таки удалось обвинить как самого Публия Сципиона, так и его брата Луция. Раздраженный нападками врагов, Сципион предпочел аресту добровольное изгнание в одно из своих поместий, где он вскоре и умер (183 г.).

Катон выступал как против военной диктатуры, так и против сенатской олигархии в лице Марка Фульвия Нобилиора, Гнея

---

[1] *Plut.*, Cato Maior, VIII.

Манлия Вульсона, Тиберия Семпрония Лонга, Марка Семпрония Тудитана и др. Однако, выступая защитником старого Рима, социальной опорой которого были средние и мелкие собственники, Катон в понятие «добрый земледелец» (bonus agricola) вкладывал совершенно иное содержание. Из его высказываний по этому вопросу можно заключить, что под «добрым земледельцем» он понимал не крестьянина старого времени, но крепкого землевладельца-плантатора, широко применяющего рабский труд и связанного с рынком.

5. ОБРАЗЦОВАЯ ВИЛЛА КАТОНА

Выступая ревнителем старины теоретически, практически Катон становится на точку зрения передового хозяина своего времени. Говоря о том, как предки непочтительно относились к торговцам и ростовщикам, сам Катон идет на компромисс, признавая торговлю (mercatura) и денежные ссуды (feneratio) вполне легальными, хотя и рискованными видами наживы. «Иногда бывает выгодно искать прибыль торговлей, если бы только данный род занятий не был столь опасным; выгодно также отдавать деньги в ссуду под проценты, хотя это занятие и не считается благопристойным». «Наши предки так считали и так постановили в законах, что с вора взыскивается вдвое, а с ростовщика вчетверо. Отсюда можно заключить, насколько худшим гражданином они считали ростовщика, чем вора. А когда они хвалили доброго мужа, то хвалили его как доброго землепашца и доброго крестьянина. Кого хвалили так, того считали удостоенным высшей похвалы. Торговца я считаю человеком деятельным и настойчивым в искании прибыли, но, как я уже сказал, в своем деле подверженным опасностям и риску»[1].

Торговля и ростовщичество, с точки зрения Катона, являются не целью сами по себе, но только средством «первоначального накопления». Основной же отраслью труда может быть только сельское хозяйство (agricultura).

«Из земледельцев выходят и храбрейшие мужи и самые предприимчивые воины, земледелие есть занятие наиболее благочестивое и устойчивое, людям же, которые ему предаются, всего менее свойственен дурной образ мыслей»[2]. «Доходы земледельцев и самые почтенные, и самые верные, и меньше всего вызывают зависти»[3]. Катон является защитником чисто римской точки зрения, что деньги, каким бы то ни было путем добытые, в конечном

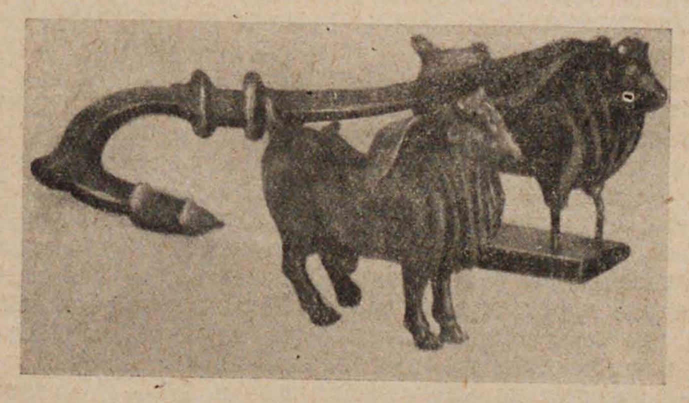
---

[1] *Cato*, De re rustica, praef., 1—4.
[2] Ibid.
[3] Ibid.

итоге должны быть вложены в землю, ибо земельная рента — наиболее верный и прочный доход.

Из дальнейших же рассуждений Катона видно, что при тогдашней экономической конъюнктуре не все виды сельского хозяйства в Италии были одинаково рентабельны. Менее всего рентабельной оказывалась самая главная статья италийского сельского хозяйства — хлебопашество, т. е. именно та хозяйственная отрасль, которая составляла основу средних и мелких собственников Италии «золотого века».

При новой экономической конъюнктуре, когда зерно стало поступать в виде дани из провинций, италийские сельские хо-

Древнеримский плуг и тянущие его быки

зяёва начали переходить на садово-огородное или пастбищное хозяйство как наиболее рентабельное на местном и мировом рынках. Географические же условия Италии благоприятствовали процветанию как пастбищного хозяйства, так и садово-огородных культур. На покрытых сочной травой отрогах Апеннин скот может пастись в течение всего года: зимой в долинах, летом на горах. Спрос же на скот и продукты скотоводства все время повышался. Мясо, масло, шкуры, шерсть, кости, кожи, ремни и т. п. в большом количестве массами поставлялись в армию и отправлялись в города. На вопрос, какой тип хозяйства наиболее выгоден, Катон отвечал: хорошее пастбище (bene pascere), на втором месте — удовлетворительное пастбище (satis bene pascere), на третьем — дурное пастбище (male pascere).

Наряду со скотоводством с конца III в. получили распространение садово-огородные культуры. В сочинении Катона «Сельское хозяйство» («De re rustica»), в котором описывается образцовое поместье (вилла), на первом месте стоит культура винограда (vinea), на втором — огород (hortus), на третьем —

ивовые посадки (salictum), на четвертом — оливковая плантация (olivetum), на пятом — луг (pratum), на шестом — хлебное поле (campus frumentarius) и т. д.[1]

Термин «вилла» (villa) в латинском языке употреблялся в самых различных значениях — в смысле поместья (fundus — latifundia), усадебных построек (villa rustica), городского дома (villa urbana), поля (campus, ager), сада (hortus) и т. д.[2]. По своему словообразованию «вилла» происходит от vicus — поселение, деревня, и означает сельскую усадьбу, стоящую изолированно от поселка. Средний размер виллы варьировался в зависимости от времени и места.

Катон описывает усадьбу-виллу с комплексным хозяйством, состоящую из маслиновой рощи в 60 гектаров (240 югеров), виноградной плантации в 25 гектаров (100 югеров), зернового хозяйства и пастбища на «общественном поле».

Сочинение Катона имеет в виду не ординарного землевладельца-середняка, а солидного хозяина, располагающего средствами, достаточными для приобретения инвентаря и рабочей силы. Хозяину-хищнику, которых в эпоху Катона было большинство, он противопоставляет идеального хозяина, ведущего хозяйство на рациональных основах, рационально использующего рабочую силу и заботящегося о культуре поместья. Высказываясь против чрезмерно больших владений, Катон вместе с тем рекомендует тщательную обработку поля, глубокое пропахивание, полку и удобрение.

«Что значит хорошо обрабатывать поле? — Это значит хорошо пахать. Что, во-вторых? — Пахать же. Что, в третьих? — Удобрять». «Кто будет очень часто и глубоко перепахивать оливняк, тот выпашет тончайшие корни. Если же пахать будет плохо, корни пойдут вверх, станут толстеть, и силы оливы уйдут в эти корни. Вспахивая хлебное поле, паши хорошо и своевременно, борозды же веди одинаковые». Другие виды культур требовали частого пропалывания, тщательной выемки семян с ростками и своевременной переноски корней вместе с землею на них, хорошего вскапывания почвы, заботы о том, чтобы вода не повредила корней. Если кто-либо спросит, какое время удобно для посадки оливы, то я отвечу: на сухом поле — во время посева, на поле тучном — весной»[3]. «С особенной заботливостью надо ухаживать за скотом. Скотникам, ухаживающим за волами, следует давать льготы для поощрения их к работе. Подстилка для мелкого скота и быков должна быть чистой, копыта животных вымыты. Все работы должны быть сделаны своевременно. В сельском

---

[1] *Cato*, De re rustica, praef., 1, 6.
[2] *P*, *Grenier*, *Daremberg et Saglio*, 51.
[3] *Cato*, De re rustica, 61.

хозяйстве стоит только запоздать с одним делом, запоздаешь и со всеми остальными»[1].

Главный контингент рабочей силы в усадьбе Катона составляют *рабы*. Вопросу рабочей силы Катон уделяет много внимания, описывая наиболее рациональные, с точки зрения рабовладельца, методы эксплоатации рабов и свободных, поскольку последние привлекались на вспомогательные работы.

На плантациях применялся почти исключительно рабский труд. Для плантации в 40—60 гектаров, по расчету Катона, необходимо 13 рабов. В параграфах, посвященных содержанию рабов, занятых на вилле, подробно исчисляется количество пищи, вина и платья, отпускаемых рабам зимой и летом, и качество отпускаемой рабам пищи, необходимой для сохранения их здоровья.

Пищевое довольствие рабов: «Рабы, работающие зимой, получают 4 модия пшеницы, летом — $4\frac{1}{2}$ модия (модий равен приблизительно $8^3/_4$ литра). Вилликy, виллике, надсмотрщику, овчару — по 3 модия, закованным в цепи — зимой по 4 фунта хлеба, а когда начнут копать виноградник — по 5 фунтов, пока не начнут созревать фиги, затем опять переведи на 4 фунта» (римский фунт — около 8 328 граммов).

Вино для рабов: «Когда будет кончено изготовление вина, пусть рабы пьют вино из выжимок в течение трех месяцев; в четвертый месяц им полагается вина по гемине (0,2736 литра) в день, т. е. $2\frac{1}{2}$ конгия (около $3\frac{1}{2}$ литров) в месяц; в пятый, шестой, седьмой и восьмой месяц — в день по секстарию, т. е. 5 конгиев в месяц».

Масло для рабов: «Запаси как можно больше палой оливки. Затем запаси спелых оливок, могущих дать лишь очень мало масла, и сберегай их, чтобы их хватило как можно на дольше. Когда оливки будут съедены, давай рыбного навара и уксуса. Масла давай в месяц каждому 1 секстарий, соли на каждого будет достаточно 1 модий».

Одежда для рабов: «Через год давай попеременно тунику в $3\frac{1}{2}$ фута длиной и короткий плащ и отбирай старую одежду, чтобы делать из нее лоскутные одеяла. Кроме того, надлежит давать через год хорошие деревянные сандалии»[2].

В своем трактате Катон выступает настоящим рабовладельцем, стараясь извлечь из рабов максимум прибавочного продукта, сводя их содержание до минимума. Раба надо держать до тех пор, пока он может работать, коль скоро же он ослабел, заболел или состарился, то от него надо немедленно избавиться, как от старого железа, тряпья и т. д., — выбросить или продать.

---

[1] Ibid., 5—7.
[2] Ibid., 55—59.

Рассуждениями о рабах Катон подтверждает нижеприводимое замечание Маркса о характере эксплоатации рабской силы:

«Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отожествляют интерес хозяина с сохранением раба, по введении торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, раз его можно возместить новым рабом, привезенным из чужих рассадников негров, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно бо̀льшую массу труда в возможно меньший промежуток времени»[1].

Рабы на образцовой вилле Катона составляют основную категорию рабочих, рядом с которой применялись другие, дополнительные категории рабочих, привлекаемых к работе в страдную пору, на время сбора винограда и жатвы. Подряды на сезонные работы брали с аукционов или по личной договоренности с хозяином виллы подрядчики, приводившие с собой рабочих-рабов и свободных (operarii). Артели пришлых рабочих были довольно значительны. В поместье Луция Манлия в Венафре[2], которое ближайшим образом имеет в виду Катон, на одной только масличной плантации было занято 50 пришлых рабочих. Оплата наемных рабочих происходила натурой из части продукта. В окрестностях города Казина, где была расположена описываемая Катоном вилла, арендатор получал $^1/_5$, $^1/_3$, $^1/_7$, $^1/_8$, $^1/_{10}$ с собранного урожая [3].

За перечислением живого следует столь же подробный перечень мертвого *инвентаря*: лопат, заступов, кирок, серпов, амфор, сосудов для хранения вина и масла, словом, полного набора сельскохозяйственных инструментов. Из всех описываемых Катоном сельскохозяйственных орудий самым дорогим и технически наиболее сложным является пресс для масла и вина — *трапет* (trapetum).

Из сочинения Катона можно заключить, что во II в. плантационная система уже вошла в практику и привлекла внимание италийских хозяев. Главным районом распространения садово-огородной культуры были предместья Рима и других городов (suburbanae villae). В более отдаленных районах господствующим типом хозяйства оставалось пастбищное, а отчасти и зерновое, вытесненное в районах больших городов привозным хлебом.

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, Гиз, 1931 г., стр. 192.

[2] *К. Нич*, История Римской республики., М. 1908 г., стр. 278.

[3] Ibid., 281.

6. РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ

Трактат Катона содержит материал не только по сельскому хозяйству, но также и по промышленности. Книга Катона показывает, что во II в. в Италии существовало много различных ремесел и специализация ремесленников как в отдельных ремеслах, так и в отдельных районах сделала значительный шаг вперед.

Каждый город имел свою специальность. В Риме покупали туники, плащи и башмаки для рабов (скульпонеи); в Минтурнах— капюшоны, железные орудия, серпы, косы, лопаты, кирки, топоры, сбрую, цепи; в Венафре — лопаты и заступы; в Суэссе — телеги и молотильные принадлежности.

«Лучшие плуги изготовляются в Риме. Римские плуги хороши для тяжелой и плотной земли, для чернозема же лучше кампанские. В Капуе и Ноле следует закупать ведра, амфоры для масла, ковши для воды и вообще медную посуду; там же продаются и наиболее крепкие канаты, канаты же для прессов следует приобретать в специальной мастерской Гая Менния, сына Луция, в Венафре»[1].

В III в. до н. э. в Италии существовали два ремесленных района — южный и северный: Кампания и Этрурия. Из кампанских городов выделялись Капуя и Нола, а из этрусских на первом месте стояли Тарквинии, Популония, Цере и др. В эсквилинских некрополях обнаружено много бронзовых изделий, зеркал, предметов туалета и пр., а в Популонии скопились большие груды шлака, на основании которого общее количество обрабатываемой в год железной руды определяют в 1 млн. тонн[2]. По свидетельству Диодора, вылитый в Популонии чугун отправлялся в другие города, в частности в Путеолы, центр железоделательных мастерских[3]. Кроме того на развитие плавильного дела в Популонии указывают следы отрытых кузниц[4]. Из источников видно, что в мастерских изготовлялись не только предметы роскоши, но также и сельскохозяйственные орудия, рабочие инструменты и, конечно, больше всего оружие. В XXVIII книге Ливий перечисляет этрусские города, принявшие участие в снабжении экспедиции Сципиона в 205 г. В числе городов названы: Цере дали хлеб и прочие припасы (frumentum commeatumque), Популония — железо (ferrum), Тарквинии — полотно для парусов (lintea in vela), Волатерры — лес для кораблей (interamenta navium et frumentum), Арретий — 3 тыс. щитов, 3 тыс. касок,

---

[1] *Cato*, De re rustica, 135.
[2] *D'Achiardi*, Studi Etrusci, III, 1929, 398.
[3] *Diod.*, V, 13.
[4] *Mancini*, In Miniera Italiani, VI, 1922.

50 тыс. дротиков, метательные снаряды для 40 кораблей и 30 тыс. модиев пшеницы [1].

Плиний говорит о 2 тысячах бронзовых статуэток, вывезенных из Этрурии [2].

У Катона дается длинный перечень сельскохозяйственного инвентаря, перевозочных средств и рабочих инструментов, мебели, платья и т. д., частью приготовляемых дома, большей же частью приобретаемых на рынке. Среди предметов, приобретаемых на рынке, упоминаются: сосуды для масла (vasa olearia), медные сосуды (ahena, operculum aheni), железные крюки (unci ferrei), кувшины для воды (urci aquarii), лохани, амфоры для вина, ведра, тазы, фляги, подсвечники, плуги с сошниками (aratra cum vomeribus), повозки (plostra maiora), железные орудия (ferramenta), вилы, мотыги (sarcula), заступы, косы, глиняные бочки, медные круги, мельница, вращаемая ослом (mola asinaria), кресла, кровати, плащи для рабов и т. д.[3]. Обильным и притом еще недостаточно использованным источником по изучению италийской промышленности являются комедии *Плавта*.

Объединяя данные эпиграфики с литературными данными, получаем длинный список ремесленных мастеров самых разнообразных специальностей: золотых дел мастера (aurifices), кувшинщики (ampullarii), башмачники (calceolarii), сапожники (sutores, solearii), плотники (fabritignarii), кузнецы (ferrarii), кирпичники (figularii), шерстопрядильщики (lanarii), красильщики (infectores), валяльщики (fullones), мастера по дереву (materiarii), изготовители щитов (scutiarii), ткачи (textores) и т. д.[4] Специально для художественной промышленности многое можно извлечь из фигурной посуды, найденной при раскопках в Тарквиниях, Риме, Калесе, Песте и других городах [5].

Все это вместе свидетельствует о высоком уровне римско-италийской индустрии, разделении труда, обмене и о роли денег. В тех же самых комедиях Плавта среди действующих персонажей постоянно встречаются посредники, хозяева меняльных лавок и банкирских контор. В связи с переходом к товарно-денежным отношениям спрос на деньги был велик, а ссудный процент высок. Несмотря на значительное разделение труда, наличие различных ремесел и денег, римское хозяйство тем не менее оставалось натуральным, поскольку в его основе лежал рабский способ производства, а рабы присваивались натуральным путем — путем захвата на войне, разбоя и уже во вторую очередь путем покупки на рабовладельческом рынке.

---

[1] *Liv.*, XXVIII, 45; *Walters*, History of ancient pottery.
[2] *Plin.*, XXXIV, 34.
[3] *Cato*, De re rust., 10.
[4] *Lodge*, Lex. Plaut.
[5] CIL., I, 2487.

Сельскохозяйственные орудия.

7. РОСТ РАБОВЛАДЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Сельское хозяйство и ремесла с конца III в. развивались на базе *рабовладельческого способа производства*. Рабовладение существовало с самого начала истории Рима, но ведущим рабовладельческий способ производства в Италии становится не ранее тарентинской и пунических войн.

Превращение Рима в мировую державу сопровождалось захватом не только денег, золота, серебра, меди и дорогих вещей, но и огромного количества рабочей силы — рабов. После взятия Тарента, например, было продано в рабство сразу 30 тыс. человек, в войне с македонским царем Персеем в 157 г. захвачено тоже 30 тыс. человек. Тиберий Семпроний Гракх, отец римских трибунов братьев Гракхов, в 177 г. в Сардинии обратил в рабство более 80 тыс. «Тогда, — замечает Ливий,— так много продавалось рабов и они были так дешевы, что слово «сардинец» сделалось синонимом вообще дешевого товара» (sardi venales, alius alio nequior)[1]. Еще более жестоким было порабощение 150 тыс. эпирцев в 167 г.[2]. В 177 г. было захвачено 5 тыс. иллирийцев[3]. Охота за рабами была одним из стимулов военных экспедиций и налетов римских полководцев. В 171 г. консул Гай Кассий Лонгин (C Cassius Longinus) даже был обвинен в набеге на альпийские народности с целью захвата рабов.

Особенно много рабов дала третья пуническая война. По свидетельству Аппиана, Сципион Эмилиан вывез из Карфагена 60 тыс. рабов, большая часть которых была продана в самом Риме[4]. Косвенным доказательством многочисленности рабов в Римской республике во II в. служат наличие большого числа *вольноотпущенников* и их роль в социально-экономической и политической жизни Рима. Между прочим, из вольноотпущенников вышел народный трибун Габиний (vernae nepos), введший в 139 г. тайное голосование[5], Публий Фурий и др. Во время суда раздраженный Сципион заявил: «Как могут меня смущать крики людей, подобных вам, для которых Италия является мачехой, которых я недавно привел сюда как пленных?»[6]. В следующие столетия с ростом римского империализма захваты еще более участились и соответственно увеличилось число рабов.

Война была одним из основных источников приобретения рабов, но не единственным. Наряду с войной первостепенное место в системе античной экономики занимало *пиратство*. После

---

[1] *Fest.*, 428.
[2] *Liv.*, XLV, 34.
[3] Ibid., XLII, 54.
[4] *App.*, Bell. Punica, 126, 130.
[5] *Liv.*, Epit., 193.
[6] *Vell. Paterc.*, II, 4, 4; *Val. Max.*, VI, 2, 3.

разгрома морских держав, Карфагена и эллинистических государств, своим флотом задерживавших распространение пиратства, оно приняло громадные, дотоле неслыханные размеры. Захватываемые пиратами рабы доставлялись на невольничьи рынки, главный из которых в римское время находился на острове Делосе.

Во II и I вв. Римской республики рабовладение приняло весьма широкие размеры, бо́льшие, чем в каком-либо другом государстве античного мира. Рабский труд применялся в мастерских, в сельском хозяйстве, рудниках, общественных работах и в домах частных лиц — домашние слуги, повара, актеры, музыканты, педагоги и т. д. К сожалению, за отсутствием статистических данных общая цифра рабского населения в Италии в конце Республики не может быть установлена. Несомненно одно, что больше всего рабов было в Южной Италии и Сицилии, очагах рабских революций. Напротив, в северных частях Италии дольше сохранялись свободные землевладельцы и рабское население не было так велико, как на юге.

8. ОСОБЕННОСТИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Рабовладение составляет стержень античных обществ, и потому без учета особенностей рабовладельческого способа производства не могут быть правильно поняты социально-политические и идеологические особенности античных обществ.

Рабовладельческий способ производства, как это с полной отчетливостью выяснено основоположниками марксизма, коренным образом отличается от всех других способов производства. Прежде всего Маркс указывает на динамичность самой рабовладельческой системы, менявшейся с изменением социально-экономических условий.

В своем развитии рабовладельческое хозяйство, говорит Маркс, «проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок» [1].

Первой особенностью рабовладельческого способа производства, отличающей его от всех других известных видов производства, являются юридическая несамостоятельность раба и его работа с помощью чужих орудий труда. «Раб работает при помощи чужих условий производства и несамостоятельно» [2].

Второй особенностью рабовладельческой системы Маркс считает натуральный характер присвоения рабочей силы даже

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, кн. 3, ч. 2, Партиздат, 1932 г., стр. 579.
[2] Там же, стр. 570.

в наиболее развитых рабовладельческих обществах древнего и нового мира.

«...Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»[1].

Вследствие незаинтересованности в работе и отсутствия соответствующих импульсов раб, как правило, может работать только грубыми инструментами и под бдительным наблюдением самого хозяина или его заместителя. Отсюда *замедленность технического прогресса* и вообще медленный темп экономического развития в рабовладельческих обществах.

«...Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как instrumentum vocale (одаренное речью орудие) от животного как instrumentum semivocale (одаренное голосом орудие) и от неодушевленного орудия труда как от instrumentum mutum (немого орудия). Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и с истинным сладострастием подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому считается экономическим принципом такого способа производства применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих государствах, расположенных у Мексиканского залива, до начала гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые взрывали землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали ее»[2].

Следующей особенностью рабовладельческого способа производства является видимость замены господства условий производства над производителем отношениями господства и подчинения между людьми. Согласно Марксу, «...в античную эпоху и в средние века рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и подчинения, которые являются и выступают как непосредственные движущие пружины производственного процесса»[3].

Сказанным утверждается принципиальная разница между рабским и капиталистическим способами производства, а тем самым, следовательно, и между античным и капиталистическим

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. II, кн. 2, Партиздат, 1932 г., стр. 350.
[2] Там же, т. I, кн. 1, прим. 17, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 134—135.
[3] Там же, т. III, ч. 2, Гиз, 1929 г., стр. 300.

обществами, несмотря на известные сходства и аналогии в некоторых социально-политических и культурных надстройках.

«...даже в тех земледельческих хозяйствах древности, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и в Риме, даже в них больше сходства с хозяйством плантаций, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплоатации»[1].

Рост рабовладельческих хозяйств в то же самое время был и ростом торгово-ростовщического капитала. Война, пиратство, рабовладение, торговля и ростовщичество в античном мире представляли различные стороны одного и того же исторического процесса.

Поскольку рабочая сила (рабы), масса ценностей и земля приобретались захватническим путем, война и морской грабеж (пиратство) играли в античных обществах исключительную роль. На почве войны и захватов вырастало *значение армии* и ее вождей. Военные вожди издавна занимали выдающееся положение в структуре римского общества; в конце Республики и при Империи армия и ее вожди (предимператоры и сменившие их настоящие императоры) были решающей силой и диктовали рабовладельческому обществу свою волю.

«...Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.»[2].

Среди всех отраслей античной техники первое место занимало изготовление оружия, что также свидетельствует о первостепенной роли войны в античной формации.

9. КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

После завоевания средиземноморского бассейна история Рима и Италии входит в более общую историю всего Средиземноморья, испытывая и оказывая влияние на своих соседей.

В культурном отношении из всех стран Средиземноморья в это время первое место занимал греко-эллинистический Восток, оказавший на римское общество наибольшее влияние. Со II в. Рим с полным правом можно считать западноэллинистическим государством, и вся дальнейшая история Рима от Республики

---

[1] Там же, т. III, ч. 2, Партиздат, 1929 г., стр. 263.
[2] Там же, т. III, ч. 1, Партиздат, 1930 г., стр. 255.

к Империи в расширенных масштабах повторяла историю эллинистических государств.

Совокупность перемен, происходивших в римском обществе под влиянием греческого Востока, принято называть общим термином — *эллинизм* или *эллинизация*. В узком смысле под эллинизмом понимают влияние эллинской культуры на римскую материальную и духовную культуру, на римский Запад. Эллинское влияние коснулось всех сторон быта, материальной и духовной жизни. В быту эллинизация выражалась в усвоении внешних форм эллинизма, жилища, костюма, склонности к роскоши, гастрономии, винам, богатой обстановке, бо́льшей общительности, страсти к зрелищам и развлечениям.

Из идеологических форм раньше всего подверглась эллинизации римская *религия*. Параллельно с завоеванием чужих территорий римляне завоевывали и чужих богов. Большая часть римских богов была не исконно римскими богами (di indigetes), а заимствованными у других народов (di novensides). Уже в эпоху латинских войн в римский пантеон были включены боги латинских городов — Диана (Diana) из Ариция, Фортуна (Fortuna) из Пренесте, Венера (Venus) из Ардеи и т. д. Еще сильнее было влияние этрусков и италийских греков. Из греческого города Кум римляне получают Аполлона и знаменитые «сивиллины книги» — сборник пророческих изречений. «Сивиллины книги» находились в ведении специальной коллегии сивиллиных жрецов (decemviri sacris faciundis).

Вместе с греческими богами приходили греческие культы и религиозные процессии с пением, плясками и театральными представлениями. Проникновение греческих, а вслед за ними и восточных богов и культов особенно сильным становится со времени пунических войн, в связи с подавленным состоянием общества на почве постоянных кризисов, общих и личных несчастий. К этому времени относится распространение фригийского культа богини *Кибелы*, символ которой — черный камень — хранился на Палатине. Многие люди, как мужчины, так и женщины, не удовлетворявшиеся неприглядной действительностью, старались забыться в оргиастических культах фригийской богини — «матери богов». О степени распространения оргиастических культов, мистерий и о вакханалиях Кибелы и Диониса (Вакха) свидетельствует специально изданный в 186 г. декрет сената о *вакханалиях* (Senatus consultum de Bacchanalibus), угрожавший смертной казнью за участие в тайных оргиастических культах. В древнейшее время, как мы уже знаем, римские божества олицетворяли различные силы природы и являлись народными божествами. Затем происходит *аристократизация* религии. Из массы божеств выделяются главные божества, так называемая капитолийская троица — Юпитер (Iuppiter), Юнона (Iuno)

и Минерва (Minerva). Этим патрицианским божествам противостояла плебейская троица — Церера (Деметра), Либер (Вакх) и Либера (Ceres, Liber, Libera). В плебейской троице главное место занимало женское божество — Церера, что указывает на пережитки матриархата[1]. В храме Цереры на Авентине хранились плебейские архивы и плебейская казна. Возможно, что около храма Цереры возникли и первые плебейские организации — плебейские эдилы, трибуны, и жрецами Цереры велась хроника событий.

Перемены в религиозном мировоззрении римлян, в особенности переход от безличных божеств (numina) к антропоморфным богам, оказали положительное влияние на римское искусство. К древнейшим памятникам римского искусства наряду со статуей Аполлона из Вей и храмом капитолийской троицы, принадлежат *саркофаг Луция Корнелия Сципиона Бородатого* (III в.), героя самнитских войн, мраморные храмы, картинная галлерея Метелла Македонского и некоторые другие памятники. Все названные произведения отражают влияние чужеземных художников и строителей, главным образом греков и этрусков. Более самобытны *монументальные* постройки римлян: сводчатые сооружения, каменные мосты, водопроводы, стены, крепости, дороги. Этот тип простых и мощных сооружений был более близок трезвому уму древних римлян.

Оригинальными чертами римской пластики и живописи служат *закрытая статуя* (statua togata) и *реалистический портрет*. То и другое противоположно обнаженному телу греческих статуй и идеализированному портрету эллинских художников, дававших не индивидуальные, а родовые черты. Облаченная в тогу статуя казалась более соответствующей величию и достоинству римских магистратов, чем обнаженная фигура греческих скульпторов и портретистов. Тот же самый реализм чувствуется и в римских рельефах, картинах, триумфальных арках, воспроизводящих действительные сцены войн и походов, а не фантастические сцены древней мифологии, излюбленные сюжеты греческих мастеров.

Известную самобытность проявили римляне и в области *художественно-исторической и политической литературы*. Древнейшими памятниками римской литературы считаются календарные записи, погодная хроника жрецов, формулы законов, договоры и небольшие комментарии к законам, составлявшиеся магистратами. Литература в собственном смысле начинается лишь в III в., со времени пунических войн. Это было время установления гегемонии Рима над италийскими племенами и вытеснения местных диалектов латинским. Латинский язык с этого времени

---

[1] *M. Weber*, Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung, 1907.

становится официальным языком римского государства, и вся литература связывается с интересами города Рима.

Исходным пунктом римского литературного творчества служила греко-эллинская литература. Сначала это была переводная и компилятивная литература, и уже позже выработалась самобытная римская литература. Первые римские писатели, большей частью неримляне по происхождению, группировались около влиятельных фамилий — Сципионов, Фламининов и Нобилиоров. Первый римский поэт Ливий Андроник (Livius Andronicus) перевел старинным сатуринским размером на латинский язык «Одиссею» Гомера и поставил на сцене несколько трагедий и комедий. Другой поэт — Гней Невий (Gnaeius Naevius) — сюжеты для своих драм и комедий черпал уже не из греческой, а из римской жизни. Еще далее в этом направлении пошел Квинт Энний (Quintus Ennius), взявшийся за изложение в стихах всей римской истории. «Анналы» Энния идеализируют римскую старину в духе аристократии, составлявшей главный круг читателей. На более широкий круг зрителей рассчитаны комедии *Плавта* (Titus Maccius Plautus, 254—184 гг.) и *Теренция* (Terentius Afer, 185—159 гг.), последний из которых был рабом, отпущенным на свободу. Составленные по эллинистическим образцам, комедии Плавта и Теренция воспроизводят сцены быта, пересыпанные остротами, но довольно однообразные по содержанию. Появление в середине II в. сатир римского поэта-всадника *Гая Луцилия* (Gaius Lucilius) свидетельствовало о повышении интереса к литературе в среде всаднического сословия. В своей резкой критике современных нравов Луцилий не щадил даже самых влиятельных лиц из среды нобилей и всадников.

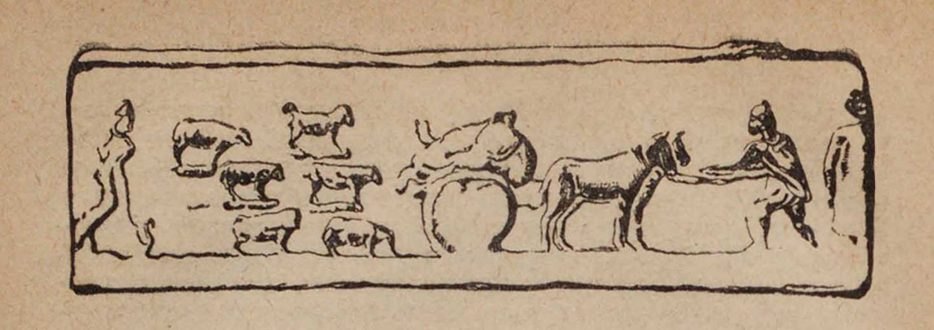
Политический момент полнее всего отражен в двух видах литературы, в которых римляне достигли большого мастерства, — в политических речах и истории. Фрагменты речей и исторических произведений *Катона* «Origines» говорят о развитой социально-политической жизни, о ясности мысли и силе речи. В отличие от прежних историков (анналистов), излагавших исторические события в виде погодной записи (Фабий Пиктор), Катон ввел новый принцип изложения по сюжету. Своего высшего развития римская анналистика достигла в последний период Республики, в период острой политической борьбы. Рассчитывая на широкий круг читателей, анналисты старались сделать свое изложение интересным, ярким и логически убедительным. Важна была не история сама по себе, а обоснование той или иной точки зрения. Со времени Гракхов историей как орудием борьбы пользовались одинаково как аристократы, так и демократы.

Те же самые аристократические и демократические тенденции сталкивались и в *философии*. Несмотря на запрещение заниматься философией и формальное изгнание из Рима греческих

философов, интерес к философии с конца пунических войн возрастал. Из всех греческих философских школ в Риме более всего сторонников находили стоики и академики. Академик *Карнеад* (Carneades) поражал аудиторию своими ловкими риторическими приемами, доказывая с одинаковой убедительностью диаметрально противоположные положения. Из философов стоической школы большой популярностью пользовался *Панэций* (Panaitios) с острова Родоса, друг и учитель Сципиона. В целом историческое значение эллинизации состоит в возбуждении мысли, переоценке освященных стариной ценностей, создании новых общественных идеалов и идеала нового человека. Homo Romanus доброго старого времени вытеснялся homo humanus, более сложным, противоречивым и беспокойным.

Одновременно с литературой появился также и первый римский *театр*. Возникновение римского театра относится к эпохе второй пунической войны, первым римским драматургом и актером был вышеупомянутый Ливий Андроник, умерший в 204 г. По своему характеру римский театр был близок к греческому, только с меньшей ролью хора. Репертуар состоял из греческих комедий и трагедий (fabula palliata) и римских национальных пьес (fabula atellana). Самое помещение, в котором разыгрывались пьесы, первое время было деревянным, и лишь в 154 г. выстроили каменный театр. Вызванный влиянием греческих и этрусских образцов, театр в Риме сделался важнейшим фактором общественной жизни, значение которого с каждым столетием все более повышалось. Театральные представления давались во время праздников, число которых все более увеличивалось. В эпоху второй пунической войны даже возник союз театральных писателей и актеров при храме Минервы на Авентине.

Глава VII

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РИМЕ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

1. РАЗОРЕНИЕ СРЕДНИХ И МЕЛКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Параллельно с ростом плантационного хозяйства и скотоводства происходил процесс *разорения средних и мелких производителей.* Разорение римского плебса являлось следствием двух причин: военных опустошений и экономической слабости мелкого хозяйства. Эру массового разорения средних и мелких землевладельцев и ремесленников открывает вторая пуническая война. Вторжение Ганнибала в Италию сопровождалось опустошением целых областей, в особенности сильно пострадали тогда южные и центральные области (Этрурия). Много людей погибло в боях, умерло от эпидемий и голодовок, разбежалось, было захвачено в плен и продано в рабство. Численность граждан уменьшилась на 20%. После изгнания Ганнибала начались экзекуции римлян над теми народами, которые перешли на сторону карфагенян, следствием чего было полное запустение многих, прежде цветущих областей Италии и превращение их в пастбища и степи.

Уже сама по себе продолжительность войн неблагоприятно отражалась на экономике сельского и городского плебса, мелких землевладельцев и хозяев мастерских.

«Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, частичная или полная потеря условий воспроизводства, играет здесь господствующую роль),— эти же самые войны наполняли амбары и кладовые патрициев добычею в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, хлеб, лошадей,

рогатый скот, они ссужали им эту бесполезную для них медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превратили плебеев в своих должников — рабов»[1].

Войны велись десятками лет на отдаленных театрах военных действий, поглощали массу жизней и отрывали работников от их работ. Вследствие этого за отсутствием рабочей силы мелкие и средние хозяйства разорялись, пустели и становились добычей богатого соседа. Необходимые же для их восстановления деньги при неразвитом кредите можно было достать только за высокие проценты, что почти всегда вело к долговой кабале и к еще большему разорению. Цензовые списки последних лет определенно показывали убыль взрослого населения III и IV классов. Ценз 158 г. показывал цифру призывного населения в 328 тыс., в 153 г. эта цифра снизилась до 324 тыс., в 146 г. упала до 322 тыс., затем несколько повысилась, а в 135 г. вновь упала до 317 тыс.

В «золотой век» Республики земельный голод разрешался выводом колоний на *«общественное поле»*. Теоретически всякий римский гражданин имел право на «общественное поле», мог его обрабатывать, использовать под пастбища или разбить под садовые плантации с уплатой десятины с зерновых и пятины с садовых культур. За выпас скота взимался особый налог с каждой головы мелкого и крупного скота.

В то время при простоте социально-экономических отношений ager publicus служил общим полем для всего гражданства и в критические моменты разрешал земельный голод. К концу же II в. картина изменилась коренным образом. Большая часть ager publicus очутилась в руках богатых посессоров, главным образом нобилей, в силу клавдиева закона не могших заниматься торговлей. Конкурирующие друг с другом богатые съемщики сбивали арендную плату и оттесняли более мелких посессоров. Из года в год арендуя и переарендуя землю, сдавая и пересдавая ее собственным подарендаторам, крупные посессоры превращались в фактических собственников государственных земель. Разорявшиеся же бедняки (плебеи) лишались не только земли, но и работы. При сложившейся тогда экономической и политической ситуации более рентабельным с точки зрения работодателя представлялся не свободный, а *рабский труд*. Преимуществом рабского труда, кроме его относительной дешевизны, было то, что рабы не служили в войске и потому не отвлекались от работы.

«Богатые люди, заняв большую часть этой неподеленной земли и вследствие давности захвата надеясь, что ее у них не отберут, стали присоединять к своим владениям соседние участки бедных, частью скупая их за деньги, частью отнимая силой, так

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 2, Гиз, 1929 г., стр. 111.

что в конце концов в их руках вместо небольших поместий оказались целые равнины, латифундии. Для обработки полей и охраны стад они стали покупать рабов, потому что свободных работников отвлекала от работы в латифундии военная служба. Кроме того, и само рабовладение приносило немалый доход, ибо невольники, свободные от воинской повинности, сильно плодились. Таким образом, могущественные люди чрезвычайно богатели, а страна наполнялась рабами. Напротив, число италиков уменьшилось, так как их изнуряли бедность, налоги и военные походы, но и тогда, когда эти тягости становились несколько легче, италики все же оставались без работы, так как земля принадлежала богачам, которые возделывали ее не с помощью свободных, а руками рабов»[1].

Не выдерживая конкуренции с рабовладельцами — плантаторами и скотоводами, римский плебс экономически хирел и опускался до положения арендатора соседних латифундий. Многие снимались с мест, уходили в соседние города или же эмигрировали в провинции, превращаясь из земледельцев в мелких торговцев, ремесленников, арендаторов и всякого рода служащих. В больших городах, в особенности в самом Риме, скоплялось много сельской бедноты, не находившей вследствие конкуренции рабов применения своего труда ни в деревне, ни в городе. В городах эти люди жили случайными заработками или подачками частных лиц и государства. Из этой армии сельских и городских бедняков вырос *люмпенпролетариат* античных городов, составляющий характерную особенность античных обществ. Во II в. люмпенпролетариат только еще появлялся, окончательно же он сформировался в конце Республики и *первом веке Империи*. Возрастая численно и приобретая все большее влияние на ход общественной жизни, порожденный совокупностью условий, сложившихся в итоге рабовладельческого способа производства, античный пролетариат не содержал общества, но в значительной мере сам жил за счет государства или частных лиц. В этом состоит принципиальное отличие античного пролетариата от современного пролетариата капиталистических стран.

На принципиальное отличие античного пролетариата от современного указывает Маркс в одном письме Энгельсу:

«В различных местах «Капитала» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение римской истории они были постепенно экспроприированы, причем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собой образование не только крупной поземельной собственности, но также и

[1] *App.*, Bell. civ., I, 7.

крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме способности к *труду*, а, с другой, — для эксплоатации этого труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а празднолюбивой чернью «mob», стоявшей на более низком нравственном уровне, чем даже «белые бедняки» (poor whites) Южных Штатов Северной Америки, а вместе с тем сложился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабский...

...Таким образом, события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам»[1].

Таким в основных чертах представляется состояние римского общества в конце II в., накануне выступления братьев Гракхов и начала гражданской войны.

2. ВОССТАНИЯ РАБОВ В ИТАЛИИ И СИЦИЛИИ ВО II В. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

В то время как число свободных сокращалось, число *рабов* и *вольноотпущенников* возрастало. Вся Италия, говорит Аппиан, была наводнена и кишела рабами. Отношения между рабами и рабовладельцами ухудшались, по мере того как патриархальное, «невинное сельское невольничество», по выражению Моммзена, сменялось «негритянским невольничеством», т. е. рабовладельческим способом производства в собственном смысле.

История восстаний рабов восходит к самому началу Рима, но до II в. это были сравнительно небольшие восстания, имевшие характер заговоров и покушений. Более же крупные восстания рабов начинаются с первой половины II в. Первым из них было восстание рабов в окрестностях Рима в 199 г., о котором сообщает Тит Ливий в XXXII книге своей «Истории». Восстание началось по такому поводу.

В Сетии, близ Рима, содержались в качестве заложников сыновья карфагенской знати (principes), которым разрешалось иметь при себе неограниченное число рабов (magna vis servorum erat)[2]. Рабы карфагенских заложников-аристократов вошли в соглашение с рабами сетинцев, приобретенными в последнюю африканскую войну, и повели агитацию среди рабов соседних городов Норбы и Цирцеи, призывая их к восстанию (deinde circa Norbam et Circeios servitia sollicitarent)[3].

---

[1] *Маркс*, Письмо в редакцию журнала «Отечественные записки», конец 1877 г., «Письма», под ред. Адоратского, изд. 3-е, 1928 г., стр. 280—281.
[2] *Liv.*, XXXII, 26, 6, 7.
[3] Ibid.

Заговорщики предполагали воспользоваться предстоящим праздником и начать восстание, когда население будет занято на играх. Задуманный план, однако, не удался. Среди заговорщиков оказалось два изменника, которые донесли о готовившемся заговоре римскому претору Луцию Крассу Меруле. С наспех собранным войском из 2 тыс. человек претор прибыл в Сетию, схватил заговорщиков и предупредил восстание. Доносчики же за свое «прекрасное дело» (egregia opera) были награждены сенатом дарованием свободы и деньгами по 10 тыс. медных ассов. Но на этом дело не кончилось.

Вскоре пришло известие, что бежавшие из Сетии рабы организовали восстание в Пренесте. Отправленный туда претор Луций Корнелий произвел экзекуцию, казнив 500 рабов, уличенных в заговоре. Опаснее всего было то, что италийские рабы действовали в контакте с карфагенскими заложниками, их рабами и слугами. В самом Риме по всем кварталам была расставлена стража и отдан строгий приказ тщательно охранять тюрьмы, где содержались военнопленные. Италийским же муниципиям и союзным городам было приказано не позволять военнопленным появляться в общественных местах и принимать участие в публичных собраниях; особенно же важные военнопленные должны были содержаться в государственных тюрьмах, в оковах и под особой стражей (in nulla alia, quam in carceris publici custodia essent)[1].

Через три года, в 196 г., был открыт *заговор рабов в Этрурии*, в области, где особенно было развито рабовладение, восходившее еще к доримским порядкам. Подготовлявшееся восстание должно было быть очень серьезным, грозившим отпадением Этрурии от Рима.

Для расследования и подавления восстания из Рима была отправлена карательная экспедиция во главе с претором Манием Ацилием. В происшедшем сражении претор победил и произвел над побежденными рабами настоящую экзекуцию. Часть рабов пала на поле сражения, другая была взята в плен (ex his multi occisi, multi capti), организаторы заговора (principes coniurationis) подвержены бичеванию и распяты на крестах (verberatos crucibus adfixit), а остальные возвращены их господам[2].

Вторым крупнорабовладельческим районом были *Южная Италия* и *Сицилия*. Здесь практиковался иной вид хозяйства, чем в центральных и северных частях Италии. В Этрурии, Южной Италии и Сицилии имелось много крупных (с античной точки зрения) поместий (латифундий), обрабатываемых рабами.

О размерах южноиталийских и сицилийских латифундий можно судить по известным нам латифундиям на территории го-

---

[1] *Liv.*, XXXII, 26, 18.
[2] *Liv.*, XXXIII, 36, 3.

рода Леонтин. Территория Леонтин, равная 30 тыс. югеров, т. е. около 8 тыс. гектаров, принадлежала всего 84 посессорам, каждый из которых имел участок приблизительно в 100 гектаров. Из этих 84 посессоров только один был леонтинец, все же остальные — римские всадники.

Число рабов в названных областях было велико, а заговоры и восстания здесь были обычным явлением. Очень серьезно было, например, движение рабов-пастухов в *Апулии* (magnus motus servilis) в 80-х годах II в.[1]. Расследование об этом заговоре пастухов (coniuratio pastorum) было поручено Луцию Постумию, наместнику Тарента. Постумий произвел расследование с обычной жестокостью. Чрезвычайный суд осудил за участие «в разбое и грабежах» около 6 тыс. человек (qui vias latrociniis pascuaque publica infesta habuerant). Не успевшие спастись бегством рабы были приговорены к распятию на крестах[2].

Особенно часты восстания рабов были в Сицилии. Ни в одной стране римского мира не было такого громадного количества рабов, как в *Сицилии*. По свидетельству Диодора, главного нашего источника по истории движений рабов в античном мире, в Сицилии рабов было так много, что слышавшие об их количестве обычно этому не верили, считая его чрезмерным преувеличением[3].

Сицилийские плантаторы и скотоводы — римские всадники, греки и карфагеняне, — арендаторы государственных земель, старались выжать максимум доходов как из земли, так и из рабочей силы — пастухов и земледельцев. Хозяйство же на арендованных полях велось самым хищническим образом.

«Методы эксплоатации и обращения с рабами отличались дикой жестокостью и крайним произволом. Разбогатевшие сицилийцы соперничали с италиками в высокомерии и злобе к рабам...

Сицилийцы покупали множество рабов. Уводя их толпами из питомников, они тотчас налагали на них клейма и отметки. Молодых рабов они употребляли в качестве пастухов, остальных — так, как каждому было нужно. Господа обременяли их службой и очень мало заботились об их пропитании и одежде»[4].

Вследствие этого рабы были вынуждены заниматься «всевозможными рискованными делами и всякого рода бесчинствами», как то: грабить путешественников на проезжих дорогах, грабить соседние усадьбы и т. д.

«Сначала рабы стали убивать на открытых местах людей, путешествовавших поодиночке или по-двое, затем, собираясь тол-

---

[1] *Liv.*, XXXIX, 29, 8.
[2] *Liv.*, XXXIX, 29, 9.
[3] *Diod.*, XXIV.
[4] *Diod.*, XXXIV—XXXVI.

пами, нападали ночью на незащищенные сельские виллы, уничтожали их, имущество грабили, а пытавшихся сопротивляться убивали. Дерзость грабителей возрастала все более и более. Сицилия перестала быть доступной для путников, и исчезла всякая безопасность для местных жителей. Весь остров был полон насилий, грабежей и убийств»[1].

Римская администрация была совершенно бессильна что-либо предпринять против сицилийских господ, боясь их мести и силы. Дело дошло до того, что даже запротестовали рабы — сирийцы, наиболее терпеливые из всех рабов.

«Раб-сириец, — говорится в одной комедии Плавта, — терпеливейший из всех» (genus quod patientissimum est hominum)[2].

Долго накоплявшаяся ненависть рабов против своих господ, наконец, в 30-х годах II в. прорвалась со страшной силой наружу в виде восстания рабов, известного под именем *первого сицилийского восстания рабов*, или первой сицилийской революции.

Первая революция сицилийских рабов началась в 137 г. восстанием рабов сицилийского магната Дамофила, исключительно грубо и жестоко обращавшегося со своими рабами.

«Покупая большое количество рабов, он обращался с ними жестоко, накладывая клейма раскаленным железом на тела тех, которые были рождены свободными на своей родине, но испытали плен и рабскую судьбу. Одних он отправлял скованными на общую работу, других назначал пастухами, не давая им ни одежды, ни достаточной пищи. Не проходило дня, когда Дамофил в своем самоуправстве и жестокости не истязал бы нескольких из своих слуг за самые простые провинности»[3].

Доведенные до отчаяния и выведенные из терпения, рабы Дамофила убили своего господина, его жену и сожгли его виллу. К рабам Дамофила присоединились рабы соседних вилл, вооруженные дубинами, кольями и палками.

Во главе движения стоял раб-сириец *Эвн*, пользовавшийся большой известностью не только среди рабов, но и среди свободных как пророк и чудотворец. Эвн творил чудеса, пускал изо рта огонь, толковал сны и предсказывал будущее, ссылаясь на являвшееся ему во сне божество. Самого себя Эвн называл популярным именем сирийского царя Антиоха, а будущее царство, в котором он будет иметь неограниченную власть, Новосирийским царством. На слушавших слова и поведение Эвна производили глубокое впечатление. Уже в самом имени Эвн — благословенный, — казалось, заключалось нечто таинственное, придававшее словам будущего царя Антиоха глубокий мистический смысл.

---

[1] *Diod.*, XXXIV—XXXVI.

[2] *Plaut.*, Trinummus, 542.

[3] *Diod.*, XXXIV—XXXV, 2, 34—37.

Между тем движение рабов все более распространялось и углублялось.

Центром восстания был город *Энна* (Henna), находившийся во внутренней части Сицилии и расположенный на горе, окруженной обширными полями. В Энне жили крупнейшие рабовладельцы Сицилии, виллы которых возвышались на соседних горах.

Из Энны движение быстро перекинулось на весь остров. В югозападной части Сицилии, в городе *Агригенте*, образовался второй революционный очаг. Во главе этой второй армии восставших рабов стоял киликиец *Клеон*, по преданию бывший разбойник и пастух.

Восстание росло со страшной быстротой, тем более что вооруженные силы римлян на острове были недостаточно велики и надежны. Большая часть римской армии тогда находилась на театре военных действий,и, кроме того,сенат, враждебно настроенный к всадникам, не спешил с присылкой помощи. Надеялись на раскол среди самих рабов, но надежды рабовладельцев на ссоры между вождями восставших не оправдались. После недолгих переговоров обе армии — Эвна и Клеона — объединились в одну повстанческую армию, к которой присоединялся один город за другим — Агригент, Тавромений, Катана, Мессана. Словом, большая часть Сицилии оказалась в руках восставших рабов.

Армия Эвна и Клеона увеличивалась не только вследствие постоянного притока рабов, но также и вследствие сочувствия восставшим рабам со стороны *свободного населения*. Ближе всего к рабам стояли мелкие земледельцы, страдавшие от притеснений со стороны крупных рабовладельцев, забиравших их землю, вытеснявших их с рынка и лишавших их политических прав.

«После того как великое несчастье постигло Сицилию, сицилийский демос (плебс) не только не сочувствовал плутократам-рабовладельцам, но, напротив, сильно радовался, негодуя и завидуя неравномерному распределению богатств и неравенству социального положения...

«Зависть, порожденная горем, перешла в радость при виде того, как блестящая судьба повернула свое лицо к тем, кого она раньше презирала»[1].

«Ведь общеизвестно, — заканчивает свое повествование Диодор,—что чрезмерная гордость и суровость вызывают в государствах гражданские войны среди свободных и заговоры среди рабов».

«Чем больше власти свирепствуют, тем более нравы их подданных грубеют, и люди звереют»[2].

---

[1] Ibid.
[2] Ibid., XXXIV—XXXVI.

Несмотря на стихийность движения и наличие немалого числа мародерских деморализующих элементов, по преимуществу из городской черни, приставшей к повстанцам, в рядах самих рабов заметны сознательность и организованность. Отчетливее всего это сказывалось в их отношении к свободным. Подвергая уничтожению латифундии и беспощадно истребляя крупных рабовладельцев, в то же самое время они бережно относились к мелким собственникам и арендаторам, щадя их жизнь и имущество.

«Самое же замечательное во всем этом было, что восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали вилл, не уничтожали в них имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием»[1].

Общая ненависть к существующим порядкам сплотила рабов, мелких собственников и арендаторов латифундий в одну грозную армию, по преданию доходившую до 200 тыс. человек.

«В Сицилии зло росло, города забирались вместе с людьми, и много военных отрядов было уничтожено повстанцами»[2].

В отличие от большинства восстаний рабов античного мира сицилийское восстание 30-х годов интересно не только как пример грандиозного восстания рабов, но и как опыт построения самостоятельного государства рабов.

За время революции сицилийские рабы в подражание эллинистическим царствам основали *Новосирийское царство*. Верховная власть в Новосирийском царстве принадлежала «благословенному» царю Антиоху (Эвну), в важных случаях обращавшемуся к народному собранию. Наряду с народным собранием существовал совет, члены которого, «люди значительные по уму», назначались царем Антиохом. Среди членов совета большим влиянием пользовался грек из Ахайи *Ахей*, отличавшийся большой сообразительностью и энергией [3].

Поражения римских армий и образование Новосирийского царства заставили римский сенат со всей серьезностью отнестись к «сицилийскому мятежу». До сих пор сенат не мог предпринять решительных действий против сицилийской революции вследствие неудач на испанском фронте и неустойчивого положения самого сената во время борьбы за законопроект Гракха. Наконец, в 132 г., после взятия Нуманции и смерти Тиберия Гракха, сенат почувствовал себя более устойчивым и отправил в Сицилию армию под командой консула Публия Рупилия, который отнял у рабов Катану, Тавромений и осадил Энну. Засевшие в Энне рабы под начальством Клеона сражались мужественно, пока, наконец,

---

[1] *Diod.*, XXXIV — XXXVI.
[2] Ibid.
[3] *Strab.*, VI, 27, 28; *Diod.*, XXXIV.

не были побеждены Рупилием не столько силою оружия, сколько вынуждены были к сдаче продолжительным голодом[1].

Консул Рупилий завоевал Тавромений и Энну.

Сицилийское восстание послужило сигналом к целому ряду других крупных и мелких восстаний, широкой волной разлившихся по всем странам Средиземноморья и принявших интернациональный характер.

«Восстания возникали, подобно сверкающим искрам пожара, от первого трута, загоревшегося в Сицилии»[2].

«Зараза рабской войны» (belli servilis contagio) охватила многие города Италии и провинции».

Установить хронологическую последовательность описываемых событий невозможно вследствие недостаточности и противоречивости наших источников.

Восстания имели место в Сицилии, Италии, Хиосе, Родосе, Македонии, Аттике и др. В Аттике восставшие рабы, занятые на Лаврийских рудниках, истребили стражу, овладели крепостью Суний и опустошили Аттику.

Помимо Сицилии и Аттики, очагом настоящих рабских войн был остров *Хиос*, один из крупнейших рабовладельческих центров эллинского мира. В географическом сочинении сиракузянина Нимфодора сохранился рассказ о восстании рабов на о. Хиосе около середины II в. под предводительством *Дримака*. К сожалению, рассказ Нимфодора, переданный Афинеем, слишком отрывочен и содержит видимые следы рабовладельческой переработки с целью запугать и удержать рабов от возможных восстаний и побегов. Собственно, из передачи Нимфодора мы узнаем только о самом факте восстания и его религиозной окраске, в той или иной мере присущей всем движениям рабов древности.

После того как армия Дримака, составленная из беглых рабов, нанесла хиосцам ряд поражений, Дримак изменил движению, предложив рабовладельцам прекратить военные действия и заключить мир, заявив, что «все теперь происходящее не будет иметь конца, ибо все это происходит по воле божества, возвещенной оракулом».

Дримак предлагал рабовладельцам заключить с ним договор, в силу которого он, при условии уплаты ему определенной дани, прекратит опустошения и сверх того выдаст им рабов, без серьезной причины бежавших от своих господ.

«Когда от вас сбегут рабы, то я, — говорил Дримак, — расследую дело, и, если окажется, что они бежали от невыносимых

---

[1] Все-таки в полном смысле Новосирийское царство Эвна эллинистическим царством назвать нельзя, ибо в нем имелись учреждения (совет, народное собрание), которых не было в эллинистических монархиях.

[2] *Oros.*, V, 9, 4—8.

условий жизни, я оставлю их у себя. Если же жалобы будут признаны необоснованными, то я отошлю их обратно к своим господам, к тем, от которых они бежали»[1].

Результат договора оказался, с точки зрения хиосских рабовладельцев, как нельзя более благоприятным. Из страха перед рабским царем Дримаком побеги рабов сократились, и вследствие этого доход хиосских рабовладельцев возрос. Дримак появлялся только во время празднества и брал известную дань вином, «прекрасными жертвенными животными» и вообще всем, что только могли доставить ему хиосские рабовладельцы.

После смерти Дримака и распада рабского царства положение опять изменилось к невыгоде рабовладельцев. «Хиосцы стали снова терпеть много вреда от грабежей и побегов своих рабов. И вот тогда-то они вспомнили о гуманности покойного и воздвигли ему у себя святилище (героон), назвав его памятником «благосклонного героя»... «Говорят, что еще и теперь Дримак является во сне многим хиосцам, предупреждая их о замыслах рабов, и те, кому он является, приносят ему жертву там, где находится его святилище»[2].

В Малой Азии, в Пергамском царстве Атталидов, о социально-экономическом строе которого уже рассказывалось в иной связи, произошло восстание рабов и свободных под предводительством *Аристоника*. Примкнувшие к Аристонику повстанцы называли себя *гелиополитами* (heliopolitani), т. е. гражданами «солнечного государства»[3]. Название гелиополиты выбрано не случайно: солнечное государство и солнечные люди — очень часто встречаются в романах эллинистической Греции. В романах и утопиях «солнечные государства» рисовались яркими, ослепительными красками. В «солнечных государствах» не будет трудных и неприятных работ, не будет калечащего человеческую природу мелочного разделения труда, все работы будут одинаково легки и приятны, болезни исчезнут, исчезнет также частная собственность, насилие, грубость и индивидуальная семья — словом, все, чего не имели или от чего страдали угнетенные классы античного мира.

Движение началось недалеко от города Смирны, в местечке *Левки*, и быстро распространилось на соседние местности. «Аристоник, кажется, человек царского рода... быстро собрал массу неимущих людей и рабов, призвав их к свободе. Своих сторонников он называл гелиополитами»[4]. Движение Аристоника, продолжавшееся около трех лет (133—130), стоило Риму нескольких армий. Самым тяжелым было поражение консула Пуб-

---

1 *Athen.*, VI.
2 *Athen.*, VI, 265.
3 *Strab.*, XIV, 646.
4 Ibid.

лия Лициния Красса, стоявшего во главе «прекрасно обученного войска». Несмотря на поддержку восточных царей — Никомеда, царя Вифинии, Пилемена, царя Пафлагонии, понтийского царя Митридата и других,— гелиополиты разбили римскую армию, но все же силы противников не были равны. Из Рима приходили новые подкрепления. Преемник Красса консул Марк Перперна окружил главные силы гелиополитов в городе Стратоникее и голодом принудил город к сдаче. Стратоникея пала, Аристоник был взят в плен и в качестве военного трофея отправлен в Рим. В римской тюрьме и окончил свою жизнь вождь граждан «солнечного царства».

Рабские восстания принимали очень широкие размеры, рабы создавали собственные государства, мечтали о «солнечных царствах» и т. д., но на практике они не могли выйти за пределы тех же самых рабовладельческих отношений. У них не было осознанной идеи построения общества на новых, нерабовладельческих основах. Менялись люди и названия, но сама социальная сущность «рабских царств» (рабовладение) оставалась неизменной.

«Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»[1].

Но это все же не умаляет исторического значения движения рабов. Революции рабов потрясли рабовладельческий строй, ускорили разложение рабовладельческого общества и переход к новому (феодальному) строю. Об этом говорил товарищ Сталин на I съезде колхозников-ударников:

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся»[2].

Во все подробности по вопросу об источниках рабских восстаний II—I вв., их хронологии и значения вводит диссертация Г. Ратке «Рабские войны в Риме»[3].

3. ПАРТИЯ РЕФОРМ СЦИПИОНА ЭМИЛИАНА

Движение сицилийских рабов, распространившееся на все Средиземноморье, вместе с военными неудачами в Испании послужило толчком к оживлению законодательной деятельности в Риме, выступлению Гракхов и, наконец, гражданской войне I в. до н. э.

[1] *Ленин*, О государстве, Собр. соч., т. XXIV, стр. 375.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, М. Партиздат, изд. 10-е, 1934 г., стр. 527.

[3] *G. Rathke*, De Romanorum bellis servilibus, 1904.

В середине II в. олигархия сената достигла своего апогея. Об этом свидетельствует появление ряда законов, направленных на укрепление и расширение политических прав и влияния сената. Магистратуры занимались почти исключительно представителями нобилитета. Закон Виллия (lex Villia annalis) устанавливал определенную последовательность в прохождении магистратур (cursus honorum), чем стеснялась свобода выборов.

Всеми этими мероприятиями сенатская олигархия стремилась ослабить влияние отдельных магистратов, в первую очередь, конечно, консулов, стоявших во главе войск, оздоровить высший класс (законы о роскоши, процесс о вакханалиях и пр.) и сконцентрировать управление в немногих руках. Но, с другой стороны, события последних лет II в. с неоспоримой очевидностью показывали, что Римская держава с ее обширными италийскими и внеиталийскими владениями находилась под угрозой распада. Главные объекты эксплоатации — провинции и рабы — становились ненадежными и грозили освободиться из-под власти Рима.

Опаснее же всего было то, что боевая сила Рима тогда не стояла на должной высоте. Римская армия была до последней степени деморализована и малочисленна. Неудачи последних лет и трудности рекрутских наборов сами собой выдвигали вопрос о ее реорганизации, а тем самым, следовательно, и другой вопрос: об укреплении главного контингента римского ополчения — сельского плебса, слабевшего экономически и уменьшавшегося численно. Критическое состояние Римской республики, которой угрожала потеря колоний (провинций) и которая потрясалась революциями рабов, с неотложной настойчивостью требовало социально-экономической реформы. Не ясно было только, откуда пойдет инициатива реформ.

Республиканская конституция с ее распылением власти, одногодичным сроком полномочий магистратов и их коллегиальностью уже не соответствовала требованиям ни внешней, ни внутренней политики и потому на практике постоянно нарушалась. Первыми нарушителями республиканской конституции были магистраты, наделенные чрезвычайными полномочиями, по нескольку лет остававшиеся в провинциях вне сенатского контроля и действовавшие на свой страх и риск.

Начиная со второй пунической войны, не прекращалась борьба между сенатом и военными командирами, выходившими из рамок действующей конституции. Все более становилось очевидным, что сенатская олигархия со старым аппаратом города-государства уже не в силах справиться со сложными задачами управления и удержания социального равновесия. Трудности и сложности внешней политики требовали концентрации власти в руках военного командира-императора.

Первым командиром, облеченным чрезвычайными полномочиями, был Публий Корнелий Сципион Африканский, герой второй пунической войны. В 40-х годах II в. аналогичное положение занял *Сципион Эмилиан*, от которого исходила инициатива реформ и началось движение, связанное с именем Гракхов. Сципион Эмилиан стоял во главе наиболее влиятельной в 40-х и 30-х годах группы нобилитета, осознавшей необходимость реформ. Сын Эмилия Павла, победителя при Пидне, усыновленный сыном Публия Корнелия Сципиона Африканского (Старшего), Сципион Эмилиан начал политическую карьеру со 147 г., когда он, вопреки воле нобилитета, был избран консулом и тотчас отправился на театр военных действий в Карфаген. По окончании войны Сципион сделался настоящим народным героем Рима. В 134 г. он был вторично, опять против воли сената, избран консулом и без соблюдения конституционных формальностей отправился на театр военных действий в Испанию. При отъезде Сципион не получил от сената ни войска, ни денег. Набрав на собственный счет армию, он подчинил ее строгой дисциплине, введя телесное наказание, и приступил к осаде города.

Благодаря техническому превосходству армии и распорядительности главнокомандующего, война была доведена до конца. Нуманция была взята, город разрушен, большая часть жителей продана в рабство.

Опираясь на свою силу и влияние, Сципион Эмилиан и выдвинул вопрос о реформе существующего строя. В доме Сципиона собирались все видные представители политического, философского и литературно-художественного мира того времени: знаменитый юрист Гай Лелий, философ Панэций, историк Полибий, сюда же входили и братья Гракхи.

Большая часть друзей Сципиона принадлежала к «просвещенным консерваторам», желавшим сохранить высшее руководство в государстве за сенатом, но при условии проведения необходимых социально-экономических реформ и реорганизации конституции.

Точку зрения сципионовского кружка полнее всего отразил *Полибий* (208—127 годы). Грек Полибий, член Ахейского союза, жил в бурный период греческой истории, когда социальная борьба в Греции достигла крайнего напряжения, когда «не существовало такого насилия и жестокости, перед которыми остановились бы борющиеся партии. Море во время самой грозной бури не представляет такого хаотического состояния, какое представляли собой в то время эллинские государства»[1].

По своим классовым принципам Полибий принадлежал к олигархам, покинул Грецию и в качестве эмигранта проживал в Риме.

---

[1] *Polyb.*, XXX, II.

Социолого-философская концепция Полибия сложилась на почве эллинского полиса в период его упадка, и потому она, естественно, отражала упадочные настроения того времени, находившие сочувствие также и в римском обществе. Римское общество конца II в., как уже отмечалось выше, вступало в полосу глубокого, затяжного кризиса и гражданской войны.

Сущность социально-политической концепции Полибия такова. Все существующее подвержено порче и переменам. В этом нас убеждает непреоборимая сила природы. Согласно общему закону природы, государственные формы подвергаются действию времени, испытывая влияния разнообразных внутренних и внешних причин. Внешние причины не подлежат учету. Напротив, во внутренней жизни общества наблюдается известная закономерность. Так, после войны и пережитых бедствий, когда наступает некоторое успокоение, жизнь становится роскошнее, и тогда граждане начинают переступать меру скромности, умеренности и справедливости. Возрастает материальная обеспеченность, а вместе с ней растут властолюбие и пренебрежение к существующему, спесь, расточительность и, наконец, жажда переворота. Один политический строй сменяется другим, другой — третьим и т. д. в вечном круге перемен.

Как истинный идеолог эллинского полиса Полибий не мог преодолеть идеи цикличности, свойственной эллинской философии истории. Согласно этой идее, общества в своем развитии проходят определенный, естественный круг развития: монархия, аристократия и демократия. Выйти из этого цикла общество не может, так же как человек не может выйти из предопределенного ему природой возрастного цикла: за юностью следует зрелость, за зрелостью — старость, а за старостью — смерть.

Рим в настоящий момент переживает период своего расцвета, но уже в нем скрываются эмбрионы старости и смерти.

Единственное средство предохранения римского государства от дальнейшего разложения, полагает Полибий, заключается в стоическом отношении к окружающей действительности и вере в силу нравственного закона. Идеальным политическим строем, с точки зрения стоического идеала, Полибий считал смешанную форму правления, состоявшую из комбинации аристократии, демократии и монархии.

«В «золотой век» Римской республики три основных элемента всякого здорового общества — аристократия, монархия и демократия — сочетались так, что никто не мог сказать, является ли римская конституция аристократией, демократией или монархией. Но такая неясность в соотношении властей естественна и желательна. Монархический элемент представлен консу-

лами, аристократия — сенатом, демократия — народным собранием»[1].

Таковым был римский строй эпохи ганнибаловой войны. На возрождение «золотого века» и были направлены усилия сципионовского кружка.

Реорганизация же римской конституции в духе возвращения к «золотому веку» предполагала возрождение среднего и мелкого свободного землевладения и сокращение рабовладения.

В таком духе в 140 г. и выступил Гай Лелий, предложивший восстановить забытый аграрный закон Лициния—Секстия об ограничении нормы оккупаций и числа рабов. Однако предложение «мудрого» Лелия, враждебно встреченное богатыми нобилями, было взято обратно самим же его автором.

«Друг Сципиона Гай Лелий хотел помочь этому несчастью, но встретил сопротивление со стороны нобилей. Из страха перед возможными осложнениями он отказался от своих планов, получив за это прозвище «мудрого»[2].

На этом и оборвалась социальная политика партии реформ Сципиона Эмилиана.

После этого инициатива реформ уже переходит к братьям Гракхам, отколовшимся от Сципиона и примкнувшим к другой группе нобилитета, враждебной Сципиону, — Клавдиев, Муциев и Цецилиев.

4. ВЫСТУПЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ ГРАКХА

В истории гражданских войн конца Римской республики Гракхи занимают одно из первых мест, что и заставляет нас более подробно остановиться на их реформах и на их личности. Насколько интересна, богата событиями и драматична биография «первых римских революционеров», свидетельствует уже один тот факт, что Маркс предполагал написать драму «Братья Гракхи».

По своему рождению братья Гракхи, Тиберий и Гай, принадлежали к одному из выдающихся римских родов — Семпрониев Гракхов (Gracchos, Ti. Gracchi summi viri filios, Africani nepotes)[3]. Отец Гракхов, Тиберий Семпроний Гракх, два раза был консулом, два раза праздновал триумф, занимал должность претора и участвовал в ряде походов. Но не столько за эти доблести, замечает его биограф, сколько за свои нравственные качества он получил руку дочери Корнелия Сципиона, победителя Ганнибала. От брака с Корнелией Гракх имел 12 детей. После смерти Тиберия за Корнелию сватался египетский царь

---

[1] *Polyb.*, VI, 10, 12.

[2] *Plut.*, Tib. Gracchus. VIII,

[3] *Cic.*, De officiis, II, 80.

Птолемей VII Эвергет, но она предпочла остаться вдовой и всецело отдаться воспитанию своих детей. Из всех детей Корнелии в живых остались только два сына — Тиберий и Гай — и дочь, вышедшая замуж за Сципиона Эмилиана (Сципиона Младшего).

Гракхи вращались в среде «просвещенных консерваторов» сципионовского кружка и получили по тому времени блестящее образование. Старший брат Тиберий в раннем возрасте получил жреческую должность авгура, участвовал вместе со Сципионом Младшим в африканском походе и, находясь с полководцем в одной палатке, зарекомендовал себя военными доблестями и строгим образом жизни.

По окончании африканского похода Тиберий в качестве квестора сопровождал консула Гая Манцина в его походе против нумантинцев. В этом несчастном для римлян походе Тиберий проявил все качества ума, храбрости и почтения к своему начальнику.

Разгромившие римлян нумантинцы согласились заключить с Римом мир только благодаря Тиберию, которого они считали человеком редкой честности и порядочности.

«Нумантинцы подошли к нему и хватали его за руки, горячо убеждая его не считать их более врагами, но верить им и видеть в них друзей. Тиберий решил исполнить их желание, ему хотелось получить обратно свои бумаги, кроме этого он боялся своим недоверием раздражить нумантинцев, — и вошел в город. Прежде всего нумантинцы предложили ему завтрак и стали убедительно просить его отобедать вместе с ними, затем вернули его бумаги и предложили ему взять что угодно из других вещей. Он взял только немного ладана, который ему был нужен для публичных жертвоприношений, дружески простился с нумантинцами и уехал»[1].

В декабре 134 г. Тиберий Гракх в возрасте 28 лет был избран на 133 год народным трибуном в консульство Муция Сцеволы и Кальпурния Пизона.

Тиберий Гракх, как сказано, принадлежал к числу выдающихся людей своего времени. Он был членом сципионовского кружка, вращался среди передовых людей, получил прекрасное воспитание под руководством матери, весьма просвещенной женщины, и учителей греков — философов-стоиков Диофана из Митилены и Блоссия из Кум. Диофан и Блоссий ввели Тиберия в круг социально-политических идей греческого мира, нарисовав перед его умственными взорами план широких социально-политических реформ.

Общественная атмосфера Рима при выступлении на политическую арену Тиберия была нервна и тревожна. С одной сто-

---

[1] *Plut.*, Tib. Gracchus, VI.

роны, это было время нумантинской войны, позорного поражения Гая Манцина, с другой — время сицилийской революции рабов. То и другое в значительной степени являлось следствием внутренней неустойчивости Римской республики, ослаблением ее социальной базы — сельского плебса. На восстановление среднего и мелкого землевладения и раздробление крупных посессий (латифундий) прежде всего и было направлено внимание римских политиков-реформаторов, в том числе и Тиберия Гракха. Аграрный вопрос в форме борьбы мелкого и крупного землевладельца различных типов, как указывает К. Маркс и как это подтверждается источниками, составляет стержень всей римской истории, начиная с Ромула[1] и кончая Ромулом-Августулом, последним римским императором.

«Несколько времени тому назад, — писал Маркс Энгельсу, — я снова прошел римскую (древнюю) историю, до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно plainly [целиком] свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства. Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности»[2].

Надо отметить, что стремление Гракха ограничить и раздробить крупные владения не противоречило естественной эволюции римской экономики. В большинстве случаев на оккупированных землях велось экстенсивное пастбищное или зерновое хозяйство. Во II в. такого рода хозяйства уже становились экономически невыгодными, а политически опасными ввиду возраставшего малоземелья и сокращения числа военнообязанных. Это сознавали и сами оккупаторы, дробившие заарендованные ими земли на более мелкие участки и сдававшие их в аренду средним и мелким пользователям. Съемщики, среди которых, несомненно, имелись и хозяева катоновского типа, вкладывали в землю свой капитал и труд, производили мелиорации, возводили постройки, проводили каналы, словом, приводили заарендованные земли в культурное состояние.

В этом направлении естественной эволюции италийского хозяйства действовал Тиберий Гракх, народный трибун 133 года, стремившийся не столько возродить, сколько заново создать средних и мелких землевладельцев и притом главным образом за счет экстенсивного, по преимуществу пастушеского, хозяйства.

Из содержания же законопроекта и тех средств, с помощью которых Тиберий надеялся провести этот законопроект в жизнь, можно заключить о весьма умеренных планах Гракха.

---

[1] *Varro*, De re rust., I, 10.
[2] *Маркс и Энгельс*, соч., т. XXII, стр. 89.

«Никогда не предлагали такого мягкого и гуманного закона в отношении людей несправедливых и алчных. Богачей следовало бы наказать за ослушание и выгнать, с уплатой штрафа, с земель, которыми они пользовались противозаконно. Однако они получили лишь приказание оставить несправедливо присвоенные поля и, получив вознаграждение, передать их нуждающимся в помощи гражданам. Ошибку хотели исправить мерами кротости. Народ должен был удовлетвориться тем, чтобы его не притесняли на будущее время, и тогда он забыл бы прошлое»[1].

С юридической стороны предложение (rogatio) Тиберия не вызывало сомнений. Речь шла об ager publicus, не входившем в разряд квиритской (полной) собственности. По римским законам, права заарендованного участка на ager publicus подлежали отобранию в государстенный фонд по первому требованию, защищались правом давности (vetustate bona paterna avitaque), а не юридической нормой (non iure), сочувствием сената, а не условием самого владения (misericordia senatus non agri conditione)[2].

К тому же и законная норма оккупации, установленная Тиберием Гракхом, была достаточно велика (до 1 000 югеров на семью), велика была также и норма крупного (100 голов) и мелкого (500 голов) скота, выпускаемого на общинные выгоны. Кроме того, за все произведенные постройки и мелиорации устанавливалось вознаграждение.

Ближайшие же события показали, что предполагаемая реформа не может быть проведена мирным путем, как это предполагалось вначале, и под давлением объективных факторов Тиберий из реформатора превращается в революционера.

Первое время Тиберий Гракх действовал в согласии с антисципионовской группой нобилей — Клавдиев, Муциев и Цецилиев, но постепенно, в силу опять-таки объективных причин, стал отходить и от этой группы, сближаясь с демократической массой деревни и города. Демократическим группам (plebs Romana), бедным людям (tenuiores) противостояла небольшая группа богатых сенаторов и всадников (senatus et equester ordo), «лучших людей» (optimates), крупных землевладельцев (locupletes) и скотоводов[3].

Слух о предстоящей реформе и переделе земли быстро облетел и взволновал всю Италию. Из соседних с Римом областей, муниципий и колоний в Рим устремилась масса людей, по образному сравнению Диодора, подобно рекам, вливающимся в море. Все шли на поддержку Гракха. Свои чувства и желания масса людей, жаждавшая земли, выражала в надписях, выцарапан-

[1] *Plut.*, Tib. Gracchus, IX.
[2] *Cic.*,De lege agr., II, 57.
[3] *Liv.*, Epit. LVIII, *Vell. Pat.*, II, 3, 2; *Cic.*, De lege agr., II, 10, 81.

ных на стенах храмов и общественных зданий. Число сторонников Тиберия было очень велико, вражда к «богачам» объединяла самые различные общественные слои.

«Дикие звери,— говорил в своей речи перед народом Тиберий,— живущие в Италии, и те имеют норы и логовища, между тем как люди, умирающие сражаясь за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света. Они без крова, лишенные постоянного местожительства, бродят с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, увещевая их сражаться с врагом за могилы предков и храмы, в то время как у массы римлян нет ни алтаря, ни кладбища предков. Солдаты идут на войну и умирают лишь ради чужой роскоши и богатства! Их называют властелинами вселенной, между тем как у них нет даже клочка собственной земли»[1].

«В самом деле, разве не справедливо пользоваться общественным полем сообща? Разве гражданин не обладает бо́льшими правами, чем рабы? Не больше ли пользы приносит гражданин, пригодный к войне, чем не пригодный к ней? Не лучше ли относится к государству полноправный гражданин, чем раб-чужестранец? Он считал, что сравнение это слишком недостойно, чтобы его продолжать»[2].

Тиберий настойчиво убеждал оккупаторов поступиться личными интересами в пользу общественных и принять его законопроект.

«Вы, — увещевал Тиберий богатых, — должны все это обдумать и отдать эти земли добровольно, без постороннего воздействия, если в том будет необходимость. В надежде на будущее мы должны отдать эти земли тем, кто воспитывает для государства детей. Споря из-за меньшего, вы потеряете большее»[3].

В рамках действовавшей тогда конституции единственной возможностью для нобилей провалить предложение Тиберия было привлечение на свою сторону коллег Тиберия, других народных трибунов. К этому последнему средству и прибегли «богачи», склонив на свою сторону коллегу Тиберия Гракха, народного трибуна *Марка Октавия*, который к тому же и сам был крупным посессором.

Выступление Октавия было решительным моментом. Октавий воспользовался своим трибунским правом и наложил veto на законопроект. Тиберий пытался убедить Октавия снять свое запрещение, обращался в сенат, но все это не дало никаких результатов. Октавий упорствовал, а сенат определенно стал на сторону «богачей». Борьба разгоралась и обострялась.

---

[1] *Plut.*, Tib. Gracchus, IX.
[2] *App.*, Bell. civ., I, 11.
[3] Ibid.

Раздраженный Тиберий начал действовать решительнее, поставив перед комициями вопрос: может ли трибун Октавий долее оставаться в звании народного трибуна, если он действует вразрез с народными интересами?

Собрание стало на сторону Тиберия. Октавий был отрешен от должности и поспешил скрыться из опасения народного гнева. Место Октавия занял Квинт Муммий, сторонник Гракха. С конституционной точки зрения, лишение прав народного трибуна по инициативе другого трибуна было неслыханным делом (novum exemplum), революционным актом (collegae magistratum per seditionem abrogavit), вызвавшим настоящую гражданскую войну (Gracchana seditio: gravissimae seditionis auctor)[1].

После устранения Октавия законопроект Тиберия был принят в комициях и получил силу закона.

Новый закон возобновлял действие старого закона Лициния—Секстия, в силу которого никто не должен был иметь более 500 югеров государственной земли. К этому добавлялось, что на каждого взрослого сына может быть прирезано 250 югеров, но в целом владение одной семьи не должно было превышать 1 000 югеров.

Закон гласил: «Никто не должен иметь на государственной земле более 1 000 югеров» (Nequis ex publico agro plusquam mille iugera possideret)[2].

Возвращенную землю предлагалось распределить участками по 30 югеров между малоземельными римскими гражданами[3]. Надел в 30 югеров должен быть отнесен к разряду средних владений, предполагавших известный материальный уровень владельца, наличие некоторого числа рабов или свободных наемных рабочих.

Для проведения закона в жизнь и для разрешения возникавших вопросов и затруднений выделялась специальная *аграрная комиссия* в составе трех человек (tres viri agris iudicandis adsignandis) с очень широкими полномочиями, с правом обмерять земли и устанавливать права владений[4].

В состав комиссии вошли сам *Тиберий*, его брат *Гай* и тесть *Аппий Клавдий*. Передача права установления характера владений, измерения, отобрания и распределения земель аграрной комиссии, выбранной трибутными комициями, самым существенным образом затрагивала права сената. Согласно римской конституции, все эти права принадлежали консулам и цензорам, а не народным трибунам.

---

[1] *Val. Max.*, VI, 2,6.
[2] *Liv.*, Epit., 58.
[3] *Cic.*, De lege agr., II, 81.
[4] *Liv.*, Epit., LVIII.

Вторым, не менее серьезным покушением на верховенство сената и сенатской магистратуры было игнорирование права сената в финансовой области. Случилось это даже помимо воли самого Тиберия. Ввиду отказа сената отпустить необходимые для работы комиссии средства Тиберий предложил конфисковать переходившую к Риму казну пергамского царя Аттала III, незадолго перед тем умершего и перед смертью завещавшего свое царство Риму (cum recentem Attali hereditatem in alimento populo polliceretur)[1]. Вместо того чтобы эту казну передать в распоряжение сената, Тиберий с согласия и от имени римского народа предполагал распорядиться ею самолично. Это было вторым революционным актом, прямым нарушением римской конституции, предоставлявшей монополию во внешней и финансовой политике сенату.

Деньги пергамского царя были употреблены на покупку сельскохозяйственных орудий для граждан, получивших землю[2]. После принятия аграрного закона и выбора аграрной комиссии Тиберий находился в зените своего могущества, выступая в окружении целой свиты своих приверженцев в 3—4 тысячи человек[3].

«Теперь Гракх, гордый своим законом, шествовал домой, сопровождаемый народом. Народ смотрел на него не как на устроителя одного города или одного племени, но как на главу всех италийских народов»[4].

Сочувствие Гракху со стороны широких масс города и деревни перепугало и всколыхнуло нобилей и заставило их более сплоченно защищать свои классовые интересы. Из неорганизованной массы нобилей выделялась более организованная политическая группа *оптиматов*, или «лучших людей». Оптиматы прилагали все усилия, чтобы затруднить или скомпрометировать работу аграрной комиссии. Сделать это было нетрудно, так как работа комиссии протекала в сложной обстановке и наталкивалась на ряд самых разнообразных затруднений практического порядка. Оптиматы развернули широкую агитацию среди своей городской клиентелы, распуская слух, что Тиберий действует исключительно в своих личных интересах, стремясь к захвату верховной власти (occupandae rei publicae). Напротив, ряды сторонников Тиберия редели по мере того, как одна часть сельского плебса получила земельные наделы и успокоилась, а другая разочаровалась в реальной возможности осуществления плана Тиберия. Особенное недовольство выражали италики, римские союзники, не включенные в список получателей

[1] *Flor.*, II, 3.
[2] *Liv.*, Epit., 58.
[3] *Aul. Gell.*, II, 13.
[4] *App.*, Bell. civ., I, 13.

земельных наделов. Чувствуя охлаждение к политической борьбе сельского плебса, Тиберий на выборах 132 г., к тому же приходившихся на летние месяцы, на время страдной поры, стал искать опоры в городской демократии (плебеях и всадниках), включив в свою программу ряд новых реформ в интересах городской демократии. В числе этих реформ источники упоминают: 1) судебный закон[1]; 2) закон о сокращении срока военной службы[2]; 3) закон о распространении гражданских прав на италиков[3].

Таково было положение вещей, когда в 132 г. Тиберий выставил свою кандидатуру в народные трибуны во второй раз. Формально это опять было нарушением конституции, и потому дало повод его противникам-оптиматам обвинить Тиберия в стремлении к государственному перевороту. Началась страстная агитация, обе стороны готовились к решительному бою, противные партии напоминали, по выражению источника, два настоящих враждебных лагеря[4].

У Аппиана сохранился красочный рассказ о том, как Тиберий в траурном платье вместе с малолетним сыном ходил по форуму накануне выборов, вербуя себе сторонников. Агитация Тиберия увенчалась успехом. Народ сочувствовал Тиберию и готов был поддержать его в предстоящей избирательной борьбе.

«Тогда поднялись жалобы бедных на свое собственное положение при мысли, что в скором будущем они уже не будут пользоваться правами, одинаковыми с другими гражданами, но подпадут под власть богатых и сделаются их рабами. Вместе с тем граждане жалели и самого Гракха, которому из-за них приходилось так много страдать и подвергаться опасностям. После этого они все с причитаниями проводили его домой и просили его не бояться грядущего дня»[5].

В самый день выборов главная масса выборщиков, приходивших из деревень, ввиду страдной поры (июль месяц), на выборы, как сказано, не явилась, сочувствовавшие же Тиберию нобили, испуганные его революционным актом, отошли от него.

Между тем оптиматы подняли голову и начали энергичную контрагитацию. Кандидатура Тиберия как неслыханное нарушение конституции была опротестована другими трибунами, действовавшими заодно с сенатом. Произошли страшный шум и смятение, заставившие перенести выборы на следующий день. На следующй день повторилось то же самое, и дело даже дошло до драки. Одновременно с выборами, происходившими на площа-

---

[1] *Macrob.*, Sat., III, 14; *Plin.*, Nat. Hist., XXXIII, 34.
[2] *Plut.*, Tib. Grac., 16; Dio Cas., XXVI, fr. 83.
[3] *Vell. Pat.*, II, 2.
[4] *Plut.*, Tib. Grac., 11.
[5] *App.*, Bell. civ., I, 15.

ди Капитолийского храма, в храме богини Верности, происходило заседание сената. Было донесено, что Тиберий прогнал с форума враждебных ему трибунов и намеревается провозгласить себя царем.

При этом сообщении в сенате началось настоящее смятение. Часть сенаторов, во главе с верховным жрецом Сципионом Назикой, вождем оптиматов, потребовала от консула Муция Сцеволы введения военного положения и ввиду его отказа бросилась на улицу. «Все, кто желает спасти родину, следуйте за мной!»,— закричал Сципион Назика и побежал по направлению комиций.

В первый раз за всю историю Рима на улицах столицы произошла открытая схватка между враждующими партиями, в которой приверженцы Гракха, демократы (популяры), потерпели поражение: часть их была убита, а другие разбежались. В числе погибших находился и сам Тиберий Гракх; всего погибло около 300 человек. Трупы убитых, в том числе и Тиберия, ночью были брошены в волны Тибра.

«Столь гнусное дело,—заканчивает свою печальную летопись Аппиан, — впервые случилось в народном собрании. Потом это неоднократно повторялось и в отношении других лиц, подобных Гракху. Из-за убийства Гракха Рим разделился на две части: одна часть печалилась, другая радовалась. Многие сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали личное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли исполнения всех своих желаний. Все эти события происходили в то время, когда Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами»[1].

5. ОПТИМАТЫ И ПОПУЛЯРЫ

Смерть Тиберия не разрешила поставленной проблемы. Борьба за землю, вскоре переросшая и в борьбу за верховную власть, продолжалась и после смерти Тиберия. Теперь борьба велась уже между политически организованными группами или партиями — *оптиматами* (optimates), представлявшими интересы нобилитета, и *популярами* (populares), организованным ядром сельского и городского плебса. Всадники же занимали промежуточное положение, прямо не примыкая ни к той, ни к другой стороне, но при случае используя и ту и другую.

Борьба между оптиматами, популярами и всадниками составляет содержание политической истории конца Римской республики, осложняясь при этом многими привходящими мотивами.

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 17.

В 30—20-х годах II в. популярам при поддержке всадников удалось провести несколько существенных реформ: ввести тайное голосование в комициях посредством подачи особых дощечек (tabellae), провести на высшие посты своих сторонников и лишить нобилей привилегии служить во всаднических центуриях. Предложение о переизбираемости народных трибунов прошло несколькими годами позже.

Между тем работа аграрной комиссии продолжалась. После смерти Тиберия Гракха и Аппия Клавдия (130 г.) место выбывших членов заменили *Фульвий Флакк* (Fulvius Flaccus) и *Папирий Карбон* (Papirius Carbo), принадлежавшие к партии популяров.

Аграрная комиссия развернула широкую деятельность по отобранию и распределению государственных земель. На основании цензовых списков общую сумму розданных аграрной комиссией земель в 125 г. определяют приблизительно в 350 или 400 тыс. гектаров. По масштабам античного мира это весьма солидная цифра, равная $^1/_7$ всего ager Romanus. Цензовые списки показывали увеличение приблизительно на 80 тыс. человек. О широте масштаба работы аграрной комиссии свидетельствуют надписи на межевых камнях, поставленных при новом переделе земель. Из одной нижеприводимой надписи видно, что даже такие противники Гракхов, как консул Публий Попилий, принимали участие в переделе земель.

«Я, — гласит надпись, — Публий Попилий, сын Гая, консул, построил дорогу от Регия до Капуи, на той дороге соорудил мосты, поставил межевые камни и почтовые станции (miliarios, tabelariosque postivei).

...Я первый приказал пастухов на государственной земле заменить земледельцами» (ut de agro poplico aratoribus cederent pastores)[1].

Одновременно с тем возрастали также и трудности, на которые наталкивалась в своей работе аграрная комиссия. При перемежевании земель возникала масса всевозможных недоразумений, споров, кляуз и судебных процессов. Главная трудность состояла в том, что не всегда было легко отделить государственную землю от частной. За давностью лет границы государственных и частных земель стерлись, документы же, утверждавшие права владений, были утрачены или подложны. При отобрании и распределении участков происходили перемещения владельцев и допускались разного рода несправедливости, ошибки и злоупотребления. Случалось, например, что владельцы культурных участков, засаженных садовыми культурами и покрытых постройками, переселялись на участки, лишенные растительности, болотистые и глинистые. Притом многие хозяева рассматривали заарендованную

[1] C.I.L., I, 2638.

ими землю как свою собственность, вкладывали в нее капиталы, возводили постройки и производили мелиорации. Среди арендаторов и подарендаторов могли встречаться крупные, средние и мелкие хозяева, «хорошие землевладельцы» в катоновском смысле. Всем им теперь грозили гибель и разорение.

В конце концов, говорили они, вся земля была когда-то завоеванной, следовательно, и общинной. Посессии не есть насильственный захват, ибо, по всем известному закону, всякому римскому гражданину предоставляется право обрабатывать необработанную общественную землю. Аграрная же комиссия, наделенная неограниченными полномочиями, возбуждала в них ужас и негодование. Население волновалось, снималось с места, распродавало свой инвентарь и рабов, эмигрировало в города и провинции.

Что же касается богатых нобилей, то они, отказываясь от италийских земель, становились посессорами в провинциях, где земель было больше, а права владения прочнее. Одним из важных последствий гракховских реформ было перемещение людей и капиталов из Италии в провинции и вследствие этого еще большая зависимость центра от провинций.

«Таким образом, несправедливые действия богатых, хотя они были и значительны, с трудом могли быть доказаны. В результате сдвинулись со всех участков все те, кто с прежних своих владений был снят и переселен в чужие»[1].

Больше же всего недовольство выражали *италики*, римские союзники. Вследствие неотчетливой формулировки аграрного закона Тиберия Гракха италики попадали в очень странное положение. На основании общего положения они лишались государственных земель, но взамен этого ничего не получали. Наделению землей подлежали только одни римские граждане. «Тиберий Гракх, — говорит Цицерон, — пренебрег интересами и договорами союзников и латинян» (Tib. Gracchus... sociorum nominisque Latini iura neglexit ac foedera)[2].

Отсюда проистекали негодование и раздражение италийских союзников против аграрного закона Тиберия Гракха и самого его инициатора. Италийские землевладельцы тем более не желали расставаться со своими плантациями и садами, что как раз 30—20-е годы II в. отмечены обильным урожаем по всей Италии и расширением рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов[3]. В конце концов раздраженные несправедливым законом италийские землевладельцы решили обратиться к популярному тогда среди италиков Сципиону Эмилиану, прося у него справедливого суда и защиты. Сципион охотно пошел навстречу италикам,

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 18.
[2] *Cic.*, De re publ., III, 41.
[3] *Plin.*, Nat. Hist., XIV, 17.

многие из которых служили под его знаменами. К тому же Сципион не был доволен ни поведением Тиберия Гракха, ни действиями аграрной комиссии. То и другое казалось ему нарушением римской конституции.

В 129 г. Сципион выступил в сенате с речью, в которой, не осмеливаясь открыто порицать самый закон, принятый в спешном порядке без предварительного и всестороннего изучения дела, и указывал на трудность практического его осуществления. Взамен этого Сципион предлагал освободить комиссию трех от разбирательства судебных процессов, передав их другой комиссии.

Сенат стал на сторону Сципиона и передал консулам суд по спорным вопросам, возникавшим при наделении землей; за аграрной же комиссией сохранилось только распределение земель. Отнятие судебных функций по сути дела означало ликвидацию аграрной комиссии. Консул Тудитан, на которого возложены были судебные функции, отправился в поход в Иллирию, а за его отсутствием судебные дела оставались без разбора.

Комиссия по разделу тоже бездействовала, ибо никто не обращался к ней за разрешением спорных вопросов, не веря в ее правомочия и ожидая возвращения консула.

После ликвидации аграрной комиссии Сципион окончательно порвал с популярами и утратил всякий авторитет у римского гражданства. В глазах римлян он теперь являлся предателем Рима и вождем италиков.

«Все это послужило источником ненависти и негодования против Сципиона, которого народ прежде так любил, много боролся за него против оптиматов, вопреки закону два раза выбирал его консулом. Теперь же римский народ видел, что Сципион противодействует ему в угоду италикам»[1].

Ходили слухи, что Сципион даже намеревался окончательно ликвидировать аграрную комиссию и произвести государственный переворот. Под влиянием всех этих слухов настроение в городе становилось напряженным.

«Слушая все это, народ приходил в ужас»[2].

Приближалась развязка. Утром, накануне того дня, когда Сципион намеревался выступить в комициях с речью, он был найден мертвым в собственном доме и без видимых ран на теле (129 г.).

Вопрос об убийцах Сципиона так и остался невыясненным. Виновниками убийства называли вождей популяров, Патерия Карбона и Фульвия Флакка[3], и жену Сципиона, «некрасивую и бесплодную» Корнелию Семпронию, сестру Гракха. По другой версии, Сципион покончил жизнь самоубийством, отчаявшись

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 19.
[2] Ibid., 20.
[3] *Schol. Bob.*, 365.

в возможности выполнить свое обещание, данное им италикам. Но даже и смерть Сципиона не примирила римское гражданство с его поступком.

«Так, — заключает свой рассказ о событиях этих лет Аппиан, — умер Сципион, и тело его не было даже удостоено торжественного погребения, несмотря на все его значение в истории политического возвышения Рима. Доказательство того, насколько гнев за последние его поступки превосходил благодарность за прежние деяния»[1].

Таким образом из аграрного вопроса вырастал новый, не менее сложный *союзнический вопрос*. С 20-х годов II в. союзнический вопрос становится одним из самых серьезных и острых вопросов римской политики.

Становилось очевидным, что без разрешения союзнического вопроса нельзя было разрешить и самого аграрного вопроса, стоявшего в центре программы популяров. И не потому вождь популяров *Фульвий Флакк*, консул 125 года, включил союзнический вопрос в программу демократической партии. Римский земельный фонд почти уже был исчерпан, и потому приходилось обращаться к государственным землям союзников. В качестве же компенсации за отобрание земель Флакк предлагал даровать союзникам права римского гражданства.

«Между тем владельцы земельных участков под различными предлогами все откладывали и откладывали на долгий срок раздел их.

Некоторые предлагали даровать права римского гражданства союзникам, сопротивлявшимся разделу земли. Италики с удовольствием приняли бы это предложение, предпочитая полям римское гражданство»[2].

Уравнение в правах с римлянами было общей платформой, на которой сходились все италики, конкретное же содержание этого требования разными группами понималось различно. Но и в этом вопросе предложение популяров наталкивалось на оппозицию сената, не считавшего возможным уравнять в правах римских подданных (италиков) с римскими гражданами.

В ответ на это в некоторых городах Италии (Фрегеллы) произошли серьезные восстания, предвестники грядущей союзнической войны или италийской революции. Таково было состояние Рима и Италии в момент выступления Гая Гракха.

6. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ГАЯ ГРАКХА

Продолжателем реформаторской деятельности Тиберия Гракха и мстителем за поруганную честь трагически погибшего бра-

[1] *App.*, Bell. civ., I, 20.
[2] Ibid., 21.

та выступил *Гай Гракх*, младший брат Тиберия. В отношении личных качеств между обоими братьями имеются как сходство, так и различия, обусловленные врожденными наклонностями, с одной стороны, и социально-политической обстановкой, при которой им приходилось действовать, с другой. В сравнительной биографии Плутарха Тиберий представляется мягким и уступчивым человеком, Гай же — горячим и вспыльчивым. Речь Тиберия была приятной, рассчитанной на возбуждение чувства сострадания слушателей, речь же Гая была грозной, способной возбуждать страсти. Тиберий писал чистым, тщательно отделанным слогом, Гай — цветистым, но убедительным. Тиберий был невзыскателен в еде, Гай же в сравнении с братом казался гастрономом. Произнося речи, Гай в порыве возбуждения часто сбивался с основной темы, забывая о том, что он говорил. Для устранения этого недостатка он ставил позади себя раба с музыкальным инструментом, употребляемым учителями пения. Замечая, что Гай начинает кричать и отступать от главной темы, раб начинал играть на флейте, тогда Гай приходил в себя и успокаивался. Выдающиеся способности, ораторский талант, образование и силу мысли Гая Гракха признавали даже его принципиальные противники, как например, Цицерон. «С каким талантом, с каким красноречием, с какой силой, с какой мощью говорил он!» (homo longe ingeniosissimus atque eloquentissimus)[1].

Гай Гракх выступил уже с более широкой и продуманной социально-политической программой. При кажущейся случайности и хаотичности предложенные и проведенные Гаем Гракхом законы метили в одну основную цель: сокрушение сената и замену олигархической конституции демократической по греческому образцу.

Для обеспечения интересов Римского государства в целом, для ведения твердой внешней политики и для упрочения господства свободных римлян и италиков над рабами сенатская олигархия оказывалась бессильной. Исходя из этого, Гай Гракх считал необходимым высшее руководство в государстве от сената передать народному собранию, возглавляемому народным трибуном, избираемым непосредственно самим народом. Иное соотношение классовых сил и иные задачи внешней и внутренней политики требовали новой конституции. Политическим идеалом Гая Гракха была Афинская демократическая республика эпохи Перикла.

Оплотом нобилей был сенат, на который в первую очередь Гай Гракх и направил свои удары. В 124 г. 29-летний Гай был избран народным трибуном и тотчас же после избрания внес два законопроекта, направленных против врагов убитого брата и про-

[1] *Cic.*, Brutus, 126; *Font.*, 39.

тив собственных врагов (statim et mortis et legum fratris sui vindex)[1].

Первый закон лишал права выставлять свою кандидатуру на общественные должности лиц, лишенных народом какой-либо магистратуры. Этим снималась кандидатура Марка Октавия, выступавшего против Тиберия и лишенного по воле комиций звания народного трибуна.

Второй закон предоставлял народу право привлекать к суду магистрата, изгнавшего из Рима без суда римского гражданина. Этот закон имел в виду Попилия, изгнавшего из Рима сторонников Тиберия (C. Gracchus legem tulit ne de capite civis Romani iniusso vestro iudicaretur)[2].

Вслед за этими предварительными мерами, закреплявшими положение народного трибуна, Гай провел: 1) *аграрный закон* и 2) *хлебный закон*.

Аграрный закон Гая (lex agraria) повторял закон Тиберия. «Гай Гракх внес аграрный закон, который внес также и его брат» (tulit legem agrariam quam et frater eius tulerat)[3].

За аграрным последовал *хлебный закон* (lex frumentaria), обеспечивавший за каждым гражданином право на получение некоторого жизненного вспомоществования со стороны государства.

«Гай Гракх предложил хлебный закон — отпускать плебеям муку по $6^1/_3$ асса за модий» (frumentariam legem ut senis et triente frumentum plebei darentur)[4].

Самая идея этого закона не нова. Вспомоществование в виде всякого рода раздач и подарков практиковалось и до Гракхов. Гракх обобщил прежнюю практику, передав ее из рук частных лиц в ведение государства. Важен был самый принцип признания со стороны государства обязанности содержания неимущих граждан.

По закону Гая Гракха, государство обязывалось продавать жителям города Рима зерно ниже рыночной цены. Социальная необходимость подобного закона понятна. Рим был полон малоимущими и неимущими гражданами, страдавшими от дороговизны предметов первой необходимости. Ближайшим же образом хлебный закон имел в виду отвлечь от нобилей их клиентов, привлекаемых раздачей хлеба.

Закон был встречен римским населением с энтузиазмом, хотя он далеко не разрешал всех продовольственных затруднений.

Но хлебный закон Гая Гракха имел и свою оборотную сторону. Предназначавшийся для раздачи хлеб привозился из провинций и складывался в государственные амбары (horrea Sem-

[1] *Flor.*, II, 3.
[2] *Cic.*, Pro Rab., 12.
[3] *Liv.*, Epit., 60.
[4] Ibid.

pronia), специально выстроенные для этой цели. Приток дешевого привозного хлеба сбивал цены на туземный италийский хлеб, оказывая тем самым вредное влияние на италийское сельское хозяйство и хлебный рынок.

Радостно встреченный малоимущими слоями города, хлебный закон сделал Гая самым популярным человеком в Риме (amantissimus plebis Romanae) [1] и обеспечил ему большинство голосов на выборах в трибуны на следующий, 122-й, год.

«Вслед за этим Гай был избран трибуном на будущий год. В это время прошел особый специальный закон относительно трибуната. Для переизбрания народного трибуна требовалось одно переизбрание его народным собранием» [2].

После избрания народным трибуном Гай Гракх немедленно приступил к осуществлению своей программы. Первой проблемой, которую должен был разрешить Гай Гракх, так же как в свое время и его брат Тиберий, была *финансовая проблема*. Для работ аграрной комиссии, для раздач, построек, дорог, закупок и пр. требовались деньги. Государственное же казначейство было пусто, а потому единственным выходом из критического положения было обращение за ссудой к римским финансистам, т. е. всадникам. Отсюда сближение Гракха со всадничеством, оказавшее решающее влияние на весь дальнейший курс его политики и отклонившее его от первоначальной программы.

В обеспечение ссуды всадники получали сбор доходов с провинции *Азии* (lex de provincia Asia), недавно образованной из бывшего Пергамского царства, одного из самых богатых эллинистических царств. В Азии товарищества всадников получали на откуп сбор десятины со всех продуктов (decima), арендной платы за выпас на общественном поле (scriptura), сбор таможенных пошлин (portoria) и другие крупные статьи государственного дохода. Аукционы же, на которых производилась сдача откупов, происходили в самом Риме, что исключало конкуренцию местных финансистов и обеспечивало монополию римского всадничества.

Следующим законом, проведенным уже всецело в интересах всадничества, был *судебный закон* (lex iudiciaria). Воспользовавшись в качестве предлога обвинением нескольких сенаторов-судей во взяточничестве, Гай в 122 г. внес в комиции новый *судебный законопроект*, распределявший места в «постоянных комициях» поровну между нобилями и всадниками, по 300 человек на каждую сторону. Но это было только началом. Вскоре сенаторы были совершенно исключены из состава присяжных, и суд целиком перешел в руки всадничества. Передача судов всадникам наносила тяжелый удар сенату и нобилитету.

---

[1] *Cic.*, De lege agr., II, 10.
[2] *App.*, Bell. civ., I, 21.

Говорят, Гай немедленно после того, как закон был принят, выразился так: «Я одним ударом уничтожил сенат». Эти слова Гракха еще ярче оправдались позднее, когда его реформа стала осуществляться на практике. «Ибо предоставление всадникам судейских полномочий над римлянами, всеми италийцами и самими сенаторами, полномочие карать их любыми мерами воздействия, денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием — все это вознесло всадников как магистратов над сенатом, а членов последнего сравняло со всадниками или даже поставило их в подчиненное положение»[1].

Римские публиканы, взявшие на откуп доходы Азии, сумели во всей полноте использовать, разумеется, в ущерб плательщикам предоставленные им привилегии. «Азиатские публиканы, — замечает по этому поводу Диодор, — были компанионами римских судей и делали то, что хотели, наполняя провинцию произволом и преступлениями»[2].

Обладание провинциями, в чем больше всего было заинтересовано всадничество, предполагало военную и государственную мощь Рима. А то и другое зависело от внутренней крепости Италии, от состояния ее хозяйства и достаточного числа имущественно обеспеченных граждан, составлявших римское ополчение.

На военно-экономическое возрождение Италии прежде всего и была направлена социальная политика Гракхов. Достичь этого они надеялись: 1) повышением производительных сил Италии, 2) широкой колониальной политикой и 3) включением в состав римского гражданства италиков, в первую очередь латинов, своих соседей, родственных по языку, культуре и теснее всего связанных со всей римской политикой.

Для оживления экономической жизни Италии Гай Гракх предпринял грандиозный план строительства дорог, мостов, гаваней, хлебных амбаров (Sempronia horrea) и других подобных сооружений государственного масштаба.

Первостепенное место в экономической политике Гая Гракха занимала *колониальная политика*. По словам Веллея Патеркула, Гай Гракх намеревался всю Италию покрыть колониями. Выводом колоний Гай имел в виду разрешить не только основной вопрос программы демократической партии — увеличение числа средних и мелких землевладельцев, но также поднять развитие производительных сил римского государства. Колонии основывались в торговых пунктах и на перекрестках дорог и морских путях. Они должны были заинтересовать в первую очередь состоятельные элементы — торговцев, предпринимателей и финансистов, — оживить экономику, увеличить число

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 22.
[2] *Diod.*, XXXVII, 5.

поступавших в казну пошлин (nova constituebat portoria) и одновременно с этим естественным путем оттянуть от центра избыток населения, начинавшего уже тяготить государственную казну.

Колонии предполагалось основать в Италии и в провинциях. Из италийских колоний, намеченных Гракхом, известны три колонии: 1) на месте греческого города Тарента (Colonia Neptunia); 2) на месте древнего Скиллация (Colonia Minervia); 3) третья на месте г. Капуи, разоренной в ганнибалову войну. Из провинциальных колоний самой значительной была Colonia Iunonia (на месте Карфагена), долженствовавшая стать крупнейшим *эмпориумом* (портом) западной части Средиземноморья.

«Народ удивлялся, видя его окруженным толпой подрядчиков, архитекторов, послов, магистратов, солдат и ученых. Со всеми он обращался ласково, сохраняя серьезность, и в своей любезности вел себя с каждым так, как это было необходимо. Он умел таким образом угождать народу скорее своим обхождением с ним или своими поступками, нежели речами на трибуне»[1].

В его руках сходились все нити управления, он был главой возобновленной аграрной комиссии, председательствовал на аукционах, стоял во главе продовольственного (curator annonae) и дорожного (curator viarum) дела.

Он же руководил и делами *внешней политики*. В качестве третейского судьи Гай Гракх вмешался в спор восточных царей: вифинского царя Никомеда и понтийского Митридата, отца знаменитого Митридата Великого.

Широкая италийская и внеиталийская колонизация вызвала настоящую панику в среде оптиматов-посессоров, после закона Тиберия Гракха об установлении земельного максимума набросившихся на провинциальный земельный фонд. Колониальная политика Гракха грозила сократить оккупации не только в Италии, но и в провинциях, притом в наиболее богатых, славившихся своим плодородием и пастбищами, каковой, например, была африканская провинция. Веллей Патеркул колонизационый закон младшего Гракха называет самым страшным и губительным (perniciosum); губительным, конечно, с точки зрения крупных посессоров. «Из всех законов Гая Гракха самым пагубным (perniciosissimum) я считаю закон о выводе колоний за пределы Италии (extra Italiam colonias posuit). Политика наших предков была более разумна. ...Они охотно избегали вызывать римских граждан в Италию из провинций по делам, связанным с цензом» (Id maiores diligenter vitaverant, ut cives Romanos ad censendum ex provinciis in Italiam revocaverint)[2].

---

[1] *Plut.*, T. Gracchus, VI.
[2] *Vell. Pat.*, II, 15.

Не меньшую оппозицию встретил и *закон о союзниках* (lex de civitate sociis danda), проведенный Гаем во время своего трибуната (dabat civitatem omnibus Italicis)[1].

Как и при Тиберии, закон о союзниках встретил оппозицию как в сенате, так и в комициях, не желавших поступиться хотя бы частью своих прав.

«Латины займут наши места в народном собрании, в играх, праздниках и раздачах», — выразил настроение оппозиции один из непримиримых противников союзнического закона, консул Фанний.

На почве общего недовольства объединились все разряды римского гражданства — нобили, всадники, городской и сельский плебс, — заинтересованные в сохранении политической монополии города Рима. Во главе оппозиции стал народный трибун *Марк Ливий Друз* (Старший), принадлежавший к одной из влиятельных сенаторских фамилий Друзов (Drusi). Против проекта реформ Гракхов Друз выдвинул контрпроект от имени сената.

Вместо проектируемых Гракхом трех колоний Друз предлагал основать в Италии 12 колоний по 3 тысячи земельных участков каждая. Колоний Друза было больше, они основывались в интересах мелких землевладельцев и были свободны от налога.

Своей политикой Ливий Друз рассчитывал достичь сразу нескольких целей: 1) отвлечь общественное внимание от Гая Гракха, 2) передать законодательную инициативу из рук популярного народного трибуна в руки сената и 3) дать возможность землевладельцам-оптиматам, нуждавшимся в деньгах, продать по сходной цене их малодоходные земли.

Выступление Друза сыграло решающую роль во всей дальнейшей истории Гая Гракха. Ободренные выступлением Друза, оптиматы стали действовать смелее, обвиняли Гракха в демагогии и стремлении к тирании и под различными предлогами удаляли из Рима его сторонников — латинов и других италиков. Враги Гракха могли действовать тем более свободно и уверенно, что сам Гай Гракх в это время в течение 2½ месяцев не был в Риме, занятый в качестве триумвира аграрной комиссии основанием колонии в Карфагене. Пользуясь отсутствием популярного трибуна, оптиматы мобилизовали свою клиентелу, объединив вокруг себя все недовольные политикой Гракха элементы.

Цель была достигнута, положение Гая к концу 122 г. пошатнулось настолько, что на следующий, 121-й, год он даже не был избран народным трибуном, и в том же, 121-м, году консул Опимий внес предложение об отмене закона Гракха о колониях, воспользовавшись в качестве предлога слухами о неблагоприятных предзнаменованиях, полученных на месте предполагаемой колонии в Карфагене.

[1] Ibid., II, 6.

Предложение Опимия должно было пойти на утверждение комиций. Настроение в городе было возбужденное, обе стороны лихорадочно готовились к предстоящему собранию. Опимий отдал приказ всадникам, действовавшим теперь солидарно с оптиматами, вооружить рабов и вооруженными явиться на Капитолий, где должно было происходить голосование. До голосования дело, собственно, и не дошло: между собравшимися популярами и оптиматами произошло столкновение, окончившееся смертью некоего Антиллия, ликтора консула. Протискиваясь через толпу к жертвеннику, Антиллий оскорбил популяров своим возгласом: «Расступись, чернь, дай дорогу порядочным людям!», и был убит раздраженной толпой.

Опимий, воспользовавшись убийством Антиллия, созвал экстренное заседание сената, на котором в самых мрачных красках обрисовал создавшееся положение и требовал решительных мер против популяров. Заслушав доклад Опимия, сенат стал на точку зрения консула и объявил город на военном положении, предоставив консулу чрезвычайные полномочия: «Да видит консул, чтобы государство не получило какого-либо ущерба» (videat consul, ne quid Res publica detrimenti capiat) [1].

В силу предоставленных ему чрезвычайных полномочий Опимий с вооруженным отрядом, составленным из всадников и критских стрелков, осадил Авентин, где укрепились сторонники Гракха во главе с Фульвием Флакком. В последний момент Флакк обратился за помощью к рабам с призывом к восстанию и свободе[2]. Голос его, однако, не был услышан, было уже слишком поздно. Между оптиматами и популярами произошла ожесточенная схватка, окончившаяся поражением приверженцев Гракха, занимавших соседние холмы, крыши домов и храмы (templis locisque editoribus occupatis) [3].

На улицах Рима разыгрались кровавые сцены: толпа громила дома популяров, происходили массовые аресты, тюрьмы наполнились заключенными, приговоренными к смертной казни. В общей сложности в сражении погибло более 3 тысяч человек, трупы которых были брошены в Тибр.

Самому Гракху удалось спастись и бежать за Тибр, в «рощу Фурий», где он был настигнут преследовавшими его врагами и ввиду безвыходности положения приказал сопровождавшему его рабу лишить его жизни.

За головы Гая Гракха и Фульвия Флакка была объявлена Опимием премия. Труп Гая нашел некий Септимулей, отрезал голову, вынул из нее мозг, а освобожденное пространство заполнил для большего веса свинцом. Голова Гая была взвешена, и

[1] *Sall.*, Cat., 29; *Cic.*, p. Mil., 26; *Cal.*, I, 1; *Diod.*, XXXIV, 28.
[2] *Oros.*, V, 12.
[3] *Caes.*, Bell. civ., I, 7.

Септимулей получил обещанную награду — количество золота, равное весу головы Гая.

Вождь и герой оптиматов, Опимий отпраздновал победу и очищение города торжественной закладкой храма богини Согласия (Concordia).

Таков был финал первого акта великой социальной драмы, известной в истории под именем *гражданской войны конца Республики*.

Среди римского народа имя Гракхов всегда произносилось с величайшим почтением и уважением как имя первых революционеров, борцов за народные права и за землю («Gracchi... turbatores plebis»[1]; in ea seditione, qua Gracchus occisus est)[2].

«Римский народ доказал, как он горячо любил Гракхов, тем, что на видном месте поставил им статуи, а те места, где они были убиты, объявлены были священными и почитались приношениями плодов всех времен года. Многие даже приносили им ежедневные жертвы и ходили на то место, как бы в храм»[3].

В исторической литературе значение реформ братьев Гракхов оценивается различно. Одни историки слишком снижают их значение, другие, наоборот, преувеличивают. Трудность объективно правильной оценки реформаторской деятельности Гракхов заключается в многообразии этих реформ.

Своими реформами Гракхи развязали внутренние силы римского общества, усилили романизацию Италии и подготовили почву для включения в состав римского гражданства италиков. Разделом общинных земель, выводом колоний, постройкой дорог и улучшением государственного аппарата Италии они открыли широкое поле для развития торгового капитала, денежного хозяйства и частной собственности на рабовладельческой основе и тем самым ускорили превращение Рима в Средиземноморскую империю.

Наибольшие выгоды политика Гракхов дала *всадничеству* (ordo equester), богатым плебеям и той части нобилей, которые сумели в экономической области усвоить методы всадников, приспособившись к новому социально-экономическому строю. Интересами названных групп в основном определялась последующая внешняя и внутренняя политика Рима. В их интересах и под их давлением перестраивался государственный аппарат, исчезали догосударственные учреждения, утрачивали свое значение одногодичные коллегиальные магистратуры, а руководящая роль во внешней и внутренней политике от сената переходила к комициям, возглавляемым народными трибунами.

Что же касается прямой цели реформ воссоздания мелкой собственности, то в этом отношении Гракхи достигли только ча-

---

[1] *Tacit.*, Ann., III, 27.
[2] *Dig.*, XXIV, 3, 66.
[3] *Plut.*, G. Gracchus, XVIII.

стичных успехов, но все же достигли. Причина этого заключалась в неустойчивости крестьянского землевладения, в его неспособности конкурировать с плантационным хозяйством, применявшим рабский труд и связанным с рынком.

Неустойчивость мелкого хозяйства сознавали и сами Гракхи, запретившие отчуждение полученных при разделе участков. Но так как это запрещение шло вразрез с общеэкономической тенденцией, то оно вскоре после смерти Гракхов было отменено, и развитие аграрных отношений было предоставлено естественному течению. Многие из гракханских посессоров разорились, другие же превратились в плантаторов.

Следует, однако, отметить, что абсолютного вытеснения среднего и мелкого хозяйства никогда не было ни при Гракхах, ни после них. Прочнее всего крестьянское землевладение держалось в северной и восточной части Италии, сохранившей больше черт материального хозяйства и менее затронутой рабовладением.

Борьба между крупным и мелким землевладением проходит красной нитью через всю историю Рима, выливаясь, в зависимости от конкретных обстоятельств, в самые разнообразные формы.

Прочнее всего мелкое землевладение держалось в горных частях Италии (Самний) и Северной Италии, а раньше всего исчезло в Лации, Этрурии, Южной Италии и Сицилии, классических странах рабовладельческих хозяйств и восстаний рабов. С появлением магнатства италийское крестьянство попадало в клиентскую от них зависимость, частично сохраняя свою собственность, частично же становясь арендаторами их поместий.

Рост крупного землевладения, ослабленный реформами Гракхов, усилился в годы реакции, последовавшей после смерти Гракхов. Аграрные законы, изданные непосредственно после Гракхов (lex Boria, lex Thoria и др.), имели целью по возможности сохранить земельные владения догракховского времени (vetus possessio), ускорить превращение оккупированных земель как в Италии, так и в провинциях в полную частную собственность (dominium ex iure Quiritium) и прекратить дальнейшие земельные переделы.

В длинной цепи аграрных законов послегракховского периода на первом месте *стоит закон 111 года* (lex agraria), иногда приписываемый народному трибуну Спурию Торию. Закон 111 года сводил в одно целое все законы предшествующих лет, касавшиеся земельных отношений в Италии и провинциях[1].

По своим размерам закон 111 года очень велик, написан архаическим языком, длинными периодами, с бесконечным по-

---

[1] Текст этого обширного и в высшей степени ценного исторического памятника, вырезанного на бронзовой доске, восстановлен и комментирован Моммзеном и Рудорфом (*Rudorff*, Zeitschrift für geschicht., Rechtwissensch., X, 46).

вторением одних и тех же слов и выражений, затрудняющим понимание его смысла.

Однако, несмотря на все несовершенство словесной формулировки, основная идея разбираемого закона выступает с полной очевидностью. Центральная мысль закона о переходе заарендованной общественной земли в личную собственность в различной комбинации повторяется в каждом параграфе. Законодатель все время напоминает, что временный держатель земли отныне превращается в полного собственника, могущего владеть, пользоваться и наслаждаться своей собственностью по своему желанию (habere, frui, possidere, defendere).

«Общественное поле (ager poplicus populi Romani) в Италии и провинциях, за выключением того, что, согласно плебисциту (ex lege plebeive scito) Гракха, сына Гая Семпрония Тиберия, народного трибуна, отныне не подлежит разделу... все, что из этого поля каждый прежний владелец (vetus possessor) взял и оставил за собой, все это при условии, если оно не превышает установленной нормы, становится частной собственностью посессора» (is ager privatus esto)[1]. Все, что превышало нормы земельных владений и количества скота, выпускаемого на общественный выгон, установленный семпрониевым плебисцитом (quod non modus maior siet,quam quantum unum hominem ex lege plebeive scito sibei sumere relinquere licuit) [2], отбиралось в казну (si quis faxit quotiens faxsit, in agri iugera)[3]. Конечно, вопрос иной, до какой степени установленный законом максимум соблюдался на практике.

Кроме общественных земель, оккупированных до введения семпрониева закона, в полное владение посессоров поступали также земли, приобретенные уже после издания семпрониева закона, находившиеся в культурном состоянии, размером не более 30 югеров.

«Если кто-либо владеет общественной землей и обрабатывает ее (agricolendi causa), то он и впредь будет ее иметь и владеть на правах частной собственности» (possidebit habebitque is ager privatus esto)[4]. Из признания частной собственности на владение логически вытекало право их свободного отчуждения, продажи, залога и передачи по завещанию, словом, право неограниченной частной собственности.

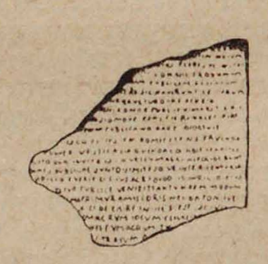
Историческое значение аграрного закона 111 года чрезвычайно велико. В силу этого закона большая часть италийских и провинциальных земель втягивалась в оборот, становясь наряду с другими товарами объектом купли-продажи и попадая в руки богатых и предприимчивых хозяев. Для большинства

---

[1] «Lex agraria 111», *Bruns*. Fontes iuris Romani, изд. 7-е, стр. 73—89.
[2] Ibid., 2.
[3] Ibid., 25.
[4] Ibid., 13.

же маломощных земледельцев закон 111 года был разорителен, поскольку он ускорял процесс перехода от старых форм землевладения и землепользования к новым, от общинного владения к праву частной собственности (is ager locus domneis privatus ita, utei quoi optuma lege privatus est, esto)[1]. Аналогичные нормы владений установились также и для провинций. К сожалению, большая часть законов 111 года, относящаяся к провинциям, утрачена. Остались лишь небольшие отрывки параграфов, касающиеся африканского и коринфского ager publicus.

Не выдерживая конкуренции и нуждаясь в деньгах, многие гракханские посессоры продавали свои земли и опускались. Вместе с тем сокращался и ager publicus, из которого производились наделы и пополнялась государственная казна в виде взимаемой за пользование арендной платы. После Гракхов наделения землей пролетариев и ветеранов производились большей частью за счет частных владельцев, земли которых приобретались государством путем покупки или же конфисковались [2].

[1] «Lex agraria 111», *Bruns*, Fontes iuris Romani, изд. 7-е, стр. 27.

[2] Много ценных замечаний по вопросу о сущности и значении реформ Гракхов и критический анализ источников имеется в работе *Fraccaro*, Studi sull' età dei Gracchi, 1914; в Untersuchungen zur römischen Geschichte (1894) *Эд. Мейера*. На русском языке вопросу анализа источников по Гракхам и оценке гракханского движения посвящены работы *С. И. Протасовой* и *Д. П. Кончаловского*, помещенные в сборнике «Из близкого и далекого прошлого», посвященном проф. Карееву (1923 г.).

Глава VIII

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В КОНЦЕ II и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I в.

1. ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА

Политическая борьба, развернувшаяся вокруг социально-экономической программы Гракхов, отвлекла внимание римлян от внешней политики. Внешняя политика Рима конца II в. поражает своей слабостью и незначительностью. Войны велись в пограничных областях — в Африке, Испании и на окраинах других провинций, велись в высшей степени слабо и неумело. Отправляемые на театр военных действий армии были малочисленны, состояли из случайных, наскоро завербованных новобранцев и были совершенно деморализованы. В армию забирали всех, кого только можно было завербовать.

Завербованные легионеры, ни с какой стороны не заинтересованные в войне, сражались неохотно, дезертировали, переходили на сторону врага, занимались мародерством, крали, продавали казенные вещи, проводили время на базарах и в тавернах.

Еще хуже был командный состав. Легаты, трибуны и центурионы занимались спекуляцией, брали взятки, вступали в соглашение с врагами, проводили время в кутежах, играх и увеселениях, окружая себя целым штатом слуг, рабов и лагерных женщин. В техническом отношении римская армия также не стояла на должной высоте. Гражданское ополчение, чем, собственно, и была старая римская армия, уже не соответствовало новым требованиям военной техники, тактики и команды.

Период от Гракхов до Мария (120—105 гг.) представляет самую позорную страницу римской военной истории и дипломатии. Такова была действительность. Между тем интересы римского

торгово-ростовщического капитала и рабовладения требовали ведения энергичной внешней политики, поддерживаемой всадничеством и богатыми плебеями.

На почве внешней политики главным образом и разгорелась политическая борьба в Риме конца II и начала I в. до н. э. Исходным пунктом острых политических конфликтов между оптиматами, всадниками и популярами послужила война с союзником Рима африканским царем Югуртой.

История *югуртинской войны* (111—105 гг.) в немногих словах такова. В 113 г. умер нумидийский царь Миципса, сын Масиниссы, завещавший свое царство двум своим сыновьям — Адгербалу и Гиемпсалу — и племяннику Югурте. Тотчас же после смерти Миципсы между его наследниками началась вражда. Считая себя обиженным, Югурта коварным образом убил Гиемпсала и начал войну с Адгербалом, обратившимся за помощью в Рим. Югурта, не жалея золота на подкуп влиятельных лиц и судей, в свою очередь искал поддержки в Риме. Специальная комиссия из 10 сенаторов, во главе с Опимием, отправилась в Африку для расследования дела на месте. Но подкупленная комиссия решила дело в интересах Югурты, предоставив ему плодородную западную часть Нумидии, восточную же, слабо населенную, с главным городом Циртой, оставила за Адгербалом. Честолюбивый Югурта не удовлетворился этим решением и начал осаду Цирты. Тогда из Рима была отправлена новая комиссия во главе с первопредседательствующим сената Марком Эмилием Скавром, которая, подобно прежней комиссии, не достигла никаких результатов.

Между тем Югурта захватил Цирту, взял в плен проживавших там римлян, захватил Адгербала и приказал распять его на кресте, объявив себя царем всей Нумидии и освободителем страны от римского засилия. Во время осады города и последовавшего за его взятием погрома погибла масса людей, среди которых было много римских купцов и ремесленников. Это послужило поводом к военным действиям со стороны Рима против неугомонного африканского царя.

Военные силы Югурты были ничтожны, и консул Луций Кальпурний Бестия успешно повел наступление. Но, несмотря на это, Югурте удалось благодаря подкупу заключить выгодный для него мир и полностью сохранить свое царство. Однако скандальная история с нумидийским царем после учиненного им в Цирте погрома римских купцов начинала всерьез беспокоить всаднические круги. Вскоре после заключения мира (111 г.) народный трибун Гай Меммий, опираясь на поддержку всадничества, настоял на вызове Югурты в Рим и на предании его суду за убийство римских граждан. Но и на этот раз Югурта сумел обойти римских судей, подкупив коллегу Меммия — другого народного трибуна, Бебия,

наложившего трибунское veto на вопросы и предложения обвинителя.

И только уже после того как узнали, что во время самого судебного процесса Югурта совершил новое преступление, подослав убийц к Массиве, внуку Миципсы, проживавшему в Риме и претендовавшему на нумидийский престол, последовал декрет сената об изгнании Югурты из Рима. Возмущенный Югурта, покидая Рим, иронически воскликнул: «О, продажный город, ты перестанешь существовать, коль скоро найдется подходящий покупатель!» (O, urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit!)[1].

По возвращении в Нумидию Югурта провозгласил независимость всей Африки, объявил себя национальным вождем и начал войну с Римом. В Африку был послан консул Спурий Альбин, передавший вскоре командование своему брату Авлу Постумию.

Постумий потерпел поражение и вынужден был согласиться на позорный для Рима мир (109 г.). После поражения Постумия положение вещей в Африке с каждым днем становилось все серьезнее. Дело грозило окончиться потерей всех североафриканских владений, что повлекло бы за собой разорение многих всаднических и сенатских фамилий и прекращение подвоза африканского хлеба.

Общественное мнение требовало энергичного ведения войны. Тогда сенат в 109 г. отправил в Африку консула *Квинта Цецилия Метелла*, влиятельного и способного оптимата. С его прибытием положение дел в Африке изменилось. Метелл сумел реорганизовать остатки римской армии, очистив ее от разложившихся элементов, и произвел технические улучшения. Избегая жестких мероприятий, Метелл поднял дух и оздоровил армию, запретил в лагерях торговую спекуляцию, сократил количество слуг, сопровождавших войско, уменьшил число рабов и изгнал из лагерей женщин. Дисциплина восстановилась, лагерь принял надлежащий вид, появились рвы, укрепления и караулы, а наряду с этим прекратились спекуляция солдатскими вещами и мародерство. Вместе с тем Метелл искусно пользовался методами самого Югурты — подкупом, хитростью, обманом и т. п. В кровопролитной битве при *Мутуле* Югурта потерпел поражение и в спешном порядке начал отступать.

Римская армия, преследуя бежавшего нумидийского царя, охватила Нумидию двумя колоннами, загнав Югурту в глухие области, откуда он мог совершать только разбойничьи набеги и вести партизанскую войну. Слава Югурты померкла. Югурта соглашался уплатить Риму 200 тыс. фунтов серебра, выдать всех слонов, оружие и коней, но мир не был заключен, так как римляне

---

[1] *Cic.*, De off., II, 21; *Liv.*, Epit., LXIV.

требовали выдачи самого Югурты. В Риме неожиданная победа над непобедимым до тех пор нумидийским царем произвела сильное впечатление и подняла престиж сената и Метелла. Последний получил триумф и прозвище «Нумидийский».

Успехи в Африке не изменили общей политики сената. Отношения между оптиматами и всадниками ухудшались. Всадники возмущались слабой внешней политикой сената, а сенаторы страдали от всаднических судов, связывавших руки провинциальных преторов и легатов. В 106 г. консул *Гней Сервилий Цепион*, близкий к всадническим кругам, предложил судебную реформу (lex iudiciaria), по которой судьи распределялись поровну между сенаторами и всадниками. Предложение вызвало резкий протест со стороны всадников, и Цепион, обвиненный в ограблении одного храма в Испании и во взяточничестве, вынужден был уйти в ссылку. Не оставались в долгу и сенаторы. Ненависть сенаторов к всадникам выразил оратор-оптимат Лициний Красс, заявив, что «в конце концов мы должны же освободиться от этих диких животных, которые питаются нашей кровью».

Политическая атмосфера становилась напряженной.

2. ГАЙ МАРИЙ

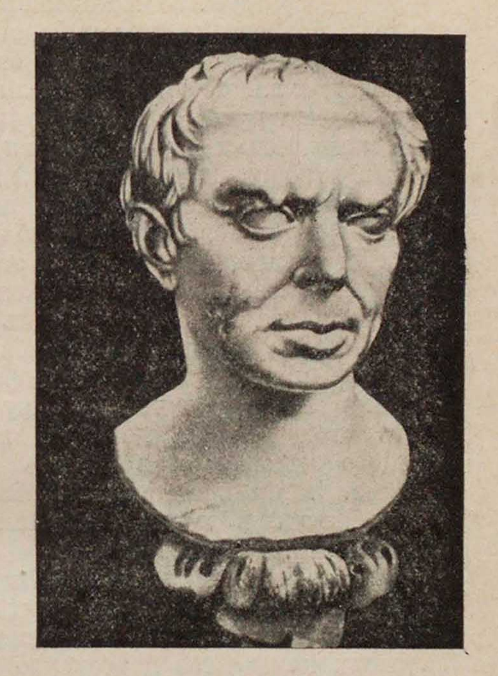
Генеральное столкновение между оптиматами и всадниками произошло на консульских выборах 107 г. Оптиматы поддерживали Метелла, всадники же и популяры, к тому времени уже успевшие оправиться от разгрома 20-х годов, голосовали за *Гая Мария* (Gaius Marius), легата Метелла, уже тогда достаточно популярного.

Гай Марий родился в 157 г. в деревне Цереатах, близ города Арпина, в состоятельной, но простой италийской семье; молодость прожил в деревне, отличался крепким здоровьем и не получил законченного образования. Практицизм, соединенный с деревенской простотой и грубостью, составлял отличительную черту характера Гая Мария. «Деревенский человек, но цельный человек» (rusticanus vir, sed plane vir),—так характеризует Мария Цицерон[1].

Демократическое происхождение Гая Мария подтверждается почти всеми главными нашими источниками — Плутархом, Саллюстием, Тацитом и др. Тацит совершенно определенно указывает, что Марий происходил из низшего слоя (infama plebs)[2]; по Саллюстию, Марий имел все качества, кроме «древности его рода» (praeter vetustatem familiae), Плиний называет Мария арпинским землевладельцем (arator Ar-

[1] *Cic.*, Tuscul. disput., II, 53.
[2] *Tacit*, Hist, II, 38.

pinas)[1] и т. д. В качестве сельскохозяйственного поденщика-батрака Марий фигурирует в сатирах Ювенала[2]. Сам Марий не только не скрывал своего простого происхождения, но им гордился, подчеркивая, что он своим возвышением обязан исключительно своему таланту и счастью. «От моего отца и честных мужей я усвоил, что роскошный образ жизни свойственен женщинам, а мужчинам приличествует труд... Украшением является оружие, а не дорогая обстановка» (arma, non supellectilem decori esse)[3]. Политическая деятельность Мария была направлена, как увидим, на защиту интересов демократии римлян и италиков и на борьбу с оптиматами.

Гай Марий (?)

Своим возвышением Марий обязан своему несомненному военному таланту и поддержке Метелла, клиентом которого состояли он и его отец. Впервые военные таланты Мария — храбрость, внутренняя дисциплинированность, физическая сила и упорство — обнаружились в испанской войне под Нуманцией, где он сражался в качестве простого солдата, и вполне развернулись в африканской войне с Югуртой. Среди солдат Марий пользовался исключительным авторитетом как «новый человек», близкий им по складу и образу жизни.

«Ничего не может быть приятнее для римского солдата, как видеть полководца, который ест в присутствии всех простой хлеб, спит на бедной постели и работает вместе с другими при ры-

---

[1] *Plin.*, Nat. hist., XXXIII, 150.
[2] *Juven.*, VIII, 245—252.
[3] *Sallust.*, Bell. Jug., 85, 40.

тье рва или устройстве частокола вокруг лагеря. Солдаты не так уважают полководца, который дает им награды и деньги, как того, кто разделяет их труды и опасности, любят больше того, кто работает вместе с ними, нежели того, который позволяет себе сидеть сложа руки»[1].

Политическая карьера Мария началась с 119 г., когда он был избран народным трибуном и в качестве народного трибуна провел закон об ограничении подкупов на выборах (lex de suffragiis) и установил норму хлебных пайков, отпускаемых государством столичному плебсу. На этом политическая карьера Гая Мария, казалось, должна была окончиться. Как человек простого происхождения он не мог занимать высших общественных должностей. Но Мария спасла женитьба на аристократке Юлии, тетке Юлия Цезаря, будущего диктатора. После женитьбы на Юлии Марий в 114 г. получил претуру в Испании, где он мог проявить свои военные доблести, приобрести славу честного и твердого человека и в то же самое время поправить состояние. Затем последовала война с Югуртой, и, наконец, в 108 г. Марий в первый раз выставил свою кандидатуру на консульство.

Общественная ситуация в Риме тогда напоминала времена Гракхов. Соревновались два кандидата: Метелл и его непокорный легат Гай Марий. Враждующие партии крепко держались за своих кандидатов и всемерно их поддерживали. Оптиматы поддерживали Метелла, всадники же, сельский и городской плебс единым фронтом выступали за Мария.

«Вообще при оценке того и другого кандидата партийные расчеты имели более решающее значение, чем достоинства и недостатки каждого из них. А разжигавшие страсти, стремившиеся к смуте магистраты подстрекали народ, возводя на сходках тяжелые обвинения против Метелла и преувеличивая доблесть Мария. В конце концов плебс был так возбужден, что ремесленники и крестьяне, все достояние и кредит которых заключались в произведениях собственных рук, побросав работу, сплотились вокруг Мария, считая его возвышение важнее своих насущных потребностей. По этой причине знать потерпела поражение, и впервые после многих лет консульство было предоставлено «новому человеку»[2].

После избрания (107 г.) Марий немедленно отправился в Африку для окончания войны с Югуртой. Одержав несколько блестящих побед, Марий к концу 106 г. закончил африканскую кампанию; Югурта был захвачен в плен.

---

[1] *Plut.*, Marius, VII.

[2] *Sallust.*, De bell. Iugurth., 73.

Одной из главных причин побед Мария была проведенная им в 107 г. военная реформа. Ее сущность заключалась в следующем. Отныне в армию был открыт доступ всем желающим, в том числе и неимущей части населения, городским и сельским пролетариям (capite censi) и даже рабам. Содержание этой, по существу уже наемнической армии брало на себя государство. От государства и полководца солдаты получали оружие и экипировку, а по отбытии определенного, 16-летнего, срока службы следовали отпуск и награждение землей.

«Марий консул записывал, вопреки существующим законам и обычаям, в число солдат массу бедных граждан и рабов. Прежние полководцы никогда не принимали их в войска. Они давали оружие как своего рода отличие только тем, кто мог носить его с честью»[1].

Реформа Мария вызывалась малочисленностью прежнего гражданского ополчения и его техническим и тактическим несовершенством. Число граждан, увеличившееся непосредственно после реформы Гракхов, в последующие годы вновь снизилось. Много италиков эмигрировало в провинции, часть уходила в города, разорялась и вымирала. В 104 г. трибун Марций Филипп заявил, что в Риме число граждан, имеющих какую-либо собственность, не превышает 2 тыс. семей, и это по крайней мере при 450 тыс. общего населения города. Переход от гражданского ополчения к регулярной армии, находящейся на содержании государства или полководца, начался еще задолго до Мария. Уже во время второй пунической войны стали очевидны слабые стороны гражданского ополчения и появилась регулярная армия, пополняемая из низших слоев гражданства, а в крайнем случае и из рабов. Марий завершил то, что уже было подготовлено и оправдано историей предшествующих десятилетий.

При Марии устанавливаются совершенно иные отношения между командиром и его солдатами. Солдаты и их полководец представляли единое и самостоятельное целое — войско, имевшее свои собственные интересы и задачи. Солдаты смотрели на полководца как на своего патрона, от которого они получали награды — вина, оружие, одежду и земельные наделы.

«Подумайте только, квириты, — говорил Марий на одной солдатской сходке, — что вы выиграли бы, если бы вместо меня избрали кого-либо из этого почтенного сословия, имеющего длинный ряд портретов, украшающих их стены, но совершенно неопытного в военном деле... Сравните меня с ними. То, что они знают из книг или по слуху, всего этого я был свидетелем и действующим лицом. Что́ они хотят отыскать в книгах, я все это приобрел на практике. Я думаю, что все люди от природы равны,

---

[1] *Plut.*, Marius, IX.

благороден тот, кто наиболее достоин. Меня не страшит, что они обвиняют меня в невежестве. Действительно, я не обладаю искусством устраивать пиршества, не держу у себя актеров и дорогостоящих поваров, я человек деревенский и простой...». «Что же касается специально вас, солдат, — говорил Марий в заключение своей речи, — то помните, что вас я никогда не оставлю. Среди опасностей всегда буду вместе с вами и буду делить ваши труды. У меня с вами будет все общее...»[1].

«Именно это обстоятельство и возбудило главным образом ненависть к Марию. Его дерзкие слова, соединенные с гордостью и презрением, оскорбляли аристократию»[2].

3. ВОЙНА С КИМВРАМИ И ТЕВТОНАМИ

Положительные результаты реформы Мария, обнаружившиеся уже в югуртинской войне, со всей силой проявились в войне с *кимврами* и *тевтонами*, впервые выступавшими на римской почве. Что это были за народности, откуда они пришли, римляне не могли ответить.

«Вследствие необщительности этих народов с другими и благодаря огромному пространству земель, из которых они двинулись для переселения, нельзя было решить, что́ они за люди и откуда вышли»[3]. По-германски «кимвр» означает разбойник.

Современная наука считает кимвров и тевтонов кельто-германскими племенами, некогда жившими по берегу Северного моря и находившимися уже на относительно высоком социально-экономическом уровне.

В 113 г. коалиция кимвров, тевтонов и тигуринов, подобно черной туче, двинулась к границам Римского государства в Нарбонскую Галлию. Высланные против них три римские армии одна за другой были уничтожены кимврами в окрестностях Аравзиона (Arausio, Оранж). Более 80 тыс. римлян и италиков остались на поле сражения (105 г.). От полного разгрома Галлию и Италию спасло только то, что кимвры взяли путь не на Италию, а на Испанию. В Риме, однако, не сомневались, что нашествие германских племен в скором времени должно повториться.

«Разбив всех, кто пытался им сопротивляться, кимвры захватили огромную добычу и решили нигде не оседать надолго, пока не сравняют Рим с землей и не опустошат Италию»[4].

Перед лицом общей опасности для борьбы с кимврами и тевтонами в 104 г. во второй раз и притом заочно был избран консулом Гай Марий, находившийся тогда в Африке. После этого

---

[1] *Sallust.*, op. cit., 85.
[2] *Plut.*, Marius, IX.
[3] Ibid., XI.
[4] *Plut.*, Marius, XI.

Марий прибыл в Рим и, стараясь поразить граждан, отпраздновал блестящий триумф, во время которого везли 3 тыс. фунтов золота, около 6 тыс. фунтов серебра и 300 тыс. серебряных денариев. Среди других пленников шествовал также и Югурта, соединявший в себе «страшное коварство и неукротимость».

В следующие годы (103—102) избрание было повторено, и Марий в нарушение конституции три года подряд занимал должность консула. Нарушение закона, запрещавшего занимать одну и ту же магистратуру несколько раз подряд и к тому же заочно, оправдывалось важностью момента. И на этот раз Марий блестяще оправдал возлагавшиеся на него надежды. В 102 г. при *Аквах Секстиевых* (Aquae Sextiae) в Южной Галлии (близ Массилии) он разгромил надвигавшихся на Италию тевтонов, захватил в плен их вождя Тевтобода, а на следующий год при *Верцеллах* (Vercellae) в Северной Италии нанес поражение кимврам. Бои отличались чрезвычайным упорством и стоили больших потерь. По преданию, одни только тевтоны потеряли убитыми и пленными около 100 тыс. человек. «Трупов было так много, что массалиоты, в местности которых происходили сражения, сделали из костей павших германцев и кельтов заборы вокруг своих виноградников. Сами же тела разлагаясь служили удобрением для полей, садов и огородов. Удобренные человеческими трупами виноградники после зимних дождей дали неслыханный урожай»[1].

За победу над германскими племенами Марий получил консульство в пятый раз (101 г.).

Победы Мария явились следствием реорганизации войска, перемены в настроении тыла, смены руководства и тактики и технического превосходства римского военного строя. Во время войны с кимврами Марий, между прочим, произвел одно остроумное изменение в устройстве римского метательного копья.

«Говорят, для этого сражения Марий в первый раз сделал перемену в устройстве копий. Часть древка, входившая в наконечник, прикреплялась раньше двумя железными гвоздями. Марий приказал один гвоздь оставить попрежнему, другой же вынуть и заменить деревянным гвоздем, который легко было переломить. Цель его состояла в том, чтобы копье, вонзившееся в неприятельский щит, не стояло на нем прямо, но чтобы железо наклонялось, когда деревянный гвоздь ломался, древко же, крепко державшееся на другом гвозде, тащилось по земле, вследствие того что железо погнулось»[2].

Кроме технических и тактических усовершенствований, в победах Мария не последнюю роль сыграли военная дисциплина и преданность солдат своему вождю, отличавшие войско Ма-

---

[1] *Plut.*, Marius, XXI.
[2] Jbid., XXV.

рия от старого гражданского ополчения. Одним из средств поддержания дисциплины и предохранения армии от разложения Марий считал постоянную работу. Его армия никогда не оставалась без дела. В свободное от походов и военных упражнений время солдаты выполняли какие-нибудь работы — копали рвы, канавы, строили мосты и прокладывали дороги. Сам Марий показывал пример упорства, трудолюбия и простоты. Несмотря на всю суровость дисциплины, он пользовался у своих солдат, прозванных его противниками «марианскими мулами» (muli mariani), неслыханным влиянием. Авторитет Мария как командира никогда не подвергался сомнению. Победа Мария над кельто-германскими племенами не только избавила Италию от опасности быть поглощенной северными народами, но и принесла огромную добычу в виде массы военнопленных — рабов, захваченных римлянами (одних только кимвров было взято в плен более 60 тысяч) и земель, отнятых у врагов.

4. ВТОРОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ В СИЦИЛИИ

Приток свежих партий рабов приходился весьма кстати, так как спрос на рабов продолжал расти, и римские рабовладельцы переживали острый кризис, вызванный новой, второй сицилийской революцией. Со времени первой сицилийской революции брожение рабов в Сицилии не прекращалось. Через 30 приблизительно лет после первого восстания в Сицилии разразилось новое, еще более грозное движение рабов — *вторая сицилийская революция* (104—101 гг.). Поводом ко второму сицилийскому восстанию рабов послужил призыв Мария в войска, за недостатком италиков, провинциалов и граждан союзных с Римом городов и царств. В поисках рекрутов римские вербовщики, между прочим, прибыли к Никомеду III, царю Вифинии. На предложение делегатов Мария разрешить им набор солдат в его царстве, Никомед не без иронии отвечал, что его страна совершенно пуста, так как большая часть его людей уведена римскими публиканами и в настоящее время находится в рабстве в римских провинциях.

Ввиду столь критического положения — невозможности навербовать необходимое число людей — сенат, конечно, не без влияния Мария, постановил, что все граждане союзных царств, находящиеся в настоящее время в рабстве в римских провинциях, должны быть немедленно освобождены. Проведение в жизнь этого решения было возложено на провинциальных преторов. В Сицилии претором тогда был Лициний Нерва, который немедленно и приступил к выполнению сенатского решения. Дело пошло довольно быстро: в течение немногих дней было освобождено 800 человек. Это подняло дух и остальных рабов, находившихся в Сицилии и теперь, при известии о возможности

освобождения, массами устремившихся к претору. Однако действия либерального претора не замедлили вызвать тревогу и опасения среди сицилийских рабовладельцев, влиятельных и богатых людей. Подкупами и угрозами всадники в конце концов заставили претора прекратить судебные дела по расследованию прав рабовладельцев по отпуску рабов.

«Нерва, подкупленный деньгами, желая угодить знати, прекратил разбор всех дел об освобождении, а приходившим к нему, с тем чтобы получить свободу, рабам он с бранью приказывал возвращаться обратно к своим господам»[1].

Прекращение разбирательств и отпусков и послужило поводом второго сицилийского восстания рабов. Собравшиеся в Сиракузах рабы бежали на священную гору Паликов, злых демонов земли, в горной цепи Этны, и там укрепились. Это было место убежища для рабов, теперь же оно превратилось в очаг восстания.

Первыми восстали 30 рабов в области Галикий, принадлежавших двум братьям, богатым рабовладельцам. Во главе рабов стоял Варий. Убив своих господ, восставшие рабы стали призывать к восстанию рабов соседних плантаций, и в первую же ночь к восстанию примкнуло 120 рабов. Заняв укрепленное природой место, восставшие образовали повстанческий лагерь, к которому притекали все новые партии рабов. Претор пытался взять лагерь с боя, но не имел успеха, пока среди осажденных не нашелся изменник по имени Гай Тициний, который перешел на сторону претора и сдал ему крепость. Лагерь был взят. Часть находившихся в нем рабов, не желая сдаваться в плен, лишила себя жизни, бросаясь со скал; сдавшиеся же были казнены или возвращены их господам. На этом закончился первый акт второй сицилийской революции.

За первым актом последовал второй. После того как претор распустил солдат, пришло известие, что восставшие рабы убили всадника Публия Клония и побуждают других рабов к восстанию. Известие было совершенно неожиданным и застало претора врасплох. Замешательство претора ободрило восставших и способствовало быстрому распространению восстания.

Из окрестных местностей к восставшим примыкала масса народа, как рабов, так и свободных, «подготовлявшихся всеми возможными средствами к битве». Число восставших быстро возрастало и вскоре дошло до 6 тыс. человек. Восставшие рабы воспользовались оружием римских солдат, павших в боях или же во время бегства побросавших свое оружие.

«Мятежники, имея в своем распоряжении такую вооруженную силу, еще смелее принялись за дело, и уже все рабы стали носить-

---

[1] *Diod.*, XXXVI.

ся с мыслью о восстании. С каждым днем поднимались новые массы рабов, и число их росло настолько быстро, что в течение немногих дней дошло до 6 тысяч»[1].

Римские же отряды, высылаемые против рабов, были неустойчивы, недисциплинированны и малочисленны.

На общем собрании восставшие рабы приступили к организации правительства. Был избран *совет*, который, в свою очередь, выбрал главного вождя — *царя*, сирийского раба по имени *Сальвий*, пользовавшегося репутацией опытного гадателя по внутренностям животных и хорошего флейтиста, игравшего на религиозно-мистических собраниях. Но Сальвий оказался и неплохим организатором. В короткое время у него составилась внушительная и благодаря частым упражнениям хорошо обученная армия в 20 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалерии. С этой армией Сальвий приступил к осаде города *Моргантины* (Morgantina), одного из рабовладельческих центров Сицилии. Претор поспешил на выручку, но в битве под стенами города, потеряв большую часть войска и оружия, потерпел жестокое поражение.

«Мятежники внезапно бросились на него и благодаря стремительности удара с более высоких позиций без особого труда одержали верх, войска претора обратились в бегство.

Перед сражением царь рабов издал приказ не убивать никого из врагов, кто бросит оружие. Большая часть римлян, узнав об этом, побросала оружие и обратилась в бегство»[2]. Перехитрив таким способом врагов, Сальвий получил обратно свой лагерь и, одержав славную победу, овладел большим количеством оружия разбитого неприятеля.

Осада Моргантины продолжалась. Сальвий объявил свободу находившимся в городе рабам, но господа со своей стороны также обещали им свободу. И тогда рабы, предпочитавшие, по словам Диодора, получить свободу от своих господ, перешли на их сторону и решили исход сражения в пользу рабовладельцев. Вскоре, впрочем, они должны были разочароваться: претор отменил отпуска и вернул освобожденных их господам.

Вследствие постоянного притока новых партий рабов и затем по причине крайней слабости армии противника, восстание все углублялось и расширялось.

В то время как в восточной половине Сицилии действовала армия Сальвия, в западной части Сицилии и области Эгесты и Лилибея действовала другая армия восставших рабов, главой которой был *Афенион*, родом киликиец, пользовавшийся славой пророка, звездочета и предсказателя. У себя на родине, по

---

[1] *Diod.*, XXXVI.
[2] Ibid.

преданию, Афенион занимался разбоем, а в Сицилии он был пастухом.

«Обладая большой опытностью в деле предсказания по звездам, он подбил на восстание сначала около 200 рабов, бывших под его начальством, а затем соседних, так что в течение пяти дней вокруг него собралось более тысячи человек»[1].

По примеру своих предшественников, Афенион провозгласил себя царем и возложил на себя знаки царского достоинства — диадему (корону), пурпуровую мантию и пр.

Желавших примкнуть к Афениону было так много, что он мог выбирать наиболее подходящих людей. В армию принимались только самые крепкие и надежные, остальным же было приказано оставаться при их работах в мастерских или на полях и во всем блюсти строгий порядок. Используя суеверие рабов и будучи сам суеверным, Афенион говорил, будто боги возвестили ему, что необходимо беречь страну и делать запасы, в особенности щадить животных. Предприняв с армией в 10 тысяч человек осаду города Лилибея и потерпев неудачу, он не пал духом, объяснив поражение волей богов.

Взявший к этому времени Моргантину, Сальвий тоже провозгласил себя царем *Трифоном*, т. е. роскошно живущим, и закрепился в природной крепости города Триокале, представлявшей собою неприступную скалу. В Триокале (Triocala) произошла встреча двух царей — Афениона и Трифона, сначала грозившая вылиться в междоусобную войну между двумя армиями рабов. Трифон, подозревая Афениона в коварных замыслах захватить верховную власть, приказал его арестовать и отправить под стражу и после этого объявил себя единодержавным правителем.

Первым делом Трифон занялся укреплением Триокалы, превратив ее в совершенно неприступную крепость, окруженную громадными стенами и расположенную среди плодородной местности, богатой виноградниками, маслинными насаждениями и чистой родниковой водой. На высокой скале царь Трифон построил себе «царское жилище» — дворец. Перед дворцом имелась широкая площадка, на которой царь созывал народное собрание для обсуждения наиболее важных вопросов. Предварительно же все дела проходили через совет, существовавший при царе. В торжественных случаях Сальвий, так же как и Афенион, надевал знаки царского достоинства — диадему, пурпуровую тогу и широкий хитон, выступал в сопровождении ликторов с секирами и вообще пользовался всем, «что составляет отличие и служит украшением царской власти».

Революционная стихия между тем все расширялась, захватывая в бушующий поток как рабов, так и свободных.

---

[1] *Diod.*, XXXVI.

«Не только масса рабов опустошала охваченную мятежом область, но и свободные обратились к грабежу и бесчинствам. Лишенные состояния, они как в силу нужды, так и по бесчинству толпами расходились по стране, угоняли стада, расхищали скопленные в кладовых запасы и убивали попадавшихся им навстречу свободных и рабов, чтобы не было свидетелей их безумия и бесчинства»[1].

Революционная волна начинала захватывать также и города. «Вообще в городах было расстройство и нарушение законных прав, ибо мятежники, господствуя над открытыми местами, делали страну непроходимой. Они мстили своим господам и не могли насытиться неожиданно выпавшим на их долю счастьем. Городские рабы томились и были готовы к восстанию, внушая ужас своим господам»[2].

Образование нового «царства рабов» в Сицилии вызвало сильную тревогу в Риме, находившемся еще под впечатлением кимврско-тевтонской войны. В Сицилию был отправлен претор *Луций Лициний Лукулл* с 17-тысячной армией. Перед лицом общей опасности Трифон и Афенион помирились. Соединенная армия рабов в 40 тыс. человек под предводительством Афениона при *Скирте* вступила в бой с Лукуллом, но потерпела полное поражение. Общее число убитых доходило до 20 тыс. человек. Спасшиеся рабы бежали в Триокалу. Поражение было столь сильным, что многие рабы совершенно растерялись и готовы были вернуться к своим прежним господам, но дело восставших спасла нерешительность и подкупность римского претора.

«Через 9 дней явился претор с намерением осадить Триокалу. То причиняя урон врагу, то сам неся потери, он в конце концов отступил, так как силы его уступали силам мятежников, и последние снова подняли голову. Из всего того, что было необходимо сделать, претор ничего не выполнил либо по собственному бездействию, либо за взятку»[3].

Лукулл вскоре был отозван, а в Сицилию на его место послан новый претор, Гай Сервилий, не совершивший, по остроумному выражению Диодора, «ничего достойного удивления». Обиженный отзывом в Рим, Лукулл постарался сделать все, чтобы затруднить деятельность своего преемника: распустил войско, уничтожил обоз, сжег укрепления и т. д. — словом, сделал все, чтобы его преемник не довел войны до конца.

При таких условиях в Риме происходили выборы консулов на 101 год. Выбранными оказались испытанные люди, надежные защитники интересов рабовладельческого Рима — Гай Марий

---

[1] *Diod.*, XXXVI.
[2] Ibid.
[3] Ibid., XXXVI, 9.

(в пятый раз) и его друг М. Аквилий (M. Aquilius). Последний немедленно отправился в Сицилию для подавления восстания, повел войну с большими силами и энергией и одержал победу. Главная армия рабов под предводительством Афениона была разбита, сам Афенион убит, часть рабов пала в бою, другие разбежались или сдались в плен. Восстание было подавлено.

«Столь трагический конец имела невольническая война в Сицилии, продолжавшаяся около четырех лет»[1], заканчивает свой рассказ Диодор.

5. СОЮЗ МАРИЯ С ПОПУЛЯРАМИ. ЗАКОНОПРОЕКТ САТУРНИНА

Война и революция рабов всколыхнули политическую жизнь Рима. Популяры, вождями которых в то время были *Аппулей Сатурнин* (Appuleius Saturninus) и *Сервилий Главция* (Servilius Glaucia), выставили целую программу демократических реформ, повторявших и дополнявших программу Гракхов (Gracchanas asserere leges non destitit). В 103 г. Аппулей Сатурнин в качестве народного трибуна возобновил *хлебный закон* Гая Гракха, согласно которому цена на хлеб не должна была превышать $^3/_4$ асса. В следующем, 101-м, году Сатурнин предложил аграрный закон (lex agraria), согласно которому ветераны Мария получали землю в Галлии.

Сенату предлагалось рассмотреть и утвердить названный закон в течение пяти дней. Сенаторы сочли это умалением прав сената и опротестовали предложение Сатурнина, а вождь оптиматов цензор Квинт Метелл Нумидийский исключил Сатурнина по истечении срока из списка сенаторов. Это сблизило Сатурнина с Гаем Марием, тоже нуждавшимся в поддержке популяров. Тогда еще существовало известное равновесие между военными вождями и республиканскими учреждениями. Военные вожди чувствовали себя связанными республиканской конституцией, тем более что Марий, согласно обычаю, по окончании похода распустил свою армию[2].

Главный вопрос, интересовавший Мария, был вопрос о наделении землей отбывших срок службы солдат-ветеранов. Сенат из боязни усиления популярности Мария и расходов казны противодействовал этому. При создавшемся положении у Мария оставался единственный путь для выполнения своего обещания — сближение с популярами. Это сближение военного вождя с популярами оформилось на выборах в 101 г.

Соглашение имело целью захват высших государственных

---

[1] *Diod.*, XXXVI, 10.

[2] *Cic.*, Pro Rab., 7, 20; De orat., 2, 49, 201.

должностей и проведение вышеназванных реформ. Марий должен был получить в шестой раз консульство, Сатурнин — во второй раз трибунат, а Главция — претуру.

Ближайшая цель соглашения, хотя и не без труда, была достигнута. Высшие посты государства оказались в руках Мария и его союзников. Наступал самый острый момент — реализация аграрного законопроекта.

Законопроект Сатурнина имел в виду наделение землей ветеранов Мария, поступивших на службу в 107 г. и прослуживших шесть лет на действительной службе. Предполагалось нарезать довольно значительные земельные наделы, до 100 югеров, необходимые же для этой операции средства взять из храмовых сокровищ путем частичной реквизиции. За недостатком ager publicus в Италии предполагалось использовать провинциальный фонд — земли, отнятые у кимвров, государственные земли в Африке, Ахайе и Македонии.

Сенаторы, со стороны которых скорее всего можно было ожидать оппозиции, обязывались в течение ближайших дней принести присягу, что они будут содействовать проведению в жизнь нового закона. За отказ же от принесения присяги назначался тяжелый штраф в 20 талантов.

Требование присяги метило прежде всего в Метелла, соперника Мария и врага Сатурнина.

Во главе аграрной комиссии по распределению земель должен был стать сам Марий. Наделы предполагалось дать не только римлянам, но и италикам, пользовавшимся особым покровительством Мария, уроженца Италии и имевшего среди своих солдат много италиков.

При голосовании законопроекта Сатурнин больше всего рассчитывал на поддержку деревни и ветеранов Мария, по окончании службы вернувшихся в свои деревни.

«Он назначил день для рассмотрения законопроекта, причем разослал гонцов с уведомлением об этом сельских жителей, на которых он больше всего рассчитывал, так как они служили в армии под командой Мария»[1].

Горожане резко высказывались против законопроекта, в особенности протестуя против включения в число получателей италиков и усматривая в этом покушение на права римского гражданства. И на этот раз аграрный вопрос сплетался с союзническим. Народные трибуны, противники Сатурнина, устроили обструкцию — опрокинули ораторскую трибуну, забрасывали ораторов грязью, пускали в ход кулаки, палки и кинжалы. Магистраты под предлогом громовых ударов, как знамений божества, закрыли собрания и кассировали принятые решения. Но Сатурнин

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 29.

твердо настаивал на проведении своего законопроекта и изгнании Метелла, вождя оптиматов. После этого Сатурнин внес предложение о лишении Метелла крова, огня и воды (aqua et igni interdictus).

«Помните одно, — говорил Сатурнин, обращаясь к собранию, — что вы никакой земли не получите до тех пор, пока не войдет в силу новый аграрный закон и Метелл, главный его противник, не уйдет в изгнание»[1].

Изгнание Метелла, однако, не изменило положения и не внесло успокоения в разбушевавшиеся страсти. На сторону оппозиции стали переходить также и всадники, недовольные слишком радикальной политикой Сатурнина и вообще боявшиеся всякого рода волнений. Кроме того, массовые выселения граждан в колонии грозили сокращением поставок, снабжения города продуктами, снижением цен на помещения, падением земельной ренты и других источников дохода всаднического класса. Все это в совокупности и заставило всадничество, а вместе с ним и Мария пойти на сближение с сенатом против Сатурнина.

На следующих выборах, на 99 год, на улицах Рима произошли форменные побоища. Трибунами были избраны Аппулей Сатурнин (в третий раз) и раб, выдававший себя за сына Гая Гракха. Кандидат на консульство Меммий, противник Сатурнина, был устранен от соискания должности с помощью подосланных убийц, и вследствие этого консулом был избран второй кандидат — Главция. Убийство Меммия вызвало страшное смятение: комиции были закрыты, и город объявлен на осадном положении.

«Народное собрание распущено, законы нарушены, судебные приговоры приостановлены, забыт был всякий стыд»[2].

Объявленные вне закона вожди популяров заняли Капитолий и приготовились к вооруженному сопротивлению. Сенат в силу senatus consultum ultimum наделил консула Мария чрезвычайными полномочиями. Смущенный подобного рода неожиданным поручением, Марий все же не рискнул от него отказаться и с наскоро навербованной армией, среди которой было много аристократической молодежи и клиентов аристократических домов, осадил Капитолий. Попытка Мария спасти хотя бы жизнь осажденных не удалась. Часть их умерла в Капитолии от голода, другие же, запертые в храме Сатурна, были перебиты разъяренной золотой молодежью.

«Страсти разгорелись настолько, что ничто не имело силы — ни закон, ни свобода, ни конституция, ни достоинство, ни авторитет власти»[3].

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 30.
[2] Ibid., 32.
[3] Ibid.; *Cic.*, Brut., 62, 224; *Vell. Pat.*, 2, 12.

За разгромом последовала реакция. Марий уехал в Малую Азию под предлогом выполнения обета, некогда данного им богине Кибеле, Метелл же вернулся из ссылки и был торжественно встречен народом, а законы Сатурнина отменены.

6. ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛИВИЯ ДРУЗА МЛАДШЕГО

Союз всадников и нобилей, объединившихся против Апулея Сатурнина и «соучастника его безумств» Главция, не был прочным. Усилившееся влияние всадничества вызывало тревогу среди нобилей, вождем которых в сенате в то время был *Марк Ливий Друз Младший*, сын Друза, противника Гая Гракха. Среди оптиматов Друз пользовался большим авторитетом и влиянием как один из самых честных, богатых, образованных и умных людей. Поводом к выступлению Друза послужило его столкновение в сенате с Сервилием Цепионом, не менее богатым и влиятельным аристократом, но державшим сторону всадничества. Столкновение начал Цепион, обвинивший в подкупе одного из вождей оптиматов — Скавра.

Противник Цепиона Марк Ливий Друз, с целью привлечения на свою сторону широких масс римлян и италиков и повышения поколебленного сенатского авторитета, выступил в качестве народного трибуна в 91 г. с целой программой реформ, в основе повторявших реформы Гракхов.

Политическая атмосфера была раскаленной до последней степени, обе стороны готовились к энергичной борьбе.

«Тогда появились значки, орлы и знамена и город как бы разделился на два враждебных лагеря» (ceterum sic urbe in una quasi binis castris dissedebatur). В центре программы Друза стоял *аграрный* и неотделимый от него *союзнический вопрос*. К этим двум центральным вопросам присоединялся ряд других вопросов первостепенной важности: передача судов от всадников к сенаторам, борьба с подкупами и меры для общего подъема производительных сил Италии.

Необходимый для раздачи земельный фонд предполагалось составить из остатков ager publicus, включая сюда и заповедный ager Campanus, и затем из провинциального фонда.

«Поделим, — говорил Друз, — все, что только можно поделить. После меня неразделенными останутся лишь грязь и воздух» (Nihil se ad largitionem ulli reliquisse, nisi si quis aut coenum dividere vellet aut coelum).

Завершением программы Ливия Друза являлся закон о союзниках (lex de civitate sociis danda).

Чем больше развивалось римско-италийское общество, тем острее выступал союзнический вопрос, т. е. вопрос о включении италиков в состав римского гражданства. Экономический

и культурный рост Италии естественным путем приводил к смешению римлян и италиков и к необходимости их уравнения в политических правах. Социально-политический процесс в союзнических общинах развивался по тем же линиям, что и в староримских областях. Место отмиравших форм дорабовладельческого и натурального хозяйства заступали товарно-денежные отношения на рабовладельческой основе. Из массы италийских мелких и средних землевладельцев выделялась группа крупных рабовладельцев, плантаторов, оккупировавших местный ager publicus, скотоводов и садоводов.

К наиболее передовым частям Италии принадлежали области на западе Апеннинского полуострова — Этрурия с приморскими латинскими областями и Умбрия.

На почве экономических и культурных интересов между римлянами и италиками устанавливались более тесные связи, стиравшие местные и племенные особенности. Об интенсивной социальной жизни в италийских общинах свидетельствует существование автономных организаций, союзов, собраний, праздников в честь местных богов, взаимный обмен клятвами и заложниками.

Отношение различных италийских общин к Риму не было одинаковым, неодинаковы были также их нужды и требования, предъявляемые ими к Риму. Жители западных приморских областей, богатых садово-огородными плантациями, дорожили своими участками и протестовали против внедрения в их области римских земледельцев — садоводов, виноградарей и оливководов, пользовавшихся различными привилегиями и вытеснявших местных хозяев. Получая права гражданства, они избавлялись от конкуренции римлян и от произвола римских властей.

Иные требования выставляли горные племена южной и восточной частей полуострова. Горные пастушеские племена — самниты, марсы, луканы и др. — были раздражены расширением пастбищ римских скотоводов, грозивших захватить их степи и горные выгоны [1].

Стремление названных групп италиков получить права гражданства вызывалось прежде всего желанием защитить себя от напора римских землевладельцев, освободиться от римского союза и сохранить свою автономию. Италики, проживавшие в самом Риме или же служившие в римской армии (ветераны), добивались получения земельных наделов и участия в раздачах добычи и откупных компаниях.

Сколь ни различны и противоречивы были желания италиков, все они сходились в одном: на включении в состав римского гражданства. Право гражданства имело очень большое значение,

---

[1] *Р. Виппер.* Очерки по истории Римской империи, М. 1908 г.

переводя человека из бесправного подданного в разряд властителей мира, господствовавших над массой земель и народов (orbis terrarum domini). Гражданство открывало заманчивые перспективы деятельности в провинциях, приобретения земель на льготных условиях, освобождения от податей, привилегии по военной службе и многое другое.

Получение прав гражданства приобретало тем большую остроту, что политика центрального правительства шла вразрез с этими исторически оправдываемыми требованиями союзников. По мере того как Рим из италийского государства-города превращался в Средиземноморскую империю, Италийская федерация распадалась, и италики из союзников, меньших братьев Рима, превращались в подданных. Среди римского гражданства в сенате и комициях преобладала тенденция низведения италиков на степень таких же подданных римского народа, какими были провинциалы. Придирались ко всякому случаю, чтобы сократить число полноправных граждан.

Либеральная точка зрения Друза на союзнический вопрос представляла не правило, а исключение, и сторонников Друза в сенате было немного. Во главе оппозиции Друзу стояли всадничество и часть сенаторов, зависевших от всадников. Душой оппозиции был консул *Марций Филипп*, перешедший от популяров к всадникам. К Филиппу присоединились все, дрожавшие при мысли о возможности новой революции, кассации закона 111 года, передела земель, восстаний рабов, нарушения деловой жизни и т. д. В числе противников Друза оказались и некоторые группы италиков, в особенности крупные землевладельцы и скотоводы Умбрии и Этрурии, боявшиеся пересмотра прав на местный ager publicus и сокращения посессий.

Раздраженный оппозицией сената, Друз вступил на путь открытой борьбы с римской олигархией, опираясь на союзников, с тайными обществами которых он уж давно поддерживал тесные связи. Об этом свидетельствует нижеприводимая клятва италиков, скреплявшая взаимный договор.

«Клянусь Юпитером Капитолийским, — гласил текст присяги, — Римской Вестой и отцом моего государства Марсом. Клянусь животворящим солнцем и землею, кормящей животных и растения. Клянусь богами, основавшими Рим, и героями, распространившими его могущество. Клянусь, что друзья и недруги Ливия Друза будут моими друзьями и недругами. Клянусь, что я не буду щадить ни своей жизни, ни своих детей и родителей и ничего своего, лишь бы быть полезным Ливию Друзу и тем, кто принесли ему присягу. А если я, по закону Ливия Друза, приобрету право римского гражданства, я буду считать Рим своим отечеством, а Друза своим великим благодетелем. К этой присяге я постараюсь привлечь наивозможно большее число граждан.

Если я буду соблюдать эту присягу, да будет мне благо; если же я нарушу, да будет мне зло»[1].

В день голосования, рассказывает Флор, в Рим со всех сторон нахлынула такая масса народа, что, казалось, город осажден целой неприятельской армией. Но это не устрашило противников Друза. Против законопроекта выступил консул Филипп, но был арестован Ливием Друзом и отправлен в тюрьму. Закон был проведен в комициях, но был опротестован консулом в сенате на том основании, что между его внесением и утверждением не прошло семи дней, а кроме того потому, что закон содержал разнородные постановления. Между тем, «союзники продолжали настаивать с оружием в руках перед государством на выполнении обещания, данного им Друзом»[2].

Предполагалось созвать народное собрание, на котором должна была решиться судьба римских союзников — италиков, но оно не состоялось вследствие внезапной смерти инициатора законопроекта Марка Ливия Друза, сраженного кинжалом убийцы у порога собственного дома накануне его выступления в народном собрании.

7. СОЮЗНИЧЕСКИЙ ВОПРОС И СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (91—88 гг.)

Смерть Ливия Друза послужила сигналом к началу общеиталийского восстания или *союзнической войны* (91—88 гг.). «Пусть эту войну называют союзнической войной (bellum sociale), чтобы сделать ее менее одиозной. Но если говорить по правде, то это была настоящая гражданская война (bellum civile). Что за ужасная и несчастная война, когда весь Лаций, Пицен, вся Этрурия и Кампания, словом, все народы Италии подняли оружие против своей матери и родного города. Все наши самые верные и самые храбрые союзники, собравшиеся под знаменами своих городов, имеют своими вождями людей, вышедших из неизвестности: Помпедий командует марсами и латинами — Афраний, умбрами — Плотий, Эгнаций — этрусками, самнитами и луканами — Телезин. Народ — победитель царей и других народов (regum et gentium arbiter populus) — не может управлять самим собой. У Рима, победителя Азии и Европы, верховную власть оспаривает Корфиний»[3].

Учрежденные после смерти Друза чрезвычайные уголовные суды осудили массу людей за сочувствие Друзу и за участие

[1] *Diod.*, XXXVII, 11.
[2] *Cic.*, De orat., 1, 7; *Vell. Pat.*, 11, 13—14; *Aur. Victor*, Vir. ill., 36.
[3] *Flor.*, III, XVIII.

в тайных союзах. Террор разлился по всей Италии. Многие видные деятели партии Друза поспешили оставить город и рассеялись по Италии.

Создавшееся положение не позволяло медлить с выступлением. «Узнав о смерти Друза, италики решили, что они не могут дольше терпеть такого рода отношения к защитникам их интересов»[1].

Восстание началось в Пицене, в городе Аскуле (Asculum) по следующему поводу. Претор Гай Сервилий, узнав через своих разведчиков, что жители Аскула заключили соглашение с соседними общинами и обменялись заложниками, явился в город с небольшой свитой. В это время аскулумцы справляли праздник и в большом числе собрались на игры.

Сервилий обратился к собравшейся в театре публике с резкой, полной упреков и оскорблений речью. Слушавшие не выдержали дерзкой речи римского магистрата, набросились на его свиту, убили его самого и его легата Фонтея, перебили и разогнали свиту. Восстание начали марсы, почему и сама война получила название *марсийской войны* (bellum marsicum).

К марсам присоединились и другие горные народности, жившие в Абруццах, — пелигны, марруцины, френтаны, вестины и некоторые другие умбро-сабелльские племена. Вскоре к северной федерации присоединилась еще южная федерация — самниты и луканы, говорившие на оскском языке. Во главе северной федерации стоял «неукротимый марс» *Квинт Помпедий Силон* (Quintus Pompedius Silo), вождем южной федерации был *Гай Папий Мутил* (C. Pappius Mutilus).

Перед открытием военной кампании союзники еще раз попытались обратиться к сенату с предложением образовать комиссию, признать за ними права гражданства и не начинать войны. И лишь после того как предложение италиков было отвергнуто, они стали готовиться к войне за независимость.

Силы противников — римлян и италиков — приблизительно были равны: римских граждан, рассыпанных по всему полуострову и провинциям, способных служить в ополчении, насчитывалось около 500 тыс., италиков несколько больше. Каждая из сторон могла выставить армию в 100 тыс. человек. Главная трудность предстоящей войны для Рима заключалась в разъединенности театра военных действий, так как повстанческие отряды открыли военные действия одновременно во всех частях Италии, осаждая и захватывая римские города и крепости. Кроме того, римским армиям приходилось действовать в горах, незнакомых местностях, при отсутствии дорог, пробираясь по горным тропинкам, пользуясь малонадежными проводниками.

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 38.

Вторая особенность этой войны, одновременно выгодная и невыгодная для Рима, состояла в том, что римские крепости были разбросаны по всему полуострову и подвергались нападению врагов одновременно, а некоторые из них даже отпадали. С другой стороны, оставшиеся верными Риму колонии представляли для италиков постоянную угрозу нападения с тыла.

Самая большая опасность для италийской революции заключалась в отсутствии единства интересов самих италийских общин. Некоторые из них все время оставались верны Риму. Таковы, например, две северные области — Этрурия и Умбрия, страны крупного пастбищного и плантационного хозяйства. Сторону Рима держала также большая часть кампанских городов — в их числе Нола и Нуцерия, пользовавшиеся особыми привилегиями, затем греческие города — Неаполь и Регий.

Наибольшую ненависть и вражду к Риму питали горные сабелльские племена, у которых еще крепко держался патриархальный строй и сохранялось чувство свободы и независимости. Для них победа Рима несла потерю земель и пастбищ, новые налоги и повинности, замену родного языка и обычаев языком и обычаями господствующей общины.

Восстание быстро разлилось по всему полуострову, захватывая один район за другим. Сразу началась осада нескольких городов на юге, севере, западе и востоке. Повстанческие отряды, предводительствуемые своими племенными вождями, осаждали города Фирм, Беневент, Нолу, Пест и др., большая часть которых переходила на сторону восставших. Марсийский отряд *Веттия Скатона* нанес поражение римскому главнокомандующему Луцию Юлию Цезарю и склонил к отпадению большой город Венафр (Venafrum), на границе Самния. Примеру Венафра последовали кампанские города Салерн (Salernum), Стабии (Stabiae), Помпеи (Pompeii) и Геркуланум (Herculaneum). Не меньше побед повстанческие отряды одержали и в средней части Италии, около Фуцинского озера (lacus Fucinus), угрожая захватом самой столицы. Марсы врасплох напали на армию консула Рутилия Лупа и нанесли ему тяжелое поражение, стоившее жизни 8 тыс. солдат и самому консулу, оставшемуся на поле сражения. В те же самые месяцы другие вожди восставших — Гай Юдацилий из Аскула и Тит Лафрений в Пиценской области — атаковали римского консула Помпея Страбона, отца знаменитого Помпея Великого, и заперли его в крепости Фирме.

Исход военной кампании первого года оказался чрезвычайно тяжелым для Рима. Разбиты были две римские армии, и вследствие этого области, вначале остававшиеся верными Риму, тоже обнаруживали склонность к отпадению. Кроме того, военные действия, передвижение войск, реквизиции, пожары и мародерство, массовое бегство и большая смертность рабов совер-

шенно расстроили экономическую жизнь Рима и подняли дух его внешних врагов.

В самом Риме в это время царили уныние и подавленное состояние. В силу изданного сенатом декрета об осадном положении (decretum tumultus) деловая жизнь замирала, конституционные гарантии отменялись, неограниченная власть консулов распространялась также и на город; ius pomoerii и ius provocationis — две важнейшие основы римской конституции — отменялись, вводились чрезвычайные суды, «тога мирного времени заменялась военным плащом» (sagum).

Мобилизованы были все силы и все вожди, отмеченные личными заслугами или происхождением: Гай Марий, Корнелий Сулла, Лициний Крас, Валерий Мессала, Гай Перперна и др. Перед лицом общей опасности (что вообще характерно для римской истории) сплотились все слои рабовладельческого Рима, пустив в ход не только римское оружие, но также и римскую дипломатию.

В конце 90 г. консул Луций Юлий Цезарь провел закон в духе группы умеренных, приверженцев Ливия Друза. По закону *Юлия Цезаря* (lex Iulia), права гражданства предоставлялись всем италикам, оставшимся верными Риму. Закон имел в виду прежде всего этрусков и умбров, готовых присоединиться к восстанию. Закон Юлия достиг своей цели — внесения розни в ряды восставших.

Отложившиеся от Рима италийские племена образовали *новый Италийский союз*, в который входили все отпавшие от Рима италийские общины. Центром союза был избран город *Корфиний* (Corfinium) в гористой области пелигнов в Самнии, на берегу реки Пескары, названный Италией (Italia, или по-оскски Viteliu). Старая же столица Италии, Рим на реке Тибре, подлежала уничтожению.

Представители италийских общин, собравшиеся в Корфиний, образовали сенат в количестве 500 человек, высший политический орган новой федерации. Исполнительная власть вручалась особой коллегии, составленной из членов сената. Федерация чеканила свою собственную серебряную монету, на одной стороне которой было изображение быка, символа Италии, поражающего рогами поверженную на землю волчицу, символ Рима. Италийская федерация не была, однако, полным повторением римских порядков, в ней более отчетливо выражен федеративный принцип.

Второй год войны (89-й) в общем был уже менее благоприятен для италиков. С наибольшим рвением, как и прежде, сражались марсы и самниты. Несмотря на частичные поражения, нанесенные Суллой, марсы продолжали храбро сражаться и ни при каких условиях не хотели складывать оружия. «Марсы после поражения, подобно диким зверям, стали сражаться еще свире-

пее, снова вооружились и делали отчаянные набеги на римский лагерь»[1]. Среди италийских народностей марсы пользовались репутацией наиболее воинственного и непобедимого народа. «Над марсами и без марсов,—говорили в Риме,—еще никто не одерживал победы»[2]. Италийская революция показала, что среди италиков сохранялось еще много военного героизма и племенного патриотизма. Немало примеров героизма выказали и другие, родственные марсам сабелльские народы.

Второй год италийской революции отмечен серьезными боями в Пицене и Самнии. В Пиценской области особенно жестоко было сражение под городом *Аскулом*. Помпей Страбон окружил город со всех сторон и начал осаду. В это время Гай Юдацилий с отрядом марсов окружил осаждавшую римскую армию, прорвался в город и принял на себя защиту своего родного города против римлян. Началось кровопролитное сражение, в котором приняли участие 75 тыс. человек со стороны римлян и 60 тыс. со стороны италиков. После того как все шансы на защиту города пали, Юдацилий приказал сложить в храме костер, созвал друзей на пир и затем, выпив яд, взошел на костер и сжег себя живым.

Из самнитских городов наибольшее упорство оказала Эзерния (Aesernia), на защиту которой собралась 30-тысячная армия, пополненная отрядом из 20 тыс. рабов, вообще игравших очень значительную роль в союзнических ополчениях[3]. Сколь упорно ни защищали свою вековую вольность сабелльские и самнитские племена, все-таки победа склонялась в сторону Рима.

Из римских полководцев в Кампании и Самнии успешнее всего действовал Сулла, жестоко расправлявшийся с отпавшими городами и заставивший капитулировать главный город самнитов Бовиан (Bovianum). Захваченная Суллой территория напоминала огромное пожарище, заполненное развалинами, трупами, тлеющими зданиями и обгоревшими полуразрушенными крепостями.

Покорение юго-восточных италийских племен (самнитов, япигов, луканов) знаменовало конец италийской революции. Не дешево победа обошлась и самому Риму, переживавшему в эти годы глубокий экономический и политический кризис. Вследствие расстройства экономической жизни исчезли из обращения деньги, кредит был подорван, должники не хотели платить долгов, а кредиторы прибегали к суровым мерам, чтобы заставить должников вернуть взятые суммы с причитающимися процентами.

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 46.
[2] Ibid.
[3] *Diod.*, XXXVII, 2.

О том, что тогда происходило в Риме, свидетельствует трагическая судьба претора Азелиона. Демократически настроенный претор попытался смягчить долговой закон и за свою попытку был растерзан кредиторами-всадниками. Убийство произошло среди бела дня, при исключительных условиях. Во время жертвоприношения Азелион получил удар камнем, выронил из рук жертвенную чашу и пытался спастись бегством в храм Весты. Бросившиеся же за ним убийцы преградили ему путь, загнали в таверну и там прикончили.

Острый экономический кризис, вызванный италийской революцией, и начинавшаяся на Востоке война с царем Митридатом ослабили влияние всадничества и повысили шансы умеренной группы.

В начале 89 г. последовал новый закон о даровании прав италикам, внесенный народными трибунами Марком Плавцием Сильваном и Гаем Папирием Карбоном (lex Plautia Papiria). Согласно этому закону, римское право получал всякий гражданин союзных городов, подавший в течение 60 дней соответствующее заявление претору, безразлично, принимал или не принимал он участие в восстании. Из опасения, чтобы внесенные в цензовые списки новые граждане из италиков не оттеснили старых граждан-римлян, их распределили не по всем 35 трибам, а зачислили только в 8 триб.

В том же году прошел закон о сокращении функций всаднических судов и предоставлении гражданских прав городам Цизальпинской Галлии.

Политикой уступок Рим достиг своей главной цели — разложения италийской федерации. Раньше других отпали наиболее неустойчивые ее члены — Этрурия и Умбрия, погубившие все дело. Благодаря измене этрусков, умбров и латинов 25-тысячная армия самнитов, шедшая на соединение с северной армией, попала в засаду и почти целиком была уничтожена Помпеем Страбоном.

После поражения в Этрурии и Кампании (при Ацеррах) у союзников оставалась последняя надежда на помощь царя Митридата, но и эта надежда оказалась эфемерной. Наиболее талантливый вождь южных италиков марс Помпедий Силон пал в 89 г. в Апулии. После смерти Помпедия оставалась только одна значительная армия италиков, во главе которой стоял самнит Понтий Телезин, оказывавший Риму отчаянное сопротивление и во время войны Суллы и Мария поддерживавший Мария[1].

Подавлением италийской революции Рим был обязан дипломатии, талантам своих полководцев, в особенности Суллы, стояв-

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 53.

ших во главе профессиональных, дисциплинированных и технически хорошо вооруженных армий, и, самое главное, розни среди самих союзников.

В то время как рабовладельцы-италики стремились слиться с рабовладельцами-римлянами и пойти по пути расширения плантационного хозяйства и торгово-ростовщического капитала, пастушеские горные племена бились за удержание патриархальных форм быта. Победа Рима являлась исторической необходимостью. Это была победа римской государственной централизации, рабовладения, торгового капитала и латинской культуры. Старая деревенская Италия с ее натуральным укладом жизни, культурой, нравами и верованиями — Италия умбров, этрусков, марсов, сабеллов, луканов и самнитов — сходила с исторической сцены. Состоятельная часть италиков сливалась с римлянами в одну римско-италийскую олигархию рабовладельцев. Остальная же масса италийского населения, оставшаяся в живых, частью эмигрировала в провинции и на острова, превратившись из крестьян и пастухов в торговцев и ремесленников, частью сошла на положение полусвободных арендаторов земель крупных посессоров или же, наконец, попала в разряд столичных люмпен-пролетариев. Федеративная Италия перерождалась в унитарное государство под главенством Рима, состоявшее из *городских территорий* (civitates), подразделявшихся на муниципии (municipia), колонии (coloniae), префектуры (praefecturae), местечки (conciliabula) и крепости (castra).

Правовые различия между италийскими городами и местечками постепенно исчезали; основной социально-административной единицей Италии становился самоуправляющийся город — муниципий (municipium).

Внутреннее устройство муниципий представляло копию Рима. В сословном отношении граждане муниципий делились на: 1) декурионов, 2) муниципальных всадников и 3) плебеев. Высшим правительственным органом являлся сенат (curia) из 100 человек, состоявший из бывших магистратов или лиц равного с ними социального положения. Выбор магистрата производился народным собранием.

Во все подробности организации союзной Италии и отношения к Риму италийских городов, пользовавшихся различными правами (coloniae, municipia, civitates и т. д.), вводят нас как отдельные замечания латинских авторов, так и эпиграфические данные.

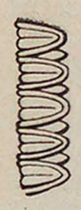
Культурно-правовое уравнение Рима и Италии продолжалось до самого конца истории Рима, и все-таки полного слияния всех народов Апеннинского полуострова в одну народность не произошло. Рим никогда, в течение всей своей истории, не представлял в полном смысле единого государства наподобие,

например, современной Франции. С начала до конца Римское государство, как указывает Ганс Рудольф, было союзом самоуправляющихся городских территорий, и каждый город, при всем сходстве с главным городом Римом, сохранял собственную физиономию, будучи в некотором смысле государством в государстве. Даже в период наибольшей централизации при династии Антонинов во II в. н. э. Римская империя имела молекулярное строение, никогда не сливавшееся в единое химическое тело.

Процесс слияния римлян и италиков в одну гражданскую общину, постепенно втягивавшую в себя и провинциалов, ставил на очередь новую проблему реорганизации всего аппарата управления.

Старые республиканские учреждения, рассчитанные на узкие рамки государства-города, оказывались уже непригодными и требовали новой социально-политической организации.

Глава IX

ЭПОХА ВОЕННЫХ ДИКТАТУР

1. ВОЙНА С МИТРИДАТОМ (89—85 гг.)

В то время как союзническая Италия с большим мужеством и геройством отстаивала свои права на существование, на римском Востоке развертывались события мирового значения. На развалинах древнего царства Селевкидов поднимались одно за другим новые государства, стремившиеся возродить традиции Селевкидов и, захватив в свои руки посредническую торговлю между Востоком и Западом, объединить под своей властью страны Переднего Востока.

Среди эллинистических царей в это время своими широкими планами и организаторскими способностями прославился понтийский царь *Митридат VI Эвпатор* (120—63 гг.), молодой, образованный, владевший 22 языками и в высшей степени честолюбивый султан. Пользуясь ослаблением внешней политики Рима, Митридат подчинил своему влиянию соседние страны и в конце II в. создал огромное царство, охватывавшее весь северо- и юго-восточный берег Черного моря, включая Понт, Пафлагонию, Каппадокию, Малую Армению, Колхиду и Боспорские владения (regnum Bosphoricum) с северогреческими колониями на Крымском полуострове. Со своих владений Митридат собирал ежегодно 300 талантов денег и 180 тыс. четвертей пшеницы дани. Влияние Митридата распространялось далеко за пределы его владений. Он поддерживал связь со скифами, сарматами, дунайскими галлами, фракийцами и иллирийцами.

В отношении Рима Митридат первое время держался выжидательной, осторожной политики. Мирные отношения между обоими государствами были нарушены лишь после того, как Митридат в 91 г., воспользовавшись осложнением в Италии, изгнал из своих владений Никомеда III, царя Вифинии, союзника Рима,

а зять Митридата, армянский царь Тигран, с его согласия изгнал из Каппадокии царя Ариобарзана, тоже союзника Рима. На выручку своих вассалов римляне отправили войско под командой М. Аквилия, друга Мария, подавившего революцию рабов в Сицилии (99 г.). Аквилий заставил Митридата восстановить изгнанных им царей в их прежних владениях и возместить убытки. На первое предложение понтийский царь согласился, а во втором отказал, что и послужило поводом к *первой войне с Митридатом* (88—84 гг.).

Митридат VI Эвпатор, царь Понта

В распоряжении Митридата имелся флот в 400 кораблей и сухопутная армия в 300 тыс. человек, составленная из самых различных народностей — греков, скифов, сарматов, пафлагонцев, фракийцев, бастарнов и других воинственных народов. Союзниками Митридата были царь Тигран и средиземноморские пираты. Своему выступлению понтийский царь придал характер борьбы за освобождение восточных провинций от засилья чужестранцев — италиков, египтян и евреев, проживавших в восточных городах и занимавшихся ростовщичеством, торговлей и ремеслами. Во время своего пребывания в городе Эфесе Митридат издал тайный приказ, предписывая начальникам городов в установленный срок, по истечении 30 дней, произвести погром находившихся в их пределах чужестранцев, женщин, детей и вообще всех людей свободного происхождения, говоривших на латинском языке. Рабам была обещана свобода при условии, если они перебьют

своих господ и примкнут к восставшим. Кроме того, все, принявшие сторону Митридата, освобождались от долгов.

Призыв Митридата к организованному погрому нашел отклик во всех городах азиатского материка и островов. По преданию, в одной провинции Вифинии перебили более 80 тыс. италиков; несколько десятков тысяч римских граждан погибло на острове Делосе. В Эфесе, Пергаме, Милете и других местах

Ваза Митридата

целыми сотнями и тысячами избивались римляне и италики, не взирая ни на пол, ни на возраст, ни на происхождение. Людей убивали на улицах, в домах и в храмах, у алтарей богов.

«Было очевидно, что жители Азии действовали так против римлян не столько из страха перед Митридатом, сколько из ненависти к ним»[1].

Вместе с тем Митридат освободил Азию от уплаты дани в течение пяти ближайших лет, декретировал уменьшение долгов наполовину, произвел новое перераспределение территорий,

[1] *App.*, Bell. Mithr., 23.

в подвластных ему областях посадил своих управителей, ввел новую, более полноценную монету, золотую тетрадрахму с собственным изображением, и вступил в связь с италийскими повстанцами. Столицей своего государства Митридат объявил город Пергам.

Укрепившись в Азии, Митридат повел наступление на Европу. Полководцы Митридата заняли Фракию и Македонию, острова Эгейского моря, вступили на территорию Аттики и заняли Афины. Послы Митридата были отправлены в Египет, Нумидию, на Крит и в Сирию с призывом к восстанию против ненавистного господства Рима.

Неожиданные успехи понтийского царя открывали перед Римом перспективу новой войны на Востоке, отодвинувшей на второй план все другие вопросы.

Речь шла не только о сохранении одной из самых богатых римских провинций и о захвате добычи и рабов, в которых после союзнической войны ощущался недостаток, но и о сохранении самой колониальной державы Рима. В этом причина той исключительной страстности, с которой велась между партиями борьба за выбор главнокомандующего восточной армией.

На роль верховного командира претендовали два кандидата — *Луций Корнелий Сулла* (Lucius Cornelius Sulla) и *Гай Марий*. Суллу поддерживали оптиматы, а за Мария подавали голоса всадники и популяры, в равной мере враждебные оптиматам и их ставленнику. Формально права на верховное командование имел Сулла, консул 88 года. В союзнической войне Сулла, совершенно затмивший Мария, получил высшую военную награду — венок из травы и полевых цветов (corona obsidionalis), а во время своего преторства в Киликии Сулла хорошо изучил азиатские провинции и нравы их жителей.

Однако Марий и поддерживавшие его всадники и популяры ни за что не хотели уступать руководство военной кампанией Сулле, их врагу. Сам Марий несмотря на почтенный возраст, укрепляя свой организм физическими упражнениями, сохранял еще достаточно энергии.

«Мучимый страшным честолюбием, Марий боролся со старостью и слабостью чисто по-детски. Он ежедневно ходил на Марсово поле и принимал участие в гимнастических упражнениях молодежи, старался показать, что его тело было еще способно легко владеть оружием, что он крепко сидит на коне, хотя в старости был неповоротлив, очень толст и жирен»[1].

Для достижения своих целей Марий вступил в соглашение с народным трибуном 88 года, человеком даровитым и красноречивым, приверженцем Ливия Друза и притом неоплатным долж-

[1] *Plut.*, Marius, XXXIV.

ником, *Публием Сульпицием Руфом* (P. Sulpicius Rufus). Говорили, что долг Сульпиция Руфа достигал 3 млн. сестерций. В случае счастливого исхода военной кампании, в чем ни Руф, ни Марий не сомневались, Руф надеялся поправить свое состояние, освободившись от долгов. На кандидатуре Мария Руф объединил интересы марианских ветеранов, всадников, вольноотпущенников и раздраженных умалением своих прав италиков. С последнего Руф, собственно, и начал. Не открывая своих истинных намерений, Сульпиций Руф выступил в комициях с предложением распределить вольноотпущенников и италиков по всем 35 трибам, что дало бы союзникам перевес в народном собрании; вместе с тем Сульпиций предлагал очистить сенат от продажных элементов и вернуть эмигрантов. Против предложения Сульпиция восстал сенат, а консул этого года Сулла с целью задержать законопроект назначил религиозные торжества (feriae), во время которых нельзя было ни созывать комиций, ни выявить каких-либо законодательных предложений. Но это нисколько не смутило народного трибуна, опиравшегося на вооруженный отряд в 3 тыс. человек, составленный из рабов и вольноотпущенников.

В сопровождении этого отряда Руф явился в комиции и потребовал отмены распоряжений консула. Пытавшиеся протестовать были избиты сторонниками Сульпиция, но все же консулам удалось во-время оставить комиции и покинуть Рим. Сулла отправился в Кампанию, где в то время под Нолой уже стояла армия, готовая к отплытию на восточный театр военных действий.

В Риме после отъезда консулов было принято предложение Руфа о распределении союзников по всем 35 трибам, затем при новом составе комиций было постановлено отобрать командование армией у Суллы и во главе кампанской армии поставить Мария.

Избранный главнокомандующим Марий стал готовиться к походу, предварительно отправив двух легатов в лагерь Суллы в Кампанию с требованием сложить командование и передать ему войска. Сулла в ответ на это созвал военный митинг и нарисовал перед собравшимся войском блестящую перспективу богатой и легкой войны на Востоке. В заключение своей речи он указывал, что единственным препятствием к осуществлению столь блестящей перспективы является Марий и его войско. Армия волновалась. В то время как командный состав колебался, солдаты, забрасывая делегатов камнями, требовали немедленной войны с Марием.

Использовав настроение войска, Сулла с шестью легионами двинулся на Рим для «освобождения города от тирании». Под стенами города и в самом городе произошел ожесточенный бой между сулланскими когортами и находившимся в городе гарнизоном, которым командовали Марий и Сульпиций.

«И вот тогда-то на улицах Рима разыгралось настоящее сражение, как между настоящими враждебными лагерями, первое в своем роде, уже не в виде простого восстания, а по-настоящему, под трубные звуки и с развевающимися знаменами, по военному обычаю. До столь великого бедствия довела внутренняя рознь, на которую во-время не обратили достаточно внимания»[1].

Кампания Суллы казалась проигранной. Сулланские легионы дрогнули и двинулись назад; и вот в последний момент в ряды сражающихся бросился сам Сулла со знаменем в руке и восстановил порядок.

«Это произвело впечатление. Отчасти из страха перед вождем, а отчасти от стыда, что они покинули знамя, солдаты прекратили бегство и вернулись в строй»[2].

В последний момент, чтобы спасти свое положение, марианцы провозгласили свободу рабов при условии вступления в ряды марианцев, но уже было поздно. В этом их предупредил Сулла. По преданию, всего три раба откликнулись на призыв Мария. Победа осталась за Суллой, ставшим неограниченным повелителем Рима.

Разбитые марианцы разбежались или попали в плен. Сульпиций был убит, а Марий бежал в Остию, где сел на корабль, чтобы ехать в Африку, но противные ветры пригнали его к берегу и, спасаясь в болоте близ города Минтурн, он попал в плен сулланского дозора. Был отдан приказ убить Мария в местной тюрьме, но галл, которому надлежало выполнить это поручение, не осмелился поднять руку на великого римского героя, и Марий был освобожден. В конце концов, после многих приключений, Марий высадился в Африке на территории Карфагена, где встретился со своим сыном и некоторыми видными марианцами. Несмотря на 70-летний возраст, герой кимврской войны с напряженным вниманием следил за развертывавшимися событиями в Риме, ожидая исполнения предсказания, что он в седьмой раз будет консулом.

Своим походом на Рим Сулла открыл новую, полную крови и драматизма страницу римской истории — истории борьбы командиров за верховную власть. Последнее столетие Римской республики представляет сложный и интересный период античной истории. Сложная сама по себе борьба между командирами в еще большей степени осложнялась столкновениями социальных интересов различных групп римского общества, втянутых в борьбу. Борьба между командирами являлась одной из разновидностей классовой борьбы в античном обществе. Так дело понимали и античные историки, писавшие об этом периоде.

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 58.
[2] Ibid.

«После всего пережитого римлянам не оставалось ничего другого, как только поднять братоубийственное оружие против самих себя, и римский форум превратить в арену столкновения римских граждан друг с другом по гладиаторскому обычаю (cives cum civibus suis gladiatorio more concurrent).

Было бы легче перенести, если бы вождями этих святотатственных безумий были какие-либо неизвестные плебеи или опустившиеся нобили. Но — о, позорное преступление! — таковыми являются Марий и Сулла. Сколь это великие люди! какие командиры! слава и украшение своего века» (decora et ornamenta saeculi sui) [1].

2. ГОСПОДСТВО МАРИАНЦЕВ (87—82 гг.)

После разгрома Мария хозяином положения в Риме сделался Сулла. В спешном порядке была провозглашена новая конституция. Высшее руководство в государстве вверялось сенату, в состав которого было введено много приверженцев Суллы, восстанавливались центуриатные комиции, урезывалась власть народных трибунов, отменялось также распределение италиков и вольноотпущенников по всем трибам.

Консулами на 87 г., к неудовольствию Суллы, были выбраны оптимат-сулланец Гней Октавий и популяр-марианец *Луций Корнелий Цинна* (L. Cornelius Cinna). Последний хотя и принес клятву верности новой конституции, но всегда оставался противником как самого Суллы, так и введенного им государственного порядка. Расхождение между консулами началось из-за распределения союзников по трибам. Сторонник распределения союзников по всем трибам и полного уравнения новых граждан со старыми, Цинна встретил сильную оппозицию в сенате, вынужден был покинуть Рим и был лишен консульского звания. После этого он направился в Кампанию к войску, стоявшему под городом Нолой, в котором было много италиков, недавно получивших право римского гражданства и не доверявших Сулле. Склонив на свою сторону подарками и обещаниями офицеров и солдат, Цинна во главе армии в 30 тыс. двинулся на Рим. Движение Цинны пробудило надежды и подняло дух марианцев. В Этрурии высадился Гай Марий и с наспех набранной из свободных и рабов армией двинулся на помощь Цинне, стоявшему под стенами Рима. Четыре армии осаждали Рим: армии Цинны, Сертория, Папирия Карбона и Мария. Последний захватил Остию, главный порт Рима.

В осажденном городе свирепствовали голод и эпидемия. Наконец, в июне 87 г. Рим сдался на милость победителя. Тотчас же по данному сигналу началось избиение знатных граждан,

---

[1] *Flor.*, III, XXII.

подозреваемых в сочувствии Сулле. Избиение сопровождалось невероятными жестокостями, конфискациями и высылками. «С Римом обошлись свирепее, чем с каким-либо городом во время пунической или кимврской войны»[1]. Земли и дорогие вещи продавались за бесценок. Покупателями большей частью являлись спекулянты-всадники (saccularii), поддерживавшие марианцев. Особенно свирепствовал сам Марий, обезумевший старик, стоявший во главе отряда бардиейцев, навербованного из рабов. Вернувшийся из Африки Марий казался еще более великим вследствие своих несчастий. Тюрьма, цепи, бегство и ссылка как бы окружили его прочным и страшным величием. Имя столь великого человека привлекало к нему людей со всех сторон. Вооружались — «о, ужас!— рабы и рабские казармы (servitia pro nefas et ergastula armantur), и несчастный полководец (imperator) легко набрал армию» [2].

Резня продолжалась целых пять дней. В течение этих дней погибло множество людей, сгорело много домов, в том числе и дом Суллы.

«Частью по его (Мария) устному приказанию, частью по движению его руки бардиейцы убивали граждан целыми массами. В домах они убивали хозяев, насиловали их жен и бесчестили детей» [3].

Консул Октавий был убит, а находившийся тогда на театре военных действий Сулла объявлен вне закона. Свирепость Мария в конце концов вызвала протест даже среди самих марианцев. Возмущенный бесчинствами бардиейцев, Квинт Серторий с согласия Цинны ночью напал на лагерь спящих бардиейцев и всех их перебил, числом до 40 тыс. Консулами на 86 г. были избраны Цинна и Марий. Получивший консульство в седьмой раз, Марий через несколько дней, 13 января, скончался от лихорадки. На его место был избран новый консул Валерий Флакк.

Все законы и распоряжения Суллы отменялись, а законы Сульпиция Руфа восстанавливались; одновременно было проведено несколько демократических законов, частичная кассация долгов, монетная реформа и др.

Но положение марианцев не было устойчивым. Главную их опору составляли италики, в городе же число приверженцев Мария и Цинны было невелико. Марианские консулы 85 года Цинна и Папирий Карбон не пользовались авторитетом ни среди сенаторов, ни вообще среди городского населения. В сенате имелась группа сенаторов-соглашателей, готовых вступить в переговоры с Суллой. К этой группе принадлежали Валерий Флакк,

---

[1] *Ascon.*, 80, 12—16.
[2] *Flor.*, III, XXI.
[3] *App.*, Bell. civ., I, 73; *Vell. Pat.*, 2, 24.

princeps senatus, Муций Сцевола и бывший консул Филипп. Между враждебными сторонами начались переговоры, но Цинна и Карбон с целью сорвать переговоры еще до их исхода стали приготовлять флот в Адриатическом море для отправки его на Восток, чтобы отнять команду у Суллы и передать ее марианцу, но во время приготовлений к отплытию Цинна был убит взбунтовавшимися солдатами в городе Анконе. Смерть Цинны, одного из наиболее талантливых и энергичных демократов, нанесла тяжелый удар партии популяров, а вместе с ней и всей антисулланской оппозиции. Но все же дело демократов еще не погибло. Когда весной 83 г. в Брундизии с 30-тысячной армией высадился Сулла, в распоряжении демократов имелась армия в 100 тыс. человек, не считая примкнувших к ним самнитов.

3. СУЛЛА НА ВОСТОКЕ

Во время высадки Суллы в 87 г. в северо-западной части Греции, в Эпире, общее положение на Востоке было неблагоприятно для Рима. Вся Греция, кроме Эпира и Фессалии, находилась в руках Архелая, полководца Митридата. Страна находилась в состоянии брожения. В Афинах в то время произошел государственный переворот. Олигархическое правительство рабовладельцев, купцов и арендаторов государственных рудников было сброшено восставшими рабами и бедняками, призванными к свободе Митридатом. Во главе Афин был поставлен философ *Афенион*, «друг» понтийского царя. Брожения имели место также и в других городах и на островах. Особенно чувствительна была потеря острова Делоса, главной морской базы Рима в Эгейском море и центрального рынка рабов, захваченного главнокомандующим понтийским флотом Архелаем.

Положение Суллы казалось совершенно безвыходным. Однако ближайшие события показали, что сила понтийского царя не так уже велика. Вся его организация держалась на шаткой основе. Слабость внутренних областей, входивших в состав царства Митридата, и его многочисленная, но плохо снабженная и не приспособленная к длительному ведению войны армия делали его победу сомнительной. Первые порывы энтузиазма, вызванные широкими лозунгами Митридата, провозгласившего изгнание чужеземцев и кассацию долгов, ослабели. Население областей, подвластных Митридату, начинало роптать на жестокие налоги и поборы, между тем как состоятельные классы, боявшиеся демагогической политики понтийского царя, выражали готовность перейти на сторону Суллы. Многочисленная же армия Митридата в условиях бедной Греции оказывалась не плюсом, а минусом. Некоторые города Азии, как то: Стратоникея, Магнезия на

Меандре и др., держали сторону Рима, остров Родос тоже склонялся к Риму.

Двинувшаяся из Эпира в Фессалию римская армия направилась в Беотию. В марте 86 г. римские войска уже осаждали Афины. По просьбе афинских олигархов, сочувствовавших Сулле, жителям Афин была дарована жизнь из уважения к великому прошлому их замечательного города, как «благодарность живых мертвым», по ироническому замечанию Суллы, брошенному им афинской делегации, просившей о пощаде имевшего богатую историю славного города. Жителям Афин оставлена жизнь, но афинский порт Пирей и город были взяты и разграблены. Между тем, с севера через Фракию и Македонию надвигалась главная армия Митридата, шедшая на соединение с Архелаем. При Херонее, в Беотии, произошло генеральное сражение, где 15 тыс. римлян разбили 60-тысячное войско Митридата. Другая армия, Дорилая, высадившаяся сначала в городе Халкиде, на Эвбее, переправившаяся оттуда в Беотию и соединившаяся с остатками армии Архелая, потерпела поражение при *Орхомене* осенью 86 г.

В том же, 86-м, году на Балканском полуострове появилась марианская армия, посланная на Восток вслед за Суллой, под командой консула *Валерия Флакка* и его легата Гая Флавия Фимбрии. По дороге Валерий Флакк, взявший направление на Византию, переправился в Азию, где он вскоре был убит войском по интригам Фимбрии. Поход продолжал Фимбрия, прогнавший понтийского царя из Пергама. Положение Митридата становилось критическим, что и заставило его пойти на уступки и начать мирные переговоры с Суллой, переправившимся в Азию.

От предложенного Митридатом союза Сулла отказался, заключил с понтийским царем мир в городе *Дардане* на Геллеспонте (84 г.) на сравнительно выгодных для царя условиях. После этого Сулла все внимание направил на демократическую армию. После поражения при Фиатире в Лидии марианская армия распалась, большая ее часть влилась в армию Суллы, а Фимбрия во избежание позора лишил себя жизни[1].

4. СУЛЛАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 82 г.

Весной 83 г. Сулла с 30 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы высадился в Брундизии. Марианцы готовились к отчаянной обороне, имея в своем распоряжении армию в 100 тыс. человек.

Все преимущества в начавшейся войне находились на стороне Суллы: закаленная в боях армия, хорошо налаженное снабжение, хорошее вооружение и денежные запасы. Напротив, среди

[1] *Vell. Pat.*, II, 24; *Plut.*, Sulla, 23; *Oros.*, VI, 12.

марианцев царила растерянность, не было единодушия, марианские армии страдали от плохого снабжения и управления, тыл был расстроен, правительство не пользовалось авторитетом, в городе царила полная анархия. К тому же наиболее талантливого из марианских вождей, главы правительства — Корнелия Цинны, уже не было в живых.

При появлении Суллы в Италии консул Норбан, находившийся в Апулии, отступил в Кампанию с целью отрезать путь по Аппиевой дороге, между тем как его коллега, другой консул, Сципион, занял Латинскую дорогу. Первое столкновение между сулланцами и марианцами произошло на реке Вольтурне, близ Капуи. Норбан потерпел поражение, а всегда колебавшийся оптимат Сципион вступил в переговоры с Суллой, быстрым маршем приближавшимся к Риму. При известии о его приближении началась массовая эмиграция, в особенности аристократической молодежи, в лагерь победителя Митридата, импонировавшего своим успехом, богатством, силой и властным характером. К Сулле перешли Квинт Метелл, сын Метелла Нумидийского, Красс, Катилина, Марций Филипп и др.

В самом Риме царила страшная суматоха, поднялось восстание и произошел пожар, во время которого сгорел Капитолий. Ввиду всего происходившего Сулла не рискнул войти в город и вернулся в Кампанию, подготовляя силы для нового похода.

В следующем, 82-м, году ведется ожесточенная борьба за Рим. При *Сакрипорте*, в Лации, Сулла разбил армию демократического консула Гая Мария Младшего, вынужденного отступить к Пренесте. Оставив запертого в Пренесте Мария, Сулла дошел до Рима, взял город и, оставив в нем небольшой гарнизон, направился в Этрурию против Папирия Карбона, стоявшего во главе второй марианской партии. Не закончив войну с Карбоном, Сулла форсированным маршем двинулся к Пренесте, куда направлялись марианские отряды на выручку осажденного Мария. Оттесненная от Пренесте демократическая армия, силу которой составляли горные народности — самниты и луканы,— взяла марш на Рим и приступила к осаде города, занятого сулланцами. Осада велась с большим ожесточением. Самнитский вождь Телезин говорил, что настал последний час Рима, что надо разрушить город до основания. «Волки, похитители свободы Италии, будут страшны до тех пор, пока не будет вырублен лес, служащий им логовищем» (nunquam defuturos raptores Italicae libertatis lupos nisi silva in quam refugere solerent esset excisa). Осада велась со страшным ожесточением. По словам римских историков, осада Телезина причинила городу больше бедствий, чем даже в свое время осада Ганнибала [1].

[1] *Vell. Pat.*, II, XXVII.

Генеральное сражение произошло у *Коллинских ворот* (Porta Collina). Самниты были готовы уже войти в город, как вдруг со стороны Пренесте показался авангард сулланской армии, шедшей на выручку. Первого ноября 82 г. под стенами Рима, у Коллинских ворот, произошла ожесточенная борьба между сулланцами и марианцами. Битва продолжалась до глубокой ночи. Армия Суллы дрогнула и уже начала отступление, когда командовавший ее правым крылом легат Суллы Марк Красс отбил самнитов и тем решил исход боя в пользу сулланцев. Коллинская битва решила исход борьбы между сулланцами и марианцами.Через несколько дней последовала капитуляция остальных городов Италии: пали Пренесте, Нола, Волатерры и др. Вожди марианской партии Марий, Телезин, Паппий Мутил пали в бою, а последние остатки марианцев, собравшиеся в Сицилии под начальством Карбона, были разбиты Помпеем. Отрезанная голова Карбона была доставлена Помпеем Сулле в качестве трофея[1]. Державшие сторону марианцев провинции испытали ту же самую участь, что и Италия. Все подчинилось организованной силе победителя Митридата Сулле. Коллинская битва была последней битвой старой республиканской Италии с надвигавшейся Империей. В этой битве республиканская Италия была побеждена силами централизованной Империи, опиравшейся на профессиональную армию, возглавляемую единым вождем (императором). Вместе с тем Коллинская битва была торжеством рабовладельческой системы и рабовладельческого хозяйства во всей Италии [2].

За победой последовали жестокий террор, месть и расправа. Демократическая партия и марианцы подверглись опале. Особенно жестока была вражда победителя к самнитам, проявившим больше всего ненависти как к самому Сулле, так и к его режиму. По приказанию Суллы на Марсовом поле было организовано настоящее избиение пленных, сдавшихся на милость победителя. Большую часть пленных составляли горные народы Италии — самниты и луканы. В то время когда происходило избиение пленных, в храме Беллоны, недалеко от Марсова поля, заседал сенат. Душераздирающие крики убиваемых долетали до слуха присутствующих, отвлекая их внимание от обсуждаемых вопросов. Раздраженный Сулла цинично заметил, что отцы сенаторы не должны тревожиться тем, что происходит за стенами собрания. Там происходит-де по его приказу наказание нескольких злодеев (hoc agamus P. C. seditiosi pauculi meo iussu occiduntur) [3].

Опустошение было страшное, повсюду валялись неубранные трупы людей и животных. Самний был превращен в настоящую

---

[1] *Sall.*, Fragm., 46; *Liv.*, Epit., 86; *Diod.*, Fragm., XXXVIII, 10.
[2] *Oros.*, V, 20, 9; *Plut.*, Sulla, 29.
[3] *Val. Max.*, IX, 2; *Oros.*, V, 21; *Plut.*, Sulla, 30.

пустыню, демократическая партия была совершенно разгромлена. Гнев победителя простирался не только на живых, но даже и на мертвых. Труп умершего четыре года назад Мария по приказанию Суллы был вырыт и брошен в реку Анио. Все памятники, связанные с именем Мария и демократической партией, были сняты и уничтожены[1].

На форуме вывешивались особые списки — *проскрипции* (proscriptiones), — куда заносились имена осужденных. Проскрипции преследовали двоякую цель: месть классовым и личным врагам и обогащение за счет приговоренных граждан. Достаточно было считаться богатым, чтобы попасть в число опальных. Донос, клевета и им подобные средства — все пускалось в ход и получало санкцию диктатора. На площадях вывешивались списки приговоренных к лишению имущества, изгнанию и смерти. На этой почве на улицах и в домах разыгрывались душераздирающие сцены. При виде собственных имен или имен своих близких люди лишались сознания, сходили с ума, пытались скрыться, выдавали себя за других лиц и т. д. Отрезанные головы убитых выставлялись на площади и на ораторской трибуне.

«Столь великое несчастье постигло Рим. Никто не в состоянии пересказать все насилия, произведенные над живыми,— возмущается историк Кассий Дион.— Не говоря уже о мужчинах, с женщинами и детьми даже из самых древних и почтенных фамилий обращались так, как если бы они были военнопленными... Несмотря, однако, на весь ужас, все это могло казаться еще терпимым, в особенности тем, кто стоял в стороне и сам не пострадал. Нечто подобное имело место и в другие времена.

Но ужас состоял в том, что Сулла не удовлетворился всем вышеописанным и пошел дальше. На него нашло какое-то безумие никому не уступать в жестокости. Чтобы и в этом быть новым, он выставил белую доску, на которой заносились имена приговоренных»[2].

Проскрипции имели место как в самом Риме, так и в италийских муниципиях и провинциях. В проскрипции попадали как отдельные граждане, семьи и роды, так и целые города и общины. Из италийских областей более других пострадали Самний и Этрурия, оказавшие наибольшее сопротивление диктатору. Жители италийских городов (Фезулы, Пренесте, Помпеи и др.) переселялись в другие места, а на их место водворялись сулланские ветераны.

Террор продолжался около года (82/81) и в конце концов начал тревожить даже приближенных Суллы. «Мы просим тебя,— сказал Гай Цецилий Метелл,—не за тех, кого ты приговорил к смер-

---

[1] *August.*, De civ. dei, III, 28.
[2] *Dio Cassius*, XXX—XXXV, 109, 11.

ти, просим тебя избавить от смерти и неизвестности хотя бы только тех, кого ты оставляешь в живых»[1].

«Кто еще, кроме нас, останется в живых, если мы на войне убиваем вооруженных, а во время мира безоружных»[2].

5. СУЛЛАНСКАЯ ДИКТАТУРА

При таких условиях, в атмосфере проскрипций и террора, вырабатывалась новая *сулланская конституция*. После гибели демократических консулов сенат объявил государство в опасности и назначил Валерия Флакка временным правителем, «междуцарем» (interrex), с неограниченными полномочиями. В древнеримской общине царь, подобно всем должностным лицам, выбирался на общем собрании по куриям, но обычно еще при жизни царь назначал себе преемника, который потом утверждался сенатом и народом (lex curiata de imperio). Если же назначение почему-либо не состоялось, то власть переходила в руки сената, который выделял из своей корпорации «междуцаря» — интеррекса, назначаемого из сенаторов в определенном порядке.

Обычай назначения интеррекса удержался и при Республике. Кандидатуры консулов на ближайший год намечали старые консулы, если же этого почему-либо не случалось, как именно было и в данном случае, тогда назначался интеррекс. В 82 г. интеррексом был Валерий Флакк, который внес на утверждение сената предложение облечь проконсула Луция Корнелия Суллу чрезвычайными полномочиями. Идея диктатуры исходила от самого Суллы, писавшего Флакку, что «диктатура продолжится до тех пор, пока город, Италия и все государство, расшатанные войной и анархией, не войдут в нормальное состояние».

В конце послания Сулла указывал, что наиболее подходящим кандидатом он считает самого себя.

«Никто не мог бы, по его мнению, оказать городу более полезные услуги, чем он сам» [3].

Пожелание Суллы было исполнено,— терроризированные сенат и комиции провозгласили его диктатором на неопределенное время для восстановления расшатанного войной и анархией государства (dictator perpetuus legibus perferendis constituendaeque rei publicae) [4]. С юридической точки зрения, диктатура Суллы отличалась от старинной диктатуры неограниченностью срока. По римской конституции, срок диктатуры строго ограничивался

[1] *Dio Cassius*, XXX—XXXV, 109, 11.
[2] *Plut.*, Sulla, XXXI.
[3] *App.*, Bell. civ., I, 98.
[4] *Cic.*, Ad Att., IX, 15; *Cic.*, De lege agr., III, 5.

шестью месяцами, сулланская же диктатура была «вечной» (dictatura perpetua).

«Тот, кто будет избран, должен править неопределенный срок, до тех пор пока Рим, Италия и вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепится.

Так-то римляне, управлявшиеся в течение 60 олимпиад царями, затем имевшие демократический строй и управлявшиеся консулами, как годичными представителями, снова испробовали царскую власть»[1].

По валериеву «закону о верховной власти» (lex Valeria de imperio), Сулле вручалась неограниченная власть (imperium) во всех делах внутренней и внешней политики, касавшихся как государства, так и частной жизни. Во власти диктатора находилось государственное имущество и имущество частных лиц, издание новых (leges dare) и аннулирование старых законов, дарование гражданских прав провинциалам, вольноотпущенникам и рабам, введение чрезвычайных судов, замещение магистратур, изменение границ, заключение мирных договоров, объявление войны, наказание граждан (lex de proscribundis malis civibus) и т. д. После принятия валериева закона последовал торжественный въезд диктатора в столицу, отмеченный всенародным праздником.

Сулла был выдвинут партией оптиматов и потому, естественно, действовал прежде всего в интересах этой партии. Сулланская конституция по своей сущности была направлена против демократии. Сулла стремился восстановить государственный строй догракховского времени, когда верховным руководителем государства являлся сенат и когда в полной силе сохранялась тимократическая конституция Сервия Туллия.

Согласно этому и по новой конституции 82 года, сенат признавался высшим государственным органом, в котором сходились все нити управления и из среды которого выбирались и должностные лица. Ввиду сложности и обширности сферы деятельности сената число членов было удвоено с 300 до 600 введением лиц всаднического сословия, центурионов и т. д.[2]. Сенату принадлежало право утверждения и инициативы издания законов, назначение судей, управление Италией и провинциями, бесконтрольного распоряжения государственными доходами, сдачи аренд, откупов, сборов таможенных пошлин и введения новых налогов.

Расширялись также и судебные функции сената. Суды присяжных (quaestiones perpetuae), сильно разветвившиеся и специализировавшиеся, находились под строгим контролем сената. Во главе судебных комиссий, назначаемых для различных дел,

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 99.
[2] *Liv.*, Epit., 89; *App.*, Bell. civ., I, 100.

стояли *судебные преторы*, подчиненные двум главным преторам (praetor urbanus и praetor peregrinus), в свою очередь подчиненных сенату.

За сенатом сверх того удерживалась прерогатива в исключительных случаях объявлять государство на военном (senatus consultum ultimum) и осадном (decretum tumultus) положении.

От сената зависели магистратуры — консулы, преторы, эдилы и т. д., число которых возрастало и которые из республиканских магистратов превращались в чиновников, зависимых от диктатора. Число преторов с 6 поднялось до 8, а квесторов — до 20. По конституции, срок пребывания магистратов у власти ограничивался одним годом, но на практике часто допускались исключения. Первый год все высшие магистратуры, числом 10, оставались в Риме и распределяли свои обязанности по жребию, на следующий же год они в качестве «промагистратов» (promagistri) получали назначение в провинции. Сфера деятельности каждого магистра была ограничена определенным кругом дел, военная власть (imperium) отделялась от гражданской (potestas). Направляемые в провинции промагистраты, проконсулы и пропреторы гражданской власти не имели, будучи ограничены в своей деятельности военным империумом.

Верховная военная власть и назначение на высшие должности (imperium), равно как объявление войны и заключение мира, принадлежали исключительно сенату[1]. Прохождение магистратур, последовательность и промежуток между различными должностями определялись специальным уставом (census ordo magistratuum). Антидемократический и антиреспубликанский характер сулланской конституции отчетливее всего выступает в отношении народного собрания и народных трибунов.

Уже сама по себе передача высшего руководства сенату ограничивала права магистратов, влиятельных при старом порядке, — народных трибунов, консулов и цензоров. Цензура была совсем отменена, тем более что при вольной вербовке солдат, налоговой привилегии Италии и увеличении числа магистратов, ежегодно вступавших в сенат, исчезал самый смысл цензуры.

Трибутные комиции заменялись *центуриатными комициями*, в основу которых полагался имущественный ценз. В своих решениях центуриатные комиции поставлены в зависимость от сената[2]. Все предложения, вносимые в комиции, нуждались в предварительной санкции сената, без которой они не могли получить силы закона. Как трибутные, так и центуриатные комиции, по сулланской конституции, низводились до степени совещательного органа, а народные трибуны — до простых ходатаев за

---

[1] *Cic.*, Ad fam., I, 9, 25.
[2] Senatus sententia, C. I. L., I, 114.

отдельных лиц, каковыми, по преданию, они были в первые века Республики.

«Таким путем надеялись, что никакой закон не поступит на рассмотрение народа, прежде чем он не будет обсужден сенатом. Если же при решении государственных вопросов будут преобладать голоса не беднейшей и безрассудной части государства, а голоса состоятельных и просвещенных классов, то тем самым будет устранена опасность переворотов и революций»[1].

Впрочем, известная доля республиканизма и демократизма все же сохранялась и по сулланской конституции. Подобно остальным магистратам, Сулла считался республиканским магистратом и подлежал перевыборам, признавая тем самым законность и зависимость своей власти от народной воли.

«Будучи диктатором, Сулла притворно желал сохранить демократию, причем принял во второй раз консульство вместе с Метеллом Пием»[2].

Непосредственной опорой сулланского режима было войско, офицерство которого составляли нобили. В интересах войска были произведены гражданские конфискации земель у 47 италийских городов, державших сторону Мария. На территории этих городов было поселено 120 тыс. сулланских ветеранов. Посаженные на землю сулланские ветераны образовали постоянную армию, готовую по первому требованию диктатора выступить на защиту существующего строя. Ветеранские поселения преследовали еще и другую цель — укрепление среднего и мелкого землевладения, без которого не могли существовать античные рабовладельческие государства. По закону Корнелия (lex Cornelia), т. е. Луция Корнелия Суллы, ветеранские участки закреплялись за держателем и его наследниками, но ни в какой форме не могли быть отчуждаемы.

Сулланские ветераны (посессоры) жили обособленно, не сливаясь с населением города, на территории которого они были расселены, и не могли продавать свои наделы. Бóльшая часть сулланских колоний находилась в Этрурии и Кампании, на территории городов Нолы, Капуи, Нуцерии и Помпей. Дальнейшая судьба сулланских посессоров была неодинакова. Часть их вскоре разорилась, другая же часть окрепла и превратилась, как того и желал Сулла, в плантаторов-рабовладельцев средней руки [3].

Расселение ветеранов по Италии способствовало романизации италиков и их консолидации на почве общих интересов торгово-ростовщического капитала и рабовладения. Выражением одинаковости социально-экономического строя всей рабовладельче-

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 59.
[2] Ibid., I, 105.
[3] *App.*, Bell. civ., I, 100; *Liv.*, Epit., 89; *Cic.*, De lege agr., II, 78.

ской Италии была введенная Суллой *муниципальная конституция*, подтвердившая распределение италиков по всем 35 трибам и передававшая управление на местах муниципальным советам или куриям, выбираемым на основе имущественного ценза. Границей Италии на севере устанавливалась река Рубикон (Rubico), отделявшая Италию от Цизальпинской Галлии.

Вторую организованную силу, на которую опиралась диктатура Суллы, составляли отпущенные на свободу и получившие право гражданства рабы осужденных граждан, доказавшие свою преданность Сулле. Эти рабы, число которых, по одним сведениям, равнялось 10, а по другим 40 тыс., носили специальное название *корнелиев* (cornelii) и образовали самостоятельную корпорацию или коллегию (L. Cornelio L. Sullae Felici dictatori libertini) [1]. Через посредство корнелиев Сулла мог оказывать организованным путем давление на народное собрание.

Из вольноотпущенников Суллы историческую известность приобрел Хризогон (Chrysogonus), подобно многим друзьям Суллы, использовавший государственный переворот и политический террор в целях личного обогащения. О Хризогоне мы знаем из речи Цицерона за Росция Америйского.

История Хризогона интересна в том отношении, что она, как очень типичная для суллапского режима, вводит нас в реальную жизнь и знакомит с нравами того времени. Фаворит Суллы Хризогон в корыстных целях начал судебный процесс против богатого землевладельца города Америи, в Умбрии, Росция. Благодаря поддержке диктатора Хризогон выиграл процесс и скупил за бесценок с аукциона конфискованные поместья Росция. На вырученные от продажи этих земель деньги Хризогон построил себе прекрасный дворец на Палатине, приобрел великолепную пригородную виллу и, кроме того, много усадеб и поместий. Дом разбогатевшего вольноотпущенника был полон дорогих ваз, коринфского и делийского металла, чеканной серебряной посуды, роскошных покрывал, ковров и т. д. Из дома Хризогон выходил в сопровождении блестящей свиты, состоявшей из многочисленных клиентов, вольноотпущенников и рабов [2].

Под нивелирующим влиянием торгового капитала на рабовладельческой основе изменялся состав римского гражданства, изменялась также и аристократия. Чем дальше, тем все больше в состав Римского государства попадало италиков, провинциалов, вольноотпущенников и рабов. К старой знати прибавлялась новая знать, выдвигаемая диктатором. Прежние социальные деления — родовые, сословные, этнические, возрастные и т. д. — вы-

---

[1] C. I. L., X, 6007; I, 585.

[2] *Cicer.*, Rosc. Amer., X и след.

теснялись новым делением по имуществу, характерным для последних столетий Республики и Империи.

Необходимые для оплаты войска, построек, подарков, празднеств и прочих расходов средства Сулла получал путем захватов, конфискаций, пошлин, аренд государственных имуществ и налогов. Больше всего давали захваты и контрибуции. Во время пребывания в Азии Сулла обложил азиатские города за сочувствие Митридату колоссальным налогом в 20 тыс. талантов. Жестокому разграблению подверглась также и Греция, в частности Афины, откуда Сулла вывез массу драгоценных вещей, в их числе много книг — сочинения Аристотеля, Феофраста и др.[1].

В подчиненных Риму азиатских городах была произведена тщательная перепись населения, и провинция Азия в фискальных интересах разделена на 40 податных округов. Сбор налогов в этих округах производился прямым путем через государственные органы, без посредства откупных товариществ. Этим был нанесен первый серьезный удар обществам публиканов, а через них и всему всадничеству, постепенно начинавшему утрачивать былые привилегии и самостоятельность, превращаясь в один из органов государственной машины.

6. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУЛЛАНСКОГО ПЕРЕВОРОТА

В характере Суллы сочетались самые разительные противоположности. По своему происхождению Сулла принадлежал к древней аристократии, унаследовав все особенности аристократической среды. Нуждаясь в средствах, он сошелся с пожилой женщиной Никополой, оставившей ему после смерти крупное состояние, увеличенное затем еще состоянием его мачехи.

«Жадный до денег, он еще более жаден до славы» (cupidus voluptatum, sed gloriae cupidior)[2].

Подобно своим современникам, людям высшего круга, Сулла вел в молодости широкий образ жизни — сорил деньгами направо и налево и проводил время в кутежах, вращаясь в обществе театральной и цирковой богемы, но в то же самое время он с любовью занимался литературой и науками, писал пьесы и считался тонким знатоком греческого языка.

К политической карьере Сулла не готовился и довольно поздно выступил на политическом поприще. Его образ жизни, изнеженность и щегольство не предвещали ничего значительного на этом поприще и даже вызывали презрение со стороны таких людей, как Гай Марий, при котором он в 107 г. состоял квес-

---

[1] *Plut.*, Sulla, XXII.

[2] *Sallust.*, De bello Jugurth., 95.

тором в Африке. С югуртинской войны, собственно, и началась военная и политическая карьера Суллы.

Однако, несмотря на свою изнеженность и равнодушие ко всему окружающему, Сулла в военном деле обнаружил сообразительность и умение ориентироваться в сложной обстановке и своим товарищеским обхождением приобрел уважение и любовь солдат [1]. Военно-организаторские таланты Суллы в полной мере развернулись в кимврской и союзнической войнах, где он совершенно затмил Мария.

Внешность Суллы не отличалась привлекательностью. Неприятные блестящие глаза, лицо, покрытое прыщами и вытянутое вперед, делало его похожим на свинью (Sulla от слова sus — свинья). «Сулла, — острили греки, — тутовая ягода, посыпанная мукой».

Скептик до мозга костей и фаталист, равнодушный, холодный, жестокий и погруженный в самого себя, вынесенный на политическую арену игрой обстоятельств, Сулла принялся за дело со свойственной ему энергией и последовательностью, но скоро охладел и, добровольно сложив с себя диктаторские полномочия, ушел в частную жизнь, предавшись любимым своим занятиям — сельскому хозяйству, охоте, рыбной ловле и литературе.

Уход Суллы от власти, как загадочный социально-психологический факт, вызывал большое удивление как у современников, так и у последующих поколений.

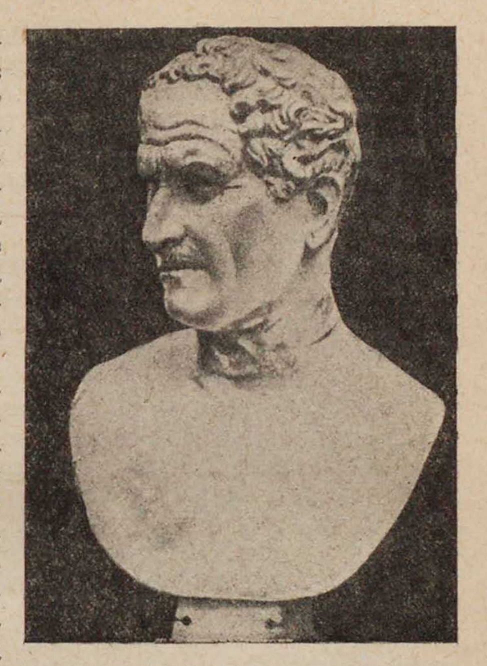
«Поразительнее всего в этом человеке, — говорит Аппиан, — я считаю то, что он был первым и до тех пор единственным человеком, сложившим такую большую власть без внешнего к тому побуждения, передав ее не в руки своих детей, как Птолемей в Египте, Ариобарзан в Каппадокии, Селевк в Сирии, а тем, над кем он властвовал...

И особенно удивительно, что сделал он это после того, как им было загублено более 100 тыс. цветущего населения, после того как у многих из них он конфисковал имущество, а тела убитых по его приказу были выброшены без погребения... Никаких внешних побудительных причин отказа от власти у Суллы не имелось.

Он находился тогда в цветущем возрасте и обладал полным здоровьем. В Италии к его услугам были 120 тыс. человек, недавно служивших под его начальством и теперь получивших от него большие подарки, обильные земельные наделы. Кроме того, в его распоряжении в Риме были 10 тыс. корнелиев и прочий народ, принадлежавший к числу его сторонников, преданный ему и страшный для других» [2].

---

[1] *Sallust.*, De bello Jugurth., 96.
[2] *App.*, Bell. civ., II, 103—104.

Сулла

Факт добровольного сложения власти Суллой не в меньшей степени привлекает внимание также и современных историков. Классической характеристикой Суллы является характеристика Моммзена. «...Даже черствые сердца были потрясены, когда человек, доселе располагавший по произволу жизнью и собственностью миллионов, по мановению которого столько голов слетело с плеч, смертельных врагов которого можно было найти в каждой улице Рима, в любом городе Италии и который без равных себе союзников, собственно говоря, даже без точки опоры в крепко сплоченной партии, довел до конца свое дело преобразования государства, дело, оскорбляющее тысячи интересов и убеждений — когда человек этот вышел на столичную площадь, добровольно сложив с себя свое полновластие, уволил свою вооруженную свиту, распустил своих ликторов и обратился к густой толпе граждан с вопросом, не желает ли кто-нибудь потребовать от него отчета. Все молчали: тогда Сулла сошел с ораторской трибуны и пеший, в сопровождении только своих друзей, вернулся к себе...»

Объяснение ухода Суллы от власти Моммзен полагает найти в личных мотивах психо-физиологического порядка— отсутствии «систематического честолюбия», стремлении к личному спокойствию, презрению к окружающим и т. д. «Он не желал от жизни ничего, кроме наслаждения» [1].

Историки после моммзенского периода стремятся объяснить уход Суллы более глубокими социальными мотивами— внутренней слабостью сулланского режима и обострением социальных противоречий — недовольством всадничества, городского плебса и в особенности италиков, разоренных Суллой. Самая война Мария и Суллы рассматривается как продолжение союзнической войны [2].

---

[1] *Моммзен*, Римская история, II, 1878, стр. 348.
[2] *T. Frank*, An Economic history of Rome, Baltimore, 1927, 171.

Причина ухода Суллы от политического руководства, конечно, не может быть объяснена одними только мотивами физиолого-психологического порядка. Его уход от власти объяснялся более сложным сцеплением социальных и индивидуальных моментов.

Республиканские традиции в 80—70-х годах I в. были еще слишком живучи, демократическая оппозиция сильна, а имперские основы только что начинали складываться. К этому присоединились и вышеописанные личные особенности диктатора. Сулла сложил с себя чрезвычайные полномочия после того как он, по его убеждению, выполнил основную задачу, ради которой ему была вручена диктаторская власть, — восстановление государственного порядка.

Умер Сулла в 78 г. от кровоизлияния в мозг. Перенесение тела умершего диктатора из Кум, места его смерти, в Рим сопровождалось невиданными почестями. Навстречу похоронной процессии выходили депутации городов и союзных государств, масса народа и ветеранов, служивших под его знаменем. Впереди везли две тысячи золотых венков, подарки городов, военные трофеи и знамена. В Риме на Марсовом поле тело Суллы было сожжено при огромном стечении народа. Урна с прахом Суллы была поставлена рядом с гробницами римских царей [1]. На римском Форуме в честь Суллы была воздвигнута конная статуя, изображавшая Суллу, с многозначительной надписью: «Корнелию Сулле, Счастливому диктатору» (Cornelio Sullae Felici dictatori) [2].

Историческое значение сулланского переворота чрезвычайно велико, в этом не расходятся суждения древних и новых историков и политиков. Субъективно преследуя реставраторские цели, объективно Сулла заложил основу новой политической организации. По характеру своей диктатуры и по методам управления он был предшественником Помпея, Цезаря и Октавиана (Августа) и продолжателем Сципиона Африканского. В истории сложения Римской империи отчетливо выступают три переломных момента: 1) эпоха Суллы, 2) Помпея — Цезаря и 3) Октавиана Августа. История императорских учреждений и императорской власти начинается с Суллы, развертывается при Помпее и Цезаре, достигая своего полного развития при Августе и его преемниках.

С социально-экономической точки зрения, сулланский переворот знаменовал начало нового этапа в эволюции италийского рабовладельческого строя, новое соотношение классовых сил и новое отношение центра и провинций. По сравнению с Республикой «золотого века», в значительной степени покоившейся еще на дорабовладельческих средних и мелких собственниках-крест-

---

[1] *Carcopino*, Sulla, 1931; *M. Levi*, Silla, Milano 1924.
[2] C. I. L., I, 584.

янах, сулланский строй гораздо больше связан с рабовладением и торгово-ростовщическим капиталом. Своими завоеваниями, притоком рабов и денег Сулла способствовал развитию рабовладельческого хозяйства, денежных спекуляций, торговли, ремесл и интеллигентских профессий, а вместе с тем и выдвижению новых людей, новых профессий и новых социальных групп. В их интересах велись войны, содержалась армия и работала государственная машина. Очень характерно для сулланского и последующего императорского режима выдвижение всякого рода новых людей — рабов, вольноотпущенников, италиков и провинциалов. При Сулле этот исторически закономерный процесс только что еще намечался и императорские учреждения только что складывались, развился же он гораздо позже, при Империи.

Оборотной стороной *развития* рабовладельческой Империи было массовое разорение свободных землевладельцев и эмиграция из Италии в провинции.

Италия покрывалась масличными рощами, виноградными плантациями, садами и пастбищами, принадлежавшими богатым людям, имевшим средства для покупки земель и рабов. Из массы средних плантаторов выделялись крупные землевладельцы, *магнаты* (principes), владельцы латифундий, располагавшие массой рабов и клиентов. Выдвижение новых социальных групп расстраивало старые землячества (сельские трибы), а вместе с ними расстраивались и их представительные органы — трибутные комиции. Социальный состав комиций изменился. В I в. большинство народного собрания составлял уже не сельский плебс, а деклассированные элементы города, так называемая «базарная толпа» (forensis turba), со всех концов стекавшаяся в «клоаку мира» (Рим) и сравнительно легко приобретавшая права гражданства. Эта деклассированная масса, наполнявшая теперь собрания, не отличалась устойчивостью политических убеждений и легко поддавалась подкупу, задабриванию и всякого рода иной демагогии.

Сулланские учреждения — сенат, комиции и магистраты, — оставаясь по форме и по названию республиканскими учреждениями, по сути дела являлись уже императорскими административно-бюрократическими органами: сенат — государственный совет, состоявший в значительной степени из фаворитов Суллы, магистраты — чиновники, подчиненные сенату, войско — профессиональная армия, зависимая от своего вождя (императора), от него же зависела и большая часть оптиматов и всадников, занимавших в армии посты интендантов, обслуживавших армию.

«О законе, голосовании или жеребьевке теперь уже не было и речи, после того как все оцепенели от ужаса, замкнулись в себе

и молчали. Они даже признавали действительными все постановления Суллы, изданные им во время консульства и проконсульства...

Теперь римляне, наконец, поняли, что у них уже не существует свободного, законного голосования и что вообще ведение дел уже не в их власти. В этом чрезвычайно сомнительном положении даже тень народного голосования казалась желанной как эмблема свободы. Они голосуют и выбирают Суллу неограниченным государем на срок, какой ему будет угодно. Правда, и прежде диктаторские полномочия были беспредельны, но важным ограничением была краткость срока. Теперь же, когда впервые отпало ограничение и во времени, власть диктатора превратилась в настоящий произвол — тиранию» [1].

В сознании античных писателей сулланская эпоха оставила глубокий след как переходная эпоха от Республики к Империи, от патриархальных нравов к нравам и привычкам развитого рабовладельческого общества.

«С тех пор как Сулла, — пишет Саллюстий, — силой оружия захватил власть, стали расти жадность и корыстолюбие, тогда все сделалось добычей хищения и произвола. Люди наперерыв стали захватывать и отнимать друг у друга земли, дома и деньги. Победители не знали ни меры, ни границ своей жадности, жестокости и произвола. Не было того неистовства, которое они не испробовали бы на своих соотечественниках...

С этого времени богатство вошло в честь, сделавшись источником власти, влияния, могущества и славы. Напротив, бедность начали считать пороком, над честностью же стали смеяться, а умеренность презирать... Богатые люди захватывали целые территории, строили роскошные загородные виллы и городские дома, а сельская и городская беднота, лишенная крова, бродила по дорогам или ютилась по грязным каморкам. Сладострастие затмило все умы, а притупленный вкус собирал себе пищу со всех морей и земель» [2]. ...Все подчинились гордому высокомерию немногих (ludibrio superbiae paucorum).

Одной из наиболее характерных особенностей конца Римской республики является повышенная *роль войска*, придающая всему периоду специфический отпечаток военной диктатуры и борьбы между командирами за верховную власть. Эпоха Мария — Суллы и в этом отношении может быть названа переломной эпохой. Как ни велико было значение войны и войска в предшествующие периоды, все же никогда прежде армии и военные вожди не играли такой решающей роли в общественной жизни, как в последний век Республики, начиная с Мария и Суллы. Это был в полном

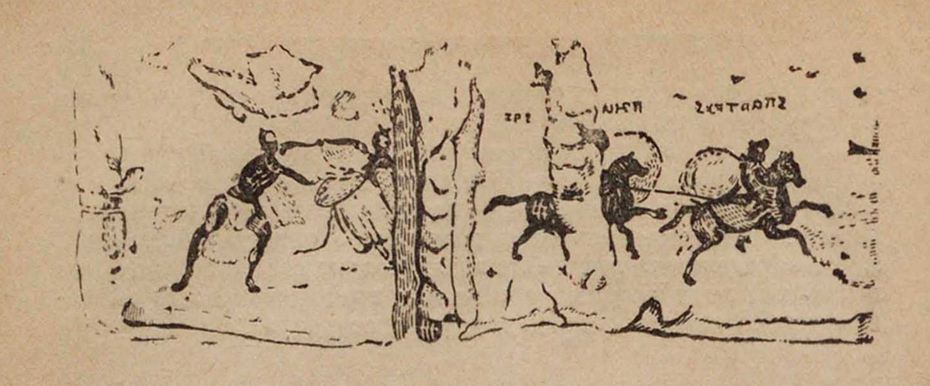
[1] *App.*, Bell. civ., I, 99.
[2] *Sallust.*, De coniur. Cat., XI—XIII; Bell. Jugurth., 33.

смысле период военных диктатур и предимператоров, силою вещей превращавшихся в настоящих императоров.

Впервые на значение армии как самостоятельной силы указал в XVIII в. Монтескье в «Величии и падении Рима». «Римские солдаты, — писал Монтескье, — не принадлежали к какой-либо партии. Они сражались не за какую-либо определенную вещь, а за определенное лицо. Они знали только своего вождя. Если вождь потерпел поражение и не мог выполнить своего обещания, то они поворачивались в другую сторону» [1].

[1] *Montesquieu*, Grandeur et décadence des Romains, VIII

Глава X

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПОСЛЕСУЛЛАНСКИЙ ПЕРИОД

1. РОСТ РАБОВЛАДЕНИЯ И ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

На 80-е и 70-е годы I в., на эпоху Мария — Суллы, приходится второй подъем римского империализма, сопровождавшийся огромным притоком рабов, денег, земель и военной добычи. Марий в кимвро-тевтонской войне захватил до 50 тыс. рабов, Сулла в войне с Митридатом ограбил много стран и городов — Пергам, Клазомены, острова Хиос, Самос и др., и захватил массу рабов. Несколько десятков тысяч рабов было захвачено в одной только битве при Херонее; не одна тысяча рабов была взята Суллой при захвате Афин [1].

Захватническую политику Суллы продолжали его многочисленные ученики и последователи — Лукулл, Помпей, Красс и Цезарь. В третьей войне с Митридатом (74—64 гг.) Луций Лициний Лукулл захватил такое множество рабов, что стоимость раба упала до 4 драхм, т. е. до 1 рубля. «Лукулл, ободряемый своей победой, продвигался все дальше, подчиняя себе все местности, встречавшиеся на пути, и захватывая массу припасов. Завоеванная Лукуллом страна была счастливой страной, в течение долгого времени не знавшей войн. Рабов было так много, что цена на раба достигла скоро 4 драхм» [2]. Замечание Страбона, что на самом большом рабовладельческом рынке, на острове Делосе, ежегодно продавалось до 10 тыс. рабов, дает представление о размерах работорговли в конце Римской республики, если даже приводимая цифра и сильно преувеличена.

---

[1] *T. Frank*, Rome and Italy of the Republic, 1933, p. 292.
[2] *App.*, Bell. Mithr., XII, 78.

Первенствующее положение в средиземноморской работорговле Делос сохранял до 88 г., до его захвата и разграбления Архелаем, полководцем Митридата. После победы Суллы торговое значение Делоса было восстановлено, но оно уже никогда не достигало своего прежнего размаха. Кроме Делоса, крупными рабовладельческими центрами были города черноморского и азовского побережий, в особенности Танаис в устьях Дона и Аквилея в Северной Италии. Работорговцы приобретали рабов у местных царей, доставлявших их на пограничные рынки, и затем перепродавали их потребителям [1].

Главными источниками приобретения рабов, как и в предшествующие столетия, служили война и пиратство. Тит Ливий говорит о «великой силе людей, скота и всякого рода иной добычи» (magnam vim hominum et pecoris et omnis generis praedae), захватываемой на войне [2]. Конкретной иллюстрацией этого общего положения может служить прежде всего галльская война (58—51 гг.), во время которой было захвачено около 400 тыс. или даже, по другим сведениям, до 1 млн. военнопленных, проданных в рабство. В 57 г., разбив адуатуков, Цезарь взял 53 тыс. рабов [3]. После взятия города Алезии в 52 г. Цезарь распределил захваченных рабов между солдатами — каждому по одному рабу [4]. 20 тыс. из них он возвратил обратно [5].

Далее, веским доказательством большого числа рабов в Италии и Сицилии является спартаковская война, в которой приняло участие 120 тыс. человек, главную массу которых составляли галлы и фракийцы, и целый ряд более мелких восстаний, которыми полны последние десятилетия республики.

Вторым источником пополнения рабского рынка служило пиратство, значение которого в экономике рабовладельческого Рима хорошо выяснено в посвященной этому вопросу специальной монографии Ормерода [6].

Особенно широкие размеры пиратство приняло со времени войны Суллы с Митридатом. Рыскавшие на своих легких судах по водам Средиземного и Черного морей, пираты захватывали не только попадавшиеся им флотилии, но осаждали целые города, жителей которых они захватывали и доставляли на невольничьи рынки. Наряду с этим мы встречаемся с прямым захватом жителей завоеванных городов римскими публиканами. Вспомним ответ вифинского царя Никомеда, заявившего римским

---

[1] *Strab.*, XI, 2, 12.
[2] *Liv.*, XXIX, 35.
[3] *Caes.*, De bello gall., VI, 33.
[4] Ibid., 89.
[5] Ibid., VII, 96.
[6] *H. Ormerod*, Piracy in the ancient world, Cambridge, Ancient History, 1934, v. IX.

вербовщикам, что большая часть его людей продана римским публиканам и находится в римских провинциях в качестве рабов.

Ответ Никомеда достаточно выразительно говорит как о количестве захватываемых рабов, так и о вреде, причиняемом рабовладением тем странам, откуда вывозились рабы.

Точной цифры количества рабов в Италии в I в. мы не имеем, мнения же ученых об этом предмете сильно расходятся. Старые историки (Гиббон, Валлон, Марквардт, Моммзен), у которых вообще была тенденция преувеличивать цифры и масштабы античного мира, принимали очень высокую цифру количества рабов: приблизительно с расчетом на 8 млн. свободного населения Италии 12 млн. рабов. В одном только Риме насчитывали 900 тыс. рабов [1]. Новые исследователи этого вопроса — Белох, де Санктис, Кавеньяк, Пиганьоль, Вестерманн и др. — обнаруживают противоположную тенденцию — слишком снижать число рабов. Отношение рабов к свободным и вольноотпущенным в конце I в. названные ученые принимают как 1 : 3. Это дает в Италии при 14 млн. свободных и вольноотпущенных около 4 млн. рабов [2]. Далее, при исчислении количества рабов абсолютно необходимо учитывать региональность и специфичность отдельных областей и районов. Больше всего рабов было в южных частях Италии и Сицилии, напротив, в северных районах крепче держались свободные земледельцы. Доказательством большого числа рабов и их социального значения в строе Римской республики I в. являются частые «войны рабов» и участие рабов буквально во всех восстаниях, переворотах и заговорах. Труд рабов составлял основу италийской промышленности и сельского хозяйства.

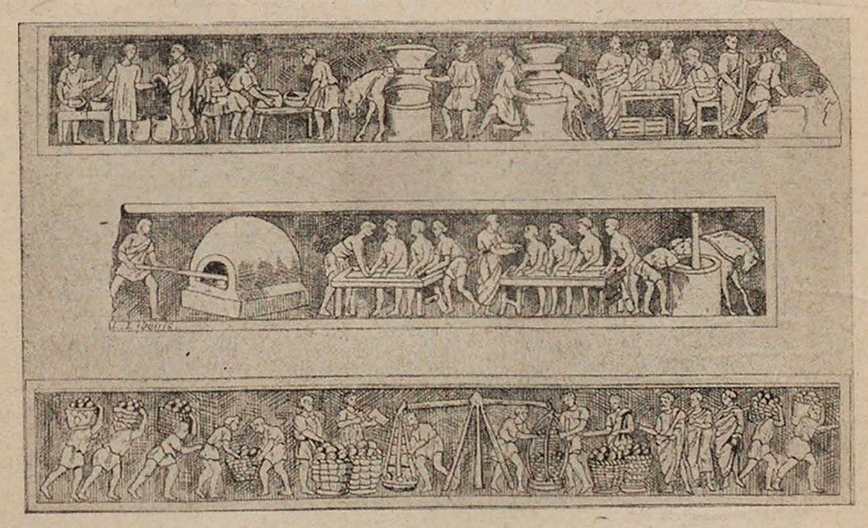
Исследования в области римской промышленности Гуммеруса, Драгендорфа и др. не оставляют никакого сомнения, что основной категорией труда в италийской промышленности последнего века Республики и первого века Империи являлся труд рабов. Об этом свидетельствуют штемпеля на ремесленных изделиях, в частности на керамических предметах из Арретия, лучше всего изученных названными учеными археологами и историками. Пример: штемпель «Cerdo M. Perenni. Nicephorus M. Perenni», т. е. рабы Кердо и Никифор, работающие в мастерской М. Перенния, изготовили этот предмет. Массовое применение рабов практиковалось в рудниках, каменоломнях и на мельницах. Страбон говорит о 40 тыс. рабочих-рабах, работавших на

[1] *J. Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, 1884, II, 124.

[2] *J. Beloch*, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1886, S. 392; *E. Cavaignac*, Population et capital dans le monde mediterrané en antique, 1923; *H. Wallon*, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 1879.

испанских серебряных рудниках в районе Нового Карфагена[1]. У того же самого автора узнаем о рабах, работавших в рудниках города Помпеополиса в Понте, и т. д.

Не было ни одной хозяйственной отрасли, где бы не применялся труд рабов или вольноотпущенников. Рабы и вольноотпущенники работали в мастерских, отдавались в аренду, торговали в городских лавках при домах магнатов, работали в поместьях (виллах), служили торговыми агентами, гребцами во флоте, заведывали библиотеками, подбирали для своих хозяев ар-

Барельеф могилы булочника в Риме

хивные материалы, дела и выписки из произведений писателей и поэтов, заведывали домовым хозяйством, были соучастниками романов, похождений и преступлений своих господ.

В отношении этнического состава рабы принадлежали к различным народностям, среди них встречались восточные народы, греки, галлы, германцы, фракийцы и скифы[2].

Далее следует отметить, что рабы и вольноотпущенники в римском обществе занимали далеко не одинаковое положение. Существовали различные разряды рабов, социально-экономическое положение которых было далеко не однородно. Над массой рабов-чернорабочих возвышалась своего рода аристократия рабов, занимавших привилегированное положение и оказывавших

---

[1] *Strab.*, III, 2.

[2] *M. Bang*, Die Herkunft der römischen Sklaven; «Röm. Mitt.», 1910, 25, 1912, 27.

влияние на своих господ, а иногда даже державших их в своих руках.

Примером такого рода влиятельного раба может служить, например, *Деметрий*, вольноотпущенник Помпея, один из богатейших и почитаемых людей своего времени.

В классовых боях привилегированная и менее угнетенная часть рабов обычно сражалась на стороне своих господ, ревниво охраняя их жизнь и имущество. Наибольшую же ненависть к рабовладельческому строю питали рабы, занятые на тяжелых работах: в рудниках, каменоломнях, на крупных плантациях и некоторых специфически античных профессиях, как, например, в профессии гладиаторов, постоянно находившихся под угрозой смерти. Рост рабовладения и переход на рабовладельческий способ производства совершался параллельно с ростом римского купеческо-ростовщического капитала.

После походов и завоеваний Мария, Суллы, Лукулла и Помпея Римская республика превратилась в мировую *колониальную державу*, напоминающую Испанскую монархию XVI в. с ее обширными европейскими и внеевропейскими владениями, в которых, по выражению современника, никогда не заходило солнце.

Вся экономическая и политическая жизнь Рима конца Республики связана с колониальной политикой, колониальной торговлей, с захватами и эксплоатацией провинций. Само собой разумеется, что, употребляя термин «империализм» и «колониальная политика» в римской истории, никогда нельзя упускать из виду принципиальные отличия названных терминов от соответствующих терминов в отношении других общественных формаций.

«Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией». Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала» [1].

Подобно Испании XVI в., Рим всецело зависел от своих провинций, его блеск и величие покоились на обладании провинциями, рассматриваемыми как «поместья римского народа» (praedia populi Romani). Из провинций извлекались доходы в форме налагаемых на них контрибуций, прямых захватов, аренды государственных статей и всех видов ростовщичества.

---

[1] *Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Собр. соч., т. XIX, стр. 137.

Ростовщичество в условиях Римской колониальной державы I в. до н. э. приняло очень широкие размеры по сравнению со всеми остальными видами экономической деятельности. С этим связано развитие денежной системы и банкового дела, характерных для последнего века Республики.

«Широкой и притом специфической ареной ростовщичества является функция денег как платежного средства. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — аренда, налоги и т. п. — сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен древнего Рима и до нашего времени так широко используется арендаторами» [1].

Банкир-ростовщик
Мраморный рельеф из Паннонии императорской эпохи

Римские банкиры (argentarii, mensarii, numularii) занимались разменом (permutatio) и хранением денег (depositum), давали денежные кредиты (creditum) городам, обществам и частным лицам и принимали на себя ведение всех денежных операций. Аргентарии имели текущие счета своих клиентов и производили по их поручению платежи и прием денег. Производимые денежные операции (prescriptiones) заносились в особые счетные книги в дебет (debet) или кредит (credit) клиента, который в любое время мог получить точные сведения о состоянии своего счета (ra-

[1] *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 2, Гиз, 1929 г., стр. 112.

tio). Аргентарии и нуммулярии выступали также в качестве торговых посредников и маклеров (interpretes). Центром денежных операций, аукционов и торговых сделок был город Рим — «мировая биржа» колониальной Римской республики. Банкирские конторы находились на Форуме у храма Кастора в особых помещениях (tabernae), сдаваемых на откуп цензорами [1].

Классическим примером римского дельца и спекулянта конца Республики может служить *Габиний*, народный трибун 67 года, которому Помпей Великий обязан получением чрезвычайных полномочий по борьбе с пиратами. В качестве легата Габиний отправился с Помпеем в Азию, участвовал во многих кампаниях и был одним из наиболее близких и преданных Помпею людей. В полученной им провинции Сирии Габиний ознаменовал себя безудержным лихоимством, вызвавшим открытый бунт туземцев. Более всего Габиний нажился в Египте, куда он был послан Помпеем для восстановления на престоле изгнанного Птолемея Авлета [2].

С именем Габиния неразрывно связано имя еще более крупного дельца позднеримской республики — *Гая Рабирия Постума*, известного нам из речи Цицерона, произнесенной в его защиту в 54 г.

Рабирий стоял во главе откупной компании, вел массу дел в провинциях, владел большими паями публиканских обществ, брал в аренду эксплоатацию государственных статей и кредитовал царей. Восстановленный в своих правах, Птолемей Авлет сделал Рабирия своим министром финансов, предоставив в его распоряжение все доходы государства.

Таких дельцов, как Рабирий, в Римской республике было, конечно, немного, но они пользовались огромным влиянием, от них зависели и по их указаниям действовали даже такие, казалось бы, самостоятельные люди, как Помпей, Цезарь и Красс. Рабирий принадлежал к тем немногим римским дельцам (pauci homines), к которым, по словам Цицерона, стекались все богатства всех наций (omnes omnium nationum pecunias pervenisse) [3].

В связи с ростовщичеством и обществами публиканов развилась *крупная и мелкая торговля* (mercatura), в значительной мере тоже носившая спекулятивный характер. О размерах римской торговли свидетельствуют многочисленные упоминания о римских купцах (negotiatores) в сочинениях римских писателей и в разного рода надписях, относящихся к данному вопросу [4].

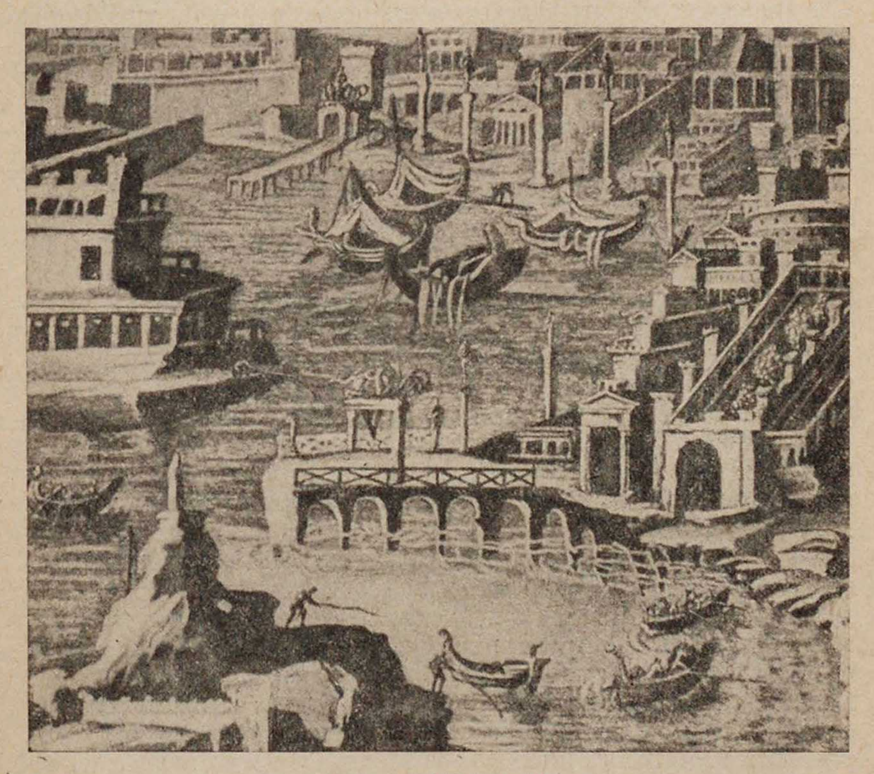
[1] *F. Pringsheim*, Zum römischen Bankwesen, «Vierteljahressch. f. Sozial. und Wirtschaftsg.», 1919, 15; *J. Hatzfeld*, Les traficants italiens dans l'Orient héllenique, 1919.

[2] *Cic.*, Phil. 2, 19; *Just.*, 42, 4; *Dio Cass.*, 39, 55.

[3] *Cic.*, Rob., Post., Caes., 12; *Cic.*, Verr., 11, 5, 126.

[4] *F. Durbach*, Choix d'inscriptions de Delos, 1921—1922.

Среди римских купцов одно из первых мест занимал вышеназванный Рабирий Постум, имевший собственные *торговые* суда. Как указывает в названной речи Цицерон, полные льняными, стеклянными и бумажными товарами суда Рабирия стояли в Путеоланской гавани, в одной из наиболее оживленных италийских гаваней [1].

Гавань в Кампании

Даже такие аристократически настроенные мыслители Рима, как Марк Цицерон, не считали позорным делом занятие крупной торговлей: торговля крупная не должна быть порицаема (si mercatur non est admodum vituperanda). Напротив, мелочные торговцы — разносчики, лоточники и прочие «грязные люди» (sordidi, putandi) — считались недостойными общения с высшими интеллигентскими классами [2].

---

[1] *Cic.*, Pro Rab. Post., 40.
[2] *Cic.*, De off., I, 42.

Главный объект италийского вывоза составляли продукты высокой сельскохозяйственной культуры, ввозились же предметы роскоши, хлеб для снабжения столицы, ремесленные изделия и рабы, поступавшие на невольничьи рынки. Крупная торговля велась через две главные гавани — *Остию* и *Путеолы* — на западном берегу Апеннинского полуострова [1].

Развитию обмена содействовали охрана морей, улучшение транспорта, установление однообразной системы мер и весов, единая монета, посредническая деятельность аргентариев и установление более совершенных правовых норм, облегчавших заключение торговых сделок, передачу собственности и наследств. В области права в изучаемый период следует отметить: 1) упрощение судебных процессов и 2) признание нового вида собственности, так называемой бонитарной (преторской) собственности, отличавшейся от обычной (квиритской) собственности более легкими способами передачи (traditio) имущества. Вместо торжественных и тяжеловесных форм передачи вырабатывались более легкие формы отчуждения и приобретения движимого и недвижимого имущества в полное владение или во временное пользование. Вместе с бонитарной собственностью возникает юридическое понятие субъекта, отчуждения прав владения, развивается вещное, обязательственное и наследственное право с соответствующими правонарушениями и взысканиями. В коммерческих сделках большое значение приобретает «добросовестность» (bona fides), облегчавшая заключение контрактов и получение кредита.

Господствующим видом собственности становится *индивидуальная собственность*, а главным носителем юридических прав делается *индивид* или союз правоспособных индивидов (societas). Гибкость и многообразие римского классического права есть одно из доказательств наличия сложных и оживленных денежных и кредитных отношений. По сравнению с внеэкономическими доходами, ростовщичеством и крупной торговлей ремесла и мелкая торговля занимали второстепенное место в экономической жизни Рима. Позднереспубликанский Рим был по преимуществу политическим, финансовым и потребляющим центром.

Торговля и ремесла удовлетворяли разнообразные потребности по преимуществу высших и средних классов. Стремление к жизненным удобствам, роскоши, хорошей обстановке, обильному столу, хорошему костюму и жилищу вызывали к жизни целый ряд новых ремесел.

Мелкая ремесленная мастерская старого типа в последние века Республики и первые столетия Империи перерастают в крупную рабовладельческую мастерскую — мануфактуру. Главной хозяйственной отраслью Италии попрежнему оста-

---

[1] *Gummerus*, Industrie und Handel, Paulys-Real-Encyclopädie, IX, 2.

валось сельское хозяйство, самая почетная отрасль труда в античных республиках. Эволюция италийского сельского хозяйства шла в направлении расширения плантационного хозяйства и большей связи с внутренним и внешним рынком. Число плантаций возрастало, их размеры увеличивались, увеличилось также и количество рабочей силы и служебного персонала, улучшились породы скота, вводились новые культурные растения (вишня) и изменялись методы эксплоатации «немых, полуговорящих и говорящих орудий» (instrumentum mutum, semivocale et vocale).

Для понимания динамики италийского сельского хозяйства интересно сравнить два произведения на одну и ту же тему о сельском хозяйстве — Катона, составленное во II в., и Варрона, написанное в I в. до н. э.

По сравнению с Катоном Варрон берет за образец виллу бóльших размеров, описывает более сложные приемы обработки земли, упоминает новые, до тех пор неизвестные сорта культурных растений, рекомендует более рациональные методы эксплоатации рабочей энергии рабов, больше внимания обращает на использование дополнительных категорий рабочих и т. д. При Катоне все миниатюрнее, проще и примитивнее.

Из Варрона и других источников видно, что в I в. в Италии производилось много винограда, маслин, фиг, различных сортов фруктовых деревьев, технических растений, развивались пчеловодство и огородничество. Некоторые сорта италийских вин, например, фалернское и аминейское, находили широкий сбыт за пределами Италии и успешно конкурировали с лучшими сортами греческих вин.

«Что есть полезного в хозяйстве, что бы не только не произрастало в Италии, но и не было бы превосходным?» [1].

«Какую другую полбу можно сравнить с кампанской? Какую пшеницу с апулейской? Какое вино с фалернским? Какое оливковое масло с венафрским? Не сплошь ли засажена деревьями Италия, так что вся она кажется садом?» [2].

Описываемое Варроном поместье-вилла представляет усадьбу по масштабам Республики больших размеров. Вход и выход из усадьбы строго регулируются. При выходе из виллы находится помещение виллика, который следит за всеми, кто входит и выходит из виллы.

«Помещение виллика должно быть расположено всего ближе к входной двери виллы, дабы он мог знать, не входит ли или не выходит кто-либо ночью и не несет ли чего с собою, особливо когда специального привратника не имеется».

---

[1] *Varro*, De re rust., I, 2.
[2] Ibid.

По сравнению с предшествующим периодом италийские виллы I в. в большей степени связаны с рынком, что свидетельствует о развитии за это время торговли, ремесел и товарности.

«Известно, что многим хозяевам необходим ввоз в имения, где недостает хлеба, вина или чего-либо прочего; напротив, есть немало таких, которым необходимо вывозить некоторые продукты» [1].

«При назначении продуктов в продажу надлежит смотреть, какие из них надо вынимать в какое время; ибо те, которые не могут сохраняться, надо доставать и продавать быстро, раньше, чем они испортятся; другие, которые могут сохраняться, надо продавать в момент высоких цен. Ибо часто продукт, долго сохраненный, если его во-время предложить в продажу, не только дает прибыль, но даже удваивается в цене» [2].

Близость города, судоходной реки и хорошей дороги для сельского хозяина столь же важны, как наличие хороших соседей и отсутствие конкуренции.

«Сюда относятся условия четырех родов: не безопасна ли окрестная область? Не отсутствует ли возможность вообще для вывоза продуктов из имения и для ввоза туда всего необходимого? В-третьих, не замечается ли отсутствие или дурное состояние дорог, по которым производятся перевозки? В-четвертых, нет ли чего-либо в соседних имениях, что нашим собственным полям может принести пользу или повредить?» [3].

Основную категорию рабочих в сельском хозяйстве во времена Варрона составляли *рабы*, наряду с которыми применялся труд свободных.

«Все поместья, — говорит Варрон, — обрабатываются тремя категориями рабочих: 1) рабами, 2) свободными и 3) теми и другими одновременно» (Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque) [4].

К категории свободных сельских рабочих Варрон относит: 1) тех, кто обрабатывает землю собственными силами (ipsi colunt), т. е. мелких свободных производителей, 2) наемных рабочих (mercenarii), работающих в виллах в качестве поденщиков, в особенности на сезонных работах (operis res maiores) и 3) мелких арендаторов полусвободного состояния (operarii), предшественников колонов императорского периода.

На организации труда Варрон останавливается с особым вниманием, развивая целую систему подбора и организации рабочей силы. О рабах, между прочим, говорится, что они не должны быть одной национальности, иначе они могут легко сговориться и бежать, не должны быть слишком пылки или

[1] *Varro*, De re rust., I, 16.
[2] Ibid., I, 59.
[3] Ibid., 16.
[4] Ibid., 17.

слишком робки. Для большей заинтересованности рабов в работе Варрон рекомендует прибегать ко всякого рода поощрительным мерам: улучшению пищи, одежды, выдаче наград и разрешения иметь семью и собственный участок земли (peculium).

«Охоту к труду можно вызвать более свободным режимом, более щедрой мерой пищи и одежды, сокращением количества работы или разрешением выгонять на пастбища имения несколько голов собственного скота или чем-нибудь другим в том же роде»[1].

В особенности старались привязать к имению административный персонал — управляющих, надзирателей, сторожей и др.

«Следует наградами повышать интерес надсмотрщиков к их работе, давать им некоторую собственность и разрешать иметь сожительниц-рабынь, приносящих им детей. Это делает их более уравновешенными и привязанными к имению»[2].

Все это, разумеется, делалось не в интересах раба, а в интересах рабовладельца, которому рекомендовались более рациональные методы использования трудовой энергии рабов. Как у Катона, так и у Варрона раб ценится не как человек, а исключительно как рабочая сила и затраченный на ее приобретение капитал.

На тяжелых работах и в нездоровых местностях Варрон советует применять не рабов, а свободных. Смысл этого совета ясен: раб стоит денег и, следовательно, о его здоровье необходимо в какой-то мере заботиться, между тем как свободный рабочий для хозяина виллы посторонний человек, который в любой момент может быть заменен другим или освобожден от работы.

Сочинение Варрона, относящееся к 30-м годам I в. до н. э., знаменует высший подъем сельского хозяйства Италии, но уже из отдельных замечаний Варрона можно заключить о начале кризиса, с полной силой развернувшегося в первые века Империи. Современники Варрона, виноградари и виноделы, жаловались, что расходы на виноградники пожирают приносимые ими доходы[3].

Вместе с ростом торговли, ремесел и культурной жизни большое значение приобретали *интеллигентские профессии* — адвокаты, врачи, педагоги, музыканты, актеры и пр. Возрастала жажда знаний, стремление к комфорту, веселой жизни и внешнему блеску.

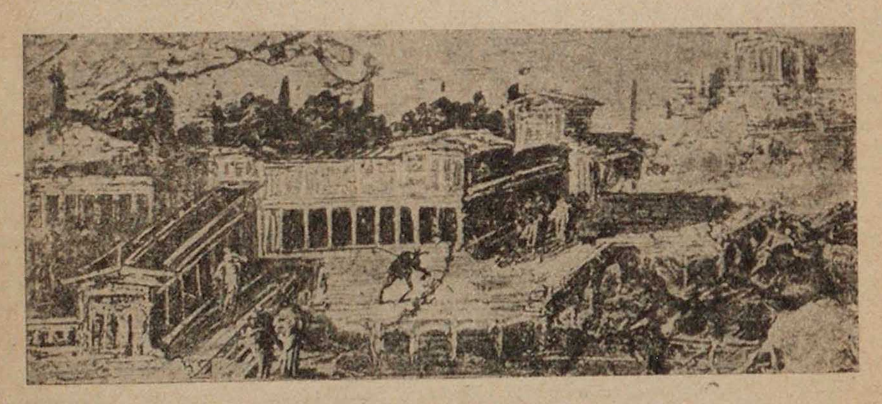
Позднереспубликанский Рим выглядел настоящим эллинистическим городом; изменились его внутренний строй и внешний вид, стиль общественных зданий и частных домов. Со времени Суллы Рим начинает отстраиваться и украшаться, превращаясь

---

[1] Ibid., 17.
[2] Ibid., 171.
[3] Ibid., 8.

из маленького городка на Тибре в большой город мирового значения. Богатые люди соревновались в постройке новых роскошных домов, городских и загородных вилл. В домах в большом количестве появлялись дорогая посуда, бронза, картины, портреты, статуи, канделябры, коринфские вазы, чеканные чаши, библиотеки, большой штат разделенных по рангам и специальностям слуг, по преимуществу рабов.

Своей роскошью больше всего славился *берег Неаполитанского залива*, усеянный роскошными виллами богачей, с прудами, фонтанами, цветниками и садами. Среди всех увеселительных мест чудесного Неаполитанского залива с его лазоревыми водами

Приморская вилла в Кампании

особенно выделялись *Байи*, курорт и местопребывание римской аристократии, денежных людей и интеллигенции, «Эльдорадо знатной праздности», по остроумному выражению Гастона Буасье.

Ни в один период римской истории Италия не жила такой бешеной жизнью, как в эпоху от Суллы до конца Республики и отчасти в первый век Империи. Через откупные товарищества в колониальную жизнь были втянуты не только высшие, но также средние и низшие слои городского населения. Каждый светский человек мечтал купить дом в Риме, построить загородную виллу и соответствующим образом обставить ее дорогими вещами, украсить произведениями знаменитых художников, статуями, портретами, цветниками и фонтанами. Для иллюстрации достаточно нескольких общеизвестных примеров. Так, например, Лукулл за свое имение в Байях заплатил 10 тыс. талантов, дом Цицерона на Палатине стоил $3\frac{1}{2}$ млн. сестерций, дом Квинта Цицерона стоил 1 млн. сестерций, имения Росция стоили 6 млн. сестерций и т. д. К числу крупнейших римских богачей принадлежали все видные политические

деятели предимператорского периода: Помпей, Красс и Домиций Агенобарб, о которых будет рассказано в другой связи. Издававшиеся законы против роскоши, ограничивавшие траты, не имели значения. Стремление следовать моде и не отставать от других было одной из причин задолженности и разорения, с одной сто-

Рельеф на саркофаге Анния Октавия Валериана

роны, и страшной жадности к деньгам, с другой; эти черты характерны для римского общества конца Республики и в особенности для Империи.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОНЦА РЕСПУБЛИКИ

В Риме не существовало строгого разделения труда между отдельными отраслями народного хозяйства. Сплошь и рядом землевладелец был одновременно купцом, банкиром и хозяином одной или нескольких мастерских, где применялся труд рабов[1]. В этом можно убедиться на примерах известных нам римских деятелей, изучение экономических биографий которых дает более образное представление о социально-экономической жизни позднереспубликанского Рима, чем сухое перечисление фактов и цифр.

Типичной фигурой делового римлянина конца Республики является, например, *Тит Помпоний Аттик*, богатый всадник, друг и советник Цицерона. Удалившись ввиду тревожного времени от политической деятельности, Помпоний Аттик ушел в личную жизнь, погрузился в науку, искусство и коммерцию. Хозяйственный масштаб Аттика очень широк. Он имел обширные пастбища и плантации в провинциях, ссужал деньгами города и частных лиц, имел издательское дело, торговал и т. д.

Не принимая непосредственного участия в политической жизни, Аттик дружил с представителями самых противоположных партий. Его уважали Марий и Сулла, его друзьями были Цицерон и Марк Антоний. Среди современников Аттик считался

[1] *H. Scheel*, Die wirtschaftlichen Grundbegriffe im Corpus iuris civilis, 1866.

весьма образованным человеком, между прочим, написавшим историю Рима от основания города до своего времени [1].

Еще более колоритной фигурой эпохи гражданской войны является *Марк Лициний Красс* (Marcus Licinius Crassus). Красс, сын консула 97 года Публия Лициния Красса Богатого (Dives), принадлежал к числу виднейших деятелей конца Республики и был одним из самых богатых людей Рима. Экономическая биография Красса заслуживает особого внимания, так как она рисует вершителей судеб римского народа не с лицевой, показной, а с оборотной стороны, вводя в их хозяйственные дела и коммерческие аферы.

По своему происхождению, состоянию и общественному положению Красс входил в круг римских *магнатов*, к которому принадлежали Помпей, Агенобарб, Лукулл, Цезарь и многие другие римские знаменитости. Все названные лица были не только полководцами и политическими деятелями, но также и первыми богачами, помещиками, дельцами и спекулянтами. Главным поприщем их деятельности являлись провинции, из которых они экономическим и внеэкономическим путем извлекали баснословные прибыли, но это была только одна из статей их дохода. В то же время они имели поместья (латифундии), дома в Риме и провинциях, участвовали непосредственно или через своих агентов в откупных и торговых компаниях, арендовали земли, скупали рабов, имели постоялые дворы на проезжих дорогах — словом, из всего извлекали пользу. По части извлечения дохода впереди всех стоял Красс.

«Красс, — говорит его биограф Плутарх, — отличался многими хорошими качествами, усвоив себе привычку к рассудительному и воздержному образу жизни. Одна только черта, как бурная страсть, омрачала превосходные качества Красса — страсть к приобретению» [2].

К концу жизни состояние Красса оценивалось в 7 100 талантов, между тем как вначале оно едва достигало 300 талантов. Свое состояние Красс нажил «огнем и мечом», извлекая выгоду из общественных несчастий. Во время сулланских проскрипций Красс, близко стоявший к диктатору, в широком масштабе занимался скупкой конфискованных земель. Но этим далеко еще не исчерпывалась экономическая деятельность Красса. Земельная спекуляция составила лишь одну из доходных статей Красса, не брезговавшего никакими источниками дохода.

Одним из неисчерпаемых источников обогащения служила спекуляция на *жилищной нужде* [3]. В Риме в последние столетия Республики вследствие переполнения города пришлым элементом

---

[1] *Г. Буасье*, Цицерон и его друзья, М. 1915; *И. Гревс*, Очерки из истории римского землевладения, Спб. 1899 г., стр. 237.

[2] *Plut.*, Crassus, II.

[3] *Pöhlmann*, Die Übervölkerung der antiken Grossstädte, L., 1884.

ощущался острый жилищный кризис. Жилых домов строилось мало, а те, которые строились, абсолютно не удовлетворяли ни требованиям элементарного удобства, ни правилам гигиены. Многоэтажные дома-гиганты (insulae — острова) часто обваливались, горели, рассыпались или размокали. Из-за недостатка жилищ бедное население ютилось по чердакам, подвалам и каморкам. Недостаток помещений создавал условия, благоприятные для развития жилищной спекуляции.

Красс скупал сгоревшие или развалившиеся дома и покупал рабов-архитекторов для постройки «домов-островов», сдававшихся в аренду мелким съемщикам. Он же организовал пожарные дружины из рабов, за плату тушившие пожары. Далее, известно, что Красс, «первый богач Рима после Суллы», владел многочисленными серебряными рудниками и отдавал на откуп квалифицированных рабов. В республиканском Риме спекуляция рабами составляла одну из наиболее выгодных статей обогащения. Красс скупал молодых рабов, обучал их ремеслам и искусствам, делал из них архитекторов, переписчиков, дворецких, чтецов, счетоводов, организаторов мастерских, лавок и трапез и затем за высокую цену сдавал их в аренду лицам, нуждавшимся в их услугах. Обучение рабов вверялось особым специалистам-инструкторам (instructores) и производилось под наблюдением самого Красса [1].

Все же основным источником дохода Красс считал в стиле своего времени наиболее почетным и надежным земельный доход. По словам Плиния, поместья Красса расценивались в 200 миллионов сестерций (14 миллионов рублей золотом). Богатым человеком он считал только того, кто мог на свой годовой доход снарядить целый легион (qui reditu annuo legionem tueri posset) [2]. Будучи самым богатым человеком после Суллы (quiritium post Sullam divitissimus), Красс все-таки не удовлетворялся тем, что у него имелось. Он желал захватить все золото парфян [3]. В той же самой книге Плиния упоминается еще другой богач и рабовладелец *Гай Цецилий Клавдий Исидор*, вольноотпущенник, оставивший по завещанию 4 116 рабов, 3 600 пар быков, 257 тыс. голов другого скота и в монете 60 миллионов сестерций (около 4 200 тыс. рублей золотом). И это, как указывает Плиний, составляло только часть состояния Клавдия Исидора, много потерявшего в гражданской войне [4].

3. ВОССТАНИЕ ЛЕПИДА. СЕРТОРИАНСКАЯ ВОЙНА

Оборотной стороной вышеописанного социально-экономического подъема рабовладельческой Италии было усиление иму-

[1] *Plut.*, Crassus, 11.
[2] *Plin.*, Nat. Hist., 33, 134.
[3] Ibid., 33, 135.
[4] Ibidem.

щественного неравенства, переполнение города люмпенпролетарским элементом, обострение классовых противоречий и классовой борьбы. Во всех слоях имелось много недовольных существующим порядком. Кадры городской бедноты расширялись, материальное же положение и бытовые условия низших классов ухудшались, жизненные потребности росли, а источники их удовлетворения сокращались. Положение городской массы еще более ухудшилось вследствие отмены Суллой раздач дешевого хлеба и сокращения политических прав плебса.

«Политика хлеба и зрелищ», официально признанная Гракхами, привлекая в «клоаку мира» массу неимущих, еще более углубляла народную нужду. Особенно тяжелы были жилищные условия мировой столицы. Как уже отмечалось выше, в Риме конца Республики строилось много великолепных зданий, дворцов, храмов и пр., между тем как масса населения жила в самых отвратительных условиях. Мелкие съемщики, коечники и коморочники, не выходившие из долгов, подвергались выселению, издевательствам и преследованиям со стороны домовладельцев-спекулянтов, вроде Красса и ему подобных. Бытовые условия низших классов — мелких ремесленников, торговцев, служащих и совершенно неимущих люмпенпролетариев казались особенно тяжелыми в сравнении с роскошными виллами всесильных магнатов.

Отношение высших классов к низшим, как к рабам, так и к свободным, было самое презрительное, что еще более обостряло классовую вражду, которую низшие классы питали по отношению к высшим.

Богатый материал для изучения быта низших классов, классовых противоречий и классовой борьбы конца Республики содержат произведения римских историков Ливия и Дионисия, использовавших в качестве материалов современную событиям историческую публицистику. Роберт Пёльман в «Истории античного социализма и коммунизма» [1] с достаточной убедительностью доказал, что под видом борьбы патрициев с плебеями Ливий и Дионисий изображали современные им события, перенося современные им социальные порядки и настроения в далекое прошлое, к самому началу Республики.

В изображении названных писателей римское государство представляется расколовшимся на два государства. В одном государстве царят нужда и нищета, а в другом господствуют богатство и надменность.

«Поймите же, — убеждает плебеев народный трибун Канулей, — как вас презирают патриции. Они не хотят даже, чтобы

[1] *Р. Пёльман*, История античного социализма и коммунизма. Изд. Брокгауз-Ефрон, стр. 557.

вы пользовались солнечным светом, они лишили бы вас его, если бы могли это сделать. Их раздражает уже то, что вы дышите, что вы издаете звуки, что у вас есть образ человеческий»[1].

Другой демагог (Манлий) делает вывод о необходимости осознания собственной силы, подчинения единому руководству и вооруженной борьбы.

«Сосчитайте, сколько вас и сколько наших врагов?! Покажите же, наконец, что вы можете прибегнуть к вооруженной силе, и тогда они сами откажутся от своих притязаний»[2].

«Должно действовать сообща и проявлять решительность, иначе каждому из нас придется все терпеть и выносить. Диктаторы и консулы должны быть ограничены в своих правах, и лишь тогда римский народ может поднять голову»[3].

Из приведенных речей ораторов можно заключить о большом радикализме римских пролетариев, граничившем с требованием полного уничтожения рабовладельческого общества со всеми его привилегиями и культурой. «Подобно диким зверям, мы стремимся уничтожить своих противников, хотя бы это было связано с гибелью и нас самих»[4].

В момент острых экономических и политических кризисов революционными настроениями низших классов заражались также и *средние группы*, к числу которых принадлежали средней руки земельные собственники, хозяева ремесленных мастерских, содержатели гостиниц, таверн, постоялых дворов, гладиаторских школ, лица интеллигентских профессий — врачи, архитекторы, педагоги, актеры и некоторые другие профессии и состояния. Значение этой прослойки не следует, конечно, недооценивать, но ее влияние на ход политической жизни Рима было несравненно слабее, чем двух крайних групп — магнатов и пролетариев. Как много в самом Риме и в италийских муниципиях имелось тогда недовольных и революционно настроенных элементов, показывают частые восстания, заговоры и т. д.

Недовольные существующим строем имелись не только среди рабов и лишенных прав низших классов, но и среди самой сулланской аристократии. Первым против сулланской конституции восстал *Марк Эмилий Лепид*, консул 78 года.

Опираясь на недовольство разоренных Суллой землевладельцев и марианских ветеранов, Лепид, соединившись с марианцем Марком Юнием Брутом, поднял восстание против установленных Суллой порядков. Диктатор, говорил Лепид в обращении к войску, на обломках общественной свободы водворил ти-

---

[1] *Liv.*, IV, 3.
[2] Ibid., VI, 18.
[3] Ibid.
[4] *Dion. Halic.*, VI, 36.

ранию, поправ все, что римский народ с таким трудом завоевал в борьбе с Пирром, Ганнибалом, Филиппом и Антиохом.

«Римский народ, недавний повелитель всех народов земли, ныне принижен, презрен, лишен защиты законов, чести, славы, власти, возможности полезной деятельности, не имеет избытка даже в той пище, которая дается невольникам.

Законы, суд, общественная казна, провинции, цари — все принадлежит ему, Сулле, одному. Наконец, он же присвоил себе право жизни и смерти над согражданами. При нынешних обстоятельствах что же остается нам, квириты, как только, взявшись за оружие, отомстить или честно умереть? А умереть надо всем» [1].

Главную опору Лепида и Брута составляли марианские ветераны, особенно жестоко пострадавшие во время переворота. К этому основному ядру примыкали недовольные из всех общественных слоев. «У него, — говорил консул *Марций Филипп*, выступавший в 91 г. против Ливия Друза, а в это время противник Лепида, — сборное место испорченных людей всех сословий (homines omnium ordinum corruptissimi), подстрекаемых нуждой и страстями (flagrantes inopia et cupidinibus), волнуемых сознанием совершенных ими преступлений; для этих людей — в смутах раздолье, а мирное время — беда; они стараются, чтобы волнение рождало волнение, война — войну» [2].

Лепид с армией двинулся в Рим, но на Марсовом поле потерпел поражение, а союзник Лепида Марк Брут был разбит сулланцем Помпеем при городе Мутине. Потерпев неудачу, Лепид удалился в Сардинию, где вскоре умер, а его разгромленная армия частью перешла на сторону Помпея, частью же под командой Перперны переправилась в Испанию и присоединилась к Серторию, вождю римской эмиграции (марианцев), спасавшейся от сулланского террора.

Квинт Серторий (Quintus Sertorius) — вождь римской эмиграции в Испании, происходил из богатой всаднической семьи из Самния. Участник союзнической войны, Серторий после неудачной попытки получить звание народного трибуна стал во враждебное отношение к сулланской партии и примкнул к марианцам. В 82 г. Серторий со своими приверженцами отправился в назначенную ему провинцию Испанию и там собрал всех недовольных сулланским режимом эмигрантов — марианцев и туземцев. Туземцы смотрели на Сертория, как на своего избавителя, пророка и чудотворца. Ходил слух, что у него имелась священная лань, неотлучно его сопровождавшая и передававшая ему волю божества.

---

[1] *Sallust.*, Hist., I, fragm., I, 55.
[2] Ibid., I, 77.

С набранной из эмигрантов и туземцев армией, Серторий, прозванный «новым Ганнибалом», повел настоящую войну против Суллы, «серторианскую войну» (bellum Sertorianum), по выражению римского историка Флора [1].

Серторий одержал несколько побед над высылаемыми против него римскими отрядами и провозгласил самостоятельность Испании. Следствием этого было то, что все племена, жившие по правую сторону Эбро, стали под знамена Сертория. В Испании образовалось самостоятельное правительство с собственным сенатом из 300 римских эмигрантов, бежавших к Серторию, туземцы же в сенат не были допущены.

«Распоряжаясь войсками, деньгами, городами испанцев, он ни на шаг не поступился в их пользу правами верховной власти, напротив, давал военные и гражданские должности одним только римлянам, стараясь вернуть им свободу, но не унижать римлян перед туземцами. Он был горячим патриотом и страстно желал вернуться на родину» [2].

Ввиду угрозы отложения Испании от Рима, в 76 г. была двинута армия под командой Помпея, вступавшего тогда на политическую арену. Война в гористой Испании оказалась трудной, перевес долго оставался на стороне Сертория, и сам Помпей едва не попал в плен к восставшим. В конце концов все-таки победил Помпей благодаря численному превосходству своих войск, недостаточно прочной спаянности Сертория с туземцами и, наконец, благодаря несогласиям между вождями испанской эмиграции, Серторием и Перперной.

В 72 г. Серторий был убит заговорщиками, и вскоре после этого и та организация, во главе которой он стоял, распалась.

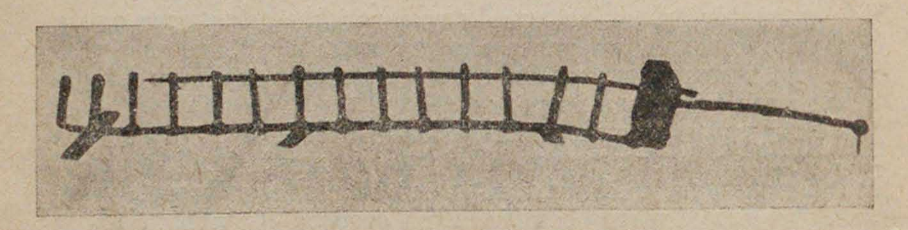
4. ВОССТАНИЕ СПАРТАКА

Испания была лишь одним из революционных очагов. В Италии в эти годы происходило грандиозное восстание рабов, известное под именем «рабской войны» (bellum servile), под предводительством Спартака. Как указывалось в предшествующей главе, Италия в I в. до н. э. была наводнена рабами, среди которых было много германцев, галлов, иллирийцев, фракийцев и представителей других окраинных племен. Обращение с рабами было самое жестокое, отсюда — частые восстания и побеги рабов. Осужденные за участие в восстаниях, побегах или за какие-либо иные преступления, рабы клеймились, заковывались и содержались в специальных тюрьмах для рабов, носивших название

---

[1] *Flor.*, III, 22.
[2] *Plut.*, Sertorius, XXII.

эргастулов (ergastula) — подземелья с узкими, едва пропускавшими свет окнами. С клеймом на лбу, под постоянной угрозой бича надсмотрщика, рабы большими партиями выгонялись на работы и затем, по окончании работ, снова возвращались в свои подземелья. Несколько лучше было положение большинства свободного населения. Отличавшиеся друг от друга в юридическом отношении, рабы и низшие слои свободного населения сходились в общей ненависти к существующему строю и в стремлении к освобождению. Италия в послесулланский период была полна революционных элементов, и достаточно было одного толчка, чтобы революционные силы, клокотавшие внутри италийского общества, с страшным взрывом прорвались наружу. Толчком

Ножная колодка для рабов

к новому общеиталийскому взрыву послужило восстание рабов под предводительством гладиатора *Спартака* (Spartacus), превратившееся в настоящую «рабскую войну» (bellum servile), продолжавшуюся около трех лет (73—71).

«Союзническая война, сколь она ни была нечестива и позорна, все-таки была войной с свободными людьми, но кто может равнодушно видеть, как народ, повелитель мира (princeps gentium populus), ведет войны с рабами» (bella servorum) [1], — возмущается историк Флор, живший во II в. н. э., при «просвещенной монархии» Антонинов.

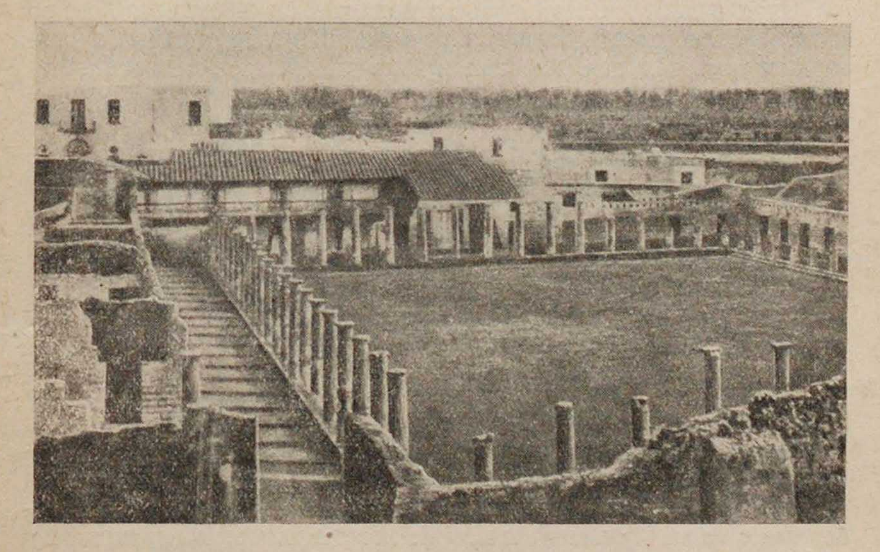
О Спартаке и спартаковском восстании сообщают многие из античных писателей, но все эти упоминания крайне отрывочны и касаются, главным образом, внешней стороны движения или же передают общее впечатление, произведенное спартаковским восстанием на современников и последующие поколения. О внутренней же стороне движения, о программе Спартака, его целях и планах, а также о социальном составе восставших и об отношении рабов к рабству, как социальному институту, можно составить лишь самые общие заключения на основании отдельных замечаний или даже намеков наших источников.

---

[1] *Flor.*, III, 19.

На основании сообщений древних писателей (Плутарха, Аппиана, Саллюстия, Флора, Орозия и др.), общая картина спартаковского движения представляется в следующем виде.

У некоего Лентула Батиата, в городе Капуе, в Кампании была гладиаторская школа, в которой имелись рабы-гладиаторы различных национальностей. Большинство их составляли фракийцы, галлы и германцы. Режим в школе Батиата, как и в других гладиаторских школах, отличался большой суровостью и жестокостью. Поставленные в невыносимые жизненные

Развалины школы гладиаторов в Помпеях

условия, рабы в количестве 200 человек составили заговор с целью возвращения на родину. Заговор был открыт, часть заговорщиков схвачена, другая бежала, а 70 человек во главе с фракийцем *Спартаком* скрылись в горах Везувия. По дороге к Везувию беглецы встретили несколько телег, везших оружие в другие гладиаторские школы, захватили его и вооружились. После этого рабы укрепились на Везувии и избрали трех главных вождей: Спартака, Эномая и Крикса.

Биографических данных о вождях движения почти не сохранилось. О самом Спартаке имеются лишь случайные упоминания, на основании которых трудно восстановить полный образ одного из самых интересных людей античной истории. Традиционная точка зрения, выводящая Спартака из царского рода Спартакидов, в настоящее время не может быть принята. У римского историка II в. н. э. Флора имеется указание, что Спартак про-

исходил из Фракии, служил в наемной армии, дезертировал, затем попал в плен к римлянам и за свою физическую силу был зачислен в капуанскую гладиаторскую школу Лентула Батиата (ille de stipendiario Thrace miles; de milite desertor, de desertore latro, deinde in honorem virium gladiator) [1]. Помимо физической силы, Спартак обладал большой ловкостью, умом и образованием. «Он более походил на образованного эллина, чем на варвара...» [2].

«Спартак, великий своими силами и тела и души...» — так характеризует Спартака Саллюстий Крисп [3].

Слух о победе гладиаторов и начавшемся восстании быстро облетел окрестности, вызывая горячее сочувствие рабов и свободных земледельцев, массами присоединявшихся к восставшим гладиаторам.

Сражение гладиаторов

Бежавшие гладиаторы и примкнувшие к ним рабы и свободные укрепились на горе Везувии. Отсюда они совершали набеги на соседние местности, захватывали обозы с оружием и продовольствием, скот и всякую другую добычу.

К Спартаку отовсюду стекались сочувствовавшие, рабы и свободные с соседних вилл и полей, воспламененные надеждой на освобождение.

Так прошел первый, подготовительный, или организационный, период спартаковского движения. За это время движение не только выросло количественно, но и приобрело известную устойчивость и организацию.

Со следующего года начался уже новый период напряженной борьбы с рабовладельческим Римом.

Высланный против рабов претор Гай Клодий с трехтысячным отрядом окружил рабов, укрепившихся на крутой скалистой горе, и занял единственный спуск с горы. Спартак, однако, не растерялся и нашел выход из критического положения. На вершине горы росло много дикого винограда, из ветвей которого, по приказанию Спартака, рабы сплели крепкие и длинные лестницы. По этим лестницам они благополучно спустились на

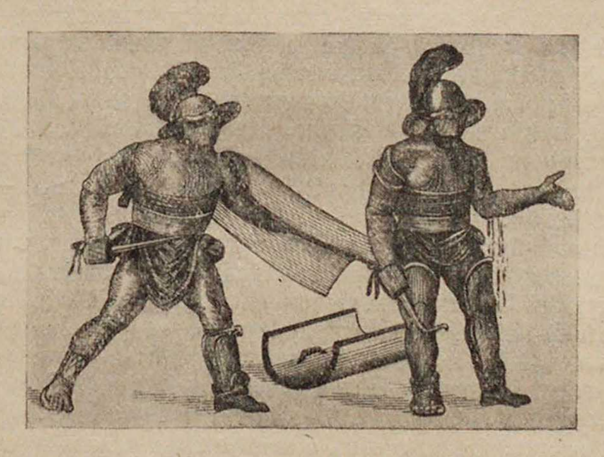
[1] *Flor.*, III, 20.
[2] *Plut.*, Crassus, VIII; *Flor.*, III, 20.
[3] *Sallust.*, Hist., III, fragm. 91.

землю, оставшись незамеченными римскими часовыми, окружили лагерь *Клодия* и разбили его наголову [1].

Этот героический поступок произвел большое впечатление на рабов и свободных соседних районов.

«Тогда к ним (рабам) присоединилось много местных пастухов, воинственных и быстроногих людей. Одних из них гладиаторы снабдили оружием, другими же пользовались в качестве разведчиков» [2].

С целью положить конец дальнейшему развитию восстания, сенат выслал против Спартака новый отряд в 4 тыс. человек под командой претора *Публия Вариния*. Отряд Вариния, набранный

Конец сражения гладиаторов

в спешном порядке из малонадежных элементов, не имел достаточного количества оружия и был плохо снабжаем, часть солдат была больна, другая вследствие падения дисциплины уклонялась от боя, перебегала к врагу и занималась мародерством. Сражаться приходилось в плохую осеннюю погоду, к тому же сам претор на войну с рабами смотрел не как на настоящую войну, а как на борьбу с разбойничьей шайкой, и вследствие этого не принимал никаких мер предосторожности. «Римляне еще не считали это настоящей войной, но простым разбойничьим нападением, и потому римские полководцы терпели поражения» [3].

Ударом с тыла Спартак опрокинул *Фурия*, легата Вариния, другим ударом разбил второго легата, *Коссиния*, и, наконец,

---

[1] *Plut.*, Crassus, IX, 2; *Frontin*, Strat., 1, 5, 21; *Vell. Pat.*, II, 30; *Sallust.*, Hist. III, fragm. 92.

[2] *Plut.*, Crassus, IX; *Oros.*, 2.

[3] *App.*, Bell. civ., I, 116.

разбил и едва не взял в плен самого Публия Вариния, оставившего в добычу победителям весь свой лагерь, все оружие и даже собственного коня.

«Римский полководец, — негодует Аппиан, — дошел до того, что едва не попал в плен к гладиаторам» [1].

После этого во власти рабов оказалась богатейшая часть Италии — Кампания, Апулия и Лукания; отсюда движение перебросилось в соседние Калабрию и Бруттий. К восставшим рабам в большом количестве примыкали мелкие земледельцы, разоряемые войнами и налогами и вытесняемые расширявшимися латифундиями. В названных областях революционные брожения не прекращались со времени ганнибалова нашествия и союзнической войны. Ни в одной части Италии разрушительные действия рабовладельческого хозяйства в отношении среднего и мелкого производителя не ощущались с такой силой и отчетливостью, как именно в южноиталийских районах. «Среднее крестьянство разорялось. Мелкий пахарь с его небольшим паделом... попадал в зависимость от своего кредитора — земельного магната» [2].

В Южной Италии постоянно бродили разбойничьи отряды, производившие набеги на рабовладельческие виллы и рабовладельческую собственность. В связи с этим в 77 г. был издан специальный закон, усиливавший суровые кары за разбой.

Рассыпавшись по всей Кампании, рабы и их союзники захватили города Нолу и Нуцерию в Кампании, Метапонт в Лукании, Фурии и Консенцию (Consentia) в Бруттии. Захваченные города и расположенные в их окрестностях виллы подвергались беспощадному разграблению как со стороны рабов, так и «свободных земледельцев с полей», в большом количестве притекавших к восставшим рабам. Спартак стал грозен и непобедим. Слава его росла, а вместе с ней росла и его армия, уже в это время доходившая до 70 тыс. человек.

«Многие из местных рабов, нравы которых делали их достойными союзниками восставших, тащили из тайников скрытые господами ценности или извлекали самих господ. И не было ничего святого или неприкосновенного для гнева варваров и рабской их натуры. Спартак не был в состоянии помешать этому, хотя он неоднократно умолял рабов оставить их бесчинства» [3]. Победа над Варинием послужила новым толчком к распространению движения.

Со всех сторон в лагерь Спартака тянулись обозы с припасами, в мастерских ковалось железное оружие, мечи и копья,

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 116.
[2] *А. В. Мишулин*, Спартаковское восстание, 1936 г., стр. 131.
[3] *Sallust.*, Hist., III, fragm. 98.

а из прутьев и шкур животных изготовляли щиты, захваченные лошади дали возможность сформировать конницу. К Спартаку перешли ликторские связки прутьев (fasces), отобранные у разбитых преторов. Павшие в бою товарищи погребались с надлежащей торжественностью, в честь убитых давались гладиаторские бои и устраивались поминки.

Приток бойцов в спартаковскую армию был так велик, что Спартак даже перестал принимать всех желающих, отбирая наиболее крепких и надежных. Но к этому времени стали обнаруживаться разногласия и в самом повстанческом лагере. Причины этих разногласий между вождями движения неизвестны, но можно предполагать, что они проистекали не столько из племенной розни восставших, как это думали старые ученые (Моммзен, Друман и др.), сколько из неодинаковости социального состава спартаковской армии (Мишулин) и неодинаковой тактики.

Несмотря на успех, Спартак все же *не* считал свои силы достаточными для немедленного похода на Рим; направив все внимание на реорганизацию своей армии по римскому образцу, он производил тщательный отбор наличного состава, улучшал вооружение и подымал дисциплину. Но такого рода осторожная тактика Спартака не встретила единодушного признания. Часть повстанческой армии требовала немедленного похода на Рим, экспроприации богатств рабовладельцев и отмщения своим господам. «Масса рабов по своей рабской натуре не стремилась ни к чему другому, кроме добычи и удовлетворения своей жестокости» [1].

Во главе отколовшихся, среди которых часть составляли свободные, стоял *Крикс*, отличавшийся гордостью и своеволием. Тактика Крикса и Спартака различалась коренным образом. В то время как Спартак считал наиболее целесообразным взять маршрут на север, в направлении Альп, с целью увести рабов — галлов, германцев и фракийцев — на их родину, Крикс настаивал на немедленном походе на Рим.

Каждая из повстанческих армий действовала на свой риск и страх, что, конечно, не могло не отразиться на общем результате всего движения. Таково было положение в повстанческом лагере в начале 72 г., накануне кровопролитных битв между армией рабов и рабовладельцев.

Угрожающий рост спартаковской армии, сочувствие восстанию со стороны наиболее угнетенной части свободного населения, неустойчивость легионов и одержанные Спартаком победы вызвали в Риме всеобщую панику и заставили римский сенат направить все силы государства на борьбу со Спартаком.

---

[1] *Sallust.*, Hist., III, fragm. 98.

«Сенат боялся Спартака и, сознавая опасность положения, отправил против него обоих консулов, как если бы дело шло об одной из самых трудных и больших войн» [1].

Против повстанцев были двинуты армии консулов 72 года *Луция Геллия Попликолы* и *Гнея Корнелия Лентула Клодиана*. Начались ожесточенные сражения, в которых обе стороны понесли большие потери. В Апулии, на крутом берегу Адриатического моря, при горе Гаргане (mons Garganus), армия Крикса встретилась с армией Геллия и Аррия, претора предшествующего года, посланного сенатом для подкрепления армий консулов, и потерпела полное поражение. Две трети армии осталось на месте, в числе убитых находился и сам Крикс[2]. В честь убитого Крикса на его похоронах были устроены большие гладиаторские игры, в которых в качестве гладиаторов выступали пленные римляне в количестве 400 человек [3].

Поражение Крикса было первым серьезным поражением, нанесенным повстанческой армии. Находившийся же в это время в Самнии Спартак, нанеся поражение Лентулу, Геллию и Аррию, прорвался через римские заграждения и быстрым маршем пошел на север [4].

В Северной Италии, при *Мутине*, рабы одержали новую блестящую победу над 10-тысячной армией проконсула Гая Кассия Лонгина (72 г.). Казалось, что цель восстания теперь уже была достигнута, рабы стояли на пороге реализации их цели — ухода из Италии. В действительности же случилось противоположное. После мутинской победы Спартак, вместо того чтобы уйти в Альпы, повернул назад и обратным маршем двинулся на Италию. С достоверностью нельзя установить, что именно заставило Спартака отказаться от своего, казалось, столь близкого к осуществлению решения покинуть Италию. Ближе всего к истине предположение, что обратное движение Спартака было вызвано рядом совпадающих мотивов: нежеланием многих рабов оставлять богатую Италию, в то время когда они становились господами положения, и возвращаться в свои бедные полуварварские края. К этому присоединились продолжавшиеся разногласия между вождями, незначительная поддержка повстанцев местным населением Северной Италии, слабо затронутым рабовладельческой системой, и, наконец, трудность переправы через разлившуюся реку По и Альпийские горы. Попытка задержать двигавшегося вдоль Апеннинского хребта Спартака не увенчалась успехом. В Пицене были разбиты Спартаком соединенные армии обоих консулов.

---

[1] *Plut.*, Crassus, IX.

[2] *Liv.*, Epit., 96; *Oros.*, 4.

[3] *Oros.*, V, 23.

[4] *Liv.*, Epit., 96; *Flor.*, II, 7—10; *Plut.*, Crassus, IX.

Вторая половина 72 г. была временем высшего подъема спартаковского движения, когда армия Спартака, по одним данным, достигала 60 тыс. (Евтропий), по другим — 100 тыс. человек (Орозий), а по Аппиану — даже 120 тыс. человек. Громадная по числу повстанческая армия не обладала достаточной внутренней устойчивостью, что и заставляло Спартака принимать ряд мер, необходимых для поддержания дисциплины, повышения боеспособности, а главное — мер для очищения рядов войск от разлагающих и деморализующих элементов: был прегражден доступ в армию малонадежным элементам, ограничена сфера деятельности купцов, снабжавших повстанческую армию, запрещалось приобретать золотые и серебряные вещи, только медь и железо покупались за наличный расчет.

«Приобретая нужный им материал в большом количестве, они хорошо вооружались и часто совершали нападения. Сражаясь с римлянами, они побеждали их и, нагруженные добычей, возвращались в свой лагерь» [1].

Прямых данных о внутренней организации спартаковской армии не имеется, но косвенным путем можно заключить о наличии таковой. Главным источником существования армии, находившейся в постоянном движении и только на короткое время закреплявшейся то в одном, то в другом месте, служила захватываемая добыча, в большом количестве притекавшая в лагерь Спартака. «Рабы, сильные своим числом и гордые успехами, не слушали Спартака и двигались по Италии, занимаясь ее опустошением» [2].

Захват добычи составлял лишь один из источников существования повстанческой армии. Кроме того, в самом спартаковском лагере существовали мастера и мастерские, приготовлявшие оружие, щиты, копья и другие предметы из железа и меди. Существовала также и торговля с римскими купцами и спекулянтами, обслуживавшими оба враждующих лагеря. Как видно из отдельных замечаний источников, военнопленные римляне, их слуги и союзники нередко превращались в рабов. Теперь Спартак уже чувствовал себя достаточно сильным для движения на Рим — конечной цели «рабских войн»; то был решительный момент в истории спартаковского движения.

Надвигавшаяся на Рим стотысячная армия Спартака приводила в неописуемый ужас италийских рабовладельцев, трепетавших за свои богатства, виллы и за свою собственную жизнь. Создавшееся тогда положение по своей серьезности напоминало время ганнибалового нашествия. Положение представлялось тем более серьезным, что имелись основания ожидать соединения

---

[1] *App.*, Bell. civ., I, 117.
[2] *Plut.*, Crassus, IX.

Спартака с Митридатом, возобновившим свою антиримскую деятельность в восточных провинциях.

Перед лицом грозной опасности начальником экспедиционного корпуса против Спартака осенью 72 г. был назначен проконсул *Марк Лициний Красс*, пользовавшийся репутацией первоклассного полководца. «Против гладиатора, наконец, поднялись все силы государства» (tandem enim totis imperii viribus contra myrmillonem consurgunt) [1].

«После того как всех объял страх и никто не решался выставить свою кандидатуру в консулы, выбор пал на Лициния Красса, человека выдающегося среди римлян своим происхождением и богатством...

Когда государство испытывало почти не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял с угрозой у ворот Рима, сенат отправил Красса с консульскими легионами, с новым пополнением солдат»[2].

В качестве верховного главнокомандующего действовавшей против Спартака армии Красс, подражая Спартаку, первым делом занялся подъемом боеспособности римской армии, очистил армию от всех ненадежных элементов и принял меры для борьбы с дезертирством. Пятьсот дезертиров подверглись самому строгому и позорному наказанию — децимации, т. е. казни каждого десятого, выбираемого по жребию.

«С подобного рода смертью соединен особый позор, так как во время наказания совершается на глазах у всех много ужасных и мрачных обрядов» [3].

Кампания Красса против Спартака в общей сложности продолжалась около шести месяцев и потребовала больших усилий обеих враждующих сторон.

Назначение Красса заставило Спартака отказаться от плана немедленного похода на Рим и взять путь в Южную Италию и Сицилию, где он надеялся найти поддержку среди местного населения рабов и свободных. Как уже отмечалось в другой связи, Южная Италия и Сицилия представляли постоянные очаги восстаний и протестов. Сельское хозяйство в Сицилии велось в очень больших размерах и по своему характеру более всего в пределах античного мира приближалось к капиталистическому хозяйству[4]. Большая часть производимых на сицилийских плантациях продуктов отправлялась в Рим — для покрытия государственных нужд. По закону Кассия Теренция (lex Cassia Terentia), за поставляемые на римский рынок продукты устанавливалась твердая цена, что раздражало государственных поставщиков — римских

[1] *Flor.*, III, 20.
[2] *Oros.*, V, 23—24.
[3] *Plut.*, Crassus, X.
[4] *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 2-я, 1929 г., стр. 263.

всадников. Не удовлетворявшиеся получаемой прибылью, сицилийские плантаторы изыскивали всевозможные меры, чтобы выжать прибавочный продукт из земли и людей, сокращая питание рабов, увеличивая рабочий день рабов и свободных, работавших на их плантациях, и т. п.

В этом заключалась главная причина остроты классовой борьбы, постоянных заговоров, восстаний и революций в Сицилии и примыкавшей к ней Южной Италии. В эти страны и направился Спартак, прошедший Луканию и закрепившийся в *Фуриях* в *Бруттии*, имея в виду переправиться в Сицилию. Однако план Спартака по разным причинам не осуществился. С одной стороны, пираты, обещавшие перевезти спартаковцев в Сицилию, не выполнили своего обещания. С другой стороны, берега Сицилии оказались сильно укрепленными, как это видно из одного места речи Цицерона против Верреса [1].

Из Фурий под напором Красса Спартак отступил в глубь Бруттия. Обманутый пиратами, Спартак оказался в ловушке, будучи отделен от Сицилии морем, а от материка отрезан глубоким рвом, вырытым Крассом. После нескольких героических попыток Спартак в конце концов прорвал римские заграждения и в темную осеннюю ночь вышел из засады [2].

Героический прорыв Спартака совершенно обескуражил римский сенат. Выражая неудовольствие недостаточно энергичным образом действий Красса, сенат вызвал для подкрепления других полководцев — Лукулла из Македонии и Помпея из Испании. Положение Красса спасли продолжавшиеся разногласия в повстанческой армии. От Спартака, двигавшегося в северо-восточном направлении, на Брундизий, где он намеревался сесть на корабли и переправиться на греческий берег, отделились два других вождя — *Ганник* (Gannicus) и *Каст* (Castus). У истоков реки Силара в Лукании Ганник и Каст потерпели жестокое поражение от Красса и пали на поле сражения [3].

Это было второе крупное поражение, понесенное армией восставших рабов, стоившее более 30 тысяч людей.

«Красс испугался, как бы Спартак не двинулся на Рим, но успокоился, когда много мятежников отделилось от него вследствие раздоров и самостоятельно расположилось лагерем вблизи Луканского озера» [4].

После разгрома Ганника и Каста главная армия рабов под командой гениального вождя продолжала оставаться грозой для Рима, нанося серьезные удары своим противникам. Из Бруттия Спартак продвинулся в Луканию, а отсюда взял путь в Апулию,

[1] *Cic.*, Contra Verr., V, 5—6.
[2] *Sallust.*, Hist., IV, fragm. 35.
[3] *Liv.*, Epit., 97.
[4] *Plut.*, Crassus, X.

где произошла последняя решительная битва между двумя вождями — вождем рабовладельцев Крассом и вождем рабов Спартаком [1]. Узнав о высадке Лукулла и боясь соединения Красса и Лукулла, Спартак бросился на преследовавшего его Красса и геройски погиб в ожесточенной сече. Это была самая ожесточенная битва во время всей кампании: «...произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей» [2].

Сам Спартак был тяжело ранен в бедро, но продолжал храбро отбиваться от римских солдат. В конце концов обессиленный, он пал на поле сражения с большим числом своих воинов, оставшиеся же были изрублены или рассеялись.

Потери с обеих сторон были огромны: римлян погибло свыше тысячи человек, потери же рабов исчислялись десятками тысяч; согласно Ливию, они доходили до 60 тысяч [3].

Ожесточенность борьбы между Крассом и Спартаком являлась точным отражением классовой ненависти, существовавшей между рабами и рабовладельцами: «Ненависть рабовладельцев к рабам превосходит ненависть ко всем другим врагам» (non eo solum animo quo adversus alios hostes soletis)[4]. «Сколько рабов, столько врагов» (totidem hostes esse, quot servos)[5], глубокомысленно замечает философ Сенека. Отсюда ожесточенность столкновения между двумя абсолютно враждебными лагерями: Крассом — символом рабовладельческого мира, с одной стороны, и Спартаком — символом антирабовладельческих тенденций — с другой.

После смерти главного вождя спартаковская армия распалась. Большая часть рабов осталась на поле битвы, часть бежала, а 6 тысяч человек были захвачены в плен и распяты на крестах по дороге от Капуи до Рима на страх оставшимся в живых рабам.

Небольшой отряд рабов, прорвавшийся на север и пытавшийся укрыться в Альпах, был разгромлен Помпеем (71 г.), возвращавшимся северным путем с восточного фронта в Италию.

Гордый своей победой, Помпей доносил в Рим, что Красс разбил гладиаторов в открытом поле, а он, Помпей, вырвал самые корни «рабской войны» [6].

Таков был исход спартаковского движения.

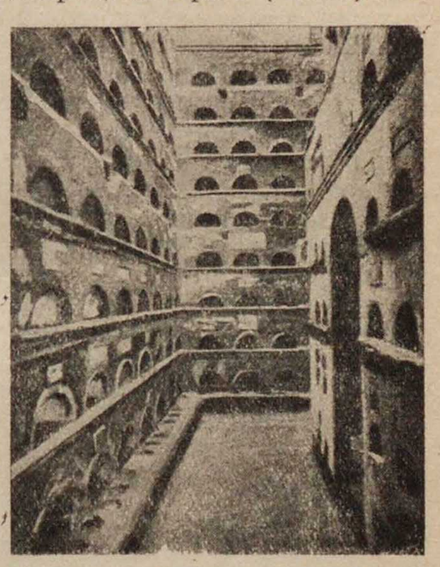
Спартаковское восстание нанесло тяжелый удар рабовладельческому строю Италии. Рабовладельческие хозяйства были совершенно расстроены и опустошены. Трехлетняя война, унес-

---

[1] *Eutrop.*, VI, 7.
[2] *App.*, Bell. civ., I, 119.
[3] *Liv.*, Epit., 97; *Oros.*, V, 24.
[4] *Liv.*, XXI, 41, 10.
[5] *Seneca*, Epist. moral., 47, 5; *Liv.*, XXXIX, 26, 8; *Macrob.*, Sat., I, 11, 13.
[6] *Plut.*, Pompeius, XXI.

шая в общей сложности более 100 тысяч жизней римлян и рабов [1], показала серьезную опасность скопления такой массы рабов и возможность повторения подобных движений в будущем. Вследствие этого наученные горьким опытом «рабской войны» некоторые италийские рабовладельцы после Спартака старались уменьшить количество военнопленных-рабов, предпочитая им доморощенных рабов (vernae) или вольноотпущенников (liberti).

Весьма симптоматично, что практичный Помпоний Аттик имел в своем хозяйстве только одних доморощенных рабов (vernae). Погребальные склепы (колумбарии) с их «голубиными гнездами» конца Республики и Империи подтверждают, что уже в то время в крупных поместьях большая часть рабов имела свои семьи или же переводилась в разряд вольноотпущенников. Помимо опасения восстаний, отпуск рабов вызывался развитием производительных сил, повышением уровня и дороговизной жизни и вытекавшим из этого желанием сократить расходы по содержанию рабов, в особенности слабых, старых и больных. В Риме их нередко переводили в разряд вольноотпущенников, получавших государственное вспомоществование. Так поступали Аттик, Помпей и многие другие рабовладельцы, освобождавшие своих старых и слабых рабов с целью перенести расходы по их содержанию на государство [2].

Колумбарий

В исторической литературе спартаковское восстание нашло высокую оценку. Значительность спартаковской революции, исключительный организаторский талант ее вождя, его способности, такт и образование признают историки всех направлений древнего и нового мира.

«Рабы, — говорит Флор, — погибли смертью, достойной лучших, сражаясь не на жизнь, а на смерть, что было вполне естественно в войнах под начальством гладиатора. Сам Спартак, сражаясь храбрейшим образом в первом ряду, был убит и погиб,

---

[1] *Liv.*, Epit., 96—97.
[2] *Dio Cass.*, XLIX, 24.

как подобало бы какому-нибудь великому императору» (Spartacus ipse in primo agmine fortissime dimicans quasi imperator occisus est) [1].

«Это была война, — говорит Орозий, — на которую уже нельзя было смотреть спокойно, но которой надо было бояться. То, что она называется войной с беглыми рабами, совсем еще не означает, что она в действительности была незначительной. В этой войне римские консулы порознь и вместе не один раз испытывали тяжелые поражения... Тогда было перебито много знатных лиц, а сами рабы потеряли более 100 тысяч человек» [2].

Память о герое Спартаке и героической борьбе рабов сохранилась также в новое и новейшее время. Имя античного героя сделалось символом всего смелого, протестующего и революционного. «Спартак, — говорит Маркс, — является самым великолепным парнем во всей античной истории. Крупный полководец, благородный характер, истинный представитель древнего пролетариата» [3]. Особенно популярен образ Спартака был в предреволюционной Франции, в период борьбы за права человека и гражданина. В 1766 г. в Париже появилась трагедия «Спартак» Сорена.

В 1916 г. в Германии образовался союз «Спартак», объединивший группу революционных марксистов, отколовшихся от социал-демократов и подготовивших основание германской коммунистической партии [4].

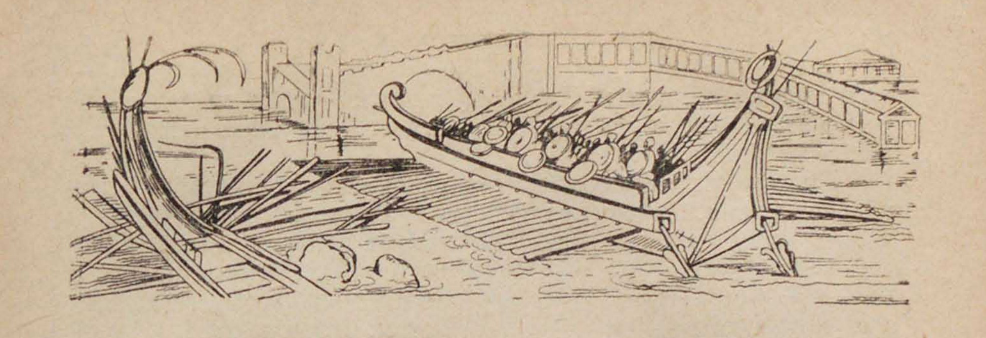

[1] *Flor.*, III, 20.

[2] *Oros.*, V, 23.

[3] Письмо Маркса к Энгельсу от 27 февраля 1861 г., *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 15.

[4] *А. В. Мишулин*, Спартаковское восстание, гл. V, 1936 г., стр. 103.

Глава XI

ПРИНЦИПАТ ПОМПЕЯ

1. ВОЙНА С ПИРАТАМИ

После разгрома Спартака первым человеком Рима сделался *Гней Помпей* (Великий). В исторических курсах период от Суллы до Цезаря обычно называется «эпохой Помпея», «режимом Помпея», «принципатом Помпея» и т. п. Гней Помпей, сын Помпея Страбона, консула 89 года, участника марсийской войны, победителя Юдацилия, происходил из старинного, очень богатого и влиятельного плебейского рода. Возвышение Помпея связано с сулланским переворотом 82 года, когда он в числе немногих военных вождей примкнул к Сулле, способствовал его приходу к власти и за это приобрел симпатии диктатора. Победами при Сене в Умбрии и при Клузии над легатами Карбона Помпей очистил Италию от марианцев и переправился в Сицилию, а затем в Африку. В Африке Помпей, имея всего 25 лет от роду, был провозглашен своими солдатами императором. Император (imperator) — почетный титул, которым солдаты награждали на поле сражения своих командиров, одержавших крупную победу. Возраставшая среди войска популярность молодого «императора» охладила к нему подозрительного Суллу. Сулла завидовал Помпею и боялся его, но никогда не лишал его своей дружбы и покровительства.

После возвращения из Африки Помпей под давлением войска, грозившего бунтом, получил триумф вопреки желанию Суллы. Впрочем, эта вражда не приняла серьезного оборота. Несмотря на зависть и боязнь, Сулла, благодарный за оказанные ему услуги, в течение всей жизни поддерживал и покровительствовал Помпею.

«Даже впоследствии он вел себя с ним так же ласково, как и при первой встрече, вставая при приближении Помпея и сни-

мая повязку с головы. Никто не замечал, чтобы он делал это легко для кого-нибудь другого, хотя его окружало множество достойных людей» [1].

Помпей прежде всего был военным человеком и второстепенным политиком. Притом политические убеждения Помпея не отличались устойчивостью. Сулланец-оптимат вначале, впоследствии он перешел к популярам, а позже вновь вернулся к оптиматам. Подобно многим своим современникам, на политику Помпей смотрел с чисто утилитарной точки зрения. Для него политика важна была постольку, поскольку он мог из той или иной политической комбинации извлечь пользу для своих личных целей. Своей политической карьерой Помпей обязан не столько личным качествам и военным доблестям, сколько своему огромному богатству и громадной клиентеле.

Гней Помпей

Помпей — богатейший магнат, крупный землевладелец, могший навербовать из одних своих пиценских арендаторов целую армию, с которой он сражался против марианцев. Новый период в карьере Помпея начинается с войны с Лепидом и Серторием в Испании, куда он был послан сенатом, находившимся тогда в критическом положении, в качестве проконсула без прохождения предварительных магистратур.

В конце 70-х годов Помпей отошел от сената и сблизился с популярами. Сближение военного вождя с вождями демократической партии в высшей степени симптоматично для последних годов республиканского режима. Политическая ситуация последних десятилетий Республики была такова, что ни та, ни другая сторона не могли обойтись без взаимной поддержки. Командиры, все еще остававшиеся республиканскими магистратами, выбираемыми комициями, нуждались в поддержке плебса для

---

[1] *Plut.*, Pompeius, VIII.

получения новых команд и назначений. Популяры же, опиравшиеся на городской плебс, живший за счет провинций и подачек, со своей стороны, не могли обойтись без поддержки «колониальных императоров», обеспечивавших город хлебом и оживлявших экономическую жизнь притоком денег и рабов. Что же касается сената, то он не проявлял особого рвения к новым завоеваниям, относясь одинаково подозрительно как к военным вождям, так и к народным трибунам. Следствием этого было то, что на почве недовольства сенатом и сенатской политикой объединились и военные вожди — «колониальные императоры» — и народные трибуны.

Лозунгом демократической партии в 70-х годах I в. было требование восстановления в прежних правах народного трибуната и народных трибунов, палладиума республиканской свободы.

«Римский народ, — говорил один из наиболее популярных народных трибунов, трибун 73 года *Лициний Макр*, — отлично помнит, как его предки не один раз отделялись от патрициев и защитниками своих прав выбирали народных трибунов. В настоящее же время наблюдается иная картина. Банда злонамеренных людей (factio noxiorum) захватила всю власть в свои руки и благодаря своей сплоченности и организованности кажется сильнее всего государства» [1].

Но радикальный в отношении оптиматов, Макр в то же время считал возможным и даже необходимым союз с Помпеем, хорошо зная его недавнюю дружбу с Суллой и оптиматами.

«Я убежден, — говорил Макр, — что Помпей, этот юный герой, покрытый славой, предпочтет с вашего согласия играть первую роль в государстве, чем делить власть с теми честолюбцами, и что он будет восстановителем трибунской власти» [2].

Помпею поддержка народных трибунов была необходима для получения новых назначений. В 70 г., опираясь на поддержку популяров, Помпей вместе с Крассом получил консульство и провел несколько демократических реформ: восстановил права народных трибунов, расширил состав присяжных и реформировал суд введением в состав судебных заседателей эрарных трибунов. Эрарными трибунами (tribuni aerarii) первоначально назывались старосты, сборщики податей (трибута), а в более широком смысле вообще состоятельные плебеи. Судебные комиссии отныне составлялись на паритетных началах: $^1/_3$ из сенаторов, $^1/_3$ из всадников и $^1/_3$ из эрарных трибунов. Вместе с тем восстанавливалась и отмененная Суллой цензура, служившая средством удаления из сената наиболее враждебно относящихся к реформе оптиматов-

---

[1] *Sallust.*, Hist., III, fragm. 48, 3—4.
[2] Ibid., 48, 23.

сулланцев. При первом же пересмотре ценза 60 человек были вычеркнуты из сенаторских списков.

Одним из острых вопросов римской политики в 70-х годах была борьба с *пиратством*, принявшим огромные, дотоле неслыханные размеры, причинявшим страшный вред римской торговле и державшим город в голодной осаде. Средиземное море превратилось в настоящее пиратское царство, главные центры которого находились на острове Крите и в Малой Азии, в Киликии — горной области, примыкавшей к морю. Стоянки пиратов были разбросаны по всему средиземноморскому побережью, повсюду по островам и горам возвышались их сторожевые башни.

В пиратские организации вступали самые разнородные социальные элементы — жители прибрежных стран, беглые рабы, разорившиеся свободные, обедневшие аристократы и всякого рода авантюристы, «люди, превосходившие других мудростью» (prudentia praestantes), по выражению источника; «корабли-крысы» пиратов отличались быстротой и легкостью, имели храбрый экипаж, направляемый опытными и отважными кормчими. В общей сложности пиратская флотилия доходила до тысячи судов разных размеров. Римская же флотилия, малочисленная и за неимением легких судов малоподвижная, оказывалась совершенно бессильной в борьбе с морскими разбойниками. От пиратских налетов страдали все страны восточной и западной половины Средиземного моря, от Ионии и Арголиды до Сицилии и Бруттия. Не щадя ни частных, ни государственных имуществ, ни храмовых сокровищ, пираты захватывали целые города, виллы и храмы и уводили в плен множество людей всех званий, отправляя их на невольничьи рынки. Попадавшие в плен римляне подвергались всевозможным оскорблениям и надругательствам [1].

Вследствие пиратских налетов морская торговля Средиземноморья совершенно расстроилась, что, естественно, не замедлило отразиться на состоянии доходов римского государства, римского купечества, публиканов и на продовольственном снабжении столицы. А это в свою очередь оказывало влияние на политическую жизнь. Падение доходов и рост цен на предметы первой необходимости вызывали недовольство широких слоев города.

Начиная с 78 года, Рим вел настоящую войну с пиратами, но без ощутимых успехов. Этим воспользовались народные трибуны, союзники Помпея, не жалевшего средств для расположения их в свою пользу. В 67 г., когда пиратская опасность была уже ослаблена, народный трибун *Габиний*, приверженец Помпея, внес в комиции предложение принять более энергичные меры по борьбе с пиратами, предоставив неограниченные права прокон-

[1] *Plut.*, Pompeius, XXIV.

сулу. При этом имя проконсула не было названо, но все понимали, что речь шла о Помпее. Предложение Габиния, между прочим, горячо поддерживал тогда еще мало известный Гай Юлий Цезарь. Предложение было принято.

В качестве проконсула Помпей получал чрезвычайные полномочия, даже более тех, что предлагал Габиний. Ему представлялся «империй» на всем Средиземном море до Геркулесовых столпов и по всему морскому побережью на расстоянии 10 миль от моря. Кроме того, Помпей имел право выбрать себе 24 легата из сенаторов в качестве совещательного, во всем ему подчиненного органа, и двух квесторов; он мог распоряжаться государственными средствами, делать займы у публиканов и построить флот в 200 кораблей. В общей сложности под командой Помпея находилось 500 кораблей, 120 тысяч человек пехоты и 5 тысяч конницы. Назначение Помпея внесло успокоение в умы и снизило цены на продукты.

Срок полномочий Помпея определялся тремя месяцами, но он выполнил возложенную на него задачу в 48 дней. Море было очищено — около 10 тыс. пиратов были взяты в плен или погибли в боях, пиратские замки были разрушены и сожжены, корабли и богатая добыча достались римлянам. Победа над пиратами сделала Помпея «первым гражданином» Рима — *принцепсом* (princeps civitatis)[1]. Во время его проезда по Италии навстречу ему выходили многочисленные делегации, приветствовавшие победителя. В многочисленных посвятительных надписях Помпея осыпали всевозможными похвалами, величая его героем и богом. «Чем больше, — гласила одна из таких надписей, — ты считал себя человеком, тем более ты бог».

А на обратной стороне стояло: «Ждали, приветствовали, увидели, провожаем»[2].

2. ВОСТОЧНЫЕ ПОХОДЫ ПОМПЕЯ

За первым назначением вскоре последовало второе, еще более важное назначение Помпея командиром в *третьей войне против Митридата*. Вынужденный признать Дарданский договор, Митридат не терял надежды вновь вступить в борьбу с римлянами, как только представится к тому благоприятный случай. В 70-х годах такой случай представился.

Понтийский царь поспешил использовать благоприятную для него ситуацию и, заключив союз с пиратами, с лихорадочной поспешностью готовился к новой войне. В предстоящей войне с Римом Митридат рассчитывал на поддержку своего зятя,

---

[1] *Cic.*, De domo, 66.
[2] *Plut.*, Pompeius, XXVII.

армянского царя Тиграна, одного из самых могущественных восточно-эллинистических владык, «царя царей», распространившего свое влияние на все малоазийское побережье.

Вместе с тем Митридат рассчитывал на помощь парфянского царя Фраата, которого он склонял к восстанию.

«Неужели ты, — писал Митридат Фраату, — не знаешь римлян, могущество которых с самого начала покоилось на силе грабежа, на захвате чужих земель, жен и домов? Они являются язвой вселенной (peste conditos orbis terrarum), не признавая ни божеского, ни человеческого закона... Единственным стимулом их войн со всеми царями и народами служит ненасытная жажда власти и богатства» (cupido profunda imperii et divitiarum) [1].

Тигран, армянский царь

Поводом к новой, *третьей войне* с Митридатом (74—64 гг.), послужили вифинские дела. После смерти вифинского царя Никомеда Филопатора (74 г.) Вифинское царство по завещанию Никомеда перешло к Риму, против чего восстал понтийский царь, захватил Вифинию и Каппадокию, предварительно заключив союз с Серторием и пиратами.

Ввиду серьезного положения на восточный фронт спешным порядком были отправлены консулы 74 года *Лициний Лукулл* и *Аврелий Котта*, остановившие продвижение Митридата. Лукулл, за смелость и обширность своих походов прозванный римским Ксерксом, занял Понт и Вифинию, разбил неприятельский флот у острова Тенедоса и предпринял рискованный поход в Армению против Тиграна Армянского, союзника понтийского царя. Однако поход в Армению оказался чрезвычайно трудным, войско волновалось, сенат был недоволен самостоятельным поведением полководца, а всадники негодовали на Лукулла за произведенные им в восточных провинциях реформы, сократившие их финансовые полномочия. После небольшого поражения, он был лишен полномочий главнокомандующего и должен был передать свои легионы новому наместнику.

Положение на Востоке после отступления Луккула вновь сделалось угрожающим. Митридат поднял голову. Черное и

---

[1] *Sallust.*, Hist., IV, fragm. 69.

Средиземное моря были захвачены пиратами, оправившимися от разгрома, нанесенного им Помпеем. Вследствие этого прекратился подвоз хлеба в Рим, и население города ощущало недостаток продовольствия. Таково было положение вещей в Риме, когда в 66 г. народный трибун *Гай Манилий* внес в комиции предложение о передаче верховного командования в Азии, Вифинии и Киликии Помпею, находившемуся в то время на восточном фронте.

«Помпей, — гласило предложение Манилия, — принимает от Лукулла в свое управление все провинции и войска вместе с Вифинией, которой управляет Глабрион, и затем продолжает войну с Митридатом и Тиграном, имея в своем распоряжении флот и неограниченную власть на море на тех условиях, на каких он получил ее первоначально»[1].

Предложение Манилия, так же как и предшествовавшее ему предложение Габиния, вызвало протест со стороны оптиматов, но положение спас Цицерон, произнесший блестящую речь в защиту «манилиева закона». Те, кто подобно Квинту Катуллу и Гортензию, вождям оптиматов, говорил Цицерон, высказываются против вручения чрезвычайных полномочий власти одному человеку, поступают неразумно. Сама логика вещей, направляемая на благо и пользу римского народа, требует концентрации власти в руках одного человека. Это с неопровержимой ясностью показали события недавнего прошлого.

«Надо только понять весь ужас настоящего момента! Потеря Азиатской провинции грозит неисчислимыми бедствиями нашим союзникам, которых мы обязаны защищать вместе с благом и достоинством нашего государства; страдают также откупщики податей и пошлин (публиканы), эти почтеннейшие и уважаемые люди (homines honestissimi atque ornatissimi), вложившие в эту провинцию свои капиталы (suas rationes et copias), и, наконец, страдает масса остальных граждан, связанных с откупными операциями. Не может, ведь, в государстве дело обстоять таким образом, чтобы потери многих не отразились на еще большем числе граждан!» [2]

Что же касается личных качеств предлагаемого Манилием кандидата, то, указывал Цицерон, в них не сомневаются даже и сами Катулл и Гортензий. Помпей обладает всеми качествами, необходимыми для полководца и государственного деятеля крупного масштаба. «Он вынослив в труде (labor in negotiis), силен в опасностях (fortitudo in periculo), энергичен (industria in agendo), быстр в отношении задуманного плана (celeritas in conficiendo), разумен в предвидении будущего (consilium in provi-

---

[1] *Dio Cassius*, XXXVI, 42, 4.
[2] *Cic.*, Pro lege Man., 17—18.

dendo)»[1]. «Благодаря этим качествам Помпей не только освободил нас от позора и несчастья, но достиг того, что на нас смотрят, как на действительных победителей всех племен и народов на суше и на море»[2].

Аргументация Цицерона оказалась достаточно веской, и предложение Манилия было принято. Помпей заочно получил верховное командование в новой войне против Митридата и неограниченные права в провинциях Азии, Вифинии и Киликии (66 г.).

Свое поручение Помпей выполнил в четыре года (66—62 гг.). Когда он прибыл на Восток, наиболее трудная работа была уже завершена Лукуллом. После поражения Митридата при Евфрате, где понтийский царь потерял около 10 тыс. человек, Помпей обратился против союзников Митридата — армянского царя Тиграна и парфянского царя Фраата, заставив их отказаться от союза и признать себя вассалами римского полководца. Тигран отказался от своих владений по малоазийскому побережью — Сирии, Финикии, Киликии, Галатии и Каппадокии. Митридат, покинутый своими союзниками и преследуемый римскими легионами, начал отход в направлении Колхиды (Colhis), а оттуда в свои боспорские владения на Крымском полуострове. Помпей занял город Артаксату и превратил армянского царя в своего вассала.

Из Армении римская армия углубилась в горы Кавказа, выдерживая нападение горных народностей (албанов и иберов), живших в долине реки Куры (Cyrus), в южной части Кавказа. В «счастливой Колхиде» (долина Риона) сухопутная армия получила поддержку со стороны римского флота, оперировавшего в Черном море. Поручив флоту преследование Митридата, Помпей взял курс на Гирканское (Каспийское) море, но этот путь оказался совершенно непреодолимым. Приходилось пробираться по горным тропам, итти по безводной местности, таща с собой 10 тыс. кожаных мешков, наполненных водой. Кроме того, в Гиркании было такое множество ядовитых змей, что перед ними дрогнули даже римские легионы. Это заставило Помпея отступить в Малую Армению. Отсюда в 64 г. он через Тавр спустился в Сирию и приступил к реорганизации малоазийских владений. Киликия в результате реорганизации была объединена с Памфилией и Исаврией, а Сирия обращена в римскую провинцию.

Из Сирии Помпей двинулся в Палестину, раньше принадлежавшую Селевкидам, а потом при поддержке Рима превращенную в самостоятельное царство *Иудею*. В это время в *Иудее* происходила борьба между двумя претендентами на верховную власть, братьями *Гирканом* и *Аристобулом*, обратившимися за разре-

---

[1] *Cic.*, Pro lege, Man, 29.
[2] Ibid., 17—18.

шением спора к римскому наместнику. Гиркана поддерживали фарисеи, Аристобула — саддукеи.

Помпей принял сторону Гиркана и задержал Аристобула, приверженцы которого заперлись в Иерусалимском храме и в течение трех месяцев выдерживали осаду. Наконец храм был взят (63 г.), Помпей вошел в его главную часть («святое святых»), захватил храмовые сокровища и назначил правителем Иудеи верховного жреца Гиркана, признавшего себя вассалом Рима.

Во время осады Иерусалима пришло известие о смерти Митридата, умершего от яда в Пантикапее 68 лет от роду. Известие о смерти Митридата вызвало настоящее торжество в римском лагере, избавившемся от наиболее талантливого и непримиримого врага.

«Радость солдат выразилась в целом ряде жертвоприношений и пиров. В лице Митридата умерли тысячи неприятелей. Помпей увидел, что его подвигам и походам наступил сверх ожидания легко доставшийся конец, и немедленно начал отступление из Аравии» [1].

Из Иудеи Помпей двинулся в Понт, захватил сокровища понтийского царя и рабов, а само Понтийское царство превратил в римскую провинцию *Понт* (Pontus).

Восточные провинции состояли из ряда мелких зависимых государств и городов. Римляне покровительствовали городам как организационным центрам, центрам управления и культуры. При Помпее было основано около 40 новых городов и реставрировано много старых. Повсюду поднимались Помпеополисы, Неополисы, Никополисы, Магнополисы, Диополисы и т. д. В новых городах и провинциях римской торговле и ростовщичеству открылось широкое поле деятельности. Все ограничения Лукулла были отменены после первой же победы над Митридатом.

В 62 г. восточная кампания была закончена. Восток склонился перед Римом, вступившим в права эллинистических царей. Рабовладельческий Рим в лице Помпея одержал крупную победу. Сам Помпей в эти годы находился в зените своей славы. Туземное население восточных провинций и вассальных царств смотрело на Помпея, как на второго Александра Македонского. В упоении славы своих побед Помпей, окруженный светскими и духовными вассалами, толпами слуг и восточной роскошью, чувствовал себя настоящим «царем царей».

В 62 г. Помпей высадился в Брундизии. В следующем, 61-м, году был отпразднован блестящий триумф, ставший образцом для всех последующих триумфов. Во время триумфа несли доски с именами стран и народов, побежденных Помпеем. Наряду с мно-

---

[1] *Plut.*, Pompeius, XXII.

жеством других пленников в триумфе шествовал сын армянского царя Тиграна, иудейский царь Аристобул, дети Митридата, албанцы, иберийцы и многие другие, дотоле мало известные Риму народности. Взятые крепости, города и корабли исчислялись тысячами. В государственное казначейство было внесено 20 тыс. талантов золотом и серебром, деньгами и вещами, так что государственный доход поднялся с 15 до 85 млн. денариев.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В РИМЕ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

В то время как Помпей устраивал дела на Востоке, в самом Риме кипела ожесточенная борьба партий и котерий. В то время как рабы и низшие слои свободных боролись за освобождение от рабства, за передел земли и кассацию долгов, магнаты воевали друг с другом за верховенство в государстве. Сила магнатов заключалась в их богатстве, землях (латифундиях) и клиентах, вербуемых во всех общественных слоях. За каждым магнатом стояла целая армия его друзей, клиентов и рабов. Из своих клиентов римские магнаты — *Помпей*, *Красс*, *Домиций Агенобарб*, *Цезарь* и др. — набирали целые армии, во главе которых они сражались друг с другом за верховную власть в республике.

Состояние Помпея, вассалами которого были не только отдельные лица, но даже целые города и провинции, исчислялось десятками миллионов сестерций. Союзник Помпея Домиций Агенобарб во время войны Цезаря с Помпеем составил из своих людей — рабов, вольноотпущенников и колонов — флотилию из семи быстроходных кораблей, с которыми он предпринял осаду Массилии (navibus actuariis septem, quas Igili et in Cosano a privatis coactas servis, libertis, colonis suis compleverat) [1].

Значительная часть населения находилась в *клиентстве* у магнатов, рассматривая их как своих покровителей. В последнее столетие Республики считалось даже правилом, что всякий человек должен быть чьим-либо клиентом (hominem alicuius), находиться под чьим-либо покровительством (se commendare alicui). У клиентов могли быть свои клиенты, так сказать, клиенты второй степени, и таким путем создавалась иерархическая лестница клиентских зависимостей и отношений. В последние века Республики избирательные кампании как в центре, так и в провинциях собственно и сводились к вербовке клиентов и организации выборщиков. Исход выборов, принятие или отклонение законопроектов зависели от числа клиентов и умелой агитации.

---

[1] *Caes.*, De bell. civ., I, 34.

Существовали даже специальные руководства для соревнующихся в соискании государственных должностей, в которых излагались методы агитации, приобретения клиентов и борьбы с противниками. Сначала, говорится в одном из таких руководств, надо агитировать среди своих друзей и клиентов, затем выйти на более широкую арену, привлекая на свою сторону возможно большее число выборщиков.

В качестве наиболее действительных средств привлечения на свою сторону выборщиков и друзей рекомендовались ухаживание, благотворительность (benignitas), щедрость (liberalitas), настойчивость, лесть (blanditio), а больше всего угощение и подарки. По отношению к каждой категории гражданства применялись особые методы: к магистратам — одни, к городским общинам и союзам — другие, к низшим слоям плебса (infima plebs) — третьи. С этой целью в особую категорию выделялись коллективные единицы: ремесленные корпорации, общины, союзы и землячества. Для успешной агитации необходима предварительная работа среди населения в смысле изучения состава, количества, настроения и нрава избирателей не только самого Рима, Италии, но и провинций.

«Представь себе в уме и удержи в памяти всю Италию в ее разделении по трибам; переберн все муниципии, колонии, префектуры, чтобы не осталось ни одного места в стране, в котором бы у тебя не было опоры; расспроси и выследи людей из всех округов; познакомься с ними, попроси их, надавай им всяческих уверений, похлопочи, чтобы они стояли за тебя в пределах своей местности и чтобы они были как бы кандидатами твоего дела» [1].

Но все это имеет успех лишь в том случае, если агитация сопровождается всенародными пирами (epulae), угощениями, раздачами и празднествами.

Из истории конца Римской республики можно привести много примеров, иллюстрирующих вышеизложенную программу политической агитации. К прямому или косвенному подкупу «многочисленной толпы» избирателей прибегали все известные нам политические деятели позднереспубликанского Рима, прежде всего, конечно, магнаты. Помпей устраивал угощения и раздачи в своих садах, Красс взял на себя снабжение городского населения хлебом в течение трех месяцев, Цезарь в 60 г. получил консульство лишь после того, как подкупил голосующие центурии. Политические подкупы даже старались оправдать теоретическими доводами. Так, Марк Туллий Цицерон полагал, что в демократической республике политические подкупы, если только они не слишком грубы, не содержат в себе чего-либо пре-

[1] *Cic.*, De petitione consulatus, 30—31.

досудительного: это в порядке вещей всякого «свободного» государства.

«Мы должны допустить, чтобы люди, которые полагают в нас всю надежду, также давали нам что-нибудь: они не могут ни защищать нас на суде, ни служить заложниками, ни принимать нас за своим столом, у них ничего нет, кроме своих голосов» [1].

Когда собственных средств нехватало, пускались в ход общественные средства: кормление массы за счет государства, частичные или полные кассации долгов (tabulae novae), раздача добычи, празднества и игры — словом все, что впоследствии объединялось общим наименованием «политика хлеба и зрелищ». В середине I в. число получателей дешевого хлеба в одном Риме, приблизительно при миллионном населении, достигло 320 тыс. То же самое, только, конечно, в меньших масштабах, происходило в муниципиях и провинциях. В случае успеха потраченные состояния с лихвой наверстывались во время войн и управления провинциями. В провинциях же такие всемогущие магнаты, как Помпей в Испании или Цезарь в Галлии, чувствовали себя настоящими «колониальными императорами».

4. МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Одной из ярких политических личностей 60-х годов до н. э. был *Марк Туллий Цицерон* (Marcus Tullius Cicero, 106—43 гг.). Цицерон был земляком Мария, родился близ города Арпина, на верхнем Лирисе, в семье римского всадника. По преданию, предки Цицерона проводили жизнь в деревне, занимались сельским хозяйством и особенно разведением гороха, откуда и происходит прозвище «Цицерон» (Cicero от cicer — горох). Несмотря на скромный достаток, Цицерон получил блестящее философско-литературное и ораторское образование. В Риме он занимался у знаменитого оратора Лициния Красса, юриста Квинта Муция Сцеволы, два года обучался в Афинах и на острове Родосе. Цицерон участвовал в Союзнической войне, был очевидцем борьбы Мария и Суллы, пережил сулланскую диктатуру и спартаковское восстание. В качестве адвоката Цицерон впервые выступил по делу Публия Квинкция, а затем, в 80 г., по делу Секста Росция Америйского. Популярным же Цицерон становится со времени громкого процесса сицилийского претора Верреса (Verres), сулланца-оптимата, обвиненного в превышении власти и ограблении провинции.

Свое обвинение молодой адвокат Цицерон построил весьма эффектно, развернув картину бесконтрольного хозяйничанья одного

[1] *Cic.*, Pro Murena, 34.

из представителей непопулярной тогда партии оптиматов. Дело Верреса, покинувшего Рим в начале судебного процесса, нанесло сильный удар оптиматам, укрепило всадников и положило начало адвокатской, литературной и политической карьере Цицерона. В послесулланский период не было ни одного сколько-нибудь значительного события в политической и культурной жизни Рима, в котором Цицерон не принимал бы участия.

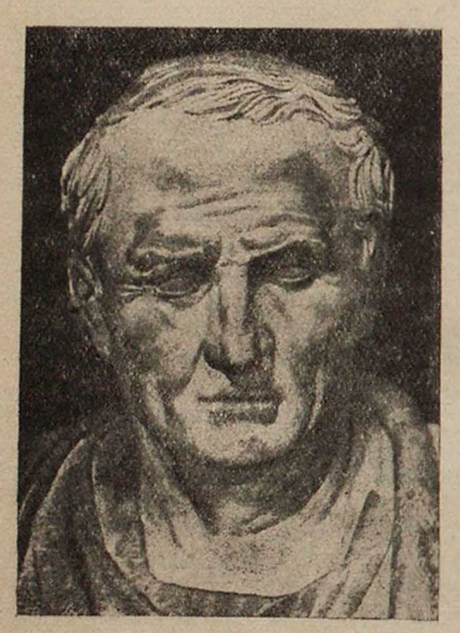
Для историка Цицерон представляет интерес потому, что он ярче и полнее, чем кто-либо из его современников, в многочисленных, блестящих по форме, богатых и разнообразных по содержанию речах, философских трактатах и письмах отображает все перипетии римской истории конца Республики. Судебно-политические речи, философские трактаты и письма Цицерона содержат богатейший материал, касающийся всех сторон общественной жизни, науки и искусства. Его произведения являются зеркалом, собирающим и отображающим движения социальной жизни и культуры Римской республики.

Появление на исторической арене Цицерона, в полном смысле слова «нового человека», свидетельствовало о высоком интеллектуальном уровне римского общества и о большой роли, которую тогда играла в римском обществе интеллигенция, — политики, писатели, адвокаты и поэты. В противоположность Помпею, Крассу, Цезарю и другим магнатам и военным вождям Цицерон не был ни магнатом, ни военным, ни аристократом. Человек среднего достатка, он выдвинулся благодаря личному таланту, красноречию, литературному дарованию и энциклопедическому образованию.

В молодости Цицерон был близок популярам, затем перешел к оптиматам, а позже сделался идеологом принципата. *Политический идеал* Цицерона выражен в его главных трактатах — «О государстве» (De re publica) и «О законах» (De legibus) — и отражен в его политических речах и переписке. Идеальным строем, по Цицерону, является полития, в которой существует сословная гармония (concordia ordinum), достигаемая правильным соотношением противоположных конституционных элементов — аристократии, демократии и монархии. Высшим сословием в государстве должна быть землевладельческая аристократия, пополняемая, во избежание вырождения и косности, свежими силами из других сословий. Из известных истории политических форм — монархии, аристократии и демократии — каждая имеет свои положительные и отрицательные стороны, и при известных условиях всякая политическая форма может быть с точки зрения общего блага как плохой, так и хорошей. Но все же наилучшей является смешанная форма, при которой сочетаются элементы монархические, аристократические и демократические.

«Какую из названных тобой трех политических форм, — спрашивает Сципиона Лелий, один из участников диалога «О государстве», —ты считаешь наилучшей?» (quid maxime probas)[1]. «Собственно ни одну, — отвечает Сципион,— каждой из них в отдельности я предпочитаю смешанную из всех трех» (anteponoque singulis illud, quod conflatum fuerit ex omnibus)[2].

«Наилучшей политической конституцией будет та, при которой в правильной пропорции совмещаются три принципа: монархический, аристократический и демократический»[3].

Марк Туллий Цицерон

При такой конституции сохраняются лучшие принципы, присущие различным политическим конституциям: патриархальная любовь царя (caritas), разумность лучших людей (consilium optimatim) и любовь к свободе народа (libertas populi). Даже дикие звери ничем так не дорожат, как свободой (libertate ne feris quidem quicquam esse dulcius)[4]. При монархическом же или аристократическом строе этой основы общественной жизни не существует, и народ, лишенный политических прав, опускается до положения раба. Не может быть ничего лучше, красивее и счастливее того, положения, когда высшее право в государстве — издавать законы, судить и назначать должностных лиц принадлежит народу (si vero ius suum populi teneant)[5].

Если невозможно, как полагают некоторые философы, имущественное и интеллектуальное равенство, то по крайней мере должно быть равенство политических прав. «Ни в каком другом государстве, за исключением того, где высшая власть принадлежит народу (in qua populi potestas summa est)[6], не может существовать свободы».

---

[1] *Cic.*, De re publica, I, 35.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., II. 24; *Nonius*, IV, 292.
[4] Ibid., I. 35.
[5] Ibid., I, 32.
[6] Ibid., I, 31.

Теоретическое признание народного суверенитета в государстве, по теории Цицерона, не исключает само собой разумеется ни рабовладения, ни сословий внутри самой гражданской общины, ни имущественного неравенства, ни неодинаковости положения на государственной службе. Конструируемое им идеальное общество при всем своем формальном демократизме по существу остается рабовладельческим и аристократическим. Народная санкция необходима для сохранения «сословной гармонии» внутри и обеспечения господства Рима в провинциях.

Аристократия вбирает в себя жизнеспособные элементы, возвышающиеся из рядовой массы гражданства своим богатством или личными заслугами. Основным экономическим источником существования Цицерон считает *земледелие*, как наиболее почтенное и достойное свободного человека занятие. «Нет ничего лучше земледелия, ничего изобильнее, ничего приятнее, ничто более не достойно свободного человека».

Все же остальные виды занятий — денежные операции, крупная торговля и интеллигентские профессии — рассматриваются им как профессии второго сорта, более или менее терпимые и необходимые для существования государства. В этом пункте Цицерон в такой же степени идеолог аграрно-рабовладельческого государства, как и его учителя — греки Аристотель и Полибий.

Ярче всего аристократизм Цицерона чувствуется в его презрительном отношении к ремесленной деятельности как к источнику существования. В трактате «Об обязанностях» (De officiis) Цицерон различает два разряда занятий: занятия почетные, достойные свободного гражданина (liberales) и занятия грязные (sordidi), унизительные и недостойные свободного гражданина. К последней категории относятся все работы, связанные с получением вознаграждения за физический труд. В мастерской нельзя сделаться порядочным человеком — такова точка зрения Цицерона, весьма типичная для рабовладельческого государства.

«Эти люди — слуги и ремесленники, — получая вознаграждение за свой физический труд, тем самым как бы отчуждают свою личность, или, другими словами, продают себя в рабство...» (opifices omnes in sordida arte versantur nec enim quidquam ingenuum habere potest officina) [1].

Более почетна профессия крупных торговцев, дающая большой доход (magna et copiosa mercatura), и, наоборот, презренна мелкая торговля, разносная и развозная. Из интеллигентских профессий более всего почетны искусства (artes), медицина, архитектура и преподавание, приносящие славу и солидный доход [2].

---

[1] *Cic.*, De officiis, I, 42.

[2] Ibid.

Задача государственной власти, по Цицерону, заключается в поддержании «сословного равновесия» (concordia ordinum) при сохранении господства высших классов — оптиматов и всадников. В речи за *Манилиев* закон и в последующих речах и трактатах Цицерон стремится примирить оптиматов и всадников на почве общих интересов, внешней и внутренней политики.

В 64 г. Цицерон вместе с Гаем Антонием был избран консулом на 63 год. Оптиматы и всадники провели избрание Цицерона против другого кандидата — сулланца Луция Сергия Катилины.

Консульство Цицерона ознаменовалось двумя крупнейшими событиями последних десятилетий Римской республики — аграрным законопроектом Сервилия Рулла и заговором Катилины.

5. АГРАРНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ СЕРВИЛИЯ РУЛЛА

В декабре 64 г. народный трибун *Гай Сервилий Рулл* (G. Servilius Rullus) выступил с аграрным законопроектом (lex Servilia). По своему замыслу рулловский проект обширен и смел: Рулл проектировал наделение землей римских пролетариев и ветеранов в грандиозных, дотоле неслыханных размерах. В отличие от прежних законов, определявших земельные наделы (ассигнации) почти исключительно из государственного земельного фонда, Сервилий Рулл предполагал, использовав остававшийся запас государственных земель (ager publicus) в Италии, большую часть земель, необходимых для выведения намеченных колоний закупить в провинциях — у городов и частных лиц. Это была в высшей степени сложная операция, требовавшая больших средств, времени и сил. Для изыскания необходимых для этой операции денежных средств, закупки и распределения земель предполагалось создать специальную *аграрную комиссию* из 10 человек, наделенную обширными полномочиями и располагавшую штатом в 200 человек. Аграрной комиссии децемвиров предоставлялись чрезвычайные полномочия в важнейших вопросах внутренней и, косвенно, внешней политики. Комиссии предоставлялось в каких угодно размерах приобретать земли в Италии и провинциях и распределять их по своему усмотрению. Необходимые же для этого средства предполагалось получить из массовой продажи государственных земель в провинциях — в Македонии, Сицилии, Африке и Египте. Сверх того, в распоряжение комиссии отдавалась значительная часть пошлин, десятин, сборов и остаток военной добычи Помпея.

Во главе проектируемой аграрной комиссии децемвиров должны были стать Красс и Цезарь, получавшие компенсацию за поддержку рулловского проекта и таким путем надеявшиеся

ослабить влияние своего соперника Помпея. Своим законом Рулл стремился освободить Рим от угрожающего числа люмпен-пролетариев, переполнявших столицу мира.

Несмотря на всю обоснованность и государственную целесообразность, проект Рулла встретил резкую оппозицию со стороны оптиматов и всадников. С точки зрения оптиматов, образование комиссии децемвиров с неограниченными правами было прямым покушением на верховенство сената. Не сулил проект Рулла заманчивых перспектив также всадникам и городским плебеям, не желавшим расставаться с привычками мирового города. Вождем оппозиции был *Цицерон*, консул 63 года. С обсуждения рулловского проекта и начинается консульство Цицерона. Против законопроекта Рулла Цицерон произнес три речи, в значительной своей части дошедшие до нас.

В своем возражении консул выдвигал два главных положения: 1) продажа оставшихся государственных земель грозит финансовым кризисом государству. Значительная часть общественных земель, в особенности в провинциях, отдавалась в аренду, а арендные деньги были главным ресурсом государственной казны (agri vectigales); 2) диктатура децемвиров неизбежно приведет к гражданской войне и тирании.

Аргументация Цицерона оказала свое действие. Ему удалось склонить на свою сторону не только оптиматов и всадников, но также средних и мелких собственников, устрашенных чрезвычайными полномочиями аграрной комиссии, возможностью ревизии земельных прав, переделов, выселений и вообще всякого рода непредвиденных обстоятельств. Всадники боялись сокращения откупов, передачи сбора пошлин и налогов в ведение комиссии децемвиров. Перед взорами кредиторов рисовались перспективы кассации долгов, а перед всем рабовладельческим обществом «счастливых собственников», по выражению Цицерона (beati possidentes), — новая гражданская война.

«В заключение, — говорил Цицерон, — я намерен, почтенные сенаторы, кое-что сказать об опасности, угрожающей общественному благосостоянию и свободе. Я вас спрашиваю, останется ли хоть что-нибудь в государстве незахваченным, сохраните ли вы тень независимости и достоинства, когда Рулл и те, кого вы боитесь гораздо более, чем Рулла, окруженные всей массой неимущих и беспутных людей, со всеми своими силами, в обладании золотом и серебром, займут Капую и другие италийские города? Вот почему, почтенные сенаторы, я буду сопротивляться резко и непримиримо, и я не потерплю, чтобы в мое консульство выступили со своими планами люди, которые уже давно замышляют ниспровергнуть существующий строй» [1].

[1] *Cic.*, De lege agr., I, 22.

Городскую бедноту Цицерон запугал перспективой выселения из города в отдаленные и малярийные местности, вдали от привольной городской жизни и городских удовольствий, и малопривлекательной перспективой полунищего поселянина.

«Трибун заявил, — сказал Цицерон, — что городская масса взяла слишком много силы в государстве, и поэтому ее нужно вычерпать» (urbanam plebem nimium in re publica posse: exhauriendam esse).

«Вы видите, — подчеркивает Цицерон, — он употребил такое слово, как будто он говорит о помойной яме, а не о наилучшем разряде граждан. Слушайте меня, квириты, держитесь крепко за щедроты, за свободу подачи голосов, за ваше достоинство, за выгоды городской жизни, игры, праздничные дни, старайтесь сохранить обладение всеми этими выгодами; ведь не захотите же вы обменять на Сипонтскую пустыню и болота Салапии, полные вредных миазмов, все, что дает нам город, весь этот блеск солнца Республики» [1].

Законопроект Рулла был отвергнут, но его идея сохраняла силу и в последующее время. Аграрные законопроекты Цезаря, Антония и Октавиана являлись лишь модифицированными воспроизведениями рулловского законопроекта. Наделение землей ветеранов и пролетариев продолжалось и при Империи. Рост ветеранского землевладения и рост императорской власти суть две стороны одного и того же социально-экономического процесса. Ветеранское землевладение являлось одним из средств поддержки мелкого и среднего землевладения, в различной степени сохранявшегося в течение всей римской истории.

6. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Поражение Рулла объяснялось, конечно, не столько красноречием Цицерона, сколько слабостью римской демократии, ее деморализацией и зависимостью от высших классов. С полной очевидностью это обнаружилось в конце того же бурного 63 г., во время *заговора Катилины* (coniuratio Catilinae). Сущность заговора такова.

В 60-х годах I в. на высшее руководство римской политикой претендовали три магната — Помпей, Красс и Цезарь. Все шансы были на стороне Помпея, находившегося тогда в зените славы, увенчанного победами, имевшего многочисленную клиентелу, огромное богатство и дружившего с влиятельными трибунами. Обеспокоенные быстрым ростом влияния своего соперника, два другие магната, Красс и Цезарь, изыскивали способы затмить своего противника. Одним из таких способов был аграрный закон Сервилия Рулла, другим — аннексия Египта. Со дня

[1] *Cic.*, De lege agr., II, 26—27.

смерти Птолемея X (80 г.), не оставившего прямых наследников, присоединение Египта было одним из самых важных вопросов римской политики. Перспектива захвата Египта, богатейшей страны Средиземного моря, находила горячее сочувствие среди римского гражданства, в особенности среди всадничества и городской демократии. Для всадников захват Египта означал расширение откупных операций, а для городского демоса — получение дешевого хлеба. По личным мотивам на аннексии Египта более всего настаивал и первый богач Рима Марк Лициний Красс и его друг и союзник Юлий Цезарь.

В качестве цензора Красс в 65 г. предложил обложить Египет податью, рассматривая это как первый шаг к полной аннексии. Но это предложение встретило оппозицию в сенате, боявшемся возвышения Красса не меньше, чем возвышения Помпея. На проект Красса сенат смотрел, как на демагогический маневр, чреватый многими опасными последствиями.

Оппозиция сената заставила Красса и Цезаря искать обходных путей для осуществления своих планов. С этой целью они решили войти в соглашение с группой обиженных сулланцев, обвиненных в подкупе избирателей и на том основании лишенных консульского звания (66 г.). К обиженным сулланцам, в числе которых находился племянник диктатора Публий Корнелий Сулла, примкнул также и Луций Сергий Катилина, вычеркнутый из списков кандидатов по обвинению во взяточничестве во время преторства в Африке.

Пользуясь общей политической анархией, непопулярностью и слабостью сената, отведенные кандидаты решили не отступать и составили тайный союз, или заговор (coniuratio). Во главе заговора стоял *Гней Пизон*, принадлежавший к римской «золотой молодежи», «подстрекаемый к перевороту бедностью и дурными наклонностями». В числе заговорщиков находился также и Катилина. Заговорщики предполагали устранить консулов, проведенных оптиматами, уничтожить наиболее видных членов сената и провозгласить консулами самих себя. Заговор Пизона был открыт, но дело замяли из боязни назвать имена Красса и Юлия Цезаря, поддерживавших заговорщиков. Пизон получил даже назначение и отправился в Испанию, в которой еще не угасло пламя серторианской войны. После отъезда Пизона во главе заговора становится Катилина.

Луций Сергий Катилина (L. Sergius Catilina) родился в 108 г. и происходил из древнего патрицианского рода Сергиев, из которого вышли многие военные и общественные деятели. Катилина даже в изображении его врагов представляется сильной личностью, сочетавшей в себе самые противоположные качества.

«Физически крепкий, он невероятно легко переносил голод, холод и недосыпание. Морально смелый, он был коварным,

непостоянным, лживым, неискренним, жадным до чужого, расточительным, пылким в страстях; красноречия в нем было достаточно» [1].

С первых дней своего юношества находившийся в стесненных материальных условиях (natus in patris egestate) [2], Катилина поправил свои материальные дела во время сулланских проскрипций. Будучи одним из близких людей Суллы, Катилина выполнял самые кровавые поручения диктатора, занося в проскрипционные таблицы и убивая как незнакомых, так и знакомых людей, своих друзей и родственников, в том числе своего брата и мужа своей сестры [3]. Сулланские проскрипции, сопровождавшиеся огромными конфискациями и аукционами проскрибированных имуществ, в числе многих друзей Суллы обогатили также и Катилину.

«Конец резни (finis iugulandi) наступил не прежде, чем Сулла наполнил богатствами всех своих приверженцев» (omnis suos divitiis explevit) [4].

В 68 г. Катилина получил претуру, а в 67 г. он был претором провинции Африки [5]. В 66 г. Катилина явился в Рим и выставил свою кандидатуру на консульство на 65 год, но, вследствие его обвинения в лихоимстве и злоупотреблении властью, был отведен по формальным мотивам. В 64 году Катилина вновь выставляет свою кандидатуру и опять терпит поражение. На консульство 63 г. имелось семь кандидатов, в их числе Цицерон и Катилина. Выборная кампания происходила в напряженной общественной атмосфере. Противники Катилины, оптиматы и всадники, группировавшиеся около Цицерона, распускали всевозможные слухи, компрометировавшие катилинариев и их вождя. Страшные вещи рассказывали о самом Катилине. Говорили, что Катилина заставлял всех участников приносить страшную клятву и пить человеческую кровь, смешанную с вином. Утверждали, что Катилина совершил самые ужасные преступления и что нечестивая совесть не дает ему покоя, прибавляя, что и самая внешность Катилины как нельзя более соответствует его внутренней сущности: бледное лицо, тусклые, неприятные глаза, порывистая походка, то стремительная, то медленная. Говорили далее, что Катилина собирал вокруг себя молодежь и учил ее презирать все окружающее, грабить, убивать и не признавать ни морали, ни стыда, ни принятых на себя обязательств. При заведомой враждебности наших источников к Катилине едва ли приходится

[1] *Sallust.*, De coniur. Cat., V.
[2] *Quint.* Cicero, Comment., pet., 9.
[3] *Liv.*, Epit., 77; *Plut.*, Sulla, 32; *Oros.*, V, 21, и др.
[4] *Sallust.*, De coniur. Cat., LI, 34.
[5] *Ascon.*, 85.

сомневаться, что значительная доля приписываемых ему пороков должна быть отнесена на счет богатой фантазии его врагов — Цицерона и Саллюстия.

По городу циркулировали тревожные слухи о подготовлявшемся государственном перевороте, пожаре Рима, убийстве консулов, грабежах и пр. Красс и Цезарь из опасения быть скомпрометированными отстранились от Катилины. Перепуганные подобного рода слухами о заговоре, все «благонамеренные люди» (omnes boni) на выборах подали голоса за Цицерона, выбирая из двух зол меньшее. Вообще же говоря, Цицерон в это время не пользовался прочной симпатией ни в одном общественном слое, и вследствие этого положение Цицерона в течение всего его консульства не было прочным. С одной стороны, это объяснялось его личными качествами [1] — оскорбительной для окружающих хвастливостью и заносчивостью, низким происхождением, а самое главное — различием интересов оптиматов и всадников, на которых он желал опереться и которых он стремился слить в один господствующий слой.

Неудача 64 года не заставила Катилину отказаться от своего намерения добиться консульства на следующий, 62 год. Учитывая неудачи предшествующих лет, Катилина с тем бо́льшим рвением бросается в предвыборную кампанию 63 года в расчете стать консулом в 62 году.

С этого года, собственно, и развертываются главные события, связанные с заговором Катилины. Для привлечения на свою сторону возможно большего числа выборщиков Катилина развил бешеную агитацию среди самых различных слоев Римского населения: среди обремененных долгами и страстно желавших от них избавиться высших классов — сенаторов и всадников, в особенности среди аристократической «золотой молодежи», «питомника Катилины» (seminarium Catilinae), по выражению Цицерона [2], разорившихся сулланских солдат, тех, кто потерял движимое и недвижимое имущество при диктатуре Суллы и вообще всех недовольных людей, обремененных долгами и нуждой [3].

«Ближайшим и доверенным человеком Катилины становился всякий негодяй, развратник, промотавший свое состояние в игре и пьянстве, или человек обремененный огромными долгами, желавший избавиться от своих пороков и злодеяний... К нему стекались всякие убийцы, святотатцы... наконец, все, кого мучили позор, нищета и сознание своих преступлений».

---

[1] *Энгельс*, Письмо Марксу от 17 марта 1851 г. *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. XXI, стр. 173.

[2] *Cic.*, Cat., II, 23.

[3] Ibid., 21; *Sallust.*, De coniur. Cat., XXVIII, 4; XXXVII, 9.

«Катилина обещал кассацию долгов, проскрипции богачей, гражданские и жреческие должности, хищения и все, чем сопровождаются гражданская война и произвол победителя»[1]. Так характеризовали цели Катилины его политические противники и личные враги.

В 60-х годах I в. Рим и Италия переживали острый финансовый кризис, возникший на почве развития менового хозяйства, задолженности и страшной нужды в деньгах. В деньгах нуждались все слои римского общества — одни для уплаты долгов, другие для покупки земли и рабов, третьи для приобретения дорогих вещей, домов, нарядов, кутежей и т. п.

Финансовый кризис и связанное с ним стремление избавиться от долгов служили общей платформой, на которой объединялись самые разнородные элементы рабовладельческого Рима в своей симпатии к Катилине. Как уже отмечалось выше, число сочувствующих Катилине в Римской республике было очень велико во всех слоях римского общества.

Число заговорщиков все время росло, росла также и популярность Катилины. Среди заговорщиков находились многие известные сенаторы и всадники, как, например, Лентул Сура, Гай Цетег, М. Порций Лека, Габиний и другие, к которым примкнули некоторые именитые муниципалы и деятели колоний. По мере того как число заговорщиков росло, начинала оформляться программа заговора.

В разгар избирательной кампании на состоявшемся собрании заговорщиков Катилина нарисовал печальную картину состояния римского государства и наметил основные пункты своей программы.

«Все ведь, — говорил Катилина, — хорошо знают, что в настоящее время власть находится в руках олигархов, повелевающих подвластными царями и народами и получающих с них дань... Влияние, могущество и почет сосредоточены в их руках или в руках угодных им лиц или клиентов. Всем же остальным гражданам достались в удел отстранение от государственных должностей, судебные преследования и крайняя бедность» (at nobis est domi inopia, foris aes alienum, mala res, spes multo asperior)[2].

«В то время как они утопают в роскоши, срывают горы и роют пруды, подобные морям, у нас дома *нищета*, *неоплатные долги*, бедность в настоящем и будущем, у нас нет ничего, кроме тела и души. Между тем как все может быть. Для освобождения от всех зол необходимо прежде всего *завоевание свободы*, за которой уже само собой следуют честь, слава и богатство».

---

[1] *Sallust.*, De coniur. Cat., XIV, XXI.
[2] Ibid., XX, 13.

«Они владыки мира, а мы бесправная жалкая чернь. Между тем как, по существу дела, наше положение совершенно не безнадежное. Нас много, мы сильны и способны, победа в наших руках» (victoria in manu nobis est).

«Настоящее положение, — указывал далее Катилина, — как нельзя более благоприятствует нашим планам. Большинство на нашей стороне, между тем как власть находится в руках людей, неспособных совершить что-либо значительное» [1].

В случае удачи государственного переворота Катилина обещал *кассацию долговых обязательств* (tabulae novae), *конфискацию имений богатых* (proscriptiones locupletium), *передел земли, новое распределение магистратур* (magistratus, sacerdotia), добычу (rapinas) и т. д. — словом, осуществление всей демократической программы-максимум.

Свои стремления и свою деятельность Катилина пытался связывать с интересами плебса, совпадавшими с его собственными интересами. «Только тот,—говорил он,—кто сам несчастен, может быть верным заступником несчастных; не верьте, раненые и обездоленные, обещаниям невредимых и счастливых; если вы хотите восполнить прорехи, возместить утраты, то взгляните на мои долги, мое имущество, мою отвагу; наименее робким и наиболее пострадавшим должен быть призванный вождь и знаменосец пострадавших» [2].

Первым шагом к осуществлению своей программы Катилина считал избрание его консулом.

«Делайте со мною, что хотите: выбирайте меня своим вождем или распоряжайтесь мною как рядовым солдатом: я весь целиком, и душой и телом, буду принадлежать вам и надеюсь, что с вашей помощью, будучи консулом, доведу наше предприятие до желанного конца. Перед вашими глазами лежат богатства, почет, слава (preaterea divitiae, decus gloria in oculis sita sunt)—все, что вы так страстно всегда желали» [3].

Стремление к диктатуре, выступающее в переданной Саллюстием речи Катилины, было совершенно в духе того времени. К диктатуре стремились Помпей Страбон, Цинна, Карбон, Лепид, Красс, Цезарь и Катилина. Во время движения по городу Катилину сопровождал отряд сулланских ветеранов из Арретия и Фезул [4].

Поведение Катилины в сенате становилось все более нервным и резким. Так, при обсуждении нового закона о выборщиках и подкупах, направленного в первую очередь против него, Ка-

---

[1] Ibid., XX.

[2] *Cic.*, Murena, 50.

[3] *Sallust.*, De coniur. Cat., XX, 14.

[4] *Cic.*, Murena, 49; *M. Gelzer*, Die Nobilität der römischen Republik, 1912.

тилины, он гневно заметил, что если сожгут его дом и имущество, то он потушит раздутый пожар не водой, а развалинами (si quod esset in suas fortunas incendium excitatum, id se non aqua, sed ruina restincturum) [1].

На требование Цицерона объяснить смысл произнесенной Катилиной на конспиративном собрании заговорщиков речи последний ответил: «В нашем государстве имеются два тела: одно слабое, но с сильной головой— сенат, а другое сильное, но со слабой головой — народ (duo corpora esse rei publicae: unum debile, infirmo capite, alterum firmum, sine capite) [2], и если это второе тело меня поддержит, то оно, пока я жив, не будет без головы». Сенаторы были крайне возмущены странными репликами Катилины, но молчали: одни потому, что они были с ним согласны, а другие, наоборот, потому, что они не были согласны со словами Катилины.

Выборы происходили под председательством консула 63 года Цицерона, одетого по-военному, и под охраной вооруженной свиты. И на этот раз Катилина вновь потерпел поражение.

При энергичной поддержке Цицерона выбраны были консулами Луций Мурена и Юний Силан. Поддерживая кандидатуру противников Катилины, «потомков почетных людей», «заслуживающих всеобщего одобрения» и «никому не угрожавших», Цицерон действовал от лица «всех добрых граждан», боявшихся государственного переворота и дрожавших за свое положение и богатство: «Все, кто сильно желал спасти государство от этой язвы, тотчас перешли на сторону Мурены...

...Удивительно ли, что внезапно появившийся призрак консула Катилины довершил его успех» [3].

Потеряв последние надежды на легальное получение консульства, Катилина пошел на открытый государственный переворот. С захватом власти приходилось особенно торопиться по двум причинам: 1) вследствие ожидавшегося выступления Цицерона в сенате с разоблачением заговорщиков и 2) ожидавшегося скоро возвращения в Рим Помпея. Генеральное выступление должно было произойти в конце октября 63 г., 25 октября должно было, согласно договоренности конспираторов, произойти выступление военных частей в Этрурии, Кампании (Капуе) и Апулии.

В ночь с 27-го на 28-е предполагалось произвести резню оптиматов и убить консула, объединявшего вокруг себя все «благонамеренное гражданство». Однако план Катилины не удался. Ци-

---

[1] *Cic.*, Murena, 51.
[2] Ibid.
[3] Ibid., 52.

церону удалось через доносчиков собрать достаточный материал о планах заговорщиков, чтобы запугать сенаторов и добиться вручения ему (Цицерону) мандата на объявление города на военном положении. В силу сенатского постановления о чрезвычайном положении (senatus consultum ultimum) 21 октября Рим был объявлен на осадном положении, консулу вверялись чрезвычайные полномочия (videant consules ne quid res publica detrimenti capiat) пресекать революционные брожения, арестовывать граждан и производить набор войск.

Введение чрезвычайного положения свидетельствовало о серьезности положения.

«Граждане были потрясены, вся физиономия города изменилась. После беспечности и веселья, плода долгого мира, внезапная печаль объяла всех; повсюду сумятица, суета, всеобщее недоверие и к месту и к окружающим; не было войны, но не было и мира, всякий по своему страху судил об опасности» [1].

В ночь на 7 ноября состоялось конспиративное заседание заговорщиков в доме сенатора Марка Порция Леки, сочувствовавшего заговорщикам. На этом заседании был в окончательной форме выработан план предстоящего государственного переворота и распределены роли между организаторами заговора.

Организация восстания была хорошо продумана. По плану заговорщиков, Италия разбивалась на несколько районов, вверявшихся надежным людям, вместе с тем намечалось, кто должен остаться в Риме и кому надлежало отбыть в заранее указанные италийские города и провинции. Сборным пунктом войск был выбран город Пренесте, находившийся недалеко от Рима и хорошо укрепленный. Важнейшей задачей заговорщиков, остававшихся в Риме, являлось устранение Цицерона, которого решено было убить в его собственном доме, в постели [2]. Однако на этот раз заговорщики не достигли желанной цели. Осведомленный через своих людей, в частности через аристократку Фульвию, находившуюся в сожительстве с некиим Курием, одним из заговорщиков, Цицерон принял соответствующие меры предосторожности и остался жив. «Не успело разойтись ваше собрание, как я уже обо всем был извещен. Я усилил стражу, оберегавшую мой дом, и тем, которых ты рано утром ко мне прислал с поклоном, велел отказать; были же это те самые, которых я заранее назвал многим высокопоставленным лицам, предсказывая, что они придут ко мне в это самое время» [3].

В ночь на седьмое ноября имело место вышеназванное собрание заговорщиков в доме Леки, а на следующий день, 8 ноября,

---

[1] *Sallust.*, De coniur. Cat., XXXI.
[2] *Cic.*, Cat., I, 10.
[3] Ibid.

в храме Юпитера Статора на Палатине, находившемся в укрепленном природой месте и охраняемом усиленной стражей из всадников, было созвано экстренное собрание сената по делу о раскрытии заговора. На этом заседании Марк Туллий Цицерон произнес блестящую (первую) речь против Катилины, изобразив цель заговора и его организатора в самых ужасных и мрачных красках. Своим неожиданным и в высшей степени резким выступлением в сенате Цицерон надеялся дезорганизовать своих противников и удалить главу заговора из Рима. К более же радикальным мерам Цицерон, никогда не чувствовавший себя очень прочным в сенате, прибегать тогда не решался.

«Долго ли еще ты будешь, Катилина, злоупотреблять нашим терпением? Долго ли еще в своем безумии ты будешь издеваться над нами? Что ты сделал в две последние ночи и о чем ты совещался, — все это известно каждому из нас. Этого мало. Он является на заседание сената, принимая участие в обсуждении общественных вопросов... Боги бессмертные, в какой мы живем стране? Что это за государство? Что за город? Здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом высоком собрании мужей, долженствующих быть цветом и украшением вселенной, вместе с нами сидят люди, замышляющие гибель мою и моих коллег, намеревающиеся внести в этот город и во все страны мира пожар и убийства. И я, консул, не только спокойно вижу, но и спрашиваю их мнение об общественных делах. Даже словом не смею оскорблять тех, кого давно следовало бы предать казни.

При таком положении дел, Катилина, тебе остается только продолжать дело, начатое тобою. Уходи вон из города! Его ворота для тебя давно открыты. С нетерпением манлиево войско ждет тебя как своего вождя. Только захвати, пожалуйста, с собой всех твоих сообщников; если же всех нельзя, то как можно больше — очисти от них город!» [1].

Застигнутый врасплох, Катилина попался на провокацию Цицерона, отправился в добровольное изгнание и открыто вступил на революционный путь. Цицерон торжествовал победу.

«Наконец-то мне, квириты, — говорил он во второй речи, произнесенной на народном митинге (contio) на следующий день (9 ноября) после ухода Катилины, — удалось его (Катилину) — как ни неистовствовал он в своей бешеной отваге, как ни дышал злобой, как ни стремился погубить свое отечество своими нечестивыми деяниями, как ни угрожал вам и нашему городу мечом и огнем, — наконец-то, повторяю, удалось мне его... уж не знаю сказать ли «изгнать» или «выпустить», или «почтить напутственной речью при его добровольном уходе». *Он ушел, удалился, умчался, исчез*; не будет уже более этот изверг внутри наших стен мечтать

---

[1] *Cic.*, Cat., I, 4, 9, 10.

об их разрушении. Это значит, что мы хоть одного этого вождя междоусобной войны, несомненно, победили; мы не будем чувствовать его кинжала в своей груди, не будем вздрагивать, находясь на Марсовом поле, на форуме, в курии, да и внутри наших домов»[1].

Удаление Катилины из Рима Цицерон считал только началом поднятой им кампании. Предстояло еще разрешить не менее сложную задачу — очистить город от соучастников и приверженцев Катилины, наполнявших Рим.

«Представьте себе теперь, что за ним последуют его друзья, вся эта позорная артель беспутных негодяев; как рады будем мы, как счастливо будет государство, какой славой покроется мой консулат. Вожделения этих людей уже превысили всякую меру, их дерзкая отвага вышла из пределов допустимого и выносимого»[2].

После отъезда Катилины в Этрурию в Риме во главе движения стоял *Публий Корнелий Лентул.* Оставшиеся в Риме заговорщики (Лентул, Цетег, Габиний, Статилий и др.) повели усиленную агитацию среди низших слоев города, привлекая на свою сторону наряду со свободными также и рабов.

«Его (Лентула) агитация не ограничивалась кругом полноправных граждан, но распространялась на людей всякого рода, если только они в его глазах могли быть полезными для войны хоть чем-нибудь» (neque solum cives, sed cuiusque modi genus hominum, quod modo bello usui foret)[3].

В письме к Катилине Лентул категорически убеждал его оставить предрассудок в отношении рабов, объявить свободу и призвать их к оружию. Колебания в отношении рабов в настоящий критический момент, писал Лентул Катилине, могут принести неисчислимые бедствия.

«Помни, Катилина, — писал Лентул, — что ты, как храбрый муж, находишься в критическом положении. Ищи помощи у всех, не гнушайся никем, даже самыми низшими» (auxilium petas ab omnibus, etiam ab infimis).

На словах же он поручал своему посланнику Вольтурцию передать Катилине: «Чего он еще ждет, после того как сенат объявил его вне закона? Почему он медлит прибегнуть к помощи рабов?» (quo consilio servitia repudiet?)[4].

Одновременно с городскими плебеями и рабами Лентул вступил в соглашение с представителями галльского племени *аллоброгов*, случайно находившимися тогда в Риме. Недовольные действиями римских властей и тяготившиеся долгами, делегаты аллоброгов пришли в Рим с ходатайством об облегчении долгов. Лентул

---

[1] *Cic.*, Cat., II, 1.
[2] Ibid., 10.
[3] *Sallust.*, De coniur. Cat., XXXIX,6.
[4] Ibid., XLIV, 6.

решил использовать недовольство аллоброгов, вступил с ними в переговоры, сообщил им о готовящемся перевороте и обещал им кассацию долгов в случае успеха и их помощи. Но и здесь заговорщиков постигла неудача. Не поверив химерическим обещаниям Лентула, с одной стороны, и рассчитывая на щедрую награду со стороны сената, с другой, — аллоброги сообщили о предложении Лентула своему патрону Фабию Санге, а этот последний донес о сговоре заговорщиков с галлами Цицерону.

По приказанию консула, аллоброги были арестованы, приведены в сенат и подтвердили о состоявшемся соглашении между ними и заговорщиками, показав при этом полученные от заговорщиков верительные грамоты за подписью и печатями руководителей заговора.

Возможное вовлечение в заговор аллоброгов и рабов и предполагавшаяся отправка из Рима в лагерь Манлия-Катилины оружия [1] доставили в распоряжение Цицерона богатый материал, которым он мог запугать и перетянуть на сторону колебавшиеся элементы не только в сенате, но и на народных митингах.

В речах, произнесенных в первых числах декабря, непосредственно под впечатлением ареста делегатов аллоброгов, Цицерон в фантастических красках рисовал ужасающую картину последствий заговора.

«Еще раз прошу вас,— говорил Цицерон, обращаясь к народу,— приложите все свое усердие к спасению государства, подумайте о всех бурях, которым мы идем навстречу, если вы их не предотвратите. Вы знаете тех, которые ждут своей участи от строгого решения вашего суда: это не Тиберий Гракх, пожелавший вторично стать народным трибуном, не Гай Гракх, попытавшийся возобновить аграрное движение, не Луций Сатурнин, убивший Гая Меммия,— уличены те, которые остались в Риме ради поджогов, ради вашего поголовного избиения, ради выдачи города Катилине: уличены они своими письмами, своими печатями, своими почерками, своими признаниями. Вы знаете — они поднимали против нас аллоброгов, подстрекали рабов, призывали Катилину; их замыслом было — произвести такую резню, чтобы некому было даже почтить погребальным плачем имя римского народа, воздать последний дар слез похороненному властелину мира»[2].

Цицерон использовал колебания средних прослоек, «античной мелкой и средней буржуазии» и в решительный момент перетянул их на свою сторону.

«Дело в том, что все ремесленники и торговцы при своем преобладающем большинстве или, правильнее сказать, весь этот класс до чрезвычайности склонен ценить внешний покой. Да

[1] *Cic.*, Sulla, 17.
[2] *Cic.*, Cat., IV, 4.

и понятно: все их ремесло, вся работа, весь заработок, находясь в тесной зависимости от посещающих их граждан, требуют мирной обстановки; и если с закрытием торговых помещений неизбежно уменьшается выручка, то на что же пришлось бы рассчитывать этим людям тогда, когда их заведения делались бы добычей пламени» [1].

По предложению Цицерона, все заговорщики (3 декабря) были арестованы, а на следующем заседании сената (5 декабря) состоялся чрезвычайный суд, приговоривший арестованных к смертной казни. Предложения отдельных сенаторов, в том числе Юлия Цезаря, заменить смертную казнь пожизненным заключением были отклонены большинством сената, высказавшимся за смертную казнь.

«Не судьба самих заговорщиков, — говорил один из самых влиятельных сенаторов, вождь оптиматов Катон Младший, — должна беспокоить вас, а наша собственная безопасность. Все прочие преступления можно преследовать, после того как они уже совершены; это же злодеяние, если его не предупредить, не даст вам времени подумать о своем спасении. После того как город будет взят вооруженной рукой, побежденным уже ничего не останется. Заклинаю бессмертными богами вас, для которых отечество дороже, чем ваши дома, виллы, картины и статуи, станьте на защиту того, что вам так дорого, и сохраните возможность им пользоваться. Вспомните, что дело идет не о налогах и обидах, нанесенных союзником, а о вашей собственности, свободе и жизни» (non agitur de vectigalibus, neque sociorum iniuriis: liberta et anima nostra in dubio est) [2].

Попытка Лентула и Цетега поднять в последний момент рабов, слуг и вольноотпущенников, «смелых и готовых на все», и с оружием в руках вырвать их из опасности не удалась. Приговор был приведен в исполнение в Мамертинской тюрьме, где арестованные были удавлены в присутствии самого Цицерона. «Они мертвы», — сказал Цицерон, выходя из тюрьмы, приветствуемый радостными криками собравшейся толпы.

Нарушая законную судебную процедуру, Цицерон спешил расправиться с заговорщиками, осужденными в чрезвычайном порядке, ввиду усиливавшегося революционного брожения и открывавшейся гражданской войны. Повсюду находились приверженцы Катилины. Кроме заговорщиков, замечает Саллюстий, было немало людей, отправившихся к Катилине. «Уже давно римский плебс — городской (opifices) и сельский (agrestes), — все богатство и надежда которого заключаются в его руках, находился в состоянии брожения и пылал жаждой мести» (plebes

---

[1] Ibid., 17.
[2] *Sallust.*, De coniur. Cat., LII, 6, 7.

sic adcensa, uti opifices agrestesque omnes, quorum res fidesque in manibus sitae erant, relictis operibus frequentarent Marium) [1]. Непосредственным образом сказанное относится к эпохе Гая Мария, но в такой же, если не в еще большей степени оно приложимо и к изучаемому периоду.

Нити заговора из Рима протянулись по всем направлениям: через всю Италию, Галлию, Испанию и Африку. Всюду находились приверженцы Катилины. Сильнее же всего движение было в Этрурии, стране крупного землевладения и рабовладения, очаге постоянных восстаний и заговоров. Здесь разорившиеся сулланцы объединились под командой сулланского центуриона *Гая Манлия*.

«Шире, чем это думают, — говорил Цицерон в сенате 5 декабря, — рассеяны семена этого зла; оно не только охватило Италию, но уже проникает и за Альпы, уже незаметно распространяясь, образовало гнезда во многих провинциях» [2].

Повсюду происходили ночные собрания (conventus), брали на учет оружие, сообщали о чудесах и предзнаменованиях, готовились к войне и восстанию. В Апулии, классической стране движений рабов, разгоралась война рабов, в Капуе волновались гладиаторские школы и т. д. Положение становилось серьезным и напряженным.

Серьезнее всего положение было в Этрурии, где, согласно решению собрания в доме Леки, началось восстание Гая Манлия.

27 октября Гай Манлий с большой толпой взялся за оружие (C. Manlium arma cepisse cum magna multitudine ante diem VI Kalendas Novembris) [3].

Таким образом Катилина, после вынужденного отъезда из Рима и объявления его вместе с Манлием врагом отечества, оказался во главе стихийно развивавшегося революционного движения, захватившего самые разнородные элементы римского общества. В письме к сенатору Квинту Катуллу, написанному вскоре после вынужденного отъезда из Рима, поднятое им восстание Катилина рассматривал как восстание прежде всего в интересах бедной и обездоленной части народа.

«Верный своей привычке, я взял на себя публичную защиту всех несчастных граждан; сделал я это вовсе не потому, чтобы не мог уплатить долговых обязательств, выданных от моего имени, из своих средств, — за долги, сделанные на чужое имя, заплатила бы щедрость Орестиллы из ее средств и средств ее дочери, — а потому, что я видел недостойных людей, облеченных почетом, и вместе с тем чувствовал себя отстраненным по ложному подозрению. На этом основании я избрал достаточно почетный

---

[1] *Sallust.*, Bellum Iugurt., 73, 6.
[2] *Cic.*, Cat., IV, 6.
[3] *Sallust.*, De coniur. Cat., XXX, 1.

в моем положении путь, дающий мне надежду на сохранение оставшегося у меня достоинства» [1].

Число сочувствующих Катилине было достаточно велико, но по своему социальному составу оно было в высшей степени пестро, слабо организовано и потому слабо. Ядро сторонников Катилины составлял сельский и городской плебс, «всегда жадный до переворотов» (cupida rerum novarum), но экономически совершенно бессильный и не имевший в этом отношении никаких перспектив. В I в. до н. э. это была деклассированная — люмпенпролетарская — масса, легко возбуждавшаяся, но также легко остывавшая, неустойчивая в своих политических симпатиях и антипатиях, при первой же неудаче терявшая психическое равновесие и переходившая в лагерь победителя.

«Между тем плебс, который сначала, по своей склонности к переворотам, вполне сочувствовал гражданской войне, после раскрытия заговора изменил свой образ мыслей, стал проклинать намерения Катилины, превознося до небес Цицерона, радоваться и ликовать, как рабы, отпущенные на свободу» [2].

В этом аспекте становится понятным и пессимистический взгляд Саллюстия на исход катилинарного движения.

«Силы плебса, — говорил Саллюстий, — уменьшались, а могущество олигархов возрастало. Они держали в своих руках выборные должности, провинции и все государство, сами были ни для кого не уязвимы и благоденствовали; тех, которые были склонны относиться мягче к плебсу, запугивали судебными преследованиями. Но при малейшем колебании всякий раз снова возникала надежда на переворот, и страсть борьбы охватывала умы плебса. Поэтому, если бы Катилина вышел победителем или даже только не побежденным из первого сражения, великий разгром и бедствия постигли бы государство, и победители не могли бы слишком долго пользоваться плодами побед: у них, утомленных и ослабевших, отнял бы власть и свободу тот, кто оказался бы в конце концов сильнее их» [3].

К сказанному надо еще прибавить недостаточность вооруженной силы и техническую слабость катилинариев. Войско Катилины едва ли превышало 20 тысяч человек и притом было очень плохо вооружено. Уже одно это обстоятельство предвещало трагический исход поднятого движения. В период военных диктатур войску принадлежало решающее слово. Все это и привело к поражению Катилины.

Громадным преимуществом «партии благонамеренных», возглавляемой Цицероном, был огромный численный перевес военной

---

[1] *Sallust.*, De coniur. Cat., XXXV.
[2] Ibid., XLVIII, 1.
[3] Ibid., XXXIX.

силы, наличие государственного аппарата и финансов. При известии о начавшемся движении из Рима в спешном порядке в Этрурию, Апулию, Кампанию, Пицен и другие очаги революционных брожений были посланы преторы и легаты со специальным поручением набрать армию и держать ее в боевом порядке. Вместе с тем организовалась целая система шпионажа и доносов. За раскрытие конспиративных тайн заговорщиков назначались определенные награды: рабам — свобода и 100 тыс. сестерций, свободным гражданам — 200 тысяч и безнаказанность за участие в заговоре. Гладиаторские школы из Капуи были переведены в другие города, повсюду расставлялись патрули и пикеты. Римская государственная машина и на этот раз одержала победу. Цицерон с полным основанием мог заявить:

«Все предусмотрено, приготовлено и устроено, отцы-сенаторы, не только благодаря моим исключительным заботам и стараниям, но еще в большей мере благодаря решимости римского народа удержать в своих руках верховную власть и сохранить неприкосновенными наши общие ценности» [1].

Известие о ликвидации заговора в Риме и казни заговорщиков расстроило ряды катилинариев. Многие, примкнувшие к движению из корыстных расчетов в надежде на богатую добычу, получение должности и пр., отпали. С оставшейся же частью армии, малочисленной и плохо вооруженной, но преданной своему делу и вождю, Катилина обходным путем, горными тропинками и непроходимыми дорогами намеревался итти в Галлию. Там он надеялся найти поддержку у воинственных галльских племен, склонных присоединиться к движению против Рима.

Но и это не удалось. Против Катилины из Рима были посланы две армии под командой Квинта Метелла Целера и консула Гая Антония, прежнего друга и соучастника Катилины. Окруженный враждебными армиями, Катилина вынужден был вступить в открытый бой с превосходившими силами врага. По римскому обычаю, перед битвой он созвал солдат и произнес перед ними горячую, полную энтузиазма речь, призывавшую их к геройской защите свободы чести и личного достоинства.

«Мы сражаемся за отечество, свободу и жизнь, — говорил Катилина, — между тем как наши враги проливают свою кровь за интересы немногих...» (illis supervacaneum est pro potentia paucorum pugnare).

«В нашей власти спасти жизнь добровольной ссылкой, но это была бы постыдная жизнь. Многие из нас могли бы влачить жизнь в Риме на чужой счет, но вы, как подобает сильным людям, презрели такие низкие и неблагородные средства к спасению. В бою мужество — лучшее ручательство за успех, во власти

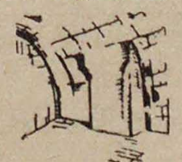
[1] *Cic.*, Cat., IV, 14.

победителя назначить условие мира. Хорошо зная вас, воины, и припоминая ваши подвиги, я имею большую надежду на успех. За него мне ручаются ваша смелость, ваше мужество, ваши цветущие годы, придающие силу руке и особенно ваше безвыходное положение, которое и нерешительному должно придать мужество отчаяния. Если же завистливая судьба не увенчает нас успехом, падем, но отомстим за себя; не отдавайтесь в плен, не допускайте, чтобы враг избил нас, как стадо баранов. Если он даже и получит победу, то это будет только вместе с нашей смертью, которая будет стоить ему крови и слез» [1].

Генеральное сражение произошло в горных теснинах Этрурии. При *Пистории* (Pistoria) в 62 г. армия римских консулов купила победу дорогой ценой. Повстанцы держались с изумительной стойкостью и почти все до одного остались на поле битвы. Больше всего мужества, распорядительности и геройства проявил сам Катилина.

Среди павших геройской смертью на поле сражения находился и сам Катилина. «Катилина был найден далеко от своих, посреди врагов. Он еще дышал, и на лице его отражался его неукротимый и свирепый дух. Каждый из его солдат так же мало щадил свою жизнь, как и жизнь врага» [2]. Цицерон за раскрытие заговора и спасение отечества получил почетный титул «отца отечества» (pater patriae).

Разгром катилинарного движения еще больше расстроил ряды популяров и на некоторое время поднял престиж оптиматов и сената. Разгромленная и распыленная демократия, в главной своей массе состоявшая из городских деклассированных элементов, с этого времени становится орудием в руках демагогов и военных диктаторов. Заговор Катилины составляет одно звено в длительном и сложном историческом процессе перерождения римского рабовладельческого полиса в Римскую империю Средиземноморья, начавшемся во II в. до н. э. и завершившемся во II в. н. э. При сложившейся в последние десятилетия ситуации в Римской республике победить мог только военный диктатор, опиравшийся на имперские силы—непосредственным образом на организованную силу войска и военную добычу. Римский полис закономерно перерождался в средиземноморскую империю. На данной ступени исторического развития рабовладельческое государство Рима могло быть сохранено от внутреннего разложения и обеспечено в своих внешних владениях только силами Империи.

[1] *Sallust.*, De coniur. Cat., LVIII.
[2] Ibid., LXI.

Глава XII

ТРИУМВИРАТ И ДИКТАТУРА ЦЕЗАРЯ

1. «ТРЕХГОЛОВОЕ ЧУДОВИЩЕ»

Заговор Катилины ускорил наступление единоличного режима императоров. В своей эволюции римское самодержавие прошло несколько ступеней, первой из которых был первый *триумвират* 60 года, как принято называть соглашение трех влиятельных римских магнатов — Помпея, Красса и Цезаря. То был «союз власти, денег и ума». Соглашение состоялось на почве общей вражды к сенату и необходимости взаимной поддержки. Каждый из названных триумвиров имел основание быть недовольным сенатом. Помпей был недоволен отказом сената утвердить его распоряжения относительно восточных провинций и вознаграждения ветеранов, Цезарь стремился заочно получить консульство, Красс же тщетно добивался снижения откупных платежей в интересах всадничества и получения командования на Востоке. Триумвиры действовали прежде всего в личных интересах и в интересах их многочисленной клиентуры, имея поддержку в различных социальных слоях. Красс опирался на всадников, Цезарь дружил с популярами, Помпей имел опору в некоторых слоях нобилитета, а все вместе в легионах, которыми каждый из них командовал. Идея триумвирата исходила от Юлия Цезаря, с личностью которого прежде всего и надо ознакомиться.

Гай Юлий Цезарь (Gaius Julius Caesar, 100—44 гг.) происходил из древнего римского рода Юлиев, родоначальником которого считался Юл (Julus), сын Энея. Родственник Гая Мария по женской линии, Цезарь был женат в первом браке на дочери Цинны Корнелии.

По своим интеллектуальным качествам и разносторонним дарованиям Юлий Цезарь принадлежал к выдающимся людям своего времени. Однако, обнаруживая интерес ко всем видам

знания — от философии и красноречия до астрономии и стратегии, — он не углублялся в какую-либо одну научную или художественную область. По своей натуре Цезарь был больше артистом-дилетантом, нежели ученым-систематиком.

Интеллектуальная одаренность Цезаря не совсем гармонировала с его физической природой. Слабый, худой, с тонкими чертами лица, предрасположенный к головным болям и обморокам, Цезарь, казалось, опровергал римский принцип «здоровый ум — в здоровом теле» (mens sana in corpore sano). Однако при всей слабости своего здоровья, к тому же расшатанного неумеренным образом жизни, умственным и физическим переутомлением, Цезарь совершал длительные переходы и переезды по бездорожным и безводным местностям, подолгу не сходя с лошади, и ночевал в повозке под северным небом Галлии и Германии. Рассказывают, что в путешествиях, чтобы не терять времени, Цезарь диктовал письма, сочинял мемуары и обдумывал планы стратегических и политических боев. Он мог одновременно диктовать, писать и вести разговор. Своим тонким чутьем к правильности и красоте языка и ясности мысли Цезарь во многом обязан своим учителям, в особенности знаменитому ритору Молону.

Цезарь жил в эпоху, когда политическая деятельность являлась привилегией немногих магнатов и их клиентов. Для того чтобы расположить к себе выборщиков, общественным деятелям древнего Рима приходилось на свой счет устраивать празднества, игры и зрелища, возводить здания, делать подарки и просто подкупать обывателя. Все это требовало больших денег, собственных же средств Цезаря для такого рода обширных трат нехватало, и потому ему приходилось занимать крупные суммы у своих богатых друзей и покровителей. Особенно велика была зависимость Цезаря от Красса, который, со своей стороны, использовал Цезаря в личных интересах.

И все-таки, как ни щедры были друзья и покровители Цезаря, он не мог прожить на одни только займы. Отсюда стремление Цезаря во что бы то ни стало получить доходную должность в одной из богатых провинций. В 62 г. без усилий и при поддержке Красса, Цезарь получил преторство, а в следующем, 61, году — пропреторство в Испании. В качестве пропретора Цезарь одержал несколько побед над испанскими племенами (лузитанами), урегулировал вопрос о податях и долгах и вместе с тем поправил свое состояние.

Подозрительное отношение сената и оптиматов к Цезарю, считавшемуся марианцем и демократом, сблизило его с Помпеем, обиженным сенатом, отказавшим ему в 62 г. в утверждении его мероприятий в Азии.

Первоначальной идеей Цезаря было образование умеренного правительства, близкого к идеалу Цицерона. Однако рез-

кая оппозиция Катона, вождя оптиматов, заставила Цезаря повернуть на путь более тесного сближения с Помпеем и Крассом, с помощью которых он в 59 г. получил консульство, которого давно домогался.

Триумвират, «трехголовое чудовище», как его прозвали оптиматы, был скреплен династическими браками. Цезарь выдал замуж за Помпея свою дочь Юлию, уже помолвленную за Сервилия Цепиона, за Сервилия же отдали дочь Помпея, обрученную с Фаустом Суллою, сыном диктатора. Сам Цезарь женился третьим браком на Кальпурнии, дочери Пизона, получившего на следующий год консульство. Таким образом создавалась родственная сеть, охватывавшая всех главных деятелей этой эпохи.

Главная цель соглашения троих была достигнута. Честолюбие Помпея было удовлетворено признанием комициями всех его распоряжений в Азии, а Крассу обещана провинция и война с Парфией.

В звании консула Цезарь провел ряд законов. Во-первых, в интересах всадников он провел через комиции закон о сложении с обществ публиканов одной трети откупных платежей. Во время войн с Митридатом откупные компании понесли значительные потери, и на этом основании всадники просили снижения откупной суммы. Их просьба была удовлетворена [1]. Далее, в интересах ветеранов Помпея и низших слоев города был проведен *аграрный закон*, в основном повторявший закон Сервилия Рулла. Около 20 тыс. ветеранов Помпея и малоимущих жителей города получали земельные наделы. Кроме того, Цезарь обещал снижение долгов, урегулирование жилищной платы и уменьшение процентной нормы. Помощником Цезаря в его политической карьере в эти годы был *Публий Клодий Пульхр* (P. Clodius Pulcher), один из энергичных проводников цезарианской политики, происходивший из одного из самых древних римских родов — Клавдиев. В последнем столетии Республики существовало несколько Клавдиев или Клодиев — братьев и сестер. На всем роде Клавдиев лежала печать авантюризма, но в то же время они не были лишены ни внешней обаятельности, ни образования, ни литературных, политических и организаторских способностей. Биография Клодия поражает пестротой своего содержания. Сначала он служил в армии Лукулла в войне с Митридатом, попал в руки разбойников, но освободился за плату, затем дружил с Катилиной, был уличен в святотатстве против «доброй богини» (Bona Dea), на праздник которой он пробрался переодетым в женское платье, находился в связи со второй женой Цезаря Помпеей и т. п. В 59 г. из-за личной вражды к Цицерону Клодий примкнул

[1] *Drumann*, Geschichte Roms, Bd. III, 2 Auf., 1906; *E. Meyer*, Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus, 3 Auf., 1922.

к Цезарю, перешел в плебейство и при поддержке Цезаря был выбран народным трибуном на 58 год.

При всей извращенности натуры, Клодий обладал незаурядными организаторскими способностями и оказывал Цезарю огромную услугу в его борьбе с политическими врагами — Цицероном и Катоном, — выступавшими против монархических стремлений Цезаря. В качестве поверенного Цезаря Клодий в 58 г. провел ряд законов с целью организовать городские массы и привлечь их на сторону Цезаря. Сюда относятся: 1) чрезвычайно популярный (summe popularis) в среде городского населения *хлебный закон*, вводивший бесплатную раздачу хлеба гражданам (ut frumentum populo... gratis darentur); 2) закон о разрешении собраний и митингов в праздничные дни, когда трудовая масса населения была свободна, и 3) закон о возобновлении старых коллегий, закрытых сенатом во время катилинарного движения, и об открытии новых коллегий (lex de collegiis restituendis novisque instituendis), состоявших «из подонков рабов» (servitiorum faece constituta) [1], по выражению Аскония, комментатора Цицерона.

Через коллегии Клодий сумел сорганизовать городские массы, связать их с политикой Цезаря и в необходимый момент противопоставить своим политическим врагам.

Не имея опоры в коллегиях, Цезарь никогда не приобрел бы такого влияния в Риме и не связал бы так прочно свою политику с интересами низших слоев города.

При поддержке коллегий Клодий изгнал из Рима наиболее опасных вождей оптиматов — Цицерона и Катона. Против Цицерона был издан специальный закон, по которому всякий магистрат, осудивший римского гражданина без соблюдения судебных формальностей, подвергался проклятию и изгнанию из города на расстояние 400 миль.

По этому закону, Цицерон, осудивший в силу чрезвычайного суда сообщников Катилины, должен был немедленно покинуть Рим (58 г.). Поместья и имущество Цицерона были конфискованы, а в его роскошном доме на форуме поселился сам Клодий, скупивший также и смежные дома.

После удаления вождей оптиматов Цезарь достиг своей главной цели — получения провинции. В конце 59 г. народный трибун *Публий Ватиний*, подкупленный Цезарем, провел через комиции помимо сенатского постановления закон о предоставлении Цезарю в управление на 5 лет Предальпийской Галлии и Иллирии вместе с *тремя* легионами (lex Vatinia). К этому вскоре была прибавлена Трансальпинская Галлия и еще один (четвертый) легион. Инициатива этой прибавки исходила от

[1] *Ascon.*, In Pisoniam, 9.

сената, питавшего надежду, что опасная война надолго задержит Цезаря и отвлечет его от Рима.

2. ДОРИМСКАЯ ГАЛЛИЯ

Разраставшаяся Римская республика захватывала одну за другой области Средиземноморья. Выше отмечалось, что территориальный рост Рима являлся следствием роста торгово-ростовщического капитала и рабовладельческого хозяйства. В середине I в. взоры римского делового мира были устремлены на две обширные, далеко отстоявшие друг от друга области — Парфию, богатейшую область на восток от Евфрата, и Галлию, колоссальную территорию от границ Италии до Северного моря и Атлантического океана.

Галлия делилась на две части: *Галлия Предальпийская* (Gallia Cisalpina) и *Галлия Заальпийская* (Gallia Transalpina).

Цизальпинская Галлия называлась Галлией, одетой в тогу (Gallia togata), т. е. замиренной, а Трансальпинская — дикой или волосатой Галлией (Gallia comata), «носящей штаны» (Gallia braccata). Заальпийская Галлия охватывала современную Францию, Бельгию, часть Голландии, большую часть Швейцарии и левый берег Рейна. Отношения между римлянами и галлами в зависимости от обстоятельств носили то мирный, то враждебный характер. Первые сведения о северных странах римляне получили от купцов, доходивших до устья Рейна, и на западе до Океана.

Древнейшим населением Галлии были *иберы* и *лигуры*, смешавшиеся с кельтскими (галльскими) племенами, распространявшимися (VII в.) в направлении с востока на запад, с нижнего и среднего течения Дуная и из-за Эльбы. Различали три главные группы галльских племен: *белги* на севере, *кельты* в собственном смысле от Сены до Гаронны, *аквитаны* от Гаронны до Пиренеев. В эпоху Цезаря галлы распадались на множество племен: гельветы, эдуи, секваны, арвены, нервии, белги и т. д. В социально-экономическом отношении между племенами существовали значительные различия. В то время как одни находились еще в стадии родового быта, другие уже далеко продвинулись по пути государственности. Каждое племя имело своих вождей (principes), выбираемых из самых богатых и влиятельных людей племени. От принцепсов зависела масса клиентов (амбактов) и рабов.

Наряду с князьями в доримской Галлии большим влиянием пользовались жрецы — *друиды* (druides), составлявшие замкнутую корпорацию. Друиды считались хранителями древней мудрости, предсказывали будущее, толковали право и преподавали различные науки — математику, астрономию, медицину, мантику

(искусство гадания и предсказания) и пр. Культовые собрания происходили на высоких горах, в дубовых рощах и на островах. Среди населения друиды пользовались большим авторитетом и влиянием. Центром друидизма считалась Британия, в особенности остров Мона [1].

Среди галльских принцепсов при Цезаре выделялись Дивициак, Думнорикс, Оргеторикс, Верцингеторикс и другие, имевшие тысячи зависимых от них людей.

Экономической основой галльской знати были скотоводство и земледелие, разведение хлебных злаков и в небольшом количестве винограда и садовых растений. В более плотно населенных областях Галлии, при реках и дорогах, возникали города, в которых происходили собрания ополчений, ярмарки и религиозные праздники, где останавливались римские и туземные купцы и жили ремесленники. Предметами торговли служили рабы, вина, предметы роскоши, рогатый скот, туземные изделия и продукты богатой галльской природы. По свидетельству римских писателей (Цезарь, Дион, Страбон), в Галлии существовало производство керамической посуды, оружия, золотых, серебряных и железных изделий. Кроме римских купцов, в Галлии проживало также много греческих купцов, центром поселения которых был город Массилия на средиземноморском берегу. Из галльских городов у названных писателей упоминаются *Бибракте* (Bibracte), обширный город эдуев, недавно открытый французскими археологами при раскопках в Боврэ (Beauvray), *Герговия* (Gergovia), столица арвернов в Оверни, *Аварик* (Avaricum), сильная крепость битуригов в Аквитании, и др. Численность галлов в I в. не поддается точному учету. Предполагаемая учеными общая цифра населения Галлии колеблется между 10 и 5 миллионами.

3. ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ (58—51 гг.)

Завоевание Галлии римлянами начинается с 20 годов II в. Массилийцы обратились в Рим за помощью против нападавших на их границу салиев. Римляне приняли предложение массилийцев, прогнали салиев за Альпы (122 г.) и в качестве опорного пункта против северных народов и связующего звена между Италией и Испанией заняли южную часть Галлии — *Нарбонскую провинцию* (Provincia Narbonensis), обычно называвшуюся просто Провинцией (Provincia, современный Прованс).

С прибытием Цезаря, в 58 г., в Провинцию и начинается галльская кампания.

---

[1] *Caes.*, De bello Gall., VI, 13—16; *Strab.*, IV, 197.

Галлия в то время переживала глубокий внутренний кризис. Родовой строй разлагался, родовая собственность под действием торгового капитала превращалась в частные владения. С одной стороны, выделялась аристократия, а с другой — масса людей беднела и попадала в зависимость от аристократов, становясь их клиентами или же совершенно опускаясь. По словам Цезаря, который галльские социальные отношения и группировки выражал в римских терминах, галльский плебс находился в состоянии, близком к полному рабству (nam plebes paene servorum habetur). Частые восстания в Галлии, о которых сообщают Цезарь и другие римские писатели, свидетельствовали о наличии социальных противоречий и классовой борьбе [1]. Короче говоря, Галлия в I в. переживала тот же самый процесс разложения родового строя, который Рим переживал несколькими веками раньше.

Отношение к Риму различных социальных групп в Галлии было неодинаково. Более расположена к Риму была родовая аристократия, желавшая сохранить раздробленность галльских племен и родовые порядки. Напротив, демократические и плутократические элементы стояли за объединение Галлии, ее независимость и были враждебны Риму.

Во главе романофильской группировки стоял *Дивициак*, глава многочисленного племени эдуев. Противниками эдуев и Дивициака были арверны и секваны, стоявшие за союз с германцами. В 72 г. по их просьбе германский князь свев *Ариовист* с 15 тыс. людей перешел Рейн и потеснил эдуев. Победив эдуев, Ариовист объявил всю Галлию, за исключением Провинции, своей собственностью, основал свою резиденцию в области племени секванов, между Саоной и Рейном, и сделался союзником римлян. Но планы свевского князя, мечтавшего о захвате всей Галлии, внушали серьезные опасения в Риме. Принцепс эдуев и глава романофильских группировок Дивициак прибыл в Рим и сделал доклад о положении дел в Галлии. Сенат сочувственно отнесся к просьбе «друга римского народа» Дивициака, поручил наместнику Провинции Юлию Цезарю расследовать дело и решить его в благоприятном для эдуев смысле. Но вскоре выяснилось, что помощь, оказанная римлянами эдуям, оказалась недостаточной. Секваны, поддерживаемые Ариовистом, продолжали войну и врезались в область эдуев.

Одновременно с секванами в юго-западном направлении в поисках свободных земель и пастбищ продвигалось многочисленное племя *гельветов* (helvetii), живших в современной Швейцарии. Цель гельветов была пробраться через Нарбонскую провинцию в землю сантонов, в устье Гаронны, в поисках свободных земель и пастбищ. Римские писатели рисуют движение гель-

[1] *Caes.*, De bello Gall., VI, 13.

ветов наподобие великого переселения народов. Огромная орда гельветов в количестве более 300 тыс. человек, со множеством повозок и всем скарбом, с женами и детьми, подобно лавине, двигалась на запад.

По соглашению с эдуями, Цезарь решил остановить движение гельветов, ударив на них с тыла. В распоряжении Цезаря тогда находилось 5 легионов, т. е. приблизительно до 25 тыс. человек — цифра сама по себе незначительная, — но вследствие вражды, царившей в то время между галльскими племенами, борьба с гельветами не представляла больших трудностей. Не успел Цезарь выйти за границу Провинции, как к нему направились послы от разных галльских племен с жалобой на гельветов и с просьбами о помощи. На просьбу вождей гельветов разрешить им пройти через Провинцию Цезарь ответил категорическим отказом. Тогда гельветы взяли путь на северо-запад через область секванов и эдуев, но настигнутые Цезарем были разбиты им при г. *Бибракте*, потеряв при этом большое количество убитых, раненых и взятых в плен.

После разгрома гельветов Цезарь обратился против самого Ариовиста — главной опоры антиримских группировок. Войну с Ариовистом Цезарь хотел представить как общегалльское дело. Для того чтобы широко оповестить об этом по всей Галлии, по его инициативе была созвана *общегалльская конференция* (consilium totius Galliae), организованная друзьями Рима и Цезаря. Конференция провозгласила Цезаря вождем и защитником общегалльских интересов.

Попытки договориться с германским князем Ариовистом не дали положительных результатов. Началась тяжелая война в неведомой стране и в непривычных для римлян условиях. Тем не менее Ариовист был разбит благодаря превосходству римской военной техники и снабжения, поддержке галлов и гению Цезаря как полководца. Решительное сражение между римлянами и германцами, окончившееся поражением последних, произошло при городе *Везонтионе* (Vesontio), в окрестностях Мюлуза, в Эльзасе, в 58 г.

Следующий, 57-й, год прошел в войне с северными галло-германскими племенами *белгов* (belgae), жившими между Рейном, Шельдой, Сеной и Океаном. Как и в предшествующей войне с гельветами и Ариовистом, разъединение племен и ожесточенность борьбы партий внутри каждого племени обеспечили победу за Цезарем.

Тактика Цезаря в борьбе с галлами состояла в том, чтобы разъединять и вносить смятение в ряды противника. В этом отношении Цезарь достиг большого успеха. Тотчас со всех сторон пошли доносы и жалобы. Так, ремы, союзники римлян, донесли, что белги могут собрать армию свыше 350 тыс. человек, между тем

как силы Цезаря не превосходили 35 тыс. Все, следовательно, зависело от быстроты действий и дипломатии. Цезарю удалось разъединить противников. Первыми отпали белловаки, наиболее могущественное из белгских племен. За ними последовали амбианы, нервии, атребаты, виромандуи и др. Победа осталась за римлянами, захватившими огромную добычу — массу скота, драгоценные металлы и 35 тыс. рабов. Галлия была объявлена *римской провинцией*. По этому поводу в Риме были устроены большие празднества и всенародные молебствия, продолжавшиеся целых 15 дней.

Завоевание Галлии не замедлило отразиться как на внутреннем состоянии Италии, так и на положении Цезаря. Прилив добычи и рабов оживил италийскую экономику, повысил покупательную силу населения и поднял настроение политических друзей Цезаря.

Под непосредственным впечатлением галльских побед в 56 г., по инициативе Цезаря, в городе *Луке* (Luca), куда он в звании проконсула приезжал на зимные квартиры, произошла встреча триумвиров. Свидание в Луке происходило при исключительно торжественной обстановке. В Луку прибыло 200 сенаторов, среди них много бывших консулов, проконсулов, преторов и других магистратов с пестрой свитой клиентов, слуг и рабов. Одних только ликторов, сопровождавших консулов и проконсулов, насчитывалось 120 человек.

Лукское свидание триумвиров должно было подтвердить существование триумвирата, вызывавшего неодобрение со стороны сената, и обеспечить за триумвирами провинции на следующие пять лет, до 50 г. включительно. Цель свидания была достигнута — триумвират сохранял свою силу. Цезарь, инициатор съезда, утверждался в правах проконсула Галлии на следующее пятилетие, т. е. до 49 г., с правом довести свою армию до 10 легионов, а их содержание возложить на государственное казначейство. Помпей и Красс — получили вторично консульство на 55 год и кроме того наместничество: Помпей в обеих Испаниях и Африке, а Красс в Сирии. Оптиматы, скрепя сердце, должны были примириться с решениями «лукского правительства» и санкционировать их.

После совещания в Луке Красс отправился на Восток, на войну с парфянами, — предмет его давних желаний. Из Рима война с парфянами казалась заманчивым и легким предприятием, обещавшим военную славу, богатую добычу и рабов. С таким настроением, без серьезной предварительной подготовки и разведки, Красс в 54 г. с 40-тысячной армией вторгся в Месопотамию. Римляне заняли греческие города Сирии и Месопотамии — Апамею, Карры, Эмесу и Никефорий, но вслед за этим произошел неожиданный перелом в худшую сторону. По неизвестным

причинам, к удивлению своих друзей и врагов, с напряженным вниманием следивших за восточной экспедицией, Красс неожиданно повернул назад и отвел армию в Сирию на зимние квартиры. Это дало возможность парфянам собраться с силами и серьезно подготовиться к кампаниям следующего года.

Парфянский царь собрал многочисленное войско из легкой и тяжело вооруженной конницы, пращников и стрелков, засыпавших римские карре тучами стрел. После упорного боя римская армия вынуждена была отступить и во время отступления *при Каррах* (Carrhae) потерпела полное поражение (53 г.). Красс под давлением солдат был вынужден отправиться для переговоров, во время которых был убит. Часть армии под командой Кассия отошла с тяжелыми потерями, оставив неприятелю в качестве трофея римские знамена (серебряные орлы). После смерти Красса триумвират из союза троих автоматически превращался в союз двоих, т. е. в дуумвират Помпея и Цезаря.

Из Луки Цезарь в спешном порядке отбыл в Галлию, откуда приходили тревожные вести. За время его отсутствия в Галлии поднялось восстание, многие галльские племена готовы были отложиться от Рима. Галлы, поддерживая Цезаря в борьбе с Ариовистом, рассчитывали получить независимость, но не перейти от одной зависимости к другой, от германской к не менее тяжелой римской зависимости, о которой свидетельствовала тяжелая дань в 4 млн. сестерций, наложенная Цезарем на Галлию.

С наибольшей силой антиримские настроения, поддерживаемые демократической партией, проявлялись в области венетов (Бретань), треверов и аквитанов. Брожение распространялось по всей Галлии, вызывая сочувствие в соседних германских областях и у кельтских поселенцев Британских островов. Галльские племена бились с отчаянной отвагой, но все же не устояли перед римскими легионами. Слабое место галлов составляли их раздробленность, племенная вражда и внутренние междоусобия. Цезарь наносил удары одному племени за другим. Особенно жестоко было поражение венетов, попавших в кольцо римского флота и пехоты. Венетов покорили Децим Брут и Цезарь, а Аквитанию завоевал Публий Красс, сын триумвира.

Опасаясь объединения галлов и германцев на почве общей вражды к Риму, Цезарь в 55 г. предпринял поход против северогерманских племен. Переправа через Рейн была произведана около современнаго города Бонна по специально для этой цели сооруженному свайному мосту, механика которого с тонким знанием дела описана Цезарем в его «Набросках (комментариях) галльской войны». Цезарь во что бы то ни стало хотел перейти Рейн. Переход через Рейн вызывался столько же стратегическими соображениями, сколько и политическими. Цезарь из

политических соображений все время должен был поражать Рим своими экстраординарными предприятиями.

Лихорадочная постройка моста велась во время разлива реки, когда ее течение было быстро и сильно. Стремительные порывы реки, несшей в своем течении вырываемые водой пни и целые деревья, всей своей тяжестью ударялись о сваи и вырывали их. Работа стоила огромных усилий и многих человеческих жизней. И, несмотря на все препятствия, сооружение было выполнено солдатами в невероятно короткий срок — в 10 дней. Германцев предприятие Цезаря настолько поразило, что они даже не решились выступить ему навстречу и, уйдя в глубь страны, скрылись в лесных чащах и болотах. Пробыв за Рейном 18 дней, Цезарь снова вернулся в Галлию. В 54 году Цезарь предпринял второй *поход в Британию*, где он захватил большое число рабов, но расчет Цезаря на полное подчинение Британии не оправдался. Энергичное сопротивление туземных народностей, объединенных вождем Кассивелауном, с одной стороны, и новое восстание в Галлии, с другой — заставили Цезаря прервать экспедицию, вернуться на материк и снова заняться галльскими делами.

Внешний эффект переправы римского флота через Океан и высадка в неведомой стране был очень велик. Под давлением общественного мнения сенат отметил это событие 20-дневным праздником и торжеством.

4. ВЕЛИКОЕ ГАЛЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Подавление отдельных восстаний в Галлии и карательные экспедиции в Германию и Британию не примирили галлов с римской гегемонией. Романизация Галлии совершалась далеко не с такой быстротой, как этого желал галльский наместник. Римская политика в Галлии никогда не находила сочувствия среди большинства галльского населения. Чем прочнее оседали римляне в Галлии, тем больший протест и негодование вызывала их политика. По своим методам политика Цезаря ничем не отличалась, например, от политики Помпея на Востоке и вообще от политики всех римских завоевателей. Как из всех завоеванных стран, так и из Галльской провинции римляне стремились выкачать как можно больше ценностей, не пренебрегая для достижения этого никакими средствами. Поэтому совершенно естественно, что политика римлян как политика неприкрытого грабежа вызывала всеобщую ненависть галлов к римлянам. На этой общей ненависти объединились все слои галльского общества, начиная от друидов и князей до «погибших людей и разбойников», число которых вследствие войн и разорений сильно возросло.

В 54—52 гг. в Галлии создалось положение, напоминавшее положение в Азии в эпоху Митридата. Момент для восстания

и освобождения от римского ига был как нельзя более благоприятен. Большая часть римской армии находилась в экспедиции Цезаря, в Галлии же оставались небольшие гарнизоны, разбросанные по всей стране.

Великое галльское восстание 54—52 гг. началось в области треверов под предводительством *Индуциомара* и у эбуронов на Маасе под предводительством *Амбиорикса*. Как 30 лет назад в Азии, так теперь по всей Галлии прокатилась волна погромов италиков, в большом количестве проживавших в галльских городах и местечках. Громили италийских купцов и ростовщиков, нападали на военные обозы, портили дороги, разрушали мосты и выжигали целые окрестности, по которым следовали римские войска.

«Между тем в Галлии начали появляться признаки большого и крайне опасного восстания. Семена его давно тайно сеяли лица, пользовавшиеся большим влиянием в сравнении с другими в самых воинственных племенах. Многое давало силу восстанию: масса людей, способных носить оружие, собиравшихся со всех сторон и становившихся под знамена, сносившиеся в одно место огромные суммы денег, укрепленные города, местности, недоступные нападению»[1].

Сильнее всего было восстание у *карнутов* (52 г.) в окрестностях Орлеана и у *арвернов* в Оверни, стоившее жизни не одной тысячи римских купцов.

К арвернам (arverni), вождем которых был *Верцингеторикс* (Vercingetorix), вскоре присоединились сеноны (senones), паризии (parisii), кадурки (cadurci), туроны (turones) и многие другие галльские племена. По римским сведениям, правда, как всегда преувеличенным, общее число восставших доходило до 300 тыс. человек. Положение Цезаря, имевшего 60 тыс. людей, было действительно отчаянным, он в полном смысле находился на краю гибели. Казалось, провалилась вся галльская авантюра, столь блестяще начатая[2]. Центром восстания являлся город *Герговия* (Gergovia), хорошо укрепленная столица арвернов. На осаду Герговии Цезарь затратил массу сил и потерял множество людей, но взять город ему все-таки не удалось. Неудача осады Герговии ободряюще подействовала на галльские племена; к восставшим примкнули даже эдуи, наиболее преданные союзники Рима.

Однако единодушие галльских племен оказалось кратковременным. Вскоре обнаружились слабые стороны галльской организации — раздоры между предводителями племен, плохое вооружение и снабжение, недисциплинированность галльских опол-

---

[1] *Plut.*, Caesar, XXV.

[2] *Delbrück*, Geschichte der Kriegskunst, I, 466.

чений и вообще неспособность галлов к длительной войне. Все это было известно Цезарю, учтено и использовано им.

Решительное сражение между галльскими повстанцами и римлянами произошло при городе *Алезии* (Alesia), в стране мандубиев, на р. Лутозе. Запершиеся в городе галлы сражались с величайшей храбростью. Цезарю пришлось вести долгую и сложную осаду (obsessio) по всем правилам технического искусства — с подведением стенобитных машин, проломом стен и ворот, при постоянном риске быть окруженным неприятелем с тыла. В конце концов ветхие стены Алезии, не выдержавшие ударов римских ломов и осадных буравов (terebrae), рухнули.

Взятие Алезии имело решающее значение для всей галльской кампании. Оно решило судьбу как великой галльской революции, так и ее вождя Верцингеторикса, сдавшегося на милость победителя в расчете на его благородство. Расчет Верцингеторикса, впрочем, не оправдался: он был взят в плен и в качестве военнопленного участвовал в галльском триумфе Цезаря, а позже был казнен. Вообще следует отметить, что в галльской кампании Цезарь проявил чудовищную жесткость, коварство и обман. В 51 г., после подавления небольших антиримских вспышек, галльская война была окончена, и богатейшая страна с 10-миллионным населением вошла в состав Римской республики.

Галльская война является важнейшим событием римской истории, ускорившим разложение Республики и образование Империи. В данном вопросе мнения античных и современных историков единогласны. Галльские походы, говорит Плутарх, открыли Цезарю новую дорогу в жизни, наметили новые планы и радикально изменили политическую ситуацию в Риме.

Колоссальная добыча попала в руки Цезаря и его ближайшей свиты. Завоеватели по праву войны захватывали имущество галльской знати, грабили наполненные дорогими приношениями храмы, ради грабежа разрушали целые города и захватывали десятки тысяч военнопленных, поступавших на невольничий рынок. В результате ограбления Галлии у Цезаря оказалась такая масса золота, что он продавал его в Италии и провинциях по 3 тыс. нуммов за фунт [1]. За время пребывания Цезаря в Галлии было взято 800 городов, покорено 300 племен и захвачено в плен несколько сот тысяч галлов.

Обогащаясь сам, Цезарь не забывал также и своих друзей и сподвижников; своим друзьям Цезарь разрешал не только брать, но прямо черпать из золотоносных источников богатую галльскую добычу. Многие из друзей Цезаря и сподвижников галльской войны разбогатели и превратились в настоящих магнатов. Галльская добыча дала возможность приверженцам Цезаря —

---

[1] *Suet.*, Caesar, 54.

Клодию, Куриону и Марку Антонию — развернуть широкую демагогическую политику. Из галльских денег покрывались расходы на устройство зрелищ, празднеств, на раздачи, подарки и подкупы. Вместе с тем галльская война открыла огромное поле деятельности для римской торговли, ремёсл и денежной спекуляции. Завоевание Галлии для античного мира имело такое же значение, как завоевание Америки для новоевропейского.

После завоевания в Галлию хлынула волна римских деловых людей, купцов, финансистов, работорговцев, предпринимателей и колонистов. Деятельность римского всадничества в Галлии прекрасно освещена в речи Цицерона *за Фонтея*, пропретора Нарбонской Галлии (74—72 гг.), обвиненного и осужденного за взяточничество. Из этой речи мы узнаем, что Галлия уже в 70-х годах была переполнена римскими дельцами (referta Gallia negotiatorum est, plena civium Romanorum), ни один галл не может что-либо предпринять без ведома римского гражданина (nemo Gallorum sine cive Romano quidquam negotii gerit); ни одна копейка в Галлии не остается не занесенной в счета римских граждан (nummus in Gallia nullus sine tabulis civium Romanorum commoveretur) [1]. Галлия с ее громадными естественными богатствами, лесами, пастбищами и полями представляла поле деятельности не только для публиканов и купцов, но также и для скотоводов (pecuarii), арендаторов (coloni) и землевладельцев (aratores).

В первые же годы завоевания Галлии в римское казначейство поступило 40 млн. сестерций, не включая сюда массовых хищений и грабежей, в личных интересах совершенных Цезарем и его сподвижниками. Деньги и рабы, приток которых в предшествующие годы ослабел, оживили торговлю, ремесла и сельское хозяйство и подняли покупательную способность населения; оживилась общественная и культурная жизнь. Стоимость золота сравнительно с курсом серебра упала на 25%.

Галльская эпопея захватила не только таких людей сомнительной этики, как Курион, Антоний, Ватиний и им подобные, но даже таких пламенных ценителей науки, как юрист и историк Требаций (Trebatius), друг Цицерона.

Галльские победы в значительной мере уже предопределили исход гражданской войны, вспыхнувшей между триумвирами непосредственно после окончания войны в Галлии. Но прежде чем перейти к изучению этой войны, необходимо восстановить картину политической жизни Рима за время пребывания Цезаря в Галлии.

---

[1] *Cic.*, Pro Fonteio, 11, 12.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАРХИЯ В РИМЕ В 50-х ГОДАХ

В то время когда Цезарь завоевал Галлию, Италия переживала глубокий политический кризис. Наибольшей остроты кризис достиг в конце 50-х годов в связи с двойной катастрофой, пережитой Римом: в Месопотамии — поражение Красса и в Галлии — восстание покоренных племен. Катастрофа в Месопотамии, совпавшая с «галльским восстанием», произвела ошеломляющее впечатление в Риме, особенно на деловые — торговые, финансовые и промышленные — круги. Колониальная держава Рима получила тяжелые удары в двух наиболее важных и уязвимых пунктах — на востоке и на северо-западе.

Внешние поражения немедленно отразились и на внутренней политике. Политическая жизнь была совершенно дезорганизована. Сенатское правительство не было в состоянии водворить порядок в городе, а Помпей, фактически верховный правитель Рима, не делал этого по соображениям личного порядка, рассчитывая, что политическая анархия сделает оптиматов более уступчивыми и заставит сенат официально признать его принцепсом.

Выборы консулов на 52 год не состоялись. На консульство соревновались люди, не пользовавшиеся ни авторитетом, ни хорошей репутацией ни в одном общественном слое, — Милон, Гипсей, Метелл, Сципион и др. Клодий добивался претуры, а Марк Антоний, родственник Цезаря, рассчитывал на получение квестуры.

«Помпей делал вид, будто он отказывается от диктатуры, на самом же деле употреблял все средства, чтобы добиться провозглашения себя диктатором» [1].

Не дремали также и цезарианцы, пускавшие в ход все средства, чтобы привлечь на свою сторону выборщиков. В эти годы Цезарь был особенно щедр на обещания и готов был принять демократическую программу-максимум. Клодий усиленно агитировал на собраниях коллегий «маленьких людей» и в крайнем случае, если бы дело дошло до открытой войны, готов был обещанием свободы и наград привлечь к восстанию рабов.

Политическая демагогия в эти годы превосходила всякую меру. «Кандидаты на общественные магистратуры расставляли по улицам столы и без всякого стыда подкупали толпу». Пригодность того или другого кандидата решалась не подачей голосов, а грубой физической силой — «стрелами, мечами и пращами». «Забрызгивая трибуны кровью, граждане предоставляли Республику собственной участи, и при общей анархии она неслась по бушующим волнам, подобно кораблю без кормчего»[2]. Такти-

---

[1] *Plut.*, Pompeius, XXI.
[2] *Plut.*, Ceasar, XVIII.

ческим приемом цезарианцев, помимо страстной агитации, служили устройство всякого рода скандалов, срывы выборов, бесцеремонное устранение с политической арены своих противников, а иногда и прямые убийства [1].

Возраставшая популярность Цезаря в низших слоях населения, составлявших большинство в комициях, толкали Помпея на более тесное сближение с оптиматами и сенатом. Таким путем Помпей из триумвира, заговорщика против Республики, волей-неволей превращался в ее защитника, каковым он и сохранился в памяти последующих поколений. В сознании людей античного мира и нового времени плебей Помпей символизировал аристократическую республику и республиканскую свободу, напротив, аристократ Цезарь сделался символом цезарской монархии и цезарского деспотизма. Внешне сближение Помпея с оптиматами выразилось в его женитьбе на дочери Метелла Сципиона, вождя оптиматов и первого сенатора (princeps senatus).

Политическая анархия с каждым днем усиливалась, а страсти борющихся сторон разгорались и обострялись. В разгар выборной кампании 52 года происходили постоянные столкновения на улицах Рима и по всей Италии. В одной из таких схваток едва не погиб Марк Цицерон, а в побоище на Аппиевой дороге был убит *Публий Клодий*. Убийство Клодия, правой руки Юлия Цезаря, составляет характерный эпизод римской жизни Поздней республики. Само убийство произошло при следующих обстоятельствах. Тит Анний Милон, агент Помпея и личный враг Клодия, по дороге в Ланувий встретился с Клодием. Того и другого сопровождали свиты вооруженных рабов, человек в 30. Гладиаторы Милона повздорили с людьми Клодия, ссора перешла в драку, в которой приняли участие и сами господа. Во время побоища Клодий был ранен и бежал в соседнюю таверну, но был настигнут гладиаторами Милона и убит с согласия их господина.

Убийство Клодия послужило поводом к большому волнению в Риме. Около дома Клодия собралась толпа народа, требовавшая мести за убийство популярного демагога. Возбужденная речами трибунов, друзей Клодия, в их числе историка Саллюстия, приверженца Цезаря, толпа в торжественной процессии понесла труп Клодия в Гостилиеву курию, место заседания сената, там сложила костер из скамеек, столов, тряпья и из всего, что попало под руку, и зажгла. Пламя быстро охватило здание и близлежащую Порциеву базилику. За этим последовал разгром домов врагов Клодия.

В течение всего лета 52 г. Рим находился в ужасающей панике и ажиотаже. На улицах происходили собрания, драки, слы-

---

[1] *Drumann*, Geschichte Roms, Bd. III, 2 Auf. von P. Groebe, 1906; 125—684; 684—827.

шались возбужденные речи, между тем как воры, пользуясь общей суматохой, опустошали дома. Милон должен был покинуть Рим. Даже блестящая речь Цицерона, произнесенная в защиту Милона, не спасла его от народного гнева.

Достигшая крайних пределов политическая анархия заставила даже такого сурового республиканца, как Катон Младший, поступиться своими принципами и согласиться на военную диктатуру в форме единоличного консульства. В конце 52 г. Помпей, по предложению Катона, был назначен единоличным консулом с предоставлением ему «расширенной власти». Помпей в то время совмещал в своем лице две высшие республиканские должности — консула и проконсула. Кроме того, он был облечен чрезвычайными полномочиями по снабжению города продовольствием (cura annonae). Оставаясь в Риме, он удерживал за собой наместничество в Испании и Африке, управляя провинциями через своих легатов.

Врученную ему сенатом почти диктаторскую власть Помпей употребил для поддержания господства оптиматов, укрепления своего положения и умаления авторитета своего противника Цезаря. Помимо тактических соображений, союз с оптиматами вполне соответствовал консервативной натуре Помпея, боявшегося всего рискованного и непривычного.

По его предложению, были пересмотрены списки судей и присяжных, проведен закон о преследовании подкупов на выборах, *закон о насилии* (lex de vi), вводивший упрощенный судебный процесс по политическим делам, и т. д. *Закон о провинциях* устанавливал пятилетний промежуток после консульства и преторства для соискания проконсульства и пропреторства, т. е. для получения провинций. Наконец, закон о *праве магистратов* (lex de iure magistratuum) запрещал заочное домогательство консульства. Было очевидно, что два последних закона прежде всего метили в Юлия Цезаря.

Политика Помпея имела успех, особенно в аристократических и интеллигентских кругах, и поколебала авторитет Цезаря. Большое значение имело то, что на сторону Помпея перешел Марк Цицерон, политик и популярный писатель по вопросам гражданского и государственного права, незадолго перед тем опубликовавший трактат «*О государстве*» (De re publica) и «*О законах*» (De legibus). Под влиянием политической ситуации Цицерон значительно отступал от своих прежних конституционных принципов в пользу централизованной власти, полагая, что при создавшейся политической анархии в интересах «нации оптиматов» (natio optimatium) и для поддержания социальной гармонии необходим магистрат, наделенный экстраординарными полномочиями. В изображении Цицерона в качестве первого гражданина Республики (принцепс) названный магистрат вы-

ступает в роли «примирителя социальных противоречий» (moderator rei publicae) и направителя внутренней и внешней политики государства (noster hic rector). В названных политических трактатах Цицерон пытается дать теоретическое обоснование принципата как возможной формы правления.

«Принципат, — говорит Цицерон, словами Сципиона, одного из участников диалога «О государстве», — совсем не плохая политическая форма, наоборот, одна из лучших и наиболее устойчивых политических конституций. Если сравнить чистые, несмешанные типы, то не только нет основания порицать монархический строй, но я уверен, что его следует поставить несравненно выше других».

Первой его заботой должно быть доставление государству мощи, богатства, славы и доблести.

«Подобно тому, как врач, — рассуждает Цицерон в одном письме к своему другу Помпонию Аттику, — заботится о здоровье своих пациентов, так и принцепс печется о благе своих сограждан».

Трактат «О государстве» заканчивается обращением к Сципиону спасти государство: «Теперь, Сципион, ты должен развернуть в интересах родины все силы твоего ума, таланта и мудрости. Я вижу колеблющийся путь судеб этой эпохи... Весь Рим обращается к тебе одному, обращается к твоему имени.

На тебя устремляет свои взоры сенат, все благомыслящие граждане, все союзники и латины; ты будешь единой опорой спасения государства — словом, необходимо, чтобы ты в качестве принцепса устроил Республику» [1].

Как ни очевидны положительные стороны единодержавия, все же в этой политической форме, указывает Цицерон, таится великая опасность для гражданской свободы — превращение монархии в тиранию:

«Нечего и говорить, что это, как я уже сказал, превосходный строй, но в нем есть наклонность превращаться в самый гибельный — тиранию» [2].

Единственной надежной гарантией против превращения единоличной власти в тиранию Цицерон считает окружение принцепса республиканскими учреждениями и сохранение республиканских традиций.

«Правильно устроенным считается государство, во главе которого стоит нечто вроде царя (quoddam regale), но при обязательном условии, что сохраняется влияние аристократии и уважаются воля и суждение народа. Только такая конституция обеспечивает разумное равенство и гарантирует прочность ее существования» [3].

---

[1] *Cic.*, De respubl., VII, 12.
[2] Ibid., II, 26.
[3] Ibid., V, 3.

Своими рассуждениями Цицерон предвосхищал политическую действительность ближайших десятилетий Римской республики и подготовлял умы к «республиканской монархии» в виде принципата Помпея, диктатуры Цезаря и, наконец, принципата Октавиана Августа.

6. ВОЙНА ЦЕЗАРЯ С ПОМПЕЕМ

Решительная борьба между приверженцами Цезаря и Помпея развернулась в 51/50 г. Ревностный приверженец Помпея, сенатор Марк Клавдий Марцелл выступил в сенате в 51 г. с предложением, ввиду окончания галльской войны, отозвать Цезаря из Галлии и назначить ему преемника. Против этого восстали цезарианцы, поднявшие в сенате целую бурю. В результате горячих прений предложение Марцелла было отклонено большинством голосов, но поставленный им вопрос о сложении верховной команды Цезарем продолжал волновать умы, не сходя с повестки дня в течение всего 51/50 г.

Среди приверженцев Цезаря в то время особенно выделялся *Гай Скрибоний Курион*, народный трибун 50 года, сперва республиканец и оптимат, агент Помпея, а затем горячий приверженец Цезаря, человек красноречивый и даровитый, но неоплатный должник [1]. На предложение консула 50 года Гая Марцелла, родственника Марка, отозвать Цезаря Курион ответил контрпредложением лишить командования также и Помпея. Смысл предложения очевиден. При одновременном сложении власти выигрывал Цезарь, располагавший галльской добычей, целым штабом зависимых от него людей, не порывавший с демократической партией и имевший немало сторонников и в сенате. Влияние Цезаря в сенате обнаружилось тотчас же при голосовании предложения Куриона. Большая часть сенаторов — 370 против 21 — из страха перед Цезарем или из соблазна перед деньгами, которыми покровитель Галлии сорил направо и налево, приняла предложение Куриона об одновременном сложении экстраординарных полномочий Цезарем и Помпеем и тем самым, следовательно, и об окончании триумвирата. Взбешенный изменой сената республике, Марцелл немедленно распустил собрание, заметив с досадой: «Радуйтесь своей победе и получайте в Цезаре деспота» [2].

Осведомленный через своих агентов о событиях в Риме, Цезарь в январе 49 г. отправил сенату письмо, в котором он выражал готовность распустить армию и возвратиться к частной жизни при условии, что то же самое сделает и Помпей. На этот

---

[1] *Suet.*, Caesar, 15; *Plin.*, Historia naturalis, XXXVI, 29.
[2] *App.*, Bell. civ., II, 30.

раз маневр Цезаря, однако, не удался. Письмо прочитано не было, сенат стал на сторону Марцелла, предлагавшего объявить Цезаря врагом отечества, если только он не подчинится директивам сената о сложении командования. Протестовавшие против этого предложения трибуны Квинт Кассий Лонгин и Марк Антоний были исключены из курии и переодетые рабами бежали из Рима в лагерь Цезаря, находившийся тогда в Равенне. Это послужило началом войны между двумя претендентами на верховное руководство рабовладельческим Римом — Цезарем и Помпеем. На первый взгляд борьба Цезаря с Помпеем представляется борьбой двух честолюбивых командиров, оспаривавших друг у друга верховное руководство в государстве. В действительности же дело обстояло значительно сложнее. Война Цезаря с Помпеем была не только столкновением личных страстей, но также и прежде всего столкновением социальных интересов. Помпей представлял интересы аристократической республики, Цезарь — олицетворял нарождавшуюся Средиземноморскую империю. Как Республика, так и Империя были рабовладельческими организациями, но социальный состав класса рабовладельцев был различен. Республику поддерживала главным образом римско-италийская аристократия (нобили) с их многочисленной клиентелой, за имперский же строй стояли войско, провинции, богатые вольноотпущенники и т. д., словом, все элементы, не умещавшиеся в конституционных рамках города-государства.

В сознании современников и последующих поколений Помпей являлся защитником права и традиции, Цезарь же — разрушителем республиканских устоев и создателем нового режима. «В семьсот третьем году после основания Рима, при консулах Лентуле и Марцелле, возгорелась гражданская война. Один защищал дело более благородное, второй же был сильнее. На одной стороне — блестящая внешняя форма, на другой — сила. Оружием Помпея служил авторитет сената, Цезарь же был вооружен признанием и самоотверженностью солдат» [1].

Шестого января Кассий Лонгин и Марк Антоний бежали из Рима, а утром 14 января 49 г. в Риме было получено известие о переходе Цезаря через пограничную реку Рубикон и о занятии им пограничного города Аримина. Осведомленный о состоянии Италии, политической анархии, царившей в Риме, и о полной неподготовленности противной стороны к предстоящей войне, Цезарь быстрым маршем двинулся на Рим, чтобы захватить своего противника врасплох. Тактика Цезаря была основана на внезапности и быстроте действия. Не будучи уверен в готовности своей армии вести новую войну на почве Италии, он совер-

---

[1] *Vell. Pat.*, II, XLIX.

шил переход через Рубикон ночью с одним только легионом и тремястами всадников без ведома остальной армии. Впоследствии была сочинена легенда, что к открытию военных действий Цезаря побудил какой-то неизвестный юноша необычайной красоты и роста, явившийся ему во сне. Неизвестный направился к реке, подал военный сигнал на флейте и стал переправляться на другой берег. «Вперед, — воскликнул тогда Цезарь, — куда зовет нас знамение богов и несправедливость противника!» — и прибавил: «Жребий брошен!» (Iacta alea est!)[1], классическую, обратившуюся в пословицу фразу. После переправы войска Цезарь созвал военную сходку, на которой объяснил цель перехода.

«Нас, — говорил он, обращаясь к солдатам, — после стольких славных деяний объявили врагами отечества, а вот этих людей (трибунов Кассия Лонгина и Марка Антония) за то, что они позволили себе высказать свободное слово, изгнали из Рима самым позорным образом». Вслед за тем посыпались обещания наград офицерам и солдатам в случае счастливого окончания «вынужденной кампании». Каждому солдату Цезарь обещал всадническое состояние в 400 тыс. сестерций и всадническое кольцо, а офицерам вдвое больше [2].

Внезапное появление Цезаря в Италии совершенно сбило с толку его противников. Помпею были предоставлены обширные полномочия — право навербовать в Италии армию в 100 тыс. человек, распоряжаться государственными, а в случае необходимости и частными средствами; в действительности же права Помпея были фиктивны, так как в Италии, боявшейся новой войны и не располагавшей необходимыми для ее ведения средствами и людьми, он имел слабую социальную опору. Италийских рабовладельцев всех разрядов более всего страшили перспектива нарушения хозяйственной жизни, разорения вилл, грабежи, реквизиции и восстания рабов и т. п. Рабовладельческая Италия находилась в нерешительности, не зная, как и к какому из двух противников ей примкнуть, и потому не примыкала ни к тому, ни к другому. При создавшейся ситуации положение Помпея оставалось критическим, и теперь ему оставалось только одно: покинуть Италию и искать опоры в провинциях, где он мог рассчитывать на своих многочисленных вассалов и клиентов. Уходя от преследовавшего его Цезаря, Помпей дошел до Брундизия и, располагая 30-тысячной пешей армией и флотом, начал переправу на восточный берег Адриатического моря в направлении Диррахия (Dyrrhachium). «Какой позор (turpe dictu), — восклицает патриотически настроенный римский историк Флор: — Помпей, глава сената, вершитель мира и войны, бежал из Италии

[1] *Suet.*, Caesar, 32.
[2] Ibid., 33.

без охраны на разбитом корабле, на котором он еще недавно справлял триумф» [1].

Следуя за Помпеем, Цезарь захватывал оставленные помпеянцами города Италии, городскую казну, конфисковал храмовые имущества и пополнял свои войска новыми наборами. Пройдя в 17 дней около 500 километров, Цезарь достиг Брундизия, но за отсутствием флота не мог переправиться в Диррахий, повернул на Рим, вошел в город, захватил «священный» денежный фонд (aerarium sanctus) и поспешил в Испанию, в которой находилось семь ветеранских легионов под командой помпеянцев *Афрания* и *Петрея*, представлявших серьезную угрозу с тыла. Поэтому для успешного развертывания операций на Востоке необходимо было овладеть не только Италией, но также и Испанией. Испанская война была очень упорной, потребовала большого напряжения, и только после многих неудач Цезарю удалось рассеять войско легатов Помпея при *Илерде* (49 г.). По окончании испанской войны, Цезарь проездом на восточный театр военных действий заехал в Рим и в ноябре 49 г. в первый раз был провозглашен *диктатором*. В Риме Цезарь оставался всего 11 дней и за это время сделал ряд распоряжений для укрепления своего авторитета и для успокоения волновавшегося населения. Объявлена была частичная кассация долгов, устроены празднества, произведены раздачи, обещана амнистия эмигрантам в случае их возвращения в Рим и т. д. После этого он поспешил в Брундизий для переправы войска в Диррахий, где закрепился Помпей. Переправа совершалась при неблагоприятных условиях: местность, где уже высадился Цезарь, отличалась суровостью, была бедна и пустынна. Вследствие плохого снабжения солдаты Цезаря по нескольку дней не получали пищи, питаясь травой и кореньями. При таком состоянии войска Цезарь вступил в сражение с более свежими войсками Помпея и был разбит.

«Никто, — говорит Плутарх, — не мог выдерживать нападения Помпея. Рвы были переполнены трупами, солдаты в диком бешенстве падали на валах или укреплении. Цезарь выходил им навстречу, стараясь вернуть беглецов, но ничего не мог добиться. Он хватался за знамена, но знаменосцы бросали их, вследствие чего 32 из них достались неприятелю» [2].

После поражения при Диррахии Цезарь считал свое дело бесповоротно проигранным, но его выручил из беды сам Помпей, не использовавший сразу своей победы до конца и давший возможность разбитому врагу уйти в горы и получить подкрепление. Опьяненные победой, помпеянцы-офицеры совершенно распустились, жили в роскошных палатках, забавлялись играми,

[1] *Flor.*, IV, 2, 18.
[2] *Plut.*, Caesar, XXXIX.

проводили время в кутежах, спорили о будущих наградах, делили предполагаемые к захвату у врагов поместья, в разгроме которых они не сомневались, распределяли должности и т. д. Уверенный в своей победе, под давлением роптавшего на медлительность главнокомандующего, Помпей без достаточной подготовки, опрометчиво вступил в сражение с Цезарем в *Фарсальской долине*, в Фессалии, в августе 48 г. и потерпел жестокое поражение.

Фарсальская битва была упорна и кровопролитна, армия Помпея была совершенно разгромлена: 6 тыс. человек остались на поле сражения, 24 тыс. взято в плен, захвачено 180 знамен, 9 серебряных орлов, и, кроме того, погибло много войсковой прислуги, по преимуществу рабов, несших обозную и сторожевую службу.

«Вот чего им хотелось, — сказал Цезарь, осматривая место боя. — Они заставили меня сделать это. Если бы я, Гай Цезарь, счастливо кончивший наитруднейшие войны, сложил с себя команду, они, вероятно, осудили бы меня на смерть...[1]

«Я здесь не стану, — замечает по поводу фарсальской битвы Веллей Патеркул, — описывать бедствия этого столь кровавого для римского имени дня (illum cruentissimum Romano nomini diem), потоки крови, которые лились с обеих сторон, столкновение двух вождей римского государства, конец великого человека, одного из светочей Рима, вместе с которым погибло столько помпеянцев» [2].

Исход боя решила галльская и германская кавалерия, хорошо оплачиваемая и преданная своему вождю.

С побежденными Цезарь обошелся снисходительно, стараясь мягкостью обращения привлечь на свою сторону разгромленных врагов и успокоить волновавшееся за свою судьбу местное население. Многим пленным аристократам была дарована свобода, в том числе и Дециму Бруту, впоследствии одному из главных заговорщиков и убийц Цезаря.

Разбитый Помпей бежал из Греции на Лесбос, а оттуда в Египет.

«Помпей... незаслуженно вошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. п... Как генерал — римский Одилон Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество»[3].

В Египте в это время происходила династическая война, вызванная смертью царя Птолемея Авлета, некогда восстановлен-

---

[1] *Plut.*, Caesar, XLVI.

[2] *Vell. Pat.*, II, LII.

[3] *Маркс* и *Энгельс*, Письмо Маркса к Энгельсу от 27/II 1861 г., Собр. соч., т. XXIII, стр. 15.

ного Помпеем на троне. Согласно завещанию, наследниками престола назначались 10-летний сын умершего царя Птолемея Дионис и его сестра *Клеопатра*, по египетскому обычаю помолвленная со своим братом. Против этого брака восстала придворная партия, изгнавшая Клеопатру и провозгласившая регентом государства царского опекуна евнуха Потина. Из боязни мести Цезаря и из страха, что Помпей станет на сторону Клеопатры, советники Птолемея Диониса приказали умертвить Помпея еще до высадки его на египетскую почву.

За Помпеем следовал с несколькими тысячами пехоты, кавалерии и флотом Цезарь. По прибытии в Александрию Цезарь вмешался в династические распри, взяв под свою защиту Клеопатру. Вмешательство Цезаря во внутренние дела, в особенности же наложенная им на Египет денежная контрибуция и натуральные повинности, вызвало негодование туземного населения, перешедшее в настоящую войну. К восставшим присоединился местный гарнизон, состоявший из наемников. Запертый в царском замке на острове Фаросе, при входе в Александрийскую бухту, Цезарь в течение нескольких месяцев выдерживал мучительную осаду, во время которой он приказал поджечь неприятельский флот и строения Александрийской гавани. Пожар перебросился на соседние кварталы города, уничтожив много общественных зданий и частных домов; в числе погибших от пожара зданий оказалась и замечательная александрийская библиотека при храме Сераписа, в которой была собрана вся литература на греческом языке.

В марте 47 г. *Александрийская война* (bellum Alexandrinum) окончилась. Цезарь торжественно вступил в Александрию, провозгласив царицей 20-летнюю Клеопатру, очаровавшую его своей красотой, умом и образованием. Увлеченный Клеопатрой, Цезарь в течение нескольких месяцев оставался в Александрии, проводя время в развлечениях, путешествиях и удовольствиях.

Однако покой Цезаря разрушили тревожные известия, приходившие из Азии, где незадолго перед тем царь *Фарнак*, сын Митридата, разбив римского наместника, захватил часть территории, принадлежавшей Риму. Переправившись из Египта в Азию, Цезарь в течение пяти дней окончил войну с Фарнаком и доносил о своей победе сенату в лаконической фразе: «Пришел, увидел, победил» (veni, vidi, vici).

Победа над Фарнаком отдала весь Восток в руки Цезаря, реорганизовавшего его в своих интересах. Выразившие покорность Цезарю восточные цари, династы, храмы и города удержали за собой прежние владения и сверх того получили различные награды и милости. После реорганизации Востока Цезарь в 47 г. вернулся в Италию, где ему пришлось усмирять бунт ветеранов, назначенных к отправлению в Африку. После усмирения бунта

Цезарь с 10 легионами отправился в Африку, где собрались помпеянские отряды под предводительством Сципиона и Катона. В 46 г. в сражении под *Тапсом* и *Утикой* республиканское войско было разбито, вместе с ним погибли и республиканские вожди — непреклонный республиканец Катон Младший, предпочитавший лишить себя жизни, нежели принять жизнь из рук победителя, Сципион, Юба и др.

В апреле 46 г. Цезарь вернулся в Рим. Сенат по случаю его возвращения назначил благодарственное 40-дневное празднество, провозгласил его *диктатором на 10 лет* и предоставил ему цензорские права на 3 года с правом первого голоса в сенате. Въезд Цезаря в Рим сопровождался четверным триумфом — над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией. Впереди торжественного шествия несли статуи, олицетворявшие Рейн, Родан и Океан, 3 тыс. золотых венков, массу золотой и серебряной посуды и всякого рода драгоценностей.

Катон Утический

Последнее столкновение Цезаря с помпеянцами произошло в Испании при *Мунде* в 45 г., куда Цезарь отправился по окончании триумфа. Сражение при Мунде было одним из самых кровопролитных сражений античной истории. «Мунда — последняя битва в войне Цезаря с Помпеем. В этой битве Цезарь сначала не имел своего обычного счастья, казалось, судьба на этот раз ему изменила» (nescio quid deliberare Fortuna) [1].

Вопреки обыкновению Цезарь имел перед сражением крайне озабоченный вид, размышляя о странной судьбе своего друга, зятя и потом врага Помпея, поднявшегося на головокружительную высоту, а потом низвергнутого.

Республиканская армия, во главе которой стояли два сына Помпея, *Гней* и *Секст*, была хотя и неоднородна, но многочисленна и дралась с отчаянной храбростью не на жизнь, а на смерть.

---

[1] *Flor.*, IV, 2, 3.

«Сыновья Помпея были молоды, но им удалось собрать громадную армию, и, кроме того, они проявляли мужество, делавшее их достойными этого командования... После сражения Цезарь сказал своим друзьям, что ему не раз приходилось сражаться за победу, сегодня же он сражался за собственную жизнь»[1].

Помпеянцы сражались с ожесточением, нанося бесчисленные удары и поражения своим противникам и едва не захватили в плен самого Цезаря. В конце концов победил все-таки Цезарь благодаря удачному налету на лагерь противника мавретанской конницы. На поле сражения осталось 30 тыс. человек, среди них Тит Лабиен, видный участник галльской войны, изменивший Цезарю, и старший сын Помпея — Гней; второй сын Помпея, Секст, бежал в горы и собрал вокруг себя остатки разбитых помпеянцев.

7. ЕДИНОДЕРЖАВИЕ ЦЕЗАРЯ

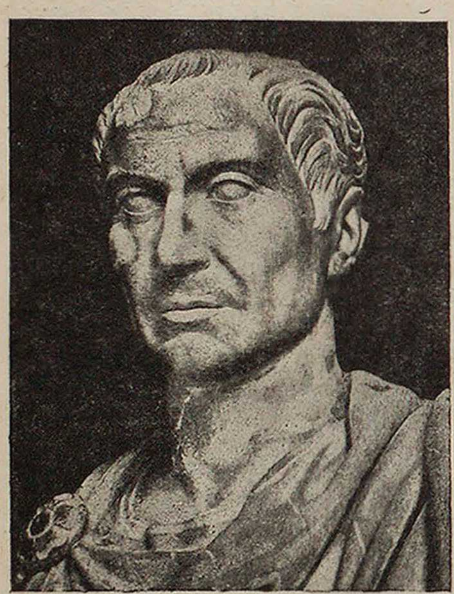
Разгром помпеянцев сделал Цезаря единоличным правителем Римской республики. В 46 г., после Тапса, Цезарь получает 10-летнюю диктатуру, пожизненную цензорскую власть (praefectura morum), право предлагать кандидатов в народные трибуны и эдилы, а в 44 г., после Мунды, становится *пожизненным диктатором* (dictator perpetuus). В качестве постоянного диктатора Цезарь получил неограниченное право распоряжаться государственными финансами, вооруженной силой, назначать правителей в провинции, чеканить монету, носить при отправлении общественных обязанностей триумфальную одежду (пурпурную тогу, красные сапоги и лавровый венок) и в качестве praenomen — пожизненный титул *императора* как символ высшей военной власти. Титул императора закреплял за ним военную власть, звание *великого понтифика* (pontifex maximus) делало его главой самой влиятельной жреческой коллегии, а пожизненные права *народного трибуна* передавали в его руки законодательную инициативу и делали его личность священной. Голова Цезаря изображалась на монетах, его гению приносили жертвы наравне с богами, его пурпуровая тога напоминала тогу древних царей; окруженный свитой слуг, диктатор самолично творил суд, сидя на золотом кресле, и принимал сенаторов, не вставая с места. Предполагалось даже устроить особый храм Юпитера — Юлия с особой корпорацией жрецов.

Цезарский режим, как и режим предшествующих ему предимператоров Мария и Суллы, — в полном смысле военный режим. Война и войско занимали центральное место в политике покорителя Галлии и победителя Помпея. По сути дела цезарский режим ближе приближался к монархии, чем к Республике, и при-

[1] *Plut.*, Caesar, LXI.

том не к полуконституционной монархии первой римской династии Клавдиев, а к «солдатской монархии» Северов II—III вв. Преемники Цезаря, принцепсы юлиевой-клавдиевой династии, в значительной мере отклонились от намеченного им пути в сторону более умеренной «республиканской монархии» или принципата.

В своих действиях Цезарь был связан волей окружавших его офицеров и солдат. С самого начала отношения между Цезарем и его войском приобрели деловой, коммерческий характер. Неисполнение требований войска вызывало ропот, недовольство и массовое дезертирство. Иллюстрацией этого положения может служить поведение цезарских солдат во время переправы из Италии в Грецию в 49 г.

Гай Юлий Цезарь

«Куда и зачем, — спрашивали солдаты, — ведет нас этот человек? Когда же наконец мы получим покой? Он смотрит на нас, как на незнающие усталости бездушные существа. Даже мечи погнулись бы от такого количества ударов; щит и латы берегут, когда они прослужили столько времени. Неужели Цезарь по нашим ранам не видит, что он командует людьми, что мы как люди можем мучиться и страдать? Сами боги не могут бороться с флотом и бурями на море, а Цезарь делает все, как бы в доказательство того, что он не преследует неприятеля, а бежит от него» [1].

Для предупреждения солдатских бунтов и заговоров, а вместе с тем и для привлечения на свою сторону ветеранов Цезарь применял двоякие меры — угрозы и наказания, с одной стороны, награды и триумфы, с другой. Богатством, великолепием и пышностью цезарские триумфы превосходили триумфы прежних командиров. Исключительным блеском отличался вышеописанный триумф 46 г. По улицам Рима было расставлено 22 тыс. столов, за которыми угощались солдаты и римские граждане, в цирках были даны грандиозные представления, устроены игры

---

[1] *Plut.*, Caesar, XXXVII.

и морские сражения (навмахии). Перед собравшимся народом в комициях Цезарь произнес хвалебную речь, перечисляя свои победы, и указывал на захваченные им обширные земли, которые должны принести государству солидный доход в 200 тыс. медимнов хлеба и 3 млн. мер масла.

Каждому солдату было выдано по 20—25 тыс. сестерций — сумма, по римскому счету, невероятно большая, центурионам вдвое, а префектам и трибунам вчетверо больше.

На республикански настроенную и державшуюся более независимо часть римского общества триумф Цезаря произвел удручающее впечатление, как торжество политического рабства над гражданской свободой. «Ничто не было так тяжело римлянам, как этот его новый триумф. Цезарь разбил не вождей иностранных держав, не варварских царей, но истребил род несчастного римлянина (Помпея), пользовавшегося таким влиянием. Он (Цезарь) радовался злу, которому мог найти лишь одно оправдание, — что все это произошло по необходимости. ...Но как бы то ни было, римляне склонили головы перед счастьем этого человека, позволили надеть на себя ярмо и, считая монархию отдыхом после гражданских войн и пережитых несчастий, провозгласили его пожизненным диктатором. Это была явная тирания. Безответственная монархия соединялась с пожизненностью власти.

Первые почести, предложенные Цицероном, были велики, но все же в них было что-то человеческое, но затем ко всему этому прибавлялись новые, чрезвычайные полномочия, исходившие со стороны людей, старавшихся превзойти друг друга в угодливости Цезарю. Благодаря декретам, переходившим всякую меру и границы здравого смысла, Цезарь делался ненавистным даже самым добродушным гражданам» [1].

Кроме единовременных наград, ветеранам давались *земельные наделы.* По примеру своих предшественников, но в несравненно бо́льших размерах, Цезарь развернул колониальную политику. В источниках имеются указания на существование римских колоний в Африке, введенных Цезарем в Италии и провинциях Африки, Галлии и т. д. Необходимые для покупки земель и ссуд колонистам деньги добывались различными путями. Часть расходов была покрыта из галльской добычи, часть взята из конфискованных храмовых имуществ, часть из конфискованного имущества противников.

В руки Цезаря и окружавшего его офицерского штаба попадала львиная доля захватываемой добычи, ценностей, земель и рабов. Отправляясь в Испанию в 61 г., Цезарь имел долгов до 25 млн. денариев, после войны все долги были погашены полностью,

---

[1] *Plut.*, Caesar, LVI — LVIII.

В течение галльской кампании Цезарь захватил в плен массу рабов — по одним данным 400 тыс., а по другим — даже миллион, от продажи которых было выручено до 100 млн. денариев [1]. В 46 г. Цезарь выручил от продажи добычи и от дани, наложенной им на Испанию, Азию и Италию, до 150 млн. денариев. Захваченные суммы целиком поступали в личное распоряжение диктатора, на подарки офицерам, солдатам, фаворитам и фавориткам, на содержание войска, на подкупы народных трибунов. Трибун Курион, например, получил единовременный подарок в 500 тыс. денариев.

Легко приобретаемые состояния и капиталы также легко и проживались. Офицерская среда, окружавшая Цезаря, вела широкий образ жизни, приобретала роскошные загородные дачи (виллы), дома в Риме, дорогую обстановку, мебель, картины, золотую и серебряную посуду. Примером светского человека из высшего офицерского круга является *Марк Антоний*, герой галльской и гражданской войны, и другой участник галльской войны — всадник из Формий *Мамурра*. Подобно Марку Антонию, Мамурра, красивый, дерзкий и разнузданный офицер, соривший деньгами направо и налево, пользовался особым расположением диктатора и был его фаворитом. Мамурра известен нам как герой катулловских эпиграмм, являющихся прекрасным источником для понимания римского общества конца Республики, дополняющим сухое и монотонное изложение историков.

«Кто, кроме бесстыдников, обжор и кутил, может это видеть, может сносить? Мамурра владеет теперь тем, что имели раньше и волосатая Галлия и далекая Британия. Бесстыдник Ромул, ты это видишь и сносишь. Этот богатый злодей сделался теперь желанным гостем всех богатых домов. Неужели ты, великий Цезарь, побывал на далеких западных островах для того, чтобы твой любимый друг пожрал 30 миллионов сестерций?.. Мало он еще просадил, мало сожрал!.. Сначала пошло в клочья отцовское добро, затем понтийская добыча, далее испанская, о которой коечто знает золотоносный Таг, и такого негодяя боятся Галлия и Британия. Зачем носитесь вы с такой дрянью? Что он может, кроме как пожирать крупные состояния? Для этого-то вы, почтеннейшие граждане, тесть и зять (Цезарь и Помпей), погубили весь мир!» [2].

Помимо войска, с Цезарем были связаны интересы самых разнородных социальных групп — финансистов, купцов, поставщиков, подрядчиков и т. д. Среди них было много италиков и провинциалов, свободных и вольноотпущенников. Позже, при Империи, из этих элементов сформировалось имперское всадни-

[1] *Vell. Pater.*, II, 47; *Suet.*, Caesar, 54.
[2] *Catull.*, 29.

чество, высшее и среднее чиновничество, имперская бюрократия. Примером делового человека и бюрократа цезаревой эпохи является *Луций Корнелий Бальб*, натурализовавшийся уроженец древнефиникийской колонии Гадеса в Испании, известный нам по речи Цицерона, произнесенной в его защиту (*Cicero*, Pro Balbo), и по переписке Цицерона. Карьера Бальба началась еще при Помпее и развернулась при Цезаре. Как и большинство героев этой эпохи, Бальб участвовал в галльской войне в качестве начальника инженерных частей (preafectus fabrum), вошел в доверие Цезаря и разбогател. Потом Бальб сделался управляющим государственными имуществами, держал в своих руках государственные финансы и пользовался безграничным влиянием. Распоряжения Бальба немедленно получали санкцию диктатора, который не принимал без его ведома ни одного серьезного решения [1].

8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦЕЗАРЯ

Социально-экономическая политика Цезаря с трудом поддается систематизации. Большая часть намеченных планов Цезаря не вышла из стадии проектов отчасти вследствие кратковременности цезаревского режима, а отчасти вследствие трудности их осуществления. Как и в самой личности Цезаря, так и в его социально-экономической политике переплетались гениальность и авантюризм, чем и объясняется разнообразие суждений и оценок цезаревского режима и личности самого Цезаря. По плану Цезаря, римское государство должно было превратиться в колоссальную державу, доведенную до своих естественных границ. После галльской войны Цезарь разрабатывал план нового, не менее грандиозного и авантюристического похода на Парфию, славившуюся своими несметными богатствами. Покорив Парфию и отомстив за поругание римских знамен, Цезарь предполагал пройти в Гирканию, обогнуть берег Каспийского моря и Кавказа, вторгнуться в Скифию, а отсюда пойти на Германию и через Галлию вернуться в Италию.

Для экономического оживления Средиземноморской державы предполагалось развернуть широкую строительную и колонизационную политику. Предполагалось прорыть Коринфский канал, провести грандиозный канал от Остии к Адриатическому морю, соединить Тибр с Адриатическим морем и т. д. Разрабатывался проект осушения Сентинских и Помтинских болот и превращения их в поля, на которых могли бы работать тысячи людей. Далее предполагалось спустить Фуцинское озеро, соорудить

---

[1] *Cic.*, Ad Attic., X, 11; XI, 6; Ad fam., VI, 8.

насыпь на заливаемых морем берегах ближайших окрестностей Рима, уничтожить мели и подводные скалы на остийском берегу, расширить и углубить гавани и пристани, сделав их удобными для больших грузовых судов.

Для облегчения торговых оборотов и урегулирования валютных отношений была принята единая для всего государства *монета — золотая* и *серебряная*, равная 8,18 грамма, — и проектировалось составление обширного свода законов, объединяющего разрозненные и распыленные преторские эдикты и сенатусконсульты. Уточнялся и упрощался счет времени. Специальная комиссия во главе с александрийским астрономом Созигеном заменила принятый до того времени в Италии лунный год солнечным, более точным, в $365^1/_4$ дня, со вставным днем через каждое четырехлетие.

Административно-политическим центром складывавшейся Империи оставался город *Рим*, столица и местопребывание Юлия Цезаря. Цезарь не жалел денег на украшение столицы, на постройку роскошных общественных и частных зданий. При нем были построены храм бога Марса на осушенном озере, огромной величины театр, несколько библиотек, форум Юлия с храмом Венеры-Матери и др. С целью закрепления провинций, удовлетворения ветеранов, ослабления перенаселенности больших городов и для оживления провинций Цезарь восстанавливал старые города или строил новые, поселяя в них римских колонистов. Римские колонисты были поселены в Карфагене, Коринфе, Утике, Гадесе и ряде других провинциальных и италийских городов. Между прочим, в Кампании были поселены VII и VIII легионы, получившие земли павших в фарсальской битве кампанцев, сражавшихся на стороне Помпея [1].

Благодаря притоку на периферию средств и людей провинции начинали оживать и романизироваться. Многие провинциальные города и местечки получили латинское право, пра́ва римских колоний или полное гражданское право. Так, торговый испанский город Гадес сразу был превращен в римский муниципий. Цезарь щедрой рукой раздавал гражданские права провинциалам (civitate donavit), в особенности галлам и испанцам, равно как вольноотпущенникам и иностранцам.

Центром римских поселений в Италии и провинциях были *города* (муниципии), являвшиеся опорой императорского строя. В социально-экономической политике Цезаря муниципальная политика занимает центральное место. В 46 г. последовал специальный *закон о муниципиях* (lex Julia de municipiis), два года спустя дополненный законом Рубрия (lex Rubria de Gallia Cisalpina), приравнивавшим муниципии в отношении граждан-

---

[1] *Nicolaus Damasius*, Vita Caesaris; *Cic.*, Philipp., II, 102.

ских прав к Риму. За муниципиями признавалась автономия в вопросах, касающихся их социально-экономической жизни — раскладок податей и повинностей, выбора муниципальных магистратов, членов муниципального совета и т. д. Высшим органом муниципий являлась *курия*, муниципальный совет или сенат, выбираемый из состоятельных людей города.

Закон Юлия о лихоимстве (lex Iulia de repetundis, 59 г.), выгодный для провинциалов, устанавливал нормы податей и повинностей. Права наместников ограничивались, вместе с тем сокращалась и возможность произвола. Повинности провинциалов по отношению к наместнику сводились к доставке транспорта, корма для скота и обеспечению помещения для слуг. Число провинций при Цезаре увеличилось. К старым провинциям присоединились Лугудунская Галлия, Бельгика и провинция Иллирик.

По мере расширения пределов Римского государства, изменения социальных группировок и усложнения задач управления старые формы города-государства заменялись имперской системой управления, превращавшей республику в монархию. Республиканские учреждения низводились на степень зависимых от диктатора государственных органов. Сенат превращался в государственный совет, число сенаторов возросло до 900. Наряду с родовитыми нобилями сенаторское звание жаловалось всадникам, плебеям, вольноотпущенникам и провинциалам (галлам, испанцам). Сенаторское звание жаловалось всякому, кто оказывался близким к источнику всех благ — Юлию Цезарю. Вместе с тем была произведена генеральная чистка сената, наличный состав сената был радикально изменен введением новых членов по рекомендации диктатора, увеличено число магистратур — преторов, эдилов, квесторов. Лишенные прав избиратели по воле главы государства восстанавливались в прежних правах; одна половина кандидатов избиралась народом, другая назначалась Цезарем. По избирательным округам (трибам) рассылались особые рекомендательные письма с надписью: «Диктатор Цезарь такой-то трибе. Рекомендую вам того-то и того-то, дабы вашими голосами они получили сообразное их достоинству» [1].

Комиции превратились в орган для избрания должностных лиц, рекомендуемых диктатором, и выражения благодарности за милости, даруемые народу в виде подачек, гладиаторских боев, снижения квартирной платы и т. д.

На свою эпоху Цезарь смотрел, как на завершение всей предшествующей истории культуры, и имел намерение собрать и объединить в одной обширной библиотеке все произведения греческой и римской литературы. Заботы по организации библиотеч-

[1] *Suet.*, Caesar, XLI.

ного дела и подбору книг возлагались на Марка Терренция Варрона, известного римского ученого, любителя книжного дела, автора многих сочинений, помпеянца, перешедшего на сторону Цезаря.

Из сказанного следует, что социально-экономическая политика Цезаря по всем направлениям предвосхищала политику Римской империи. Конечной целью этой политики, двигаемой естественным ходом вещей, было объединение средиземноморского бассейна под гегемонией города Рима и превращение Римской республики в Средиземноморскую державу.

9. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ ПРИ ЦЕЗАРЕ

Социально-экономическая политика Цезаря имела и свою оборотную сторону. Войны и военная добыча одних обогащали и возвеличивали, а других разоряли и выбивали из привычной колеи. Военные опустошения, наплыв рабов, денежные и торговые спекуляции нарушали ритм хозяйственной жизни, что выражалось в постоянных экономических кризисах и депрессиях. Для поддержания высокой хозяйственной конъюнктуры были необходимы новые захваты, чего как раз и не было в последние годы жизни Цезаря. За головокружительным подъемом 50-х годов последовал столь же головокружительный кризис 40-х годов. С наибольшей силой экономические депрессии и выраставшие на их почве недовольства диктатурой Цезаря ощущались в самом Риме, центре скопления мировой нищеты и недовольства, и в Италии.

Помимо временных причин, вызывавших депрессию, при Цезаре ощущалось и общее понижение италийской экономики. В связи с вышеописанными социально-экономическими сдвигами и всей политикой Цезаря Италия утрачивала свое привилегированное значение среди народов Средиземноморья. Торговая монополия Италии начинала суживаться вследствие введения в италийских гаванях пошлинных сборов, италийская торговля становилась менее выгодной и сокращалась, что отражалось на состоянии ремёсл и финансов. Давал себя чувствовать также и отлив состоятельных и предприимчивых людей и капиталов на периферию. Недостаток в деньгах и высокий ссудный процент увеличивали число должников и люмпенпролетариев, которыми был переполнен Рим.

Настроение столичного населения в 40-х годах было возбужденное. При первой же возможности городской плебс переходил к действиям, требуя полной или частичной кассации долгов, улучшения жилищных условий и государственной помощи малоимущим. Тогда на социальном горизонте вновь появлялся при-

зрак Катилины. Несмотря на скудость исторических сведений, можно довольно отчетливо представить себе картину социальных столкновений 40-х годов. Первое крупное восстание произошло в Риме в 48 г., вслед за отъездом Цезаря в Грецию. Организатором его был претор *Марк Целий Руф*, некогда горячий приверженец Цезаря, потом отошедший от него. Руф провозгласил сначала отсрочку, а затем полную отмену долгов и освобождение от квартирной платы. У Руфа нашлось много сторонников среди городского населения, почувствовавшего себя теперь свободным от тяготевших на нем долгов. Попытка коллеги Руфа, второго претора Требония, противостоять этому предложению разбилась о сопротивление народа. В дело вмешался консул Сервилий, находившийся в городе. Под охраной солдат Сервилий провел заседание сената, разбил доски, на которых был написан декрет о кассации долгов, приказал стащить Руфа с ораторской трибуны, лишил его преторского звания, а город объявил на военном положении.

Вынужденный оставить Рим, Руф направился в Кампанию, где соединился с давним врагом Цезаря *Титом Аннием Милоном*. В Кампании составилась внушительная повстанческая армия из свободных и рабов, которым была обещана свобода. Движение распространилось на южноиталийские области — Апулию и Бруттий, постоянные очаги восстаний рабов. Восстание не прекратилось даже после того, как в сражении с Сервилием был убит Милон, храбрый солдат и хороший организатор. В самом Риме царила полная анархия.

«Спокойствие в Риме все еще не было восстановлено... Посланные богами предзнаменования всех повергли в страх, возраставший от жалкого и необычного вида самого города. Нигде не было видно ни консула, ни претора. Один только Марк Антоний как будто сохранял некоторое спокойствие и видимость народоправства: носил преторскую тогу, пользовался только шестью ликторами, созывал сенат и т. д. Но уже одно то, что Антоний ходил опоясанный мечом, свидетельствовало о напряженности положения... Грабеж, насилие и убийства сделались каждодневным явлением» [1].

Разнузданность заместителя Цезаря Марка Антония и его друзей послужила поводом для нового восстания, организованного летом 47 г. народным трибуном Публием Корнелием Долабеллой. Движение Долабеллы было особенно опасно, потому что оно совпадало с сильным возмущением легионов, сконцентрированных на западе. Лозунги оставались прежние — кассация долгов и снижение квартирной платы. Город покрылся баррикадами, преграждавшими путь к центральной площади. Около бар-

---

[1] *Dio Cass.*, XLII, 26—27.

рикад произошел ожесточенный бой, стоивший жизни 800 людей. Угроза захвата Рима повстанцами была так велика, что весталки покинули город, спасая храмовое имущество. Лишь путем провокаций и уловок Антонию удалось подавить восстание.

Социальная политика Цезаря носила компромиссный характер, имея в виду лишь временное ослабление кризиса. Для облегчения должников был издан закон, согласно которому кредиторы должны были принимать заложенные имения по довоенным ценам, устанавливалась определенная норма ссудного процента, а выплаченные уже проценты засчитывались в основной капитал. В интересах бедных квартиронанимателей, по *закону Юлия о квартирных платах* (lex Iulia de mercedibus habitationum annis), была произведена частичная кассация квартирных недоимок. Наряду с этим не было недостатка также и в мерах полицейского порядка. К их числу принадлежат: 1) закрытие коллегий, единственной легальной формы организации городского плебса; 2) расформирование мятежных легионов и запрещение полковых ячеек и, наконец, 3) организация городской полиции из бывших военных (praefecti) и т. д. Антидемократический характер цезарианской политики особенно ясен из его судебного и муниципального закона, передававшего управление и суды богатым гражданам. Обеспокоенный переполнением столицы люмпен-пролетарскими элементами и сопряженными с их содержанием расходами, Цезарь рискнул на серьезную меру *сокращения раздач и на выселение из города* излишка населения. Число получателей хлеба с 320 тыс. было сведено до 150 тыс. человек, из которых 80 тыс. выселялись в заморские колонии. Одновременно с этим землевладельцам было предписано иметь среди пастухов по крайней мере одну треть свободных.

В связи с постоянными переворотами и катастрофами, пережитыми римским обществом в послесулланский период, у многих, в том числе и у самого Юлия Цезаря, рождалась мысль о несовершенстве существующего строя и о замене его новой, более совершенной и согласной с человеческой природой и требованием разума социальной организацией. На этой почве в конце Республики и Империи сложилось много *социально-политических утопий*, с которыми знакомят нас «*Письма к Цезарю об организации государства*» (Epistulae ad Caesarem de re publica), приписываемые историку Саллюстию. Историческая ценность «Писем» состоит в том, что они вводят нас в социальную атмосферу и знакомят с идеологией того времени. Подлинность «Писем» и авторство Саллюстия, одно время отрицавшиеся, в настоящее время признаются достоверными [1]. Значительное место в «Письмах»,

---

[1] *H. Dahlmann*, Sallust., Politische Briefe, «Hermes», 1934, Bd. 69, H. 4, S. 380—389.

как и вообще в произведениях Саллюстия, уделено критике существующего строя преимущественно с моралистической точки зрения. Особенностью социальной утопии в изображении Саллюстия является смешение прогрессивных и реакционных мотивов.

Считая существующий порядок ненормальным, автор «Писем» намечает ряд реформ, которые, по его мнению, могут оздоровить общество, предохранить его от надвигавшейся катастрофы и вернуть к нравам древней Республики. Сам автор «Писем», как это показали последние исследования, является сторонником республики старого стиля с ее простыми нравами и обычаями[1]. Главное зло — таков ход мыслей разбираемого произведения — заключается в деньгах и в богатстве, обладание которыми порождает страсть к роскоши, постройке дворцов, великолепных вилл, приобретению роскошных изваяний, пурпурных тканей, к утонченности вкуса, изнеженности, разврату, физической и психической дряблости. Все это исчезнет, и общество возродится лишь тогда, когда исчезнут деньги, а вместе с ними и корыстолюбие — зло нашего времени.

«Корыстолюбие — страсть пагубная и гибельная — не щадит ни городов, ни полей, ни храмов, ни домов, не останавливается ни перед чем божественным. Никакие войска, никакие стены не помешают ей вкрасться; она отнимает у людей самые заветные чувства — любовь к отечеству, любовь семейную, любовь к добродетели и чистоте»... «Величайшее благодеяние, — обращается Саллюстий к Цезарю, — сделал бы ты для отечества, для сограждан, для себя и своего семейства, наконец, для всего рода человеческого, если бы искоренил вовсе, или, если это невозможно, то по крайней мере уменьшил любовь к деньгам. Когда она господствует, невозможно быть порядку ни в частной жизни, ни в общественной, ни на войне, ни в мире»[2].

Последовательно проведенная программа автора «Писем» должна была привести к замене товарно-денежных отношений натуральными как более простыми, близкими к природе и вследствие этого более здоровыми. «Тогда исчезнут с лица земли все посредники, и каждый станет довольствоваться своими средствами. Это верное средство, ведущее к тому, чтобы должностные лица служили не кредитору, а народу»[3].

В полной гармонии со всей своей концепцией автор «Писем» противопоставляет доброе старое время, пору патриархальных отношений и натурального хозяйства, развитым денежным отношениям рабовладельческого общества как лучшее время, как «золотой век» человеческой истории. «Было время, когда даже

---

[1] *Werner Schur*, «Klio», XXIX.
[2] *Sallust.*, Epist., I, 8.
[3] Ibid., II, 5.

у гражданина, занимавшего низшее положение, не оказывалось как за сохой, так и на войне недостатка ни в чем, нужном для пристойной жизни, так что он довлел себе и отечеству».[1]

Известную дань увлечению «золотым веком» отдал и сам Юлий Цезарь, с явным сочувствием описывающий в «Комментариях о галльской войне» порядки древних германцев. Говоря о социальном строе германцев, Цезарь с особым удовольствием описывает аграрные отношения германцев, полагая, что общинное (родовое) землевладение является защитой против всех социальных бедствий. Общинное землевладение предохраняет германский строй от внутреннего разложения [2]. У германцев никто не стремится к обладанию обширными территориями, у них нет латифундий, и сильные не отнимают земли у слабых, у них нет ни партий, ни раздоров. Народ остается спокойным, видя, что самые могущественные люди не богаче самого бедного человека.

Вышеописанные социальные мероприятия Цезаря — выведение колоний, очищение города от люмпенпролетарских элементов, уменьшение числа рабов-пастухов и некоторые другие меры — до известной степени являлись отражением популярных в конце Республики социально-политических идей.

---

[1] *Sallust*, Epist., I, 5.
[2] *Caesar*, De bello Gallico, VI, 22.

Глава XIII

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕСПУБЛИКИ

1. ИДЫ МАРТА 44 года

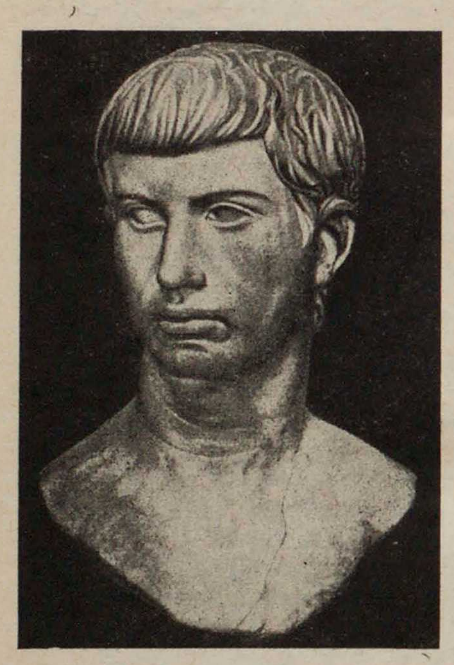
Политическая карьера Цезаря была прервана его трагической смертью в середине марта 44 г.

Падение Цезаря не было случайным явлением. Причина неустойчивости цезаревского режима заключалась в недостаточной прочности тех социальных сил, на которых впоследствии держалась Римская империя. Республика имела еще немало сторонников среди всех слоев населения, в глазах которых монархия означала гибель политической свободы. Кроме названных общих причин, решающую роль в общественном недовольстве диктатурой Цезаря сыграл экономический и финансовый кризис Италии 40-х годов, о котором говорилось на предыдущих страницах. Цезаря считали виновником кризиса, виновником всех несчастий и бед, пережитых Римом за время междоусобной войны. Напротив, древнереспубликанский строй казался «золотым веком», временем политической свободы, простых, честных и сильных характеров, заключенных в понятии «римская доблесть» (virtus romana).

Руководящую роль в антицезарианском движении играли оптиматы, мстившие Цезарю за нарушение республиканской конституции, за смерть Помпея, отстранение от государственных должностей и целый ряд более мелких обид и оскорблений.

Во главе заговора стояли *Марк Юний Брут* и *Децим Юний Брут*, возводившие свой род к полулегендарному Луцию Юнию Бруту, изгнавшему из Рима Тарквиниев. *Марк Брут* был известен среди своих сторонников принципиальной преданностью Республике, строгим образом жизни и любовью к философии. Бруту ближе всего была стоическая философия, а его любимыми писателями были Аристотель и Полибий, произведения которых

он внимательно изучал и делал из них пространные выписки. В то же время Марк Брут известен как один из наиболее свирепых римских ростовщиков, ссужавших провинциалам деньги под высокие проценты. Ссуды взыскивались Брутом, его друзьями и агентами с нечеловеческой жестокостью, и из-за этого, например, в кипрском г. Саламине уморили голодом пять видных городских деятелей. С такой же последовательностью доктринера он взялся и за осуществление планов заговорщиков.

Марк Юний Брут

Марка Брута не могли поколебать ни перспективы блестящей карьеры, ни какие другие мотивы и расчеты. Брута не смущало и то, что заговорщики могли рассчитывать на поддержку только узкого круга сенатской знати, осколков партии Помпея, и что в Риме было много ветеранов и солдат Цезаря. Крайний фанатик, не обладавший ни военным, ни политическим талантом, Брут совершенно не думал о возможных последствиях заговора.

Не таким ригористичным представляется другой Брут, *Децим Юний Брут Альбин*, участник галльской войны, незаурядный полководец, отличившийся при осаде города Массилии, по убеждению республиканец. Сначала Децим Брут верил в демократизм Цезаря, но когда особенно резко стал выступать антиреспубликанский характер его правления, Децим Брут примкнул к заговорщикам.

Третьим видным заговорщиком был *Гай Кассий Лонгин*, помпеянец, перешедший к Цезарю и пользовавшийся его полным доверием. Кассий был известен как хороший полководец, в качестве квестора он участвовал в парфянском походе Красса, после смерти которого с большим искусством провел отступление разбитой армии.

Днем заговора были назначены *мартовские иды* (15 марта), когда должно было состояться последнее заседание сената перед открытием парфянской войны, на котором предполагалось вручить Цезарю чрезвычайные полномочия. Друзья Цезаря подго-

товляли общественное мнение к государственному перевороту, распуская слух, что, согласно предсказанию оракула Сивиллы, парфян может победить только царь (rex).

Открытое признание за Цезарем царских прав означало в глазах республиканцев усиление произвола и полное уничтожение республиканской конституции. На такой точке зрения стояло большинство сената, потому местом заговора и был избран именно сенат.

Заговорщики, число которых доходило до 60 человек, рассчитывали на полную солидарность высшего сословия, не желавшего опускаться на положение слуг диктатора. К тому же поведение самого Цезаря в последнее время его жизни подтверждало самые пессимистические предположения. Диктатор относился пренебрежительно не только к отдельным сенаторам, но и ко всей сенаторской корпорации. Однажды сенат назначил ему чрезвычайные почести с поздравлением по поводу нового назначения; к Цезарю явились консулы и преторы в сопровождении сената в полном составе, но он даже не счел нужным встать и принял предложенные ему почести как должное. «Его выходка произвела неприятное впечатление не только на сенат, но и на народ, считавший в лице сената оскорбленным все государство. Все, кто имел право уйти, немедленно же удалились в глубокой печали, так что Цезарь понял, в чем дело. Он тотчас же отправился домой и кричал друзьям, обнажив шею, что готов быть жертвой тех, кто хочет его убить» [1].

Не могло, конечно, импонировать республиканцам и отношение Цезаря-диктатора к республиканской конституции.

«Республика, — говорил Цезарь, — не что иное, как пустое слово без содержания и блеска. Сулла был младенцем в политике, коль скоро он добровольно сложил с себя диктатуру» [2].

Столь же неблагоприятное впечатление произвело поднесение Цезарю Антонием во время всенародного праздника луперкалий царской диадемы. Надетая на статую Цезаря царская диадема была сорвана народными трибунами. Но за свою дерзость оба трибуна, несмотря на неприкосновенность личности трибуна, по приказанию диктатора были лишены своего звания и взяты под арест — факт, скомпрометировавший Цезаря в глазах народа, у которого еще сохранялся авторитет народных трибунов.

Немало всякого рода сплетен порождала и любовная связь римского императора с египетской царицей Клеопатрой, открыто прибывшей в Рим с сыном Цезаря Цезарионом. Цезарю тогда было всего 56 лет, но он выглядел совершенно разбитым стариком, часто терял душевное равновесие и впадал в обморочное состоя-

---

[1] *Plut.*, Caesar, LX.
[2] *Suet.*, Caesar, 77.

ние. Отношение его к людям было крайне неровное. Подозрительный к окружающим, Цезарь был самонадеян, фаталистически веря в свою счастливую, исключительную судьбу.

На парфянскую войну Цезарь возлагал огромные надежды. Богатая добыча могла оживить экономическую жизнь, разрядить кризис и тем самым укрепить его положение. Учитывали это также и заговорщики, старавшиеся во что бы то ни стало сорвать предполагаемый, хорошо обдуманный поход. Пускали в ход всевозможные средства, чтобы побудить медлившего Марка Брута к немедленному решительному действию. Трибуну, на которой Брут в качестве претора производил суд, засыпали записками такого содержания: «Почему, Брут, ты спишь?». «Нет, ты не Брут» [1].

Накануне рокового заседания Кассий, положив руку на плечо Брута, спросил: «Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря объявят его царем?». На это Брут ответил, что он совсем туда не пойдет. «А что мы сделаем, — продолжал Кассий,— если нас туда позовут в качестве преторов?». «Я, — ответил Брут, — буду защищать наше отечество до своей смерти» [2].

Заседание сената в иды марта происходило в курии Помпея (Curia Pompeia), блестящем, недавно выстроенном здании. При входе Цезарь был окружен заговорщиками, просившими его об амнистии брата одного из них. Настаивая на своей просьбе, заговорщики плотным кольцом окружили Цезаря, затем один из них схватил тогу Цезаря, что было условным знаком для нападения. Набросившиеся на Цезаря заговорщики нанесли ему кинжалами бесчисленное количество ран, изрезав все его тело. На непосвященную в планы заговорщиков массу сенаторов внезапное убийство «постоянного диктатора» произвело ошеломляющее впечатление — от ужаса они не могли даже кричать. Вся жизнь на момент замерла. Посреди курии лежало распростертое тело диктатора, окруженное заговорщиками в окровавленных тогах с поднятыми кинжалами. Брут пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Потом, несколько придя в себя, сенаторы бросились к дверям, выбежали на улицу и, оглашая площадь криками, произвели страшную панику в городе. Слух об убийстве диктатора с молниеносной быстротой облетел весь город.

Все кричали, бегали и суетились. Одни скрывались в своих домах, другие бросали дела и спешили к месту происшествия. Все двигалось и волновалось. Никто не знал, что будет дальше. Не знали этого и сами заговорщики, поспешившие удалиться на Капитолий, наиболее безопасное место города, под предлогом со-

---

[1] *Plut.*, Caesar, LXII.
[2] *App.*, Bell., II., 113.

вершения благодарственного жертвоприношения Юпитеру Капитолийскому.

Общественное мнение непосредственно после убийства было на стороне заговорщиков. Некоторые магистраты (например Цинна), в свое время рекомендованные Цезарем, поспешили сложить с себя должности, публично отказались от своих прав и сожгли на площади знаки своего внешнего отличия.

Более сложную политику повели Марк Антоний и Лепид, ближайшие друзья Цезаря, в сочувствии которых цезаревой политике никто не сомневался. Они окружили себя надежными людьми и вооружились.

Так закончились иды 44 г.

2. РИМ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ЦЕЗАРЯ

На следующий день глава заговора Марк Брут обратился к народу с речью, в которой он объяснил смысл заговора. Собрание, в котором было много ветеранов Цезаря, ответило на речь Брута гробовым молчанием, показывая тем самым, что общественное мнение уже не на стороне заговорщиков. «Народ не выказывал ораторам ни своего удовольствия, ни хвалил их за их поступок, но своим глубоким молчанием говорил ясно, что ему жаль Цезаря и стыдно Брута» [1].

На 17 марта консул Антоний назначил экстренное заседание сената в храме богини Земли, на котором заговорщики вновь потерпели поражение. Предложение объявить Цезаря тираном и бросить его труп в Тибр, а тираноубийцам декретировать награды не прошло. Предложение сочли слишком радикальным. Против него восстали даже сами заговорщики из боязни потерять полученные ими от Цезаря земли и награды. Восторжествовало компромиссное предложение Цицерона: во избежание новой междоусобной войны забыть взаимные раздоры, объявить широкую амнистию, утвердить распоряжения диктатора, а разбор оставшихся бумаг Цезаря поручить консулу Антонию. 19 марта, по настоянию Антония, было вскрыто завещание Цезаря, в котором большая часть имущества назначалась усыновленному внучатому племяннику Октавию, а остальное другим внучатым же племянникам. В том случае, если они не вступали в права наследования, имущество переходило к Дециму Бруту и Марку Антонию. Затем следовал перечень обещанных наград ветеранам и легионерам, стекавшимся из разных мест Италии. Бедные граждане получили по 300 сестерций. Кроме того, народу предоставлялись роскошные сады по берегу Тибра, где в свое время проживала Клеопатра.

---

[1] *Plut.*, Caesar, LXVII.

На 20 марта назначались санкционированные сенатом общественные похороны Цезаря. В день похорон ветераны и народ захватили труп Цезаря, положили его на сложенный на форуме костер и сожгли при диких криках, воплях, рыданиях, звуках музыкальных инструментов, бряцании оружия и угрозах по адресу заговорщиков. «В то время как одни предлагали предать труп Цезаря огню в храме Юпитера Капитолийского, а другие — в курии Помпея, внезапно появились двое неизвестных, с мечами у пояса и с двумя копьями в руках, и восковыми факелами подожгли костер. Тотчас же стоявшая вокруг толпа стала валить в него сухой хворост, скамьи, судейские кресла и все, что было принесено в дар покойному. Затем флейтисты и сценические актеры стали стаскивать с себя одежды, взятые из арсенала триумфальных принадлежностей и надетые специально для этого случая, и, разорвав их, бросали в огонь, ветераны-легионеры бросали свое оружие, с которым они сопровождали похоронную процессию, а множество матрон — свои украшения, а также буллы и одежды детей.

К выражениям народного горя присоединило свои сетования множество чужестранцев. «В особенности жалели умершего Цезаря иудеи, по целым ночам просиживавшие на его пепелище» [1].

Некий Герофил, называвший себя племянником Мария, объявил Цезаря защитником бедных и угнетенных и призывал народ к мести и погрому богатых.

Положение заговорщиков становилось угрожающим, и вследствие этого они под разными предлогами спешили покинуть Рим, отправляясь в провинции или разъезжаясь по своим виллам.

После отъезда наиболее влиятельных заговорщиков среди всеобщей растерянности и бессилия господином положения сделался Марк Антоний, соединившийся с Лепидом, начальником конницы. На Антония в Риме смотрели как на законного преемника умершего Цезаря и продолжателя его политики, что вполне соответствовало действительности.

Первой заботой Антония было привлечение на свою сторону ветеранов и городского плебса — двух наиболее организованных сил. Вопреки воле сената он обнародовал найденные им в бумагах Цезаря проекты законов, денежные и земельные награды. В апреле последовал *аграрный закон Антония* (lex de coloniis in agros deducendis), подтверждавший прежний закон Цезаря. В апреле же, по инициативе консула Антония, был издан закон об отмене диктатуры. Специальным сенатским постановлением (senatus consultum) Сексту Помпею гарантировалась личная безопасность и возвращались имения. Всеми этими предложениями Антоний хотел угодить одновременно ветеранам, плебсу и се-

---

[1] *Suet.*, Caesar, 84.

нату. В силу *закона об обмене провинциями* (lex de permutatione provinciarum) за Антонием утверждалась Цизальпинская Галлия, прежде закрепленная за Децимом Брутом. Цизальпинская Галлия, вследствие своей близости к Риму, обеспечивала ее правителю господство в Италии и в самом Риме.

Поведение Антония не замедлило, однако, вызвать против себя протест республикански настроенных людей, во главе которых стал 60-летний *Марк Туллий Цицерон*. Цицерон с большим рвением взялся за дело, надеясь помирить сенаторов со всадниками, реорганизовать помпеянскую партию и восстановить «республику порядочных людей». В своих речах против Марка Антония, произнесенных в конце 44 и начале 43 г., великий римский оратор требовал объявления Антония вне закона и восстановления прав сената. В общей сложности на эту тему Цицерон произнес 14 речей, известных под именем «филиппик». «*Филиппики*» Цицерона являются не только историческим памятником первостепенного значения, но также выдающимся произведением классической художественной литературы, замечательным по богатству, звучности и гармонии речи, ясности и силе мысли, разнообразию оборотов, искренности и захватывающему республиканскому пафосу.

«Все вы, — говорил в одной из «филиппик» Цицерон, — чувствуете одно и стремитесь к одному: отвратить от Республики замыслы Марка Антония, потушить его бешенство, подавить его дерзость. Этого желают все сословия, на этом настаивают муниципии, колонии, вся Италия. Сам по себе крепкий сенат вы своим авторитетом сделали еще более крепким. Настало время, квириты, действовать, настало оно, правда, позже чем это требовало достоинство народа римского, когда уже нельзя более откладывать...

Мы переживаем критический момент. Борьба идет за свободу (de libertate decernitur). Вы должны победить, квириты, и я верю, что мы добьемся победы нашим единодушием и преданностью делу. Пусть будет все, что угодно, но только не рабство. Другие народы могут сносить неволю, римский народ может быть только свободным» (aliae nationes servitutem pati possunt, populi Romani est propria libertas) [1].

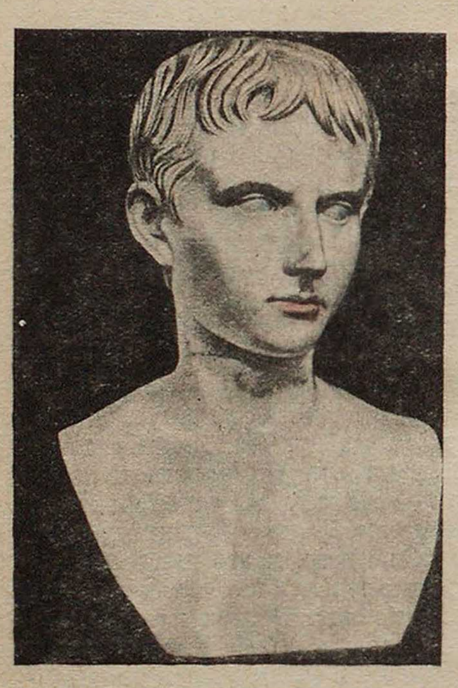
Всегда колебавшийся и нерешительный, Цицерон теперь открыто призывал к защите Республики силой оружия. После того как сенат вместо объявления Антония вне закона вступил с ним в переговоры, Цицерон сдружился с Гаем Октавианом, племянником Цезаря.

Гай Юлий Цезарь Октавиан (Gaius Iulius Caesar Octavianus), до усыновления Гай Октавий, родившийся в 63 г., приходился внучатым племянником Юлию Цезарю, пользовался его располо-

---

[1] *Cic.*, Phil.; VI, 19.

жением и был им усыновлен. В мартовские иды Октавий находился в Греции, в городе Аполлонии, пополняя свое образование и одновременно готовясь к парфянскому походу. Получив известие об убийстве Цезаря и своем усыновлении, Октавий, принявший впоследствии имя Гая Юлия Цезаря Октавиана, неожиданно высадился в Италии и заявил свои права на наследство Цезаря. Цицерон приветствовал в его лице защитника республиканской свободы. Антоний же отнесся к 19-летнему сыну Цезаря с иронией и пренебрежением, как к ничтожному и малоспособному претенденту на наследство великого Цезаря. С холодной насмешкой Антоний заявил, что оставленное его отцом наследство состоит лишь из одних долгов. Такое оскорбительно - пренебрежительное отношение со стороны близкого к Цезарю человека заставило самолюбивого Октавиана присоединиться к партии сената и в союзе с вождем оптиматов Цицероном выступить против Антония.

Октавиан в юношеском возрасте

Антоний и Октавиан — два диаметрально противоположных человека. *Антоний* обладал редкой физической силой, имел сангвинический темперамент, быстро возбуждался и так же быстро впадал в меланхолию, славился своими причудами, похождениями, любовными связями, кутежами и долгами. Долги Антония достигали нескольких миллионов сестерций. Проскрипции, вымогательства, подделка завещания Цезаря и прямая кража дорогих вещей — все это вызывалось широким образом жизни Антония.

Полную противоположность Антонию представлял *Октавиан*. Слабый здоровьем, но красивый, с тонкими чертами лица, голубыми, проницательными, но непроницаемыми глазами, Октавиан был воздержан в жизненных потребностях, скромен, робок, скрытен, лукав, жесток и мстителен.

Стиль речи Антония — возбужденный, неровный, порывистый; речь же Октавиана — простая, плавная, не увлекательная, но убеждающая. Не обладая, подобно Антонию, военными

талантами, Октавиан умел находить нужных людей и привязывать их к себе. В победе Октавиана над Антонием известную роль сыграли также и личные качества обоих претендентов на трон Цезаря.

Первой заботой Октавиана было укрепление своего влияния среди войска и народа, что было достигнуто раздачами, празднествами и подкупами. Помимо родства с умершим Цезарем — диктатором, ветеранов на сторону Октавиана склоняли высокая оплата службы, единовременные подарки и обещания наград в будущем. В то время как Антоний платил солдатам по 100 денариев, Октавиан давал по 500. Таким путем ему удалось собрать под своим знаменем большую часть старых солдат («легион Марса») и образовать из них надежную гвардию. Республиканцы и цезарианцы, со своей стороны, поддерживали Октавиана, предпочитая его «гнусному тирану» Антонию, т. е. из двух зол выбирая меньшее.

«Между тем Цицерон успел приобрести в столице огромное влияние. Он уничтожил всех, кого хотел: он добился падения Антония, заставил его удалиться и выслал против него с войском двух консулов, Гирция и Пансу, для того чтобы прогнать Антония из Италии, наконец, он убедил сенат дать молодому Цезарю ликторов и знаки преторской власти как защитнику отечества»[1].

Антоний вынужден был покинуть Рим и отправился на север, где он надеялся закрепиться в Цизальпинской Галлии.

Высланные против Антония войска под командой консулов 43 года, Гирция и Пансы, к которым в звании претора присоединился и Октавиан, одержали победу. После поражения Антония под *Мутиной* последовал декрет сената, объявлявший его врагом отечества, было произведено новое перераспределение провинций, по которому Марк Брут получал Македонию, Кассий — Сирию, Сексту Помпею вручалось командование римским флотом.

Мутинская война являлась большим успехом республиканцев-легитимистов и прежде всего их вождя, «отца отечества» Цицерона, казалось, своим талантом второй раз спасшего республику.

3. ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ (43 г.)

Торжество республиканцев продолжалось, однако, недолго. Обреченная историей на гибель городская Республика не могла отстоять своего существования в жестокой борьбе, развернувшейся в I в. до н. э. За долгие годы политической анархии государственный аппарат Республики был совершенно расшатан.

---

[1] *Plut.*, Antonius, XVII.

Республиканцы, среди которых было немало выдающихся людей политиков и военных талантов, не имели самого главного — войска и денег, и были обязаны победой над Антонием Октавиану и его легионам, испытанным бойцам Цезаря. Дружба же Октавиана с сенатом, как все это хорошо понимали, была вынужденной — сын Цезаря не мог быть другом «тираноубийц». Не желая возвышения Антония, Октавиан не хотел также и укрепления сената, рассматривая его и его вождя Цицерона исключительно как орудие утверждения своей собственной власти. Это стало очевидным тотчас же после Мутинской войны, когда он из боязни реставрации сенатского режима пошел на сближение с Антонием и Лепидом.

На сближении Октавиана с вождями цезарианцев более всего настаивало *войско*, со времени Суллы выступавшее в роли вершителя исторических судеб Рима. Между вождями и войском установилась обоюдная зависимость, необходимая для обеих сторон, несмотря на личное отношение к тому или другому вождю. «Вождям нужно было, чтобы власть их поддерживалась войском, а войску — чтобы существовала власть для охраны и закрепления того, что они себе забрали» [1].

Последнее десятилетие Республики, эпоха второго триумвирата, представляется сплошной борьбой легионов и их вождей, ускорившей разложение Республики, как города-государства, и способствовавшей переходу к императорскому строю. Соглашение между тремя военными командирами (второй триумвират) — Октавианом, Антонием и Лепидом — состоялось в 43 году в Бононии, носило официальный характер и было утверждено комициями.

Согласно постановлению комиции, триумвирам вручались неограниченные полномочия формально до 1 января 37 г. «для восстановления порядка в государстве» (triumviri rei publicae constituendae consulari potestate).

Первым делом триумвирата был дележ провинций и обеспечение за собой и своими клиентами должностей. За Антонием были утверждены Цизальпинская и Транзальпинская Галлии, за Лепидом — Нарбонская Галлия и Испания, за Октавианом — Сардиния, Сицилия и Африка.

После заключения триумвирата уже не оставалось никакого сомнения в близости новой гражданской войны между триумвирами — цезарианцами и республиканцами. Предвидя скорое открытие военных действий, республиканцы лихорадочно готовились к предстоящей войне — вербовали солдат, строили флот, делали финансовые запасы. В общей сложности путем налогов и конфискаций было собрано $63^1/_2$ тыс. талантов золотом.

---

[1] *App.*, Bell. civ., V, 13.

Навербованная на эти деньги армия достигала 19 легионов при 10 тысячах кавалерии, т. е. почти равнялась армии триумвиров. Кроме того, в распоряжении республиканцев имелась солидная флотилия под командой *Домиция Агенобарба* и *Секста Помпея*, назначенного, по предложению Цицерона, адмиралом всех морских сил Рима.

С неменьшей энергией готовились к предстоящей войне также и триумвиры. Общее количество войск триумвиров превосходило численность республиканских войск, но зато их флот значительно уступал республиканской флотилии, хотя, республиканцы не сумели использовать в надлежащей мере преимуществ своего флота. Самым острым вопросом для триумвиров был финансовый вопрос. Необходимые для ведения войны средства они, так же как и их противники-республиканцы, добывали путем налогов на доходы, имущество, квартиры, земли и путем массовых конфискаций. *Проскрипции* вторых триумвиров по количеству жертв, по жестокости и бесцеремонности, с которыми они производились, оставили далеко позади себя проскрипции предшествующих диктаторов. В качестве мотива проскрипций в выпущенной триумвирами прокламации выставлялась месть за убийство Цезаря.

«Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, —гласила прокламация, — жестоким или чрезмерным. Пусть только он доведет до своего сознания, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Они (заговорщики) умертвили Цезаря, покорившего и сокрушившего самые страшные для Рима народы, первого проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю» [1].

Аппиан рисует полную трагизма картину событий, происходивших в Риме в ближайшие за мартовскими идами годы. «И вот по всей стране и в самом Риме... начались внезапные многочисленные аресты и разнообразные способы умерщвления» [2]. Доносчикам назначались награды. С каждой головы доносчики свободного происхождения получали премию в 25 тысяч денариев, а рабы — 10 тысяч денариев, свободу и гражданские права. Дети и жены получали часть проданных с аукционов конфискованных по их доносу имуществ их родителей и мужей. В общей сложности погибли 300 сенаторов, 2 000 всадников и масса граждан различного положения.

Наряду с финансовыми расчетами при составлении проскрипций, немалую роль играли также и другие мотивы — чувства мести, оскорбленного самолюбия, устранение соперников, конкуренция и т. п.

---

[1] *App.*, Bell. civ., IV, 8.
[2] Ibid., 13.

В проскрипционные списки попал и сам Цицерон, принесенный колебавшимся Октавианом в жертву яростной злобе и мести Антония, ненавидевшего и боявшегося Цицерона. Цицерон вместе с 16 наиболее влиятельными республиканцами был внесен в первый список приговоренных к смерти. Захваченный в городе Каете военным трибуном Попилием Ленатом, Цицерон пал от руки центуриона Герения в тот момент, когда высунул голову из носилок 7 декабря 43 г. Его голова и правая рука были доставлены Антонию и выставлены на ораторской трибуне. Некоторое время отрезанная голова Цицерона стояла за обеденным столом Антония, пока он не насладился этим отвратительным зрелищем, пока он не удовлетворил чувство мести созерцанием мертвой головы самого страшного своего врага.

«Преступление Антония, — с чувством глубокого возмущения рассказывает об убийстве Цицерона Веллей Патеркул, — навсегда задушило голос общественной совести. Никто не рискнул защитить того, кто в течение стольких лет защищал государство и отдельных граждан. Но, увы, Марк Антоний, ты ничего не достиг, говорю я, твоим преступлением, назначив цену за эту божественную светлую голову, спасшую отечество. Ты отнял у Цицерона всего только несколько беспокойных дней его старости, жизнь при твоем господстве во много раз хуже, чем смерть при твоем триумвирате» (vitam miseriorem te principe quam sub te triumviro mortem) [1].

Генеральная встреча республиканских и цезарианских войск произошла на Эгнациевой дороге в Македонии, при городе *Филиппах* (Philippi), на реке Ганге. Республиканцы занимали очень выгодную позицию, имея в своем распоряжении море, продовольственные запасы на острове Фасосе и сверх того богатейшие пангейские золотые и серебряные рудники. Операционной базой цезарианцев служил город Амфиполь, не представлявший таких удобств. И тем не менее республиканцы при всех преимуществах их положения проиграли сражение, преждевременно открыв военные действия. Битву при Филиппах (42 г.) выиграл Марк Антоний, прорвавший фронт противника и разбивший сначала Кассия, а потом и Брута. Оба противника триумвиров покончили самоубийством. На поле сражения остались Сервилий Каска, первый нанесший удар Цезарю, и Катон, сын Катона Утического, погибшего в африканской войне. Республиканская армия распалась: 17 тысяч человек сдались на волю победителя, а остальные рассеялись, погибли или умерли от ран.

Поражение при Филиппах означало фактический конец Римской республики. После трагической гибели Кассия, обоих

---

[1] *Vell. Pat.*, II, LXVI.

Брутов и других представителей старого Рима Республика перестала существовать. Сохранилась только одна организованная сила Республики — римский флот под командой Секста Помпея и Домиция Агенобарба.

После разгрома при Филиппах был произведен новый передел провинций, после чего Антоний отправился на восток для продолжения войны с остатками республиканских войск, для реорганизации запутанных отношений восточных провинций с Римом, а главное для изыскания средств. В Италии фактическим диктатором в эти годы был Октавиан, перед которым тотчас же встал острый, не терпящий отлагательства вопрос о награждении землей и деньгами ветеранов, так как, только опираясь на ветеранов, Октавиан мог укрепить свое положение внутри Италии и вести войну с Антонием, в неизбежности которой он никогда не сомневался. В первую очередь предполагалось удовлетворить галльские легионы, служившие при Цезаре, как наиболее надежные и требовательные. Из галльских ветеранов надеялись создать крепкое ядро землевладельцев средней руки, социальную опору военной диктатуры. При довольно значительной норме наделов до 200 и даже более югеров было необходимо наличие большого земельного фонда, необходимого для разрешения одновременно военной и аграрной проблемы. Для того чтобы каждому легионеру дать по 200 югеров (50 гектаров), потребовалось бы 400 тыс. гектаров хорошей земли. При отсутствии свободных земель и денег единственной мерой разрешения этой проблемы являлась конфискация городских, храмовых и частновладельческих земель.

Произведенная Октавианом конфискация по своим размерам затмила все предшествующие. Была экспроприирована территория 16 городов — Анконы, Мантуи, Бононии, Капуи, Кремоны, Флоренции, Аримина, Венузия и др. Наряду с сенаторами и всадниками пострадали также средние и мелкие собственники, в их числе поэт Вергилий, описавший в изящных, полных грусти, страха и отчаяния стихах производимые триумвирами насилия и страдания землевладельцев, изгоняемых солдатами из своих владений. Попытка Октавиана использовать сенаторские земли встретила энергичное сопротивление со стороны сената и была оставлена. Вследствие этого вся тяжесть расплаты с ветеранами падала на средние и мелкие землевладельческие слои крестьянства, и без того страдавшие от общего расстройства, финансового кризиса и налогов. Проведение в жизнь этой трудной и сложной операции поручалось *экстраординарной военной комиссии*, наделенной неограниченными полномочиями. В задачу комиссии входило не только распределение земель, но также и оборудование новых хозяйств необходимым инвентарем, рабочим скотом и рабами.

4. ПЕРУЗИНСКАЯ ВОЙНА (41 г.)

Италия в 40-х годах I в. находилась в крайне бедственном положении. Военные опустошения, реквизиции, произвол властей, конфискации, вымогательства и налоги на рабов, на наследство, приданое, постои и проскрипции совершенно расстроили экономическую жизнь и подорвали физическую и духовную силу населения. Повсюду происходили грабежи, кражи, насилия и убийства, земледельческие работы прекратились, ремесленные мастерские закрылись. В Риме царила полная анархия, свирепствовали страшный голод и его неизменные спутники — эпидемии. Часть населения вымерла от войны, голода и эпидемий, а другая эмигрировала в провинции, унося с собой свои силы, опыт и капиталы. «Народ закрывал свои мастерские и не хотел знать никаких властей, в обедневшем и разграбленном городе, казалось, не было нужды ни в ремеслах, ни в магистратах» [1].

Виновником всех испытываемых зол и бедствий считали сына Цезаря Гая Октавиана. Общим недовольством против Октавиана воспользовался *Луций Антоний*, брат триумвира, примыкавший к популярам. Луцию Антонию помогала жена Марка Антония *Фульвия*, надеявшаяся таким путем скорее вернуть Антония в Италию. «Фульвия сразу, под влиянием чисто женских побуждений, стала подстрекать Луция к ссоре» [2].

В своих речах Луций Антоний указывал на противоконституционные поступки Октавиана, на насильственное отобрание земель и требовал немедленного уничтожения триумвирата, по его словам, уже давно тяготившего его брата, готового в любой момент сложить с себя чрезвычайные полномочия, коль скоро сделает это и Октавиан. Поднятое им движение Луций Антоний рассматривал как народное движение, а на себя смотрел как на слугу народа, готового отдать за его дело жизнь свою. «Что же касается лично меня, — говорил он, — то я готов сражаться за родину до последней капли крови. Смерть за родину будет лучшим свидетельством моего образа мыслей. Но я не могу приобретать свою славу за ваш счет, благополучие которых для меня выше моего собственного благополучия и славы» [3].

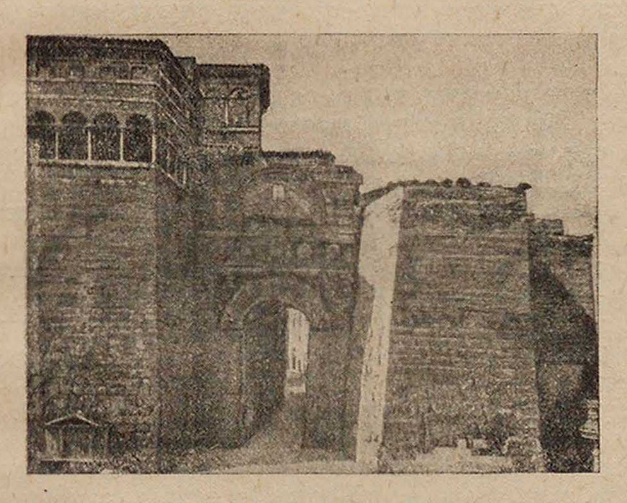
Луций Антоний сделался символом общего протеста не только против насильственной политики триумвиров, но и вообще против существующего строя. Наибольший отклик речи Антония находили среди новобранцев, навербованных из ремесленников, вольноотпущенников и рабов, особенно жестоко страдавших от кризиса и пользовавшихся всяким случаем для выра-

---

[1] *App*., Bell. civ., V, 18.
[2] Ibid., 19.
[3] Ibid., 39.

жения своего протеста против существующего строя. Волнения происходили по всей Италии, центром же движения сделался город Перузия (в Этрурии), по имени которого и все движение получило название *перузинской войны*.

Осторожный и не особенно полагавшийся на свои силы, Октавиан в конце концов, под давлением ветеранов, боявшихся за свои участки, решился на открытую войну и начал осаду Перузии (41 г.). Положение Октавиана осложнилось еще тем обстоятельством, что движение захватило также и провинции.

Ворота и крепостная стена Перузии

Союзные с Римом государства стремились использовать затруднительное положение города-гегемона и отложиться от него. Так, мавретанский царь Бокх решил овладеть испанскими провинциями Октавиана. Бывший правитель Африки Секстий возмутился против Фангона, нового африканского наместника, сторонника Октавиана, и отложился; в Кампании в интересах Луция действовал Тиберий Клавдий Нерон, старый цезарианец, после смерти Цезаря перешедший на сторону заговорщиков.

Осада Перузии затянулась надолго. Перузия была хорошо укрепленной природной крепостью и имела большой гарнизон, во главе которого стоял сам Луций Антоний. Против Антония были двинуты сразу три армии, но и они не могли взять город. Тогда Октавиан приступил к длительной осаде города по всем правилам римской военной техники.

Город был окружен глубокими рвами, валами, укреплен 1 500 деревянными башнями на расстоянии 60 футов друг от

друга. Воздвигнутые на валах брустверы запирали осажденных. В отрезанном от всего мира городе свирепствовал голод, опустошавший ряды осажденной армии. Небольшие запасы, имевшиеся в городе, скоро истощились, и вследствие этого приходилось во всем соблюдать строгую экономию. В первую очередь были урезаны выдачи рабам. Голодные рабы группами бродили по улицам осажденного города, питаясь травой, зелеными листьями и разными суррогатами. Вследствие голода увеличилась смертность среди населения. На улицах гнили и заражали атмосферу непогребенные трупы, сжигать которые было невозможно из боязни привлечь внимание неприятеля.

После того как дальнейшее сопротивление стало невозможным, город был вынужден сдаться на милость победителя, расправа с побежденными была сурова. Отданная на разграбление войску Перузия, один из 12 старинных городов Этрурии, погибла в пламени пожара. Наиболее влиятельные граждане Перузии, члены местного сената, декурионы, были казнены, остальные же, в том числе и глава восстания Луций Антоний, отпущены на свободу.

«Так закончилась осада Перузии, а вместе с ней и вся эта война, грозившая стать продолжительной и опасной для всей Италии» [1].

Между тем в Италии высадился триумвир Антоний. С прибытием его перузинская война грозила превратиться в войну между триумвирами, и лишь благодаря энергичному вмешательству войска, уже утомленного бесконечными походами и лишениями, этого не случилось.

Мирное настроение войска возрастало по мере того, как многие ветераны оседали на землю и из солдат превращались в мирных граждан — землевладельцев и рабовладельцев. На солдатских сходках не один раз принимались резолюции, требовавшие прекращения войны и заключения союза между триумвирами.

На солдатской сходке в *Габиях* (Gabii) была принята резолюция, гласившая, что консулы должны управлять государством по старым обычаям, «не причиняя ущерба друг другу». На многочисленных собраниях, происходивших в городе, резко порицали Октавиана, говоря, что «он грабит население, отнимая последние остатки его имущества. Опустошив государственную казну, ограбив провинции, триумвиры вконец разоряют также и Италию». «Жертвы тем более тяжелы, что они приносятся не ради войны с внешним врагом, а идут на братоубийственную войну с собственными гражданами».

---

[1] *App.*, Bell. civ., V, 49.

Положение Италии в конце 40-х годов было почти катастрофическим. Постоянные войны, мобилизации, проскрипции, голод и эпидемии совершенно расстроили италийское хозяйство, уменьшили покупательную силу населения, повысили цены на рабов и вызвали усиленную эмиграцию свободных и рабов в провинции и на окраины. В одном стихотворении Вергилия описана эмиграция разоренных италиков, направляющихся на поиски счастья и новой родины в Африку, Скифию, Азию и Британию.

Вследствие катастрофичности положения триумвиры в 40 г. заключили между собой новое соглашение в городе *Брундизии* на предмет нового дележа государства. По *Брундизийскому соглашению*, римское государство было разделено на три части. Восточные провинции — Македония, Греция, Азия, Сирия, Киренаика — отошли к Антонию, западноевропейские же провинции, включая Далмацию, Иллирик, Нарбонскую и Цизальпинскую Галлию, оставались за Октавианом. Границей, отделявшей Восток от Запада, была признана линия, проходящая через иллирийскую реку Скодра (Скутари). За Лепидом, третьим триумвиром, к этому времени почти уже потерявшим свое влияние, оставалась одна Ливия в Африке.

5. СИЦИЛИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО СЕКСТА ПОМПЕЯ

Одной из причин, заставивших триумвиров заключить Брундизийский договор, было образование *Сицилийского государства* Секста Помпея, который закрепился в Сицилии, основав там настоящее морское государство, куда стекались все недовольные режимом триумвиров. Благодаря памяти отца, с одной стороны, и собственным доблестям, с другой, Секст Помпей сделался символом протеста против насилий триумвиров и надвигающейся монархии. К Помпею со всех сторон устремилось множество людей, страдавших от междоусобной войны и произвола триумвиров. Среди них было много свободных и рабов, жителей италийских городов, ограбленных триумвирами, много моряков африканского и испанского флота, не желавших служить триумвирам. В числе эмигрантов находилось немало богатых граждан, потерявших свое имущество и бежавших к «любимому всеми» вождю угнетенных и оскорбленных, сыну «великого Помпея».

Слава Помпея росла по мере углубления кризиса. В глазах всех пострадавших от войны и проскрипций род Помпея являлся символом республиканской свободы, величия и блеска Рима. Государство Помпея находилось в Сицилии, главном центре рабовладения и революций рабов. В сознании сицилийских рабов и вольноотпущенников, естественно, возникали образы далекого

прошлого, когда рабы собственными силами, стряхнув иго римлян-рабовладельцев, построили собственное Новосирийское царство. К ним все время стекались рабы из Италии и других стран Средиземноморья.

Вольноотпущенники и рабы в Сицилийском государстве играли видную роль, занимая ответственные посты и положения. В особенности своими административными и военными способностями выделялся вольноотпущенник *Менодор*, один из близких Помпею людей.

Секст Помпей

Сицилийское государство быстро расширилось, включив в себя Корсику и Сардинию — важные сырьевые базы и стратегические пункты. Существование под боком Италии «пиратского государства» внушало страх и ужас италийским купцам, землевладельцам и рабовладельцам, как старым, так и новым, дрожавшим за свои виллы, дома и деньги. Массовые побеги рабов, хозяйственное расстройство и голод, вызываемые блокадой берегов, сокращением торговли и прекращением подвоза хлеба, каждый день и час напоминали о существовании Сицилийского государства.

Не веря в возможность разгрома Помпея в открытом бою, римское гражданство, в том числе и прежде всего получившие наделы и разбогатевшие офицеры и ветераны, требовали немедленного открытия мирных переговоров и заключения мира. Между тем недовольство триумвирами нарастало, достигнув высшей точки, после того как, ввиду недостатка государственных поступлений, был введен новый налог на владение рабами и на наследства. Налог, был встречен страшным негодованием. «Голод, налоги, потери имуществ и прочие народные бедствия, — говорили ораторы на солдатских митингах и собраниях, — обязаны исключительно личному честолюбию и капризу немногих людей». Всех, кто осмеливался высказывать противоположные суждения, забрасывали камнями. Град камней полетел и в самого Цезаря Октавиана, когда он попытался говорить вразрез с общественным мнением. Раненый Октавиан был спасен подоспевшим Антонием.

На улицах Рима произошло настоящее побоище, стоившее жизни многим гражданам, убитым и раненым в схватке. В конце концов восстание было подавлено вооруженной силой, толпы народа рассеяны и трупы убитых брошены в реку. «Так прекращена была эта смута, вызвав страх и ненависть к правителям. Голод между тем достиг наивысшей силы, и народ вздыхал и молчал» [1].

Под впечатлением происшедших беспорядков в 39 г. начались переговоры между триумвирами и Помпеем, происходившие на плотах у Мисенского мыса, близ Путеол. В результате переговоров между триумвирами было достигнуто *Мисенское соглашение*, заключенное на следующих условиях: война на суше и на море прекращалась, и морская торговля восстанавливалась, Помпей снимал блокаду с Италии и обещал отныне не принимать в свой лагерь ни рабов, ни свободных. За эти уступки Помпей получал признание своих прав на занимаемые им острова Сицилию, Сардинию, Корсику и Пелопоннес, на пять лет (до 34 г.), зачислялся в коллегию понтификов и сверх всего получал 70 млн. сестерций в вознаграждение за конфискованные имущества его отца. Рабы же, служившие Помпею на войне, получали свободу, а все солдаты его армии — право на земельный надел и награды наравне с легионерами Антония и Октавиана. Кроме того, объявлялась общая амнистия, за исключением прямых убийц Цезаря и заговорщиков. Эмигрантам, вернувшимся в Италию, возвращалась четвертая часть их имущества.

Общественное мнение Италии встретило Мисенское соглашение с величайшим восторгом. Возвращение триумвиров в Рим

---

[1] *App.*, Bell. civ., V, 68.

походило на великолепный триумф. Нетрудно понять причину радости и восторга. Заключение мира означало прекращение военных вербовок, грабежей, налогов, опустошений полей, конец бегства рабов, расцвет сельского хозяйства, торговли и, наконец, прекращение страшного голода.

После заключения Мисенского соглашения Антоний отправился на Восток, и целиком ушел в восточные дела, в войну с парфянами и любовные интриги с Клеопатрой[1], предоставив Запад в полное распоряжение Октавиана.

Марк Випсаний Агриппа

Как ни велик был энтузиазм, с которым был встречен Мисенский договор, все же италийские рабовладельцы не успокоились. С их точки зрения, уже один факт существования под боком Италии «царства пиратов и рабов» должен был казаться абсолютно ненормальным явлением.

В Риме на Мисенский договор смотрели лишь как на первый шаг к полному разгрому Сицилийского государства. Не был удовлетворен договором также и Помпей.

Не чувствуя себя прочно связанными Мисенским соглашением, обе стороны готовились к новой войне, что, конечно, отражалось на состоянии италийской экономики и настроении народа.

«Для римлян не было почти никакого облегчения от голода, так что начали громко говорить о том, что договор принес с собою не облегчение, но лишь появление еще четвертого тирана»[2]. Уже в следующем, 38-м, году мир был нарушен и возобновились военные действия между «царем рабов» Помпеем и Октавианом.

Поводом к открытию военных действий послужила измена Менодора, перешедшего от Помпея к Октавиану и передавшего ему Сардинию. Продолжавшаяся два года война между

---

[1] *Umberto Ammirato*, Cleopatra, Milano 1934.

[2] *App.*, Bell. civ., V, 77.

сыном Помпея и сыном Цезаря закончилась поражением Помпея при Милах (Mylae), в Сицилии (36 г.). Исход кампании решило техническое превосходство римского флота. Все технические преимущества — вооружение, боевые машины, оснащение судов и количество экипажа — находились на стороне римлян. Начальник морских сил Италии Випсаний Агриппа двинул против Помпея несколько сот тяжелых судов с массивными бортами, снабженных машинами и гарпагами. Гарпаг (harpago) состоял из деревянного бруса локтей в шесть длиной, обитого железом с кольцами на обоих концах. На одном кольце находился железный крюк (собственно гарпаг), на другом много мелких канатов, прикрепленных к метательным машинам. Выбрасываемый метательным прибором гарпаг захватывал неприятельское судно и топил его силой натяжения. Битва при Милах — одно из самых кровопролитных сражений в античной военной истории. В бою принимали участие 600 боевых судов. Из 180 кораблей Помпея спаслось только 17, остальные пошли ко дну или же попали в плен. Разбитый Помпей бежал в Мессану, а оттуда переправился в Малую Азию, где вскоре и погиб (35 г.).

Разгром Сицилийского государства сделал Октавиана народным героем и обеспечил ему поддержку италийских рабовладельцев в его последующей борьбе с Антонием.

Победитель Помпея Октавиан с огромной помпой въехал в Рим, приветствуемый сенатом и народом. С венками на головах сенаторы в полном составе вышли навстречу Октавиану и сопровождали его до самого дома.

На следующий день Октавиан выступил в комициях с пространной речью, в которой изложил свои победы и заслуги, провозгласил эру мира, кассировал часть долгов и уменьшил подати.

Одновременно с этим всем наместникам и командирам отдельных военных частей были разосланы письма с приказанием вскрыть их во всех частях в определенный день и час. В своих секретных письмах Октавиан приказывал им произвести тщательное обследование наличного состава своих частей для выдачи находившихся в них рабов своим господам. Все условия Мисенского договора, касавшиеся рабов, отменялись. Захваченные рабы возвращались их прежним владельцам, если же таковых не обнаруживалось, то распинались на крестах у ворот того города, откуда они бежали. Согласно приказу Октавиана, 30 тыс. рабов были переданы в полное распоряжение их хозяевам и 6 тыс., владельцы которых не объявлялись, распяты на крестах. Восстановление прав италийских рабовладельцев над их рабами, наряду с очищением моря от пиратов, Октавиан считал одним из важнейших актов своего правления. Об этом имеется специальное упоминание в его «Политическом завещании».

«Море, — гласит параграф «Завещания», — я очистил от пиратов. В этой войне я взял в плен около 30 тыс. рабов, бежавших от своих господ и поднявших орудие против государства, и передал их для наказания их господам» (Mare pacavi a praedonibus. Eo bello servorum, qui fugerant a dominis suis et arma contra rem publicam ceperant, triginta fere millia capta dominis ad supplicium sumendum tradidi)[1].

6. ПЕРЕВОРОТ 32 ГОДА И БИТВА ПРИ АКЦИИ

Разгром Секста Помпея поднял престиж Октавиана в Италии и примирил с ним италийских рабовладельцев, начинавших оправляться от кризиса и жаждавших твердого порядка для закрепления своих прав.

«Цезарь Октавиан благодаря быстрому и неожиданному восстановлению порядка приобрел всеобщую симпатию; восстановив прежние республиканские одногодичные учреждения, он, по старому обычаю, приобщил многих к общественной жизни и государственному управлению.

Все письменные документы гражданской войны были сожжены. Он обещал полностью восстановить прежнюю конституцию, как только Антоний вернется из Египта, будучи убежден, что и Антоний пожелает сложить свои полномочия, после того как закончится гражданская война. После этого при громких криках радости он был избран пожизненным народным трибуном, вероятно, для того, чтобы побудить его тем самым сложить с себя остальные полномочия»[2].

Прекращение триумвирата, кроме вышеизложенных объективных причин, вызывалось также и личными отношениями триумвиров. Лепид после неудачной попытки освободиться от опеки Октавиана лишился Африки и всех легионов и почти что сошел с политической сцены. С этого времени и триумвират фактически превратился в дуумвират Антония и Октавиана, отношения между которыми все более ухудшались и исключали возможность всякого мирного соглашения.

Общеполитическая ситуация складывалась в сторону, благоприятную для Октавиана. После битвы при Филиппах Антоний отправился на Восток, связав свою судьбу с восточными провинциями и Египтом. В 36 г. Антоний предпринял подготовленную Юлием Цезарем экспедицию против Парфянского царства, намереваясь перейти Евфрат и утвердиться в Месопотамии. Парфянская экспедиция, однако, окончилась позорным

---

[1] *Monum. Ancyr.*, 25.
[2] *App.*, Bell. civ., V, 132.

поражением Антония, что и предрешило его дальнейшую участь. Материальная база и финансовые дела Антония оставляли желать много лучшего. Армия состояла большей частью из восточных народов, не расположенных к войне и плохо дисциплинированных. Лучшие же кадры, ядро которых составляли цезарианские легионы, находились у Октавиана.

Не имея прочной социальной базы на Востоке, Антоний не имел таковой и в Италии. Долгое отсутствие в Италии, устремление на Восток и все возраставшая привязанность к Клеопатре, возможно, использовавшей его в своих политических целях для создания крупного эллинистического государства под эгидой Египта, делали Антония непопулярным в глазах римлян. Но окончательно Антоний скомпрометировал себя после того, как он вопреки всем римским порядкам, отпраздновал триумф в Александрии, стал раздавать земли и назначения детям Клеопатры и ее приближенным и формально разошелся со своей женой Октавией, сестрой Октавиана, игравшей роль посредницы между ненавидевшими друг друга дуумвирами. Развод с Октавией оборвал последние нити дружбы между дуумвирами.

В 32 г. консулы Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий, оба антонианцы, выступили в сенате с резкими обвинениями Октавиана в нарушении договора и произвольной расправе с Лепидом. В ответ на это Октавиан явился в сенат с вооруженной свитой и произвел переворот, именуемый в буржуазной литературе «XVIII брюмера» Римской республики. Сторонникам Антония, которых в то время в сенате было немало, Октавиан предложил оставить Рим. На это предложение отозвалось 400 сенаторов, в том числе оба консула, поспешившие оставить Рим и направившиеся к Антонию. Оставшиеся же антонианцы перешли на сторону Октавиана. Здесь же было вскрыто завещание Антония, хранившееся в храме Весты, обнаружившее факты, компрометирующие Антония. Согласно завещанию, наследниками имущества Антония объявлялись его дети от Клеопатры, а себя самого Антоний приказывал похоронить в Александрии. Сенат признал это завещание оскорблением чувств римского народа и объявил войну Клеопатре, а вместе с тем и Антонию. Начались с той и другой стороны спешные приготовления к войне, занявшие конец 32 и начало 31 г. Летом 31 г. Антоний, располагая армией в 100 тыс. чел. пехоты, 12 тыс. всадников и 500 кораблей и имея в виду сделать высадку на острове Коркире, а отсюда переправиться в Италию, продвинул войско во Фракию и Македонию. План был правильный, но Антония предупредил Октавиан, передавший ведение кампании талантливому стратегу и надежному человеку *Випсанию Агриппе*.

Осенью 31 г. Агриппа, располагая значительно меньшими силами, вышел с флотом из Тарента, занял Метону, на юге Пелопоннеса, и повел наступление по всему берегу Пелопоннеса, отвлекая внимание неприятеля от главной его цели — высадки на Коркире. Октавиан с главными силами сделал высадку на севере острова, и следуя вдоль берега, закрепился у Амбракийской бухты. Антоний, отрезанный от моря, был вынужден сконцентрировать свои силы у мыса *Акция* (Actium), при выходе из Амбракийской бухты. Решительная битва Октавиана с Антонием 2 сентября 31 г. окончилась полным разгромом Антония. Тяжеловесные суда Антония, сконструированные по образцу старых судов Агриппы, оправдавших возлагавшиеся на ни

Римский военный корабль (бирема)

надежды в войне с Секстом Помпеем в открытом море, не могли развернуть свою мощь в узком проливе и оказались совершенно беспомощными в борьбе с легкой быстроходной флотилией Агриппы и Октавиана.

Главный удар Октавиан направил против центра, где находилась эскадра Клеопатры, не выдержавшая натиска и обратившаяся в бегство. За ней, прорвавшись через блокаду, последовал Антоний с 30-тысячным отборным войском, посаженным на корабли. Остальная же армия была брошена на произвол судьбы и на милость победителя. Октавиан, преследуя Антония, направился в Малую Азию и подчинил себе малоазийские города и княжества.

Антоний вместе с Клеопатрой, тщетно пытавшейся возобновить дружбу с Октавианом, бежал в Александрию. Там он про-

жил около года и, совершенно отчаявшись в возможности спасения, впал в меланхолию и мизантропию. В замке Тимонеон, выстроенном на далеко вдающемся в море скалистом мысе, он предался кутежам и образовал «Общество синапотануменов», нечто вроде «клуба смерти».

Последнее столкновение между Антонием и Октавианом произошло под Александрией и окончилось поражением Антония. Побежденный Антоний наложил на себя руки; вскоре, не желая попасть в плен к Октавиану, умерла также и Клеопатра, по преданию от укуса ядовитой змеи, переданной ей, по ее приказанию, в корзине с фигами, покрытой листьями.

1 августа 30 г. Октавиан вошел в Александрию и объявил Египет, страну древних фараонов, присоединенным к римским владениям. Затем Октавиан совершил путешествие по Египту, посетил Мемфис, древнюю столицу фараонов и местонахождение священного быка Аписа.

За время продолжительных войн и политической анархии Египет сильно разорился и обеднел, оросительная система расстроилась, торговля, ремесла и посевная площадь сократились. Октавиан ввел внешний порядок и приказал восстановить и соорудить заново систему каналов и плотин, сделав тем самым первый шаг к восстановлению египетской экономики [1].

Из политических соображений Октавиан устранил детей Клеопатры как законных претендентов на египетский престол и возможных соперников; Цезариона, сына Клеопатры от Юлия Цезаря, как наиболее опасного соперника, он приказал убить; других же детей Клеопатры, от Антония, взяла на воспитание Октавия, сестра Октавиана, жена Антония.

Со смертью Клеопатры сходил с исторической сцены последний отпрыск династии Птолемеев, и Египет как самостоятельное государство переставал существовать. «Египетская жемчужина» вошла в состав римской колониальной державы. Несметные сокровища Лагидов — территория, люди, золото, чудесные коллекции золотых и серебряных вещей тонкой работы и т. д. — все это досталось победителю и его войску. Золотые и серебряные вещи были переплавлены в звонкую монету. Солдаты и офицеры получили щедрые подарки из взятой добычи. Жители Египта были обложены данью [2].

Египет не вошел в состав обычных римских провинций, будучи присоединен к Риму на особых условиях — как личная собственность Октавиана, передавшего управление Египтом префекту (praefectus Aegypti), небогатому и незнатному *всаднику*

---

[1] *Suet.*, Augustus, 18, C. I. L., 6627; *Dio Cass.*, LI, 18.
[2] *Dio Cass.*, LI, 17; *Suet.*, August., 71.

Гаю Корнелию Галлу. «Египет я подчинил власти римского народа» (Aegyptus imperio populi Romani adieci), — заявляет Август в своем «Политическом завещании» [1].

Из Египта Октавиан направился в Сирию, а оттуда через Малую Азию в Рим.

[1] *Монит. Анцир.*, 27.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ

РИМ В ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

РЕСПУБЛИКА

Ответственный редактор
Н. А. Машкин

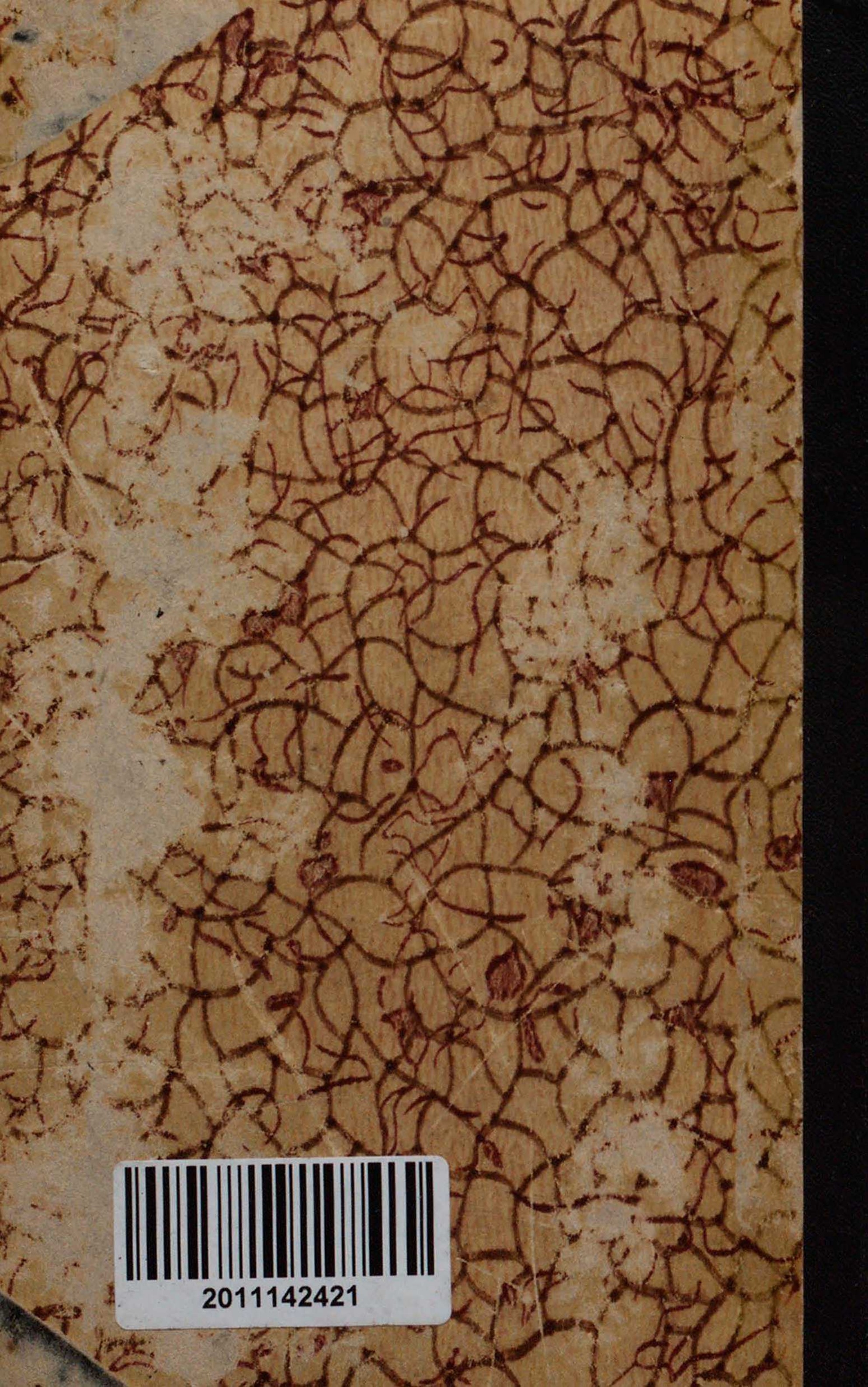
Технический редактор
Л. Г. Кошутина

Корректора:
З. И. Пупол, Е. П. Юревич

Сдано в набор с 1 по 16 л. 3/X 1936 г., с 17 по $23^1/_4$ л. 10/II 1937 г. Подписано к печати с 1 по 16 л. 8/II 1937 г., с 17 по $23^1/_4$ л. 13/VII 1937 г. Формат $60 \times 92/_{16}$. Печ. л. $23^1/_4$. Уч. авт. л. 2289. Огиз № 1820. Заказ № 2347. Тираж 50 000 экз. Серия уч. пособ. Цена книги 3 руб.
Цена переплета 1 р. 25 к. Уполномоченный Главлита Б-40524.

Набрано и сматрицировано в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига».
Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц на 3-й фабрике книги «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

2011142421